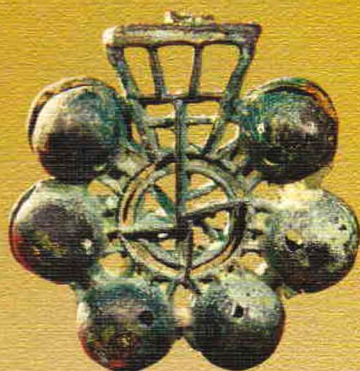


Б. Б. Дашибалов

На монголо-тюркском пограничье

(Этнокультурные процессы
в Юго-Восточной Сибири
в средние века)



Б. Б. Дашибалов

На монголо-тюркском пограничье

**(Этнокультурные процессы
в Юго-Восточной Сибири
в средние века)**

Ответственный редактор д-р ист. наук *С. В. Данилов*

УДК 940.1(571)
ББК 63.3(2Р54)
Д217

Рецензенты: д-р ист. наук *А. В. Харинский*, д-р ист. наук *Т. Е. Санжиева*, *Н. В. Именохоев*

*Работа выполнена при поддержке грантов Российского
фонда фундаментальных исследований (№ 00-03-80374, 03-06-80212, 05-06-80183а)*

Дашибалов Б. Б.

Д217 На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 202 с.
ISBN 5–7925–0173–4

В монографии исследуются этнокультурные процессы, определившие сложение и взаимодействие монгольских и тюркских народов. Проведен сравнительный анализ археологических, антропологических и языковедческих материалов в зоне пограничных контактов монголов и тюрков. Намечены связи кочевнических культур с памятниками кыпчакского типа Саяно-Алтая. В бурятской и монгольской культурах выявлено наличие традиций, имеющих отношение к оседлому образу жизни – земледелию и свиноводству. По результатам исследования прослеживается связь средневекового населения Юго-Восточной Сибири с культурами Дальневосточного региона.

Книга рассчитана на этнологов, археологов, историков.

УДК 940.1(571)
ББК 63.3(2Р54)

ISBN 5–7925–0173–4

© Б. Б. Дашибалов, 2005
© ИМБИТ СО РАН, 2005
© БГУ, 2005
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Этнокультурная история средневековой эпохи Юго-Восточной Сибири является одним из важнейших периодов в сложении народов Восточной Сибири — бурят, якутов, эвенков, тофаларов. Политические и этнические взаимодействия средневековья во многом определили языковые и этнокультурные контуры современной карты расселения восточносибирских этносов.

В средневековый период происходили процессы, приведшие к сложению двух основных этносов Восточной Сибири — бурят и якутов. Эти два во многом близких по материальной и духовной культуре народа принадлежат к разным языкам внутри алтайской семьи — тюркским и монгольским. В научной литературе проблема сложения алтайской общности до сего дня остается дискуссионной. Такие известные исследователи, как Б. Я. Владимирцов, Г. И. Рамstedт, Н. Н. Поппе и их последователи, полагали, что алтайская общность языков служит показателем генетического единства носителей этих языков, хотя они не исключали и определенного влияния контактов и заимствований. Другое научное направление в алтаистике, представленное В. Л. Котвичем, А. М. Щербаком, В. И. Рассадным, предлагает иное объяснение в формировании алтайского единства. Основное внимание они уделяют вопросам контактов и взаимовлияний алтайских языков и считают, что алтайское единство — результат этнических и языковых взаимодействий в течение многих тысяч лет (Баскаков, 1981. С. 29–50; Рассадин, 2004. С. 132–136).

Вместе с тем археологи и этнографы, исследуя материальную и духовную культуру бурятского и якутского народов, пытаются выработать этнокультурные признаки, позволяющие разграничить тюркские и монгольские древности средневековой и более ранних эпох.

Решение проблем монголо-тюркского взаимодействия на материалах разных наук сопряжено с большими трудностями, так как алтайские народы находились в постоянном языковом и культурном влиянии друг на друга.

Актуальность монографии заключается в том, что бы провести комплексное исследование и сопоставительный анализ данных археологии, этнографии, языкознания по этногенезу и культуuroгенезу монгольских и тюркских народов. И на этой основе выявить особенности и специфику их материальной и духовной культуры с целью этнокультурного разделения тюркских и монгольских древностей. Для этого большое значение имеют более ранние этнические процессы, уходящие в эпоху бронзового и раннего железного веков. В это время складывались крупные языковые общности, возникали этнокультурные особенности тюркских и монгольских народов. Культурное наследие древности получило дальнейшее продолжение и развитие в средневековую эпоху.

Основным населением средневекового Прибайкалья являются создатели курумчинской археологической культуры. Ее целенаправленное изучение даст возможность вновь вернуться к «якутской проблеме», сформулированной уже первыми исследователями этой культуры — М. П. Овчинниковым и Б. Э. Петри. Накопленный археологический материал позволяет определить в этой сложной проблеме формирования якутов и бурят роль и значение курумчинской культуры и соотношение в ней тюркоязычных и монголоязычных компонентов.

Не менее актуальна проблема монголизации Восточной Сибири, решение этого вопроса увязывается с этническим пониманием памятников саян-туйского типа, выделенных Г. П. Сосновским. Именно эти памятники в дальнейшем интерпретировались как артефакты ранних монгольских кочевников.

Таким образом, цель исследования — показать сложение, развитие и специфику монгольских и тюркских раннесредневековых, средневековых и позднесредневековых культур и этносов Юго-Восточной Сибири.

В соответствии с этим ставятся конкретные задачи:

1. Установить истоки формирования средневековых культур и этносов, в связи с чем рассматривается становление и развитие древнетюркских и древнемонгольских этносов и археологических культур, подготовивших основу генезиса монгольских и тюркских народов средневековья.

2. Дать анализ материала археологических культур и письменных источников и процесса этнокультурной истории в различных частях Юго-Восточной Сибири.

3. Наметить возможные пути решения проблем этнической принадлежности различных средневековых археологических культур.

4. Определить связи средневековых тюркских и монгольских народов с этнокультурной историей современных этносов Восточной Сибири — бурят, якутов, эвенков.

Методологический подход автора сложился на теоретических трудах широкого круга отечественных и зарубежных этнологов, археологов, языковедов и антропологов. Надо отметить большую роль российской этнологической школы, специфика которой определялась как широким интересом и вниманием к разработке проблем происхождения и этнической истории отдельных народов Евразии, так и в постановке теоретических и методологических вопросов этногенеза и культурогенеза. Особую значимость для понимания всей сложности этнической проблематики и неоднозначности подходов в ее решении имеют труды Ю. В. Бромлея (1983), Н. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой (1985), В. П. Алексеева (1989), С. А. Аратюнова (1989).

Во введении надо обозначить термины историко-географического районирования исследуемой территории. Под Юго-Восточной Сибирью мы понимаем область, протянувшуюся с запада на восток: от правобережья Енисея до слияния Аргуни и Шилки, то есть до Амура. Южная часть с одной стороны ограничена хребтами Восточного Саяна, а с другой — лесостепями Монголии. С севера Юго-Восточная Сибирь входит в обширную таежную зону. В административном плане это территории Иркутской и Читинской областей и Республики Бурятия.

Теперь определимся с географической терминологией внутри названной области — Юго-Восточной Сибири. Предбайкалье — территория от правобережья Енисея и до реки Ангары. Прибайкалье — земли, окружающие озеро Байкал: на западе от Ангары до Байкала с включением Тункинской долины, а на восточном берегу — низовья реки Селенги и Баргузинская долина. Западное Забайкалье — территория, расположенная восточнее Яблонового хребта, в основном, включающая долину реки Селенги и ее левобережных и правобережных притоков — Джиды, Темника, Хилка и Уды. Восточное Забайкалье — в значительной мере часть Тихоокеанского водного стока, доходит до слияния Шилки и Аргуни, откуда собственно уже начинается река Амур.

Юго-Восточная Сибирь — область преимущественно горно-таежных ландшафтов. Степи занимают небольшие площади лишь на дне межгорных котловин, а также узкими прерывистыми лентами тянутся по долинам рек. На западе, в Предбайкалье, это крупный массив Канских степей и небольшие степные участки по левобережным притокам Ангары — реки Оки и Унги. В Прибайкалье степи просторных долин — Тункинской, Баргузинской и правобережных притоков Ангары — рек Куды, Осы, Обусы и Ольхонские степи. В Западном Забайкалье — Селенгинские степи, в Восточном Забайкалье — Ононско-Аргунские степи. Все степные участки Предбайкалья, Прибайкалья и Западного Забайкалья островного типа, только степи Восточного Забайкалья на юге уходят в широкие просторы Восточной Монголии (рис. 1).

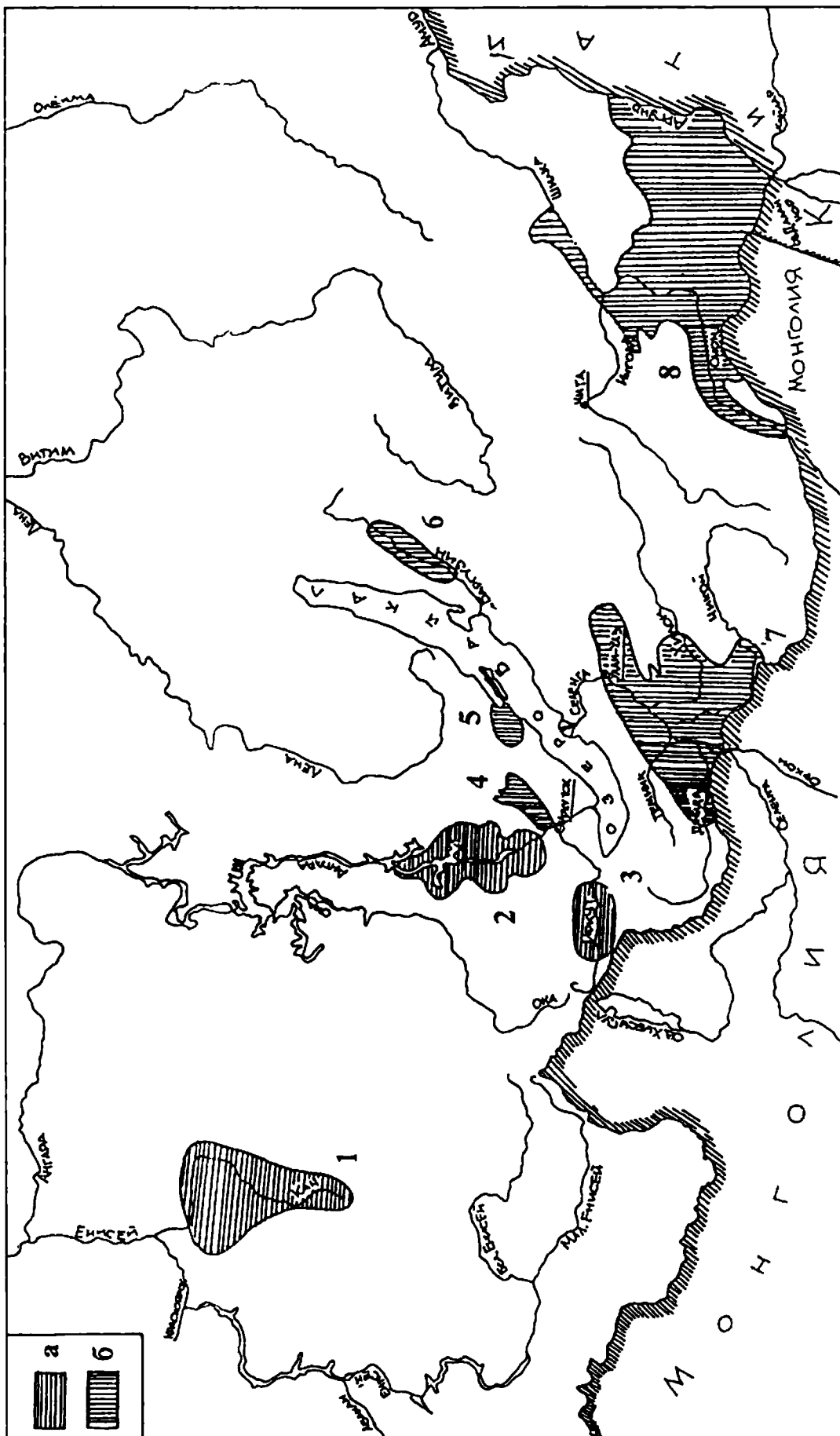


Рис. 1. Степи Юго-Восточной Сибири: а — степи красноярско-канского типа, б — степи центральноазиатского типа; 1 — Канские, 2 — Унгинские, 3 — Тункинские, 4 — Кудинские, 5 — Ольхонские, 6 — Баргузинские, 7 — Селенгинские, 8 — Агинские (по Г. А. Пешковой). Составил автор

Стоит обратить внимание на то, что степи Юго-Восточной Сибири не одинаковы по своему растительному составу. Флора западных степей (Канские и Унгино-Осинские) тяготеет к Абаканско-Минусинским степям, то есть к Саяно-Алтайскому региону, а степи, расположенные восточнее реки Ангары (Кудинские и Ольхонские), связаны с забайкальскими степными ассоциациями (Пешкова, 1959. С. 66).

Юго-Восточная Сибирь представляет северную зону распространения степей, со всех сторон окруженных сибирской тайгой. Это обстоятельство не могло не отразиться на хозяйстве и судьбе древних насельников края. Здесь издавна встречались тасжные и степные культуры, происходило сочетание двух традиций: лесной и степной центральноазиатской. В свою очередь центральноазиатская линия развития постоянно обогащалась через евразийскую степь культурами западноазиатского и восточноазиатского происхождения.

Временные рамки работы охватывают большой период с VI в. до XVII в. н. э. Автор придерживается хронологической периодизации, принятой в томе «Степи Евразии в эпоху средневековья»: период с IV в. по X в. — время раннего средневековья; с XI в. по XIV в. — эпоха развитого средневековья и XV в. — XVII в. — позднее средневековье (Плетнева, 1981. С. 8).

Особо хотелось бы отметить роль коллективного труда Байкальской археологической экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБиТ) СО РАН и Бурятского государственного университета (БГУ). В ходе экспедиционных работ получены новые и ценные материалы, позволившие иначе подойти к решению многих вопросов хронологии, истории, генезиса курумчинской культуры Прибайкалья. Данные, добытые при раскопках захоронений саянградской культуры Юго-Восточной Сибири, уточнили ее место на археологической карте региона. Стало ясно и то значение, которое эти культуры сыграли в сложении позднесредневековых памятников, непосредственно выводящих исследователей на материальные свидетельства прямых предков бурят и якутов — основного населения Восточной Сибири.

В полевых работах участвовали студенты восточного и исторического факультетов Бурятского государственного университета, студенты и школьники города Улан-Удэ.

Основные положения монографии докладывались и обсуждались в отделе истории и культуры Центральной Азии ИМБиТ СО РАН, на кафедре истории Бурятии БГУ, в секторе Монголии Института востоковедения РАН, в группе кочевнической археологии Института археологии РАН, на кафедре археологии МГУ, на международных, всероссийских и региональных конференциях, где были высказаны ценные замечания и предложения.

Автор глубоко признателен всем, кто работал в Байкальской археологической экспедиции, а также коллегам за помощь и поддержку, оказанную при выполнении этого исследования.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В XVII в. к вхождению Юго-Восточной Сибири в Российское государство основным населением края были многочисленные монголоязычные группы, еще не составлявшие единого народа с общим этнонимом, но уже консолидировавшиеся вокруг наиболее крупных подразделений — булагатов, эхиритов, хонгодоров, хоринцев. Эти монгольские народности расселялись начиная с канско-ачинских степей на западе и на востоке доходили до верховьев Амура — рек Онона и Ингоды. Горно-таежные территории Юго-Восточной Сибири были освоены тунгусоязычными эвенками. В Тунке и Оке наряду с хонгодорами (монголами) и хамниганами (эвенками) проживали сойоты (тюрки). На западе изучаемой нами территории находились разрозненные саяно-алтайские самодийцы — моторы, камасинцы, качинцы, кайсоты.

Вопросы формирования этнической карты Юго-Восточной Сибири неоднократно становились предметом исследования ученых разных специальностей (Этнокультурные процессы..., 1989; Этническая история..., 1993; Этнические процессы..., 2005). Основное внимание уделялось проблеме появления монголоязычных насельников края, так как правильное решение этого вопроса позволяло понять этапы и пути складывания бурятской народности (Зориктуев, 1997; Коновалов, 1999; Нимаев, 2000). Вторая тема, которая активно обсуждалась и сейчас находится в центре внимания исследователей, — это присутствие тюрков в Забайкалье и Прибайкалье и их связь с генезисом якутского народа (Гоголев, 1993; Дашибалов, 1995; Ушницкий, 2004). Очень тесно с этнической историей монголов и тюрков увязывается формирование хозяйственно-культурных типов у средневекового населения Юго-Восточной Сибири, в частности наличие оседлости и земледелия (Румянцев, 1962. С. 95—116, 131; Окладников, 1976. С. 76—101).

1. Вопросы монголизации Юго-Восточной Сибири

Уже первые исследователи Сибири Г. Ф. Миллер и И. Э. Фишер установили принадлежность бурят к монгольским народам. Г. Ф. Миллер, опираясь на бурятские предания, полагал, что буряты — народ пришлый в Прибайкалье и земли его прежнего обитания могут быть связаны с рекой Амур (1937. С. 179—180). И. Э. Фишер писал: «...буряты происходят от древних монголов, и так они братья нынешним монголам» (1774. С. 211). И. Г. Георги, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас и другие ученые, предпринявшие раскопки древних могил в Юго-Восточной Сибири, ставили вопросы этнической принадлежности исследованных памятников, но это были лишь предварительные догадки, так как научное изучение края только начиналось.

Качественно новый подход в изучении археологических древностей Западного Забайкалья связан с именем Ю. Д. Талько-Грынцевича (Константинов, 1992). В течение 6 лет (1896—1901) он проводил ежегодные раскопки курганов, которые в большом количестве выявлены в долинах рек Селенги, Джиды, Хилка и Чикоя. Им за это время было исследовано более 500 могил в 130 местах. Ю. Д. Талько-Грынцевич классифицировал этот большой материал и предложил первую систематизацию древних памятников Западного Забайкалья. Данная схема основывалась на внешних и внутренних конструктивных особенностях могильных сооружений, учитывались характерные черты керамических изделий и находок из бронзы и железа. Прделанная систематизация позволила исследователю выделить хронологические этапы в развитии древних культур Забайкалья (Талько-Грынцевич, 1900а, 1905).

Будучи антропологом, Ю. Д. Талько-Грынцевич на краниологическом материале зафиксировал отличия внутри монголоидного типа. Он выделил из группы самых поздних

по его хронологии могил захоронения, связанные с монгольскими племенами, жившими до прихода бурят (1900. С. 49, 50).

Исследования по систематизации археологических древностей Западного Забайкалья были продолжены Г. Ф. Дебецем. В 1925 г. ученый в докладе на первом Восточно-Сибирском краеведческом съезде, характеризуя эпоху железного века, говорил о шести типах погребений и указал, что в крае сменялись большое количество разных народов (1925).

Раскопочные работы позволили Г. Ф. Дебецу уже конкретно увязывать определенные типы археологических могильников со средневековыми монголами. По поручению Иркутского научного музея в 1925 г. он исследовал Зарубинский могильник, расположенный на левом берегу реки Селенги недалеко от Усть-Кяхты. Всего было раскопано семь могил, из них пять захоронений (№ 3–7) составляли один тип. Общими признаками были: положение умершего в деревянной колоде; руки, сложенные на «животе»; отсутствие керамики; плоские наконечники стрел и кость ноги барана. Кость ноги барана была установлена стоймя и найдена в трех могилах из пяти. Как особенность данных захоронений Г. Ф. Дебец выделяет кочевнические черты в могилах – наличие костей барана, поздние типы наконечников стрел, ножницы и отсутствие керамики. Он склоняется к мысли, что именно эти погребения могильника Зарубино свидетельствуют о первых монголах, прибывших в край в начале II тысячелетия н. э. и сменивших живших до них тюрков (Дебец, 1926). В последующем Г. Ф. Дебец несколько омолаживает данные могилы и датирует их в рамках XIII–XIV вв. (1948. С. 202).

В 1928–1929 гг. была организована Бурят-Монгольская археологическая экспедиция АН СССР. Экспедиция работала в Забайкалье под руководством Г. П. Сосновского и продолжила палеоэтнологические исследования Ю. Д. Талько-Грынцевича. Г. П. Сосновский не только прошел по следам Ю. Д. Талько-Грынцевича, но и значительно расширил район исследований. Экспедиция изучила средневековые могильники Саянтуй, Тапхар, Сотниково, Енискей, Ильмовая падь, открыла и провела предварительные раскопки на средневековом поселении Темник в устье Джиды (Сосновский, 1928, 1936, 1946).

На основании полученных материалов Г. П. Сосновский выработал схему культурно-хронологического развития средневековых древностей Западного Забайкалья. К сожалению, преждевременная смерть ученого в блокадном Ленинграде не позволила ему завершить и опубликовать результаты большой и профессионально выполненной аналитической работы по классификации археологических памятников. Хранящийся в архиве ИИМК фонд Г. П. Сосновского позволяет понять объем и значимость намеченных исследователем задач (Сосновский, ф. 42).

Г. П. Сосновский выделил могилы, сходные по обряду и инвентарю с зарубинскими захоронениями, в саянтуйскую стадию развития средневековых древностей Забайкалья и датировал ее XIII–XIV вв. Население, оставившее данные памятники, ученый связывал с монголами (Там же, д. 237).

Достаточно большой промежуток времени после исследований Г. П. Сосновского и до работ Е. А. Хамзиной в 60–70-х гг. прошлого века по изучению захоронений саянтуйского типа характеризовался накоплением материала. Бурят-Монгольская археологическая экспедиция в 1947–1950 гг. под руководством А. П. Окладникова исследовала несколько средневековых захоронений на юге Бурятии. В 1954–1956 гг. Н. Н. Мамоновой (Институт этнографии АН СССР) и Е. А. Хамзиной производились раскопки средневековых могильников: на левом берегу Селенги на сопке Тапхар и на правом берегу возле деревень Селенга, Сибирь и Вознесеновка (Мамонова, 1961).

Итоги работ по средневековой археологии Забайкалья до конца 60-х гг. были подведены в монографии Е. А. Хамзиной «Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники)». В книге представлен многочисленный материал, полученный автором за 15 лет полевой экспедиционной работы, и опубликована культурно-хронологическая схема Г. П. Сосновского с некоторыми уточнениями (Хамзина, 1970).

В 1976 г. в составе отдела истории, этнографии Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР была создана археологическая группа. В 1991 г. она стала лабораторией археологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Исследования археологов на первоначальных этапах сосредоточились на памятниках эпохи неолита, бронзового, а также раннего железного веков и хунну. Средневековые памятники целенаправленно не изучались, тем не менее были раскопаны могильники вблизи деревни Кибалино, в Дэрестуйском Култуке и в пади Подчерной в районе Усть-Кяхты (Коновалов, Данилов, 1981; Коновалов, Именохоев, 1982). Тематические работы по изучению вопросов тюркизации и монголизации Западного Забайкалья были начаты отрядом под руководством Н. В. Именохоева. Он исследовал средневековые могильники в долине Селенги у села Нижний Жирим и на правом берегу Джиды у села Енхор (Именохоев, 1988, 1989).

В 1965 г. в составе Дальневосточной экспедиции А. П. Окладникова развернул работу археологический отряд Читинского педагогического института, позднее преобразованный в самостоятельную экспедицию. Многолетние полевые исследования этой экспедиции открыли и раскопали большое число средневековых могильников Восточного Забайкалья (Чиндант, Будулан, Ононск, Улан-Сар, Дворцы и многие другие) (Асеев и др., 1984; Кириллов и др., 2000). Полученные материалы легли в основу коллективной монографии «Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья». На новых экспедиционных результатах подготовлены и защищены кандидатские диссертации Е. В. Ковычева «Восточное Забайкалье в I тысячелетии н. э. (по материалам могильников)» (1977) и В. Ф. Немерова «Восточное Забайкалье в первой половине II тыс. н. э. (по материалам погребений)» (1981).

Эти исследования суммировали достижения забайкальских археологов, наметили культурно-хронологическую шкалу развития средневековых древностей в крае. Большой массив археологических источников, полученный и обработанный экспедицией Забайкальского педагогического университета, после полной публикации может кардинальным образом изменить наши представления, в частности по проблемам монголизации Юго-Восточной Сибири.

В Прибайкалье и Предбайкалье средневековые и более поздние памятники стали объектом исследования комплексной археологической экспедиции ИГУ (КАЭ ИГУ). Средневековая тематика разрабатывалась под руководством В. В. Свирина (1980). Материалы, полученные тематической группой, были изданы и получили осмысление в монографиях А. В. Харинского (2001, 2001а). Проблема монголизации Прибайкалья была рассмотрена в диссертации В. В. Павлуцкой (1990).

Исследования по изучению жертвоприношений животных в погребальных обрядах монгольских племен провел С. В. Данилов (1985). Работы Н. В. Именохоева позволили говорить о более раннем появлении захоронений раннемонгольской культуры и проследить западные истоки сложения обрядности у населения этой культуры (1989, 1993). Н. В. Именохоевым и П. Б. Коноваловым было предложено погребения саянтойской группы выделить в раннемонгольскую культуру. Особое значение придавалось такому признаку погребального обряда, как наличие в погребениях костей животных. Одним из важных этноопределяющих признаков раннемонгольской культуры считалось нахождение в могиле задней ноги барана в сочетании с несколькими позвонками. Нога барана чаще всего устанавливалась вертикально около головы погребенного, иногда сбоку от туловища и редко в ногах умершего. Позвонки барана встречаются на дне могильной ямы, главным образом в центральной части (Именохоев, 1989; Коновалов, 1989). П. Б. Коновалов считал, опираясь в основном на вещественный комплекс, что на ранних этапах раннемонгольская культура имеет тюркизированный облик, а затем она приобретает черты, которые характеризуют саянтойский (монгольский) погребальный обряд (1989. С. 13).

Исследователи согласились с предложениями Н. В. Именохоева и П. Б. Коновалова, и название «раннемонгольская культура» вошло в научный обиход (Цыбиктаров, 1999а. С. 177–187). Ученые из других регионов на материалах раннемонгольской культуры Забайкалья стали выявлять монгольские погребения среди иных средневековых культур (Болотин, Сапунов, 1994).

Археологи Юго-Восточной Сибири поддержали мнения Г. Ф. Дебеца и Г. П. Сосновского о том, что именно захоронения саянтуйского типа следует считать монгольскими (Арданов, 2002).

Вместе с тем вне внимания исследователей оказались предложения, высказанные в свое время А. П. Окладниковым, этнически связавшего с монголами два разных по времени и по обрядности археологических комплекса Юго-Восточной Сибири.

В 1958 г. А. П. Окладников написал статью, само название которой «Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье» уже говорило о намеченных решениях в обозначенной проблеме. Здесь он предложил считать раннемонгольскими захоронения иного типа, чем были выделены Г. Ф. Дебецем и Г. П. Сосновским. На основании исследования могильника Сэгенут в верховьях Лены ученый полагал, что первые монголы прибыли в Прибайкалье с востока в XI–XII вв., за 100 или даже 200 лет до возникновения монгольского государства, организованного Чингисханом. Монголы принесли сюда традицию захоронений с конем в отдельной яме. С этими самыми ранними монгольскими переселенцами исследователь увязывал некоторые рисунки, иллюстрирующие сцены кочевого быта, на Шишкинских писаницах реки Лены и изображение кибиток и юрты на горе Манхай в долине реки Куды (Окладников, 1958а).

Следующий тип погребений, который А. П. Окладников относил к ранним монголам, был выделен им в 1960 г. в статье, посвященной бурхотуйской культуре Восточного Забайкалья. На основании раскопок, проведенных в долине реки Онон, ученый выявил захоронения совершенно иного облика, которые ранее не были известны. Данную новую культуру А. П. Окладников связал с «речными монголами начального периода монгольской истории» (1960. С. 29). Особое внимание он обратил на близость материала из бурхотуйских погребений, в частности керамики, с древней керамикой дальневосточных культур Приамурья и Приморья. А. П. Окладников писал, «что в начале первого тысячелетия нашей эры население долины р. Онон находилось в определенных культурно-этнических связях с племенами Амурского края, а может быть, было им родственно» (Там же. С. 28). Он отметил отсутствие в бурхотуйских могилах костей домашних животных, что было характерной чертой более поздних могил кочевников. Как предполагал ученый, хозяйственная деятельность бурхотуйского населения могла быть связана с земледелием и рыболовством. Он привел свидетельства средневековых источников о речных татарах и сумонгалах, то есть водяных монгалах, основным занятием которых, в отличие от степных монголов Чингисхана, были охота и рыбная ловля (Там же. С. 28, 29).

Последующие исследования забайкальских археологов позволили полнее охарактеризовать бурхотуйскую культуру (Асеев и др., 1984; Кириллов и др., 2000). И. И. Кириллов поддержал мнение о монгольской принадлежности этой культуры. Он высказал предположение, что бурхотуйские памятники могли быть оставлены потомками дунху, которые бежали на север и заняли долины рек Онона, Керулена и Аргуни. В новых местах дунху включили в свой состав местные племена. В дальнейшем в источниках появляются новые монголоязычные народы, в частности шивэй. Поздние бурхотуйские памятники можно связывать с шивэй (Кириллов, 1979. С. 59–65).

Эту точку зрения разделяет и Е. В. Ковычев. Он сопоставляет бурхотуйскую культуру с монголоязычными шивэй, указывая на наличие в составе шивэй и тунгусо-маньчжурских племен. По мнению Е. В. Ковычева, китайское название в форме «шивэй» вряд ли было самоназванием, не исключено, что соседи шивэй — древние тюрки сохранили их настоящее имя «отуз-татар» (1984. С. 16–23).

Полевые работы Верхнеамурской археологической экспедиции Забайкальского педагогического университета позволили выделить совершенно новую группу памятников, которую исследователи обозначили зоргольской культурой. Была отмечена близость зоргольских древностей к хунну. Данная культура связывалась с монголами сяньби (Яремчук, 2003).

Мы показали, как рассматривалась проблема монголизации Юго-Восточной Сибири в работах археологов. Этот вопрос освещался историками и этнографами. Отметим, что в основном они обращались к осмыслению археологических материалов.

Убежденным сторонником автохтонного пребывания монголоязычного населения в Прибайкалье был Г. Н. Румянцев. Он склонялся к тому, что уже в эпоху неолита в Прибайкалье проживали племена, представлявшие тунгусскую, самодийскую и монгольскую языковые семьи. Г. Н. Румянцев показал, что наиболее древняя лексика, сближающая монгольский и самодийский языки, связана с лесными животными. Очевидно, это сходство является не случайным и оно могло возникнуть в далеком прошлом, когда эти племена вели охотничье-звероловческий образ жизни. Местом, где могли соприкасаться далекие предки самодийских и монгольских народов, могло быть только Прибайкалье, так как далее к востоку самодийские народы не проживали (Румянцев, 1962. С. 92, 93).

Однако нельзя ограничивать древнейшие контакты самодийских и монгольских народов только Прибайкальем (Нимаев, 2000. С. 6). В общем Г. Н. Румянцев прав, и взаимоотношения этих народов могли происходить именно по линии озера Байкал. Данные свидетельствуют в пользу того, что здесь с глубочайшей древности имели место контакты культур западного и восточного происхождения (Дашибалов, 1999а).

Г. Н. Румянцев склонялся к монгольской принадлежности культуры плиточных могил и хунну. Он полагал, что сяньби, распространившиеся до Байкала и разгромившие хунну, говорили на монгольском языке. Следуя китайской историографии, ученый относил сяньби к народам, вышедшим из дунху. Г. Н. Румянцев писал: «...как племена сяньби, так и ответвления муянь и тоба принадлежали к числу протомонгольских племен. Исследования П. Пелльо, К. Сиратори и П. Будберга показали, что сомневаться в монгольской основе их языка нет оснований» (1962. С. 106).

По мнению Г. Н. Румянцева, начиная с эпохи неолита в Юго-Восточной Сибири постоянно присутствует монголоязычное население, вплоть до средневековых жужаней, шивэй, киданей. С монголами Г. Н. Румянцев соотносил и курумчинскую культуру Прибайкалья (1962. С. 106–135). Ц. Б. Цыдендамбаев поддержал мнение Г. Н. Румянцева о том, что древние протомонгольские племена, расселившиеся от Прибайкалья до Восточной Монголии, могли быть связаны с сяньби (2001. С. 164).

Б. Р. Зориктуев предпринял попытку увязать монгольские предания о перекочевке Буртэ-Чино с результатами археологических исследований раннемонгольской и бурхотуйской культур. Согласно его мнению, население раннемонгольской культуры принадлежало к предкам коренных монголов и в середине I тысячелетия оно оказалось на берегах Байкала (1997. С. 24–29).

Наиболее обстоятельно генезис монголоязычного ядра бурят рассмотрен в монографии Д. Д. Нимаева. Он выразил сомнение в справедливости этнической увязки захоронений с конем Сэгенутского могильника с монголами, высказанной А. П. Окладниковым. По мнению Д. Д. Нимаева, более близкими к истине являются предложения археологов И. В. Константинова и А. И. Гоголева, утверждающих о том, что обряд погребений с конем характерен в первую очередь для тюркских племен. Предположения якутских исследователей были поддержаны их бурятскими коллегами П. Б. Коноваловым и Н. В. Именоховым. Сомнение у Д. Д. Нимаева вызвало и то, что традиция установки ноги барана в могиле является этническим признаком монгольских племен. Не исключено, что чрезвычайное разнообразие внутримогильных конструкций захоронений саянотуйского типа — «ре-

зультат длительного и многостороннего взаимодействия различных по происхождению этнокультурных традиций» (Нимаев, 2000. С. 10–16).

Историографический обзор вопросов монголизации Юго-Восточной Сибири показал всю сложность и неоднозначность предложенных решений. Не меньшую трудность вызывает и определение тюркской этнической традиции в истории региона.

2. О средневековых тюрках (Прибайкалье в теории южного происхождения якутов)

Изложение этой большой и важной проблемы следует начать с рассмотрения оснований выделения средневековой курумчинской культуры Прибайкалья. Здесь стоит заострить внимание на начальных этапах ее изучения и прояснить, почему эта культура была отнесена к тюркоязычным предкам якутов.

В XIX в., к началу археологических исследований в Прибайкалье, в науке получила широкое распространение теория о южном происхождении якутов. У истоков этой теории стояло несколько авторов, впервые опубликовавших сведения о них. Это были иностранцы — Исбрант Идес и Филипп Страленберг, которые (один в XVII, а второй в XVIII в.) познакомили своих читателей с сибирскими народами. Данные авторы указали на то, что якуты и буряты прежде составляли один народ, об этом свидетельствуют якутские предания (по Алексееву, 1941. С. 123).

Сведения о якутах и бурятах увеличились благодаря работе Великой северной экспедиции Академии наук. Научная программа Г. Ф. Миллера «Об описании нравов и обычаев народов» включала 923 вопроса, что говорит о серьезной подготовке ученого (хотя сбор материалов выполнялся не по всей программе). Результаты экспедиционных исследований были опубликованы Г. Ф. Миллером в 1750 г., а И. Э. Фишером в 1774 г. Г. Ф. Миллер отметил, что якуты являются пришельцами на земле своего настоящего расселения. По языку они ближе к татарам, хотя у них имеется много слов, похожих на бурятские, это подтверждает предание об их прежней совместной жизни с бурятами. Как писал Г. Ф. Миллер, самоназвание якутов «саха» совпадает с названием татарского рода Красноярского уезда (1937. С. 183).

Эти авторы связывали прошлое якутского и бурятского народов, но где происходила ранняя история якутов — имеющиеся сведения не позволили ученым сделать более определенные выводы.

На берега Байкала как на место прежнего обитания якутов указал Я. И. Линденау, участник II Камчатской экспедиции (1733–1743). Он более года жил в Якутске и собирал материал по заданию и программе Г. Ф. Миллера. В своей книге в главе «О якутах и их происхождении» Я. И. Линденау пишет: «Что касается расселения якутов, я хочу показать, как они переселялись вниз по Лене... Озеро Далай, которое якуты называют Байкал, что на их языке значит — богатое озеро. Восемь родов якутов расселялись по Байкалу. Омогой из рода Батулу жил ниже д. Качуг...» (1983. С. 37).

Итак, еще раз подчеркнем, что Я. И. Линденау прародиной якутов называет Прибайкалье, а само название «Байкал» считает якутским словом.

Последующие исследователи древней якутской истории пытались выяснить отправную точку движения якутского народа — местонахождение предполагаемого юга. В основном их гипотезы строились на сопоставлении звучания самоназвания якутов «ураангхай — сахалар» с этническими терминами, известными среди народов Сибири, и с именами древних племен, упоминаемыми в летописных источниках. С вопросами историографии XVIII–XIX вв. о происхождении якутского народа подробнейшим образом разобрался известный якутский исследователь Г. В. Ксенофонтов в монографии «Ураангхай — сахалар. Очерки по древней истории якутов», изданной в 1937 г. в Иркутске.

Авторы, писавшие о якутах, склонялись к тому, что якуты когда-то жили у озера Байкал, причем в Западном Прибайкалье, и это был этап в их долгом путешествии с Енисея на Лену (Остолопов, 1806. С. 118–120; Шукин, 1844. С. 271–274, 286).

Автор фундаментального труда о якутах В. Л. Серошевский поставил под сомнение возможность проживания якутов возле Байкала. Свое сомнение он выразил очень осторожно: «Якуты же могли быть на Байкале, но могли и не быть» (1993. С. 192). Тем не менее, когда читаешь главу «О южном происхождении якутов» В. Л. Серошевского, настойчиво звучит, скорее не жили, чем жили: «...собранные нами сведения об имени Байкал... несомненно, подрывают доверие в байкальское происхождение якутов» (Там же); «...нужно подождать помещать якутов даже временно в Прибайкалье, до подтверждения этого предположения другими, более точными доказательствами» (Там же. С. 193).

В. Л. Серошевский считает имя «Байкал» не тюркским словом, и объяснение его как «богатое озеро», по его мнению, не более чем детская попытка. Сам автор связывает появление у якутов слова «Байкал» русским или монголо-бурятским влиянием, причем он больше склоняется к последнему предположению, якуты это слово выговаривают, как монголы, «байгал» (Там же).

Заканчивая разбор, связанный с названием «Байкал», В. Л. Серошевский перечисляет ряд местностей в Сибири со сходным наименованием, где якуты не жили. В том числе упоминается озеро Байкал, отмеченное Мааком, на правом берегу Нижней Тунгуски. Сохраняя объективность, он, ссылаясь на Чекановского, пишет, что на Нижней Тунгуске есть местность Ямы, где до прихода русских были якуты, которые обитали в балаганах, и на том месте остались бугры и ямы. Весьма примечательно, что В. Л. Серошевский заканчивает «байкальский этюд» словами: «Хорошо бы сделать там раскопки» (1993. С. 194). Очевидно, ученый возлагал определенные надежды на археологию, могущую способствовать прояснению древних путей якутского народа.

Первым, кто попытался увидеть в археологических памятниках свидетельства пребывания якутов в Прибайкалье, был Я. И. Линденау. «Что касается прежних поселений якутов, — пишет он, — так встретил я 26 сентября 1745 г. (их) древнее укрепление во время своего путешествия на Далай или Байкал-озеро. Также имели они свое место у высокого и ровного правого берега Лены ниже деревни Качеги (Качега). Это место названо было русскими Якуцкой Звоз, бурятами и якутами названо «Кобуолуур». «Кобуолуур», объясняет далее Линденау, по-якутски значит «он ссорится» или «он кричит мне», в бурятском языке это слово не имеет никакого значения. В этом же смысле слово кобуолуур действительно существует у якутов и сейчас» (по Окладникову, 1955. С. 355, 356; Линденау, 1983. С. 17).

Можно утверждать, что средневековая археология Прибайкалья началась с поиска памятников и вещественных следов, оставленных тюркскими предками якутов. По-видимому, это связано с тем, что почти во всей научной и публицистической литературе XVIII–XIX вв. ранняя история якутов приурочивалась именно к берегам Байкала. Оставалось только взять лопату и доказать это. Вполне возможно, что всеобщая согласованность авторов, основанная лишь на исторических преданиях, породила некоторое скептическое отношение к этому у В. Л. Серошевского.

Перед начинающейся археологией Прибайкалья была сформулирована следующая задача: найти свидетельства, подтверждающие якутские легенды о байкальской прародине.

В 1881 г. Н. Н. Агапитов, заинтересовавшись от М. Н. Хангалова известиями об имеющихся в Иркутской губернии древностях, предпринимает поездку в Кудинские степи и на остров Ольхон. Он осмотрел городища, раскопал несколько могил и обследовал петроглифы. Писаницы на реке Куртун Н. Н. Агапитов сравнивает с несколькими изображениями, имеющимися на Лене возле Якутска. Так как куртунские и ленские рисунки нанесены красной краской, это позволяет ученому поставить вопрос о связи байкальских рисунков с

якутами (Агапитов, 1881. С. 8). Якутами же или чистыми монголами, по мнению Н. Н. Агапитова, были сооружены на Байкале городища и могилы (Там же. С. 23).

Исследователем, который взялся археологически доказать прибайкальский этап якутской истории, был М. П. Овчинников — народоволец, сосланный в далекую Якутию и несколько лет проживший в Олекминске. Там он заинтересовался историей и этнографией якутов, стал собирать материал, который впоследствии опубликовал. У олекминских якутов были записаны легенды о вытеснении их бурятами. Знакомство с трудами авторитетных историков — Миллера и Фишера, видевших в якутах недавних пришельцев с юга, укрепило в М. П. Овчинникове веру в реальность якутских преданий. Судьбе было угодно, чтобы он прошел путями легендарных предков якутов — Омогоя и Эллея. В 1891 г. М. П. Овчинников переезжает в Иркутск. Здесь он знакомится с бурятскими преданиями, в которых говорится, что «они пришли из Монголии... но до появления их в степи жил народ, знавший железо и руды железные. Последний был ими прогнан к вершине Лены. Народ этот пришел со стороны Байкала и назывался он Уранхай» (1916. С. 388). Некоторые буряты, пишет он далее, считают, что уранхай не кто иной, как якуты (Там же).

М. П. Овчинников очерчивает вероятный ареал расселения якутов: в Прибайкалье долина реки Ангары, берега Байкала, вершина реки Лены, а также Забайкальская область — и приступает к археологическим поискам. Он пишет: «Мною руководила надежда найти или череп, имеющий сходство с якутами, или что-либо из домашней утвари, вроде глиняной посуды, или же наконец железный нож или кинжал» (1904. С. 62). К поискам М. П. Овчинников подключает А. С. Еленева, который проводит раскопки в указанных ему местах. Сам М. П. Овчинников, где бы он ни был в Иркутской губернии, старается отыскать следы пребывания якутов. В Тункинской долине, у Братского острога, около Киренска, в Иркутске собираются им наконечники стрел, которые, по его мнению, напоминают стрелы, виденные им у якутов. Вместе с наконечниками стрел возле Киренска М. П. Овчинников находит принадлежности якутских шаманов. В окрестностях Иркутска он обнаружил кусочек глинистого сланца с изображением женщины. Как пишет М. П. Овчинников, «божок, судя по рисунку, принадлежит тюркскому племени, что может наводить на мысль, что по берегам Ангары жили племена тюркского типа, к которым, например, принадлежат якуты» (1904. С. 65). В Глазковском предместье он находит «...два округлых голыша, имеющих на плоскостях какие-то неправильные линии загадочного свойства. Разгадать эти линии предоставляю ученым археологам. Но я ставлю только вопрос — жертвенные ли это руны» (1904. С. 75). По поводу этих находок Б. Э. Петри отмечал: «К разряду... смешения разнородных черт (имеется в виду в характере. — Б. Д.) надо отнести и фантазерство Михаила Павловича... Часто Михаил Павлович приносил с собой с экскурсий окатанные водой голыши, уверяя, что это несомненные орудия, или горячо убеждал, что выветрившиеся бороздки на круглой гальке суть доисторические письмена» (1922а. С. 101). Удивительно, что этими двумя голышами М. П. Овчинников как бы предугадал дальнейшие находки двух пряслиц с руническими надписями. Они были изданы Б. Э. Петри в 1923 г. История с этими пряслицами совсем затуманивается после утверждения Г. В. Ксенофонтова, что пряслица, опубликованные Б. Э. Петри, представляют случайный подъемный материал, найденный другими людьми (1937. С. 67).

Читая немногочисленные работы М. П. Овчинникова, невольно приходишь к мысли, что автор увлекся доказательством пребывания якутов в Прибайкалье. К тому же археологическая коллекция, собранная им, это, прежде всего, предметы подъемных сборов; целенаправленных и методически поставленных раскопок М. П. Овчинников не вел и не имел соответствующей подготовки (Петри, 1922а. С. 124).

М. П. Овчинников подключал к своим поискам предков якутов всех заинтересованных в этом исследователей. По его указанию А. С. Еленев проводил раскопки в обозначенных им местах (Овчинников, 1904. С. 62). Надо полагать, что М. П. Овчинников излагал

свои идеи и показывал материалы, подкрепляющие их, и ученому, прибывшему из Петрограда, — Б. Э. Петри. Причем Б. Э. Петри, собирая этнографический материал среди бурят Иркутской губернии, очевидно, слышал легенды о древнем народе, жившем здесь до прихода бурят, что усиливало в нем убежденность в верности поисков М. П. Овчинникова. Поэтому вполне понятно, что взгляды, которые будут опубликованы Б. Э. Петри позднее, сформировались при совместном общении и обсуждении их с М. П. Овчинниковым. Вот как об этом вспоминает сам Б. Э. Петри: «Заинтересовавший так за последнее время иркутских археологов и историков вопрос о происхождении якутов через области, лежащие к северу от Байкала, получил ряд археологических обоснований от М. П. (Михаила Павловича Овчинникова. — *Б. Д.*). Когда мною были открыты остатки неизвестного скотоводческого народа, знакомого с выделкой железа, названного мною провизорно «курумчинские кузнецы», я пришел к выводу, что это остатки предков якутов. Поделившись своими выводами с М. П., я узнал от него, что он свои находки тоже приписывает древним якутам. С тех пор мы начали рука об руку с М. П. разрабатывать «якутскую проблему», как мы шутя окрестили эти изыскания» (1922а. С. 103).

Влияние идей М. П. Овчинникова на работы Б. Э. Петри ощущается и при сопоставлении их публикаций. По М. П. Овчинникову, якуты расселялись в Прибайкалье в следующих местах: долина реки Ангары, берега Байкала, вершина реки Лены и, кроме того, в Забайкальской области (1904), в Тункинских песках (1916. С. 347). Такие же границы археологической культуры предков якутов, открытой Б. Э. Петри: «...на верхней Лене, в ряде пунктов по Ангаре, начиная от верховья и до Балаганска; на Байкале на всех его берегах; на западном — Ольхонский край, на крайнем севере — река Кичера, на юго-восточном — низовья Селенги, окрестности п. Кабанска и далее в нескольких местах Верхнеудинского уезда, в Тунке» (1922. С. 25). По материалам, собранным М. П. Овчинниковым, прибайкальские предки якутов знали железо, железные и медные руды; им принадлежат в Верхнеудинской степи могильники и ямы с железной рудой; в бурятских преданиях они известны под именем народа кузнецов (1916. С. 347, 388). Б. Э. Петри рассматривает исследованные им памятники как стоянки курумчинских плавильщиков и кузнецов, достигших высокого уровня в железоделательном производстве, и называет предков якутов доисторическими кузнецами Прибайкалья (1922).

Б. Э. Петри продолжает исследование, начатое М. П. Овчинниковым, и делает дальнейший решительный шаг — берется за трудную задачу доказательства сходства открытой им культуры «курумчинских кузнецов» с якутской культурой. Ученый хорошо понимает всю сложность проблемы и малочисленность материала для ее решения. Об этом можно судить из его слов: «Вопрос о том, какому народу приписать культуру «курумчинских кузнецов», в настоящее время решить нельзя...». Тем не менее свою статью он заканчивает утверждением: «...мною найдены остатки древнего народа, обитавшего вокруг Байкала до заселения этого района бурятами. Все данные говорят за то, что этот народ должен быть предком якутов» (1922. С. 18).

В 1926 г. была опубликована рецензия археолога Е. Д. Стрелова «К вопросу о доисторическом прошлом якутов (по поводу брошюры проф. Б. Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье»». В ней ученый пытливно разобрался со всеми аргументами, выдвинутыми Б. Э. Петри в обоснование своего вывода. Рассмотрим работу Е. Д. Стрелова более подробно, так как она оказалась в какой-то степени обойденной вниманием исследователей. Е. Д. Стрелов насчитал 11 аналогий, по которым Б. Э. Петри проводил сопоставления.

1. Сходство орнаментации керамики «курумчинских кузнецов» с якутской гончарной орнаментацией.

Здесь Е. Д. Стрелов вполне убедительно развивает мысль, что орнаменты, выделенные Б. Э. Петри: «накладной рубчатый валик», «вдавленные подковки», «ямки», «линии, пересекающиеся в виде треугольников или изогнутые в виде арок», — могли существовать

у разных народов и в разных местах. Причем он ставит в упрек автору, что Б. Э. Петри не знакомит читателя, где он вообще наблюдал якутскую керамику.

2. Как у «доисторических кузнецов», так и у якутов гончарами являются женщины.

По мнению Е. Д. Стрелова, это обстоятельство может одинаково послужить основанием для сближения «курумчинских кузнецов» не только с якутами, но и с другими народностями, изготовлявшими керамику.

3. Якутский бык, как и бык «курумчинских кузнецов», имеет примесь яка.

Е. Д. Стрелов приводит факты, указывающие на то, что примесь крови яка не является особенностью только якутского быка.

4. Вильчатые наконечники стрел, имеющиеся в Иркутском музее, могут считаться характерными для якутов.

Е. Д. Стрелов показывает, что такими стрелами пользуются многие народы.

5. Ножи «курумчинских кузнецов» обладают теми же признаками, какие свойственны якутскому ножу. В этом пункте Б. Э. Петри ссылался на рисунки якутских ножей, помещенные в книге В. Л. Серошевского «Якуты».

Е. Д. Стрелов обращается к этой же книге, но в описании В. Л. Серошевским якутских вещей автор находит широкие аналогии якутским ножам.

6. Лошадиная подкова «курумчинских кузнецов» является характерной якутской подковой.

Рецензент показывает, что до прихода русских якуты не знали подков, об этом свидетельствует факт отсутствия этого слова в якутском языке.

7. На стоянках «курумчинских кузнецов» найдена «горбуша»; аналогичные горбуши — типично якутское орудие.

По мнению Е. Д. Стрелова, найденная Б. Э. Петри горбуша, орудие для сенокошения, отличается от якутской горбуши.

8. Ножницы «курумчинских кузнецов» в точности повторяют форму своеобразных якутских ножниц.

Автор рецензии поясняет, что якутские ножницы ничем не отличаются от ножниц, употребляемых русскими крестьянами Иркутской губернии.

9. «Курумчинские кузнецы» курили из железных трубок китайской формы. Точно такие же трубки и сейчас выделяются якутскими кузнецами.

Е. Д. Стрелов показывает, что для якутов характерны деревянные трубки с костяной или медной чашечкой, а железные трубки попадали вместе с китайцами и корейцами из золотых приисков Олекмы и Витима.

10. На стоянках «курумчинских кузнецов» найдены остатки берестяной посуды, сшитой конским волосом. Шитье бересты конским волосом характерно для якутов.

Как считает Е. Д. Стрелов, этот аргумент не может служить основанием для сближения «курумчинских кузнецов» с якутами.

11. Якутская юрга, как и курумчинская землянка, — четырехугольной формы и также врыта в землю.

Е. Д. Стрелов показывает, что четырехугольная форма жилищ существовала не только у якутов, но и у других народов, например, у гольдов и мангунов (орочей) Амура. Причем якутские жилища не являются землянками и углубление в землю не столь значительно, что даже не делаются ступеньки.

Внимательно разобрав статью Б. Э. Петри, рецензент пришел к противоположному выводу: «Доисторические кузнецы Прибайкалья не являются предками якутов» (Стрелов, 1926. С. 25). Е. Д. Стрелов пишет, что для доказательства столь серьезного положения нужны памятники, отражающие верования, обычаи, в частности погребения, и необходимо сопоставлять такие признаки, как ориентация покойника, положение рук, размеры костяка и черепа, форма погребения (Там же. С. 13).

В 1928 г. в Иркутске опубликована статья В. И. Подгорбунского, который давно собирал материалы по гончарству у якутов и решил принять участие в дискуссии между Б. Э. Петри и Е. Д. Стреловым. Он пишет: «Указанная теория проф. Б. Э. Петри была подвергнута основательной критике археолога Е. Д. Стрелова, на основании обильного материала указавшего, что предметы, принятые проф. Б. Э. Петри за типично якутские, или совершенно отсутствуют у якутов, как, например, подковы, неравносторонние удила и землянки, или вместе с наличием у якутов имеются и у других туземцев Сибири, как, например, Y-образные наконечники стрел... Присоединяясь всецело к выводам упомянутого труда, мы не вполне согласны с ним только в одной детали, касающейся отсутствия лепного орнамента на гончарных изделиях якутов» (1928. С. 137).

Так как В. И. Подгорбунский более детально и на большем материале исследовал якутские горшки, основательно изучил керамику, находящуюся в фондах Иркутского музея, а также ознакомился с литературой по этой теме, то его вывод оказался не таким прямолинейным, как у Е. Д. Стрелова, а более гибким. Он все-таки согласен с Б. Э. Петри в том, что якутские горшки и горшки, находимые на стоянках и в могильниках древнежелезного века Иркутской губернии и Забайкалья, близки, причем сходство наблюдается не только в орнаменте, но и в форме сосудов. Это сходство, по его мнению, обусловлено тем, что в культуре якутов сохранились элементы культуры древнетюркских племен, живших когда-то в Прибайкалье. В. И. Подгорбунский очерчивает территорию географического распространения подобных горшков: Прибайкалье, Забайкалье, Монголия и пределы Енисея (1928. С. 136, 137).

Следовательно, материалы Б. Э. Петри нуждаются в новом изучении, а они впервые были опубликованы нами (Дашибалов, 1994). Необходимо ответить и на вопросы, поставленные в рецензии Е. Д. Стрелова.

Если в Прибайкалье с тюрками-курыканами увязывали курумчинскую культуру, то в Западном Забайкалье Г. П. Сосновским были выделены археологические памятники, связанные с распространением тюрков-уйгуров (ф. 42, д. 235).

В дальнейшем исследователи придали оценке хойцегорской культуры во многом разную трактовку. Каждый археолог вкладывал в нее свое понимание и рассматривал на разных материалах (Хамзина, 1970. С. 84; Кызласов, 1981; Коновалов, 1989; Худяков, 1989. С. 29). Предстоит разобраться, отчего идет такое исследовательское разночтение и почему авторы на разных комплексах раскрывают содержание хойцегорской культуры?

3. Монгольские города и оседлость в Юго-Восточной Сибири

Первые сообщения о наличии в крае древних городов сделаны российскими посланцами, направленными через Забайкалье в Китай в XVII в. Николай Спафарий осмотрел ряд разрушенных строений и отметил, что в степи таких пустых городков разбросано много. Избрант Идес и Адам Бранд в путевых заметках описали древние могилы, кроме того, они упоминали остатки «старых и отчасти развалившихся укреплений, сделанных из сложенных вместе обломков скал» (по Асееву и др., 1984. С. 6). В XVIII в. в Забайкалье появились участники первых академических экспедиций. В 1723–1727 гг. работала экспедиция под руководством Д. Г. Мессершмидта и впервые было предпринято описание средневекового города возле Хирхиры на реке Урулунгуй, левом притоке реки Аргунь (Там же).

В Западном Забайкалье Ю. Д. Талько-Грынцевич обратил внимание на то, что древности края связаны не только с кочевниками, но и с оседлыми культурами: «...следы искусственного орошения, указывающие на то, что некогда существовало здесь более экстенсивное хлебопашество... Довольно развитое земледелие подтверждают не только встречаемые здесь первобытные каменные жернова, разной формы и величины, но и другие земледельческие орудия, как, например, сошники, довольно большую коллекцию которых

нам удалось собрать для музея. В коллекции этой мы имеем сошники разной формы и из разных металлов, начиная от бронзовых (1 экз.) неуклюжих, кованых железных, до малых чугунных литых» (1900а. С. 63, 64). Ученый полагал, что древнее земледелие в крае не может быть связано с бурятами или монголами, и об этом можно судить даже по тому, что они сошники считают небесными громовыми стрелами и почитают их (Там же. С. 64). Исследователь отметил наличие старинных колесных дорог, которые давно заброшены и тянутся по правому берегу Хилка на протяжении 90 верст (1905. С. 15).

Г. Ф. Дебеч, намечая программу исследований в Западном Забайкалье, свидетельствовал о наличии следов сельскохозяйственных культур и в дальнейшем ставил задачу выяснения их связи с определенными типами могильников (1925).

Работы Бурят-Монгольской экспедиции под руководством Г. П. Сосновского позволили исследователю сформулировать несколько направлений в изучении древних и средневековых культур Забайкалья.

Г. П. Сосновский писал: «...имеются памятники, которые относятся к VII–X вв. уже нашей эры. Я думаю, что эти памятники особенно будут интересны для тех, кто занимается историей Монголии. К сожалению, мы не можем сказать, какие группы населения в то время жили, но, несомненно, что в то время наряду со скотоводством было земледелие — там были найдены зерна проса. Имеются следы развитой сельскохозяйственной культуры, которые были обнаружены на берегах р. Темника. По-видимому, это памятники Сунской эпохи, предшествующие монгольской. Исторические сведения ничего не говорят о развитом земледелии в бассейне р. Селенги, в то время как археологические данные указывают, что до прихода русских здесь была цветущая сельскохозяйственная культура. Мы находим чугунные лемеха, каменные дороги, остатки, может быть, городских поселков» (1936. С. 320).

Следует сказать, что Г. П. Сосновский участвовал в работе группы ИКС (аббревиатура по первым буквам слов, обозначающих ее проблему) — история кочевого скотоводства, созданной в начале 30-х гг. в Государственной академии истории материальной культуры. В группу входили М. И. Артамонов, В. В. Гольмстен, М. П. Грязнов. Позднее М. И. Артамонов отмечал: «Важнейшим результатом нашей совместной работы было открытие теперь уже общеизвестного исторического факта, а именно, что до господства в степях Евразии кочевого скотоводческого хозяйства в них процветало комплексное сельскохозяйственно-скотоводческое оседлое хозяйство» (1977. С. 4).

Г. П. Сосновский в предварительных итогах работ Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук писал: «Сторонники кочевого быта говорят, что он существовал извечно, а археологи говорят, что раньше было оседлое население и только при наличии известных условий древнее население перешло к кочевому образу жизни» (1936. С. 321).

В 1950 г. А. П. Окладников провел раскопки средневековых строений в долине реки Тугнуй. Работы были продолжены Н. Н. Мамоновой и Е. А. Хамзиной в 1954, 1956 гг. В селе Сутай возвышались четыре холма, окруженных земляным валом. Исследования показали, что холмы являются остатками зданий. Были раскопаны два здания. Строения были с черепичной крышей, угловая черепица, вероятно, была фигурной, в виде голов драконов. В одном из зданий хорошо сохранился пол, выложенный квадратными сырцовыми кирпичами. Обнаружены базы деревянных колонн, сохранились следы перегородок-стенок со следами росписи малиновой и синей красками. Второе здание по конструкции ничем не отличалось от первого, за исключением размеров — оно было меньше. Кроме кованых железных гвоздей, других вещей не найдено (Окладников, 1975; Хамзина, 1982. С. 97, 98).

Целенаправленное изучение оседлых традиций в центральноазиатских культурах связано с деятельностью С. В. Киселева. В 1947 г. он был командирован в Монголию для знакомства с археологической изученностью страны, а в 1948–1949 гг. Советско-монгольская экспедиция уже проводит раскопки столицы средневековых монголов Каракорума.

Во второй половине 50-х гг. С. В. Киселев поставил цель изучить северные окраины центральноазиатской ойкумены. Именно с выполнением этой важной задачи связаны полевые работы Советско-монгольской экспедиции 1957–1959 гг. в Восточном Забайкалье. Масштабные раскопки были проведены на древнемонгольских городах Кондуй и Хирхира, исследовался городской некрополь на горе Окошка (в 2 км севернее Хирхирина). С. В. Киселев согласился с теми авторами, которые связывали известный в науке Чингисов камень с окрестностями Хирхирина. Отсюда следовало, что хирхирина развалины представляли остатки города, принадлежавшего улусу Джочи-Хасара (Киселев, 1965а. С. 57). Улусу Джочи-Хасара принадлежал и дворец в Кондуйе. Раскопками было вскрыто главное здание дворца (рис. 2). С. В. Киселев писал: «...если от Каракорумского дворца веет суровость военной империи, то дворец в Кондуйе говорит об изнеженной жизни монгольских феодалов в эпоху Юань» (1958. С. 119).

Работа экспедиции С. В. Киселева была связана с решением задачи «осветить одну из наименее изученных сторон истории монголов – возникновение и развитие у них городов и особенностей городской жизни» (Киселев, 1965. С. 9). Результаты этих исследований обобщены им и другими участниками экспедиции в монографии «Древнемонгольские горо-

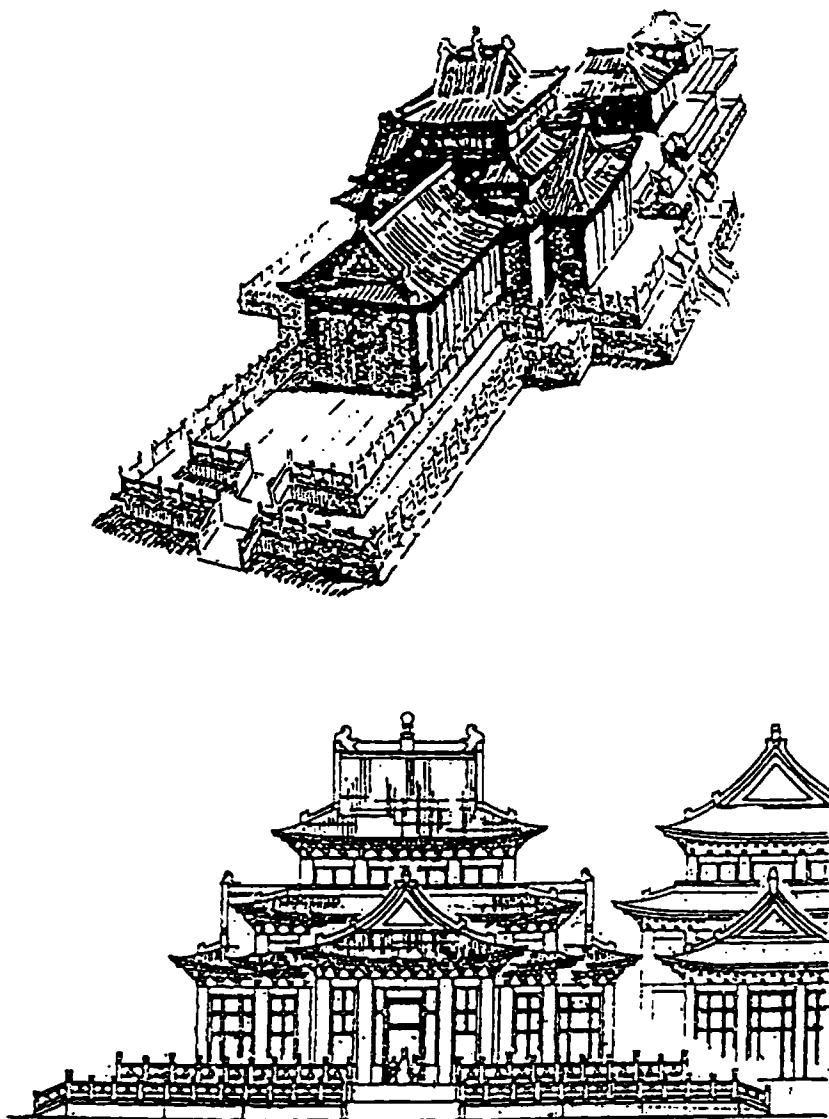


Рис. 2. Главные здания Кондуйского дворца (по Л. К. Минерту)

да» (1965). К материалам и документам экспедиции неоднократно обращаются архитекторы с целью реконструкции памятников средневекового монгольского монументального зодчества (Майдар, Пюрвеев, 1980; Ткачев, 1984; Минерт, 1985).

Огромный опыт изучения древней и средневековой истории Центральной Азии, глубокое проникновение в общие закономерности протекавшего здесь исторического процесса привели С. В. Киселева к научно обоснованному выводу о существовании древнемонгольских городов и значительной их роли в развитии монгольского общества. С. В. Киселев указывал: «Дальнейшие археологические и источниковедческие исследования должны ответить на ряд важнейших вопросов о месте, значении и характере взаимоотношений городского строя и оседлых форм жизни во дворцах и усадьбах знати в общем процессе развития центральноазиатского феодализма, **который в интересующей нас области едва ли можно теперь считать кочевым**» (выделено мной. — Б. Д.) (1958. С. 119).

Таким образом, на основе археологических материалов намечены пути решения важнейшей проблемы исторической науки — проблемы оседлости у монголов и наличия древнемонгольских городов. Исследования экспедиции С. В. Киселева позволили по-новому взглянуть на средневековое монгольское общество, его историю и культуру. Они сыграли глубоко положительную роль в развитии всей монголоведческой науки (Асеев и др., 1984. С. 16).

Работы А. П. Окладникова и С. В. Киселева заложили основы для дальнейших исследований памятников оседлой и городской культуры в Западном и Восточном Забайкалье.

Начиная с 1986 г. изучением средневековых поселений занимается археологическая экспедиция Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН под руководством С. В. Данилова. Первоначально были продолжены исследования Сутайской усадьбы, начатые А. П. Окладниковым в Тугнуйской долине. Памятник в течение многих лет интенсивной распахки был почти уничтожен. На современной поверхности в большом количестве рассеяны обломки черепицы и кирпичей. Раскопками зафиксированы остатки глинобитной площадки, каких-либо сооружений из кирпича и развалов черепичной крыши не обнаружено (Данилов, 1992. С. 140–141).

Основные раскопочные работы в 1987–1989 гг. перенесены на новый памятник Нарсатуй, расположенный в 4–5 км к северу от Сутайской усадьбы. Здесь исследовано здание, сооруженное на глинобитной основе и крытое черепичной крышей. Площадь, перекрытая кровлей, была около 16×19 м (более 300 кв. м) и устанавливалась по контуру развала черепицы и гранитным плитам, служившим базами для деревянных колонн. Вокруг здания по периметру была построена кирпичная стена высотой в 7–8 кирпичей (40–60 см). Внутренний зал здания прямоугольной формы размерами 7×13 м (площадь 90 кв. м) и вытянут по линии восток — запад. Пол настился обожженными стандартными кирпичами. С южной стороны находилась площадка, служившая входом. Еще один вход располагался у западной стены, на это указывает наличие пандуса и площадки, вымощенной кирпичом и выходящей за линию колонн (Данилов, 1999; 2004. С. 83–84).

Сравнение строительных материалов (черепица, кирпичи, лепные украшения, гранитные базы колонн) позволило С. В. Данилову показать полную идентичность здания из Нарсатуя архитектурным традициям монгольских городов Каракорум (Монголия), Кондуй (Восточное Забайкалье), Ден-Терек (Тува). Поливная керамика Нарсатуйского здания и бронзовая китайская монета, найденная здесь, имели сходные черты с целой серией находок из монгольских городов XIII–XIV вв. (Данилов, 1992. С. 143).

Разведывательными работами экспедиции было вновь открыто Темниковское поселение в долине реки Джиды. Подъемный материал памятника представлен керамикой среднеазиатского происхождения и поливной посудой, аналогичной найденной при раскопках Нарсатуя (Данилов, 2002).

Широкомасштабные раскопочные работы проводятся Амурской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством А. Р. Артемьева. В 1997 г. экспедиция начала изучение средневековых монгольских памятников Восточного Забайкалья с составлением инструментальной топографии города хана Есунгу (Исунке). Ранее этот памятник (Хирхириновское городище) исследовался С. В. Киселевым. В 1999–2002 гг. продолжены работы по составлению плана города. Городская застройка вытянута по линии запад – восток и имеет протяженность около 1,5 км, а с севера на юг строения занимают более 1 км. Площадь города составляет более 150 га. На территории памятника отмечено свыше 30 усадеб и 100 отдельно стоящих построек.

В 2000–2002 гг. Амурская экспедиция полностью исследовала усадьбу монгольского феодала. Усадьба была окружена четырехугольной оградой, сложенной из кирпичей. Внутри нее находилось центральное здание и три примыкавших друг к другу и располагавшихся в одну линию строения. Особенностью всех жилищ является наличие отопительных конструкций в виде канов.

Экспедиция, наряду с исследованием на двух уже известных памятниках (город хана Есунгу и Кондуй), проводит разведывательные работы. Третий в Восточном Забайкалье памятник оседлой культуры монголов обнаружен в 18 км к северу от города Есунгу – усадьба дворцового типа в пади Алестуй. Здесь выявлено здание размером 20×30 м, строение окружают стены квадратной ограды 75×75 м. Еще два поселения найдены в 2002 г. – в падах Казачьей и Широкой. В последнем случае отмечено три сохранившихся и не менее пяти уничтоженных распашкой жилищ с канами. Таким образом, за короткий срок на территории одного Приаргунского административного района Читинской области исследовано пять поселений оседлых монголов (Артемьев, 2004. С. 93).

К находкам из монгольских городов Забайкалья следует отнести обломки толсто-стенных сосудов типа хумов, покрытых зеленой поливой и, судя по диаметру, достигавших большой величины. Земледельческие орудия представлены чугуном лемехом от плуга, железным серпом и орнаментированным верхним жерновом от ручного жернового постава. Промывка слоя в жилище, где был найден жернов, позволила обнаружить в полученной пробе зерна проса.

На основании раскопок А. Р. Артемьев приходит к выводу, что «жители города занимались скотоводством, ремеслами – выплавкой и обработкой железа и ткачеством, а также, несомненно, земледелием. Последнее обстоятельство не должно удивлять. Оседлое население, занимавшееся земледелием, существовало в Монголии еще при жизни основателя империи... Проведенные исследования позволяют заключить, что улус брата и племянников Чингис-хана представлял собой обширный регион с развитой городской, ремесленной и земледельческой культурой» (2004а. С. 203, 204). Как нам представляется, А. Р. Артемьев совершенно справедливо начинает вводить в научную лексику такое понятие, как «оседлые монголы» (2001. С. 256; 2003. С. 86; 2004. С. 92; 2004а. С. 204).

Надо отметить, что памятники, связанные с оседлым населением, были выявлены и в Прибайкалье. К первым сообщениям о городищах Прибайкалья относится известие Я. И. Линденау, участника Великой северной экспедиции, о древних укреплениях, увиденных им в 1745 г. на Байкале и на правом берегу Лены ниже деревни Качут (по Окладникову, 1955. С. 355). Н. С. Щукин сообщает о двух укреплениях, расположенных на левом берегу Ангары (1848. С. 251, 252). Известным бурятским этнографом М. Н. Хангаловым были собраны сведения о городищах долины Куды и пяти унгинских городищах, чертежи и описания которых он отправил Н. Н. Агапитову (Агапитов, 1881. С. 9). Н. Н. Агапитов, заинтересовавшись оборонительными сооружениями Иркутской губернии, обнаружил отсутствие каких-либо полных материалов об этих памятниках. С целью восполнить этот пробел в 1881 г. он предпринял поездку для научного изучения городищ. Им было осмот-

рено 10 городищ, о двух городищах (на реке Куде у горы Идыге и на реке Белой у села Мальта) он ограничивается упоминанием. Описания исследованных городищ и чертежи девяти из них (расположенных в долине Куды) Н. Н. Агапитовым опубликованы. Во время поездки 1881 г. он посетил остров Ольхон, осмотрел сооружения, выявленные И. Д. Черским. Именно И. Д. Черскому принадлежит первое описание каменных построек на байкальском побережье. В отчете, опубликованном в 1880 г., им в Приольхонье отмечено шесть «каменных стен» (Черский, 1880. С. 63). Н. Н. Агапитов описал укрепления на мысах Шибэтэ и Хоргой и составил чертежи этих стен. Кроме этого, он подтвердил наличие городища на острове Хубун, напротив мыса Хоргой, и выявил новое городище на материке недалеко от ярмарочных балаганов (1881. С. 13).

В 1901 г. А. А. Коротневым были осмотрены два городища у поселка Горемыки на Северном Байкале (Коротнев, 1901). В 1916 г. Б. Э. Петри упомянул о наличии сооружения на горе Шибэтэ по реке Анге (по Хороших, 1924. С. 30). Изучением байкальских городищ занимался П. П. Хороших, им осмотрено пять укреплений и даны краткие описания некоторых из них. Всего П. П. Хороших упоминает о наличии на байкальском побережье 25 «каменных» городищ и одного городища с земляным валом на реке Илге, правом притоке Лены, открытого ранее Б. Э. Петри (Хороших, 1924. С. 28–31, 33). В 1920 г. стены, находящиеся на мысу Лударь, обследовали Е. В. Титов и В. Б. Шостакович, ими были сняты чертежи городищ (Хороших, 1924. С. 31).

В 1933–1934 гг. А. П. Окладниковым были предприняты разведки по реке Ангаре (от ее истока и до Балаганска), им выявлено семь городищ, на два из них составлено описание, об остальных имеется только указание на их местонахождение. А. П. Окладников собрал подъемный материал и заложил шурф на первом Кулаковском городище (1935).

В 1947 г. Аларским отрядом (начальник отряда Э. Р. Рыгдылон) Бурят-Монгольской экспедиции под руководством А. П. Окладникова проведено обследование городищ правобережной Ангары и ее левого притока — реки Унги. В результате работы отряда было изучено 15 городищ, описания и схематические рисунки которых опубликованы. Были собраны сведения еще о 14 городищах и уточнено местонахождение городища на горе Талкин, упомянутого у Н. С. Щукина. Задачи широких раскопок не ставились (отряд состоял из трех человек), в некоторых случаях производилась зачистка рвов, на восьми городищах были заложены небольшие шурфы (Рыгдылон, 1955).

Каменное укрепление, находящееся на мысу Шибэтэ (остров Ольхон), исследовалось А. М. Мандельштамом в 1959 г. Впервые на городище были произведены раскопки, составлено описание и вычерчен план (Качалова, Мандельштам, 1992. С. 75, 76, 216). И. В. Асеевым произведены раскопки на городище Шибэтэ (залив Куркут) (1980. С. 95, 96). Укрепления на Северном Байкале были осмотрены в 1978 г. А. Д. Цыбиктаровым (1979). Изучением байкальских городищ занимается А. В. Харинский, им проводится паспортизация этих памятников, ведутся раскопки северобайкальских укреплений (1994).

О хронологии и этнической принадлежности городищ было высказано несколько мнений. По Н. Н. Агапитову, городища, вероятнее всего, «должны быть приписаны монголам... но время, в которое они жили... следует отнести к эпохе, предшествовавшей приходу бурят» (1881. С. 22). П. П. Хороших датировал укрепления в рамках железного века (1924. С. 28).

Находки курумчинской керамики позволили А. П. Окладникову отнести эти памятники к культуре «курумчинских кузнецов». Ученый отметил густоту расположения городищ и высказал предположение о возможной связи городищ с неукрепленными курумчинскими поселениями, население которых при надвигающейся опасности могло спастись в этих укреплениях (1935. С. 76). Э. Р. Рыгдылон также определяет городища как временные стойбища-убежища и сравнивает их с военными укреплениями, которые сооружались народами Северо-Восточной Азии для защиты от внезапных нападений врага. Кроме того,

он отметил, что частое расположение городищ связано с более или менее оседлым образом жизни и наличие укреплений указывает на имеющиеся острые противоречия в обществе. Датировка городищ VI—X вв. н. э. определяется находками керамики курумчинской культуры (Рыгдылон, 1955. С. 189). К курумчинской культуре относил городища И. В. Асеев (1980. С. 101). Исследования А. В. Харинского позволили говорить ему о широких хронологических рамках существования традиции строительства каменных городищ на берегах Байкала (1994. С. 11—14).

Таким образом, раскопки средневековых археологических памятников, связанных с оседлостью, и монгольских городов Юго-Восточной Сибири показали, что представление о древностях края как об остатках извечных кочевников не является истинным. Вместе с тем перед исследователями встает задача изучить вопросы культурогенеза и этногенеза ранних монголов и тюрков и охарактеризовать начальные этапы становления оседлости и кочевничества. Только комплексное изучение с широким хронологическим и географическим охватом позволит наметить пути решения этой сложной и дискуссионной проблемы.

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА И ЭТНОГЕНЕЗА ДРЕВНИХ МОНГОЛОВ И ТЮРКОВ

Изучение проблемы формирования предков монголов и тюрков следует начать с введения в круг алтайской проблемы. После этого необходимо сопоставить языковедческие материалы с данными этнографии и письменных источников. Далее рассмотреть археологические культуры эпохи бронзы и раннего железного века, этнически атрибутируемые с древними монголами, — культуру верхнего слоя Сяцзядянь и культуру плиточных могил. По мнению исследователей, именно в это время начинают формироваться крупные этнолингвистические общности центральноазиатских степей (Викторова, 1980. С. 104).

1. Данные языкознания, этнографические материалы, свидетельства средневековых и древних авторов по истории и культуре монголов и тюрков

Язык является одним из основных этнических определителей, поэтому решение вопросов сложения монгольского этноса надо начать с рассмотрения лингвистических проблем формирования монгольского языка. В XVIII в. учеными была отмечена общность большого круга языков, получившая название урало-алтайской семьи. Сюда относились финно-угорские, самодийские, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки. В дальнейшем с накоплением и осмыслением материала исследователи выделили две самостоятельные языковые семьи: уральскую и алтайскую.

Алтайская языковая семья представлена тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языками. Затем Е. Д. Поливанов и Г. И. Рамstedт на основании лексических и грамматических сходжений включили в состав алтайской группы корейский и японский языки. Последующие исследования выявили некоторые принципиальные расхождения в лексике тюркских и монгольских языков. В частности, не сходились основополагающие слова, уходящие в древность, например, числительные. Тем не менее ученые не подвергли сомнению существование единой алтайской общности (Баскаков, 1981. С. 31).

Применение лексико-статистических методов привело Дж. Клоусона к отрицательному выводу, который был сформулирован категорично: «“алтайская” теория неправомерна» (1969. С. 41). К критикам алтайской теории примкнул А. М. Щербак. Его исследования показали разницу в формировании лексики монголов и тюрков: весь основной словарный запас, связанный со степной жизнью, заимствован монголами из тюркского языка, собственно монгольская лексика связана с обитанием в лесах (Щербак, 1961; 1966; 1994. С. 148). Вместе с тем выявилось направление поисков монголо-тунгусо-маньчжурских связей. В. И. Рассадин сделал важный вывод — монгольские племена жили компактно: «причем где-то по соседству и в тесном контакте с тунгусо-маньчжурскими племенами» (1984. С. 76). В связи с этим укажем на то, что некоторые ученые, в частности А. Вамбери и Ю. Немец, урало-алтайскую общность видели как проблему родства урало-тюркских языков, а их родство с монголо-тунгусскими языками подвергали сомнению (Немец, 1963).

Краткий обзор алтайской теории показывает всю сложность, связанную с решением данной гипотезы. В настоящее время можно говорить о нескольких тенденциях, характеризующих состояние проблемы. Намечена линия исследований, объясняющих тюрко-монгольскую близость не древним родством языков, а историческими контактами, монгольский язык все более сопоставляется с тунгусо-маньчжурскими языками (Рассадин, 1989; Щербак, 1994. С. 184). О работах, свидетельствующих об общих корнях монгольского языка с корейским и японским языками, уже говорилось. Выявляются связи монгольского и

нивхского языков, особенно важно, что сопоставимы числительные (Панфилов, 1973. С. 3—12). Новые работы говорят о близости монгольского и австроазиатских, австронезийских языков (Солнцева, Солнцев, 2000. С. 131; Солнцева, 2002). Если посмотреть на эти лингвистические выводы пространственно, географически, то монгольский язык начинает все больше сближаться с языками народов, близких к Тихому океану.

Эти заключения заставляют более пристально рассмотреть монгольскую лексику, связанную с морскими понятиями и явлениями. А. М. Щербак пишет, что принадлежность слова *teniz* (море) к тюркскому лексическому фонду никогда не подвергалась сомнению (см. ниже мнение Вамбери. — Б. Д.), хотя он отмечает при этом, что этимология его неясна (1997. С. 155). В. Л. Котвич полагал, что слово *tengin* (море) заимствовано маньчжурами у тюрков (по Щербаку, 1966. С. 22). А. Рона-Таш возводит слово *tenggis* (море) к древнейшим общеалтайским заимствованиям (1974. С. 44, 45), им же высказано мнение о позднем тюркском заимствовании этого слова в монгольский язык (1979. С. 246).

Большую сложность вызывает этимология слова *taluj* (древнетюркское), *talaji* (среднемонгольское), *dalaj* (монгольское письменное) — море, океан. А. М. Щербак указывает, что вариант с широким гласным во втором слоге необычен для тюркских языков, его принято считать типично монгольским, не исключено, что это слово появилось у монголов непосредственно из китайского (1997. С. 152). По Дж. Клоусону, тюркское понятие «море», безусловно, китайское заимствование. Это слово состоит из *ta* «большой» и *luu* (средневековое название реки Сантаньхэ в провинции Цзянси, по которой тюрки совершили набег в конце VII в. и впервые увидели море); монгольское *dalay*, очевидно, является тем же самым словом, но остается невыясненным, заимствовано оно из тюркского или непосредственно из китайского языка (Клоусон, 1969. С. 35, 38).

На этих примерах видно, что исследователи испытывают большие сложности с выявлением тюркской или монгольской основы терминов, связанных с морем. Некоторые языковеды не настаивают на тюркском происхождении слова «море», а уводят его или к китайскому, или к общеалтайским заимствованиям. Следует указать и на мнение А. Вамбери, который писал, что у тюрков нет своих морских терминов и своего собственного слова для понятия «море», что употребляющееся в этом смысле *тенгиз* значит просто — широкий, просторный, а *дерья* (*derja*) среднеазиатских тюрков заимствовано ими от персов (по Серошевскому, 1993. С. 193).

Исследование географической терминологии в алтайских языках проделала Л. В. Дмитриева. Она сопоставила между собой основные географические термины и понятия, обозначающие явления природы, так как основная их часть относится к древнейшим эпохам в истории этих языков. Эта работа подтвердила ранее высказанные заключения о степной прародине тюрков, ботаническая лексика которых также связана с данным наблюдением (Дмитриева, 1984. С. 174—176). Принципиально важный вывод был сделан по монгольским языкам: «Этот перечень подтверждает, что древние монголы жили там, где были горы и отдельные скалы с горными проходами и перевалами, но в то же время там была степь с лощинами, песчаные места и **соприкасалось это все с морем**» (выделено мной. — Б. Д.) (Там же. С. 173).

Остановимся еще на одном значимом факте, полученном лингвистами. Изучение лексики монгольских языков выявило связь древних монголов с оседлой культурой (Clauson, 1973. Р. 41). Важно при этом, что речь идет не об отдельных словах, а о целых группах терминов, относящихся к земледельческому хозяйству. Как писал А. Рона-Таш, «сейчас является совершенно ясным, что древние монголы были хорошо знакомы с земледелием» (1979. С. 248). Истоки монгольского земледелия исследователь уводил или в эпоху алтайского языка основы, или же предполагал этап совместного земледельческого сожития монголов и тюрков. Он не исключал возможности самостоятельного развития монгольского земледелия и скотоводства, независимо от тюрков (Там же. С. 247—249).

Интерес вызывает наличие в монгольском языке собственных терминов названия риса. В современном монгольском языке есть два обозначения риса — *тутрага* и *цагаан будаа* (Монгол орос толь, 1957. С. 83, 426). Слово *цагаан будаа* позднее употребляется для обдирного риса, рисовой крупы (досл. «белое просо»). Оно имеется в древнетюркских текстах, известно и у современных тюркских народов. По мнению Л. Лигети, это очень раннее заимствование из монгольского языка (по Щербаку, 1997. С. 160). Сам А. М. Щербак говорит о невозможности этого, так как монголы не были знакомы с культурой риса и вообще не знали земледелия, но в дальнейшем он не исключает возможности заимствования термина *tuturgan* — рис из монгольского языка (1997. С. 159, 160, 182).

На оседлость древних монголов может указывать и самостоятельная терминология, связанная с таким животным, как свинья, в монгольском языке (Рассадин, 1984. С. 71; Dashibalov, 2002). Существенно в данном случае то, что свинья получила наибольшее распространение у земледельческих народов Восточной Азии (китайцы, корейцы, маньчжуры).

Таким образом, мы видим, что единства взглядов по решению алтайской проблемы еще не выработано, но выводы, полученные при ее исследовании, нуждаются во всестороннем изучении. Работы языковедов позволяют нам сфокусировать внимание на целом ряде традиций в культуре монголов, не характерных для современного этноса, но, возможно, имевших место в культуре древних монголов. По материалам языка к этим палеоэтнографическим явлениям следует отнести:

- оседлость древних монголов;
- самостоятельное земледелие и знакомство с рисоводством;
- развитое свиноводство;
- проживание с выходом на морское побережье;
- связь с тунгусо-маньчжурами, корейцами и другими народами тихоокеанского побережья;
- ирано-тюркские миграции и становление монгольского кочевничества.

Вот основные историко-этнографические характеристики, на которые нужно обратить внимание по исследованиям лингвистов. Подчеркнем, что столь важные для понимания древней истории монголов заключения в основном остались внутри языкознания и не стали частью в целом монголоведения и тюркологии. Появляется необходимость проверки и сопоставления их с данными, известными по другим источникам.

Академик Б. Я. Владимирцов в работе «Общественный строй монголов» писал: «...в источниках и пособиях наших имеется несколько намеков на то, что в некоторых местах древние монголы жили оседло и занимались земледелием и рыболовством», но этот вопрос недостаточно освещен (1934. С. 44, 45). Крупнейший знаток тюрко-монгольской истории академик В. В. Бартольд отмечал: «Из всех известий видно, что в эпоху Чингиз-хана были как охотничьи, так и кочевые племена, может быть, земледельческие» (2002. С. 469). На наличие оседлости у монголов обратил внимание Г. Н. Румянцев. Он указал, что даже среди современных халха-монголов, типичных кочевников, некоторая часть жила оседло и занималась земледелием, а если рассматривать монголоязычных киданей, то у них земледелие было развито в более широких масштабах (1962. С. 131). Из книги К. Покотилова «История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634» следует, что в конце XIV в. монголы Ляодуна жили в домах и занимались обработкой земли (1893. С. 15–18). Русские казаки в XVII в. столкнулись на Амуре с монголоязычными даурами, жившими оседло, имевшими тягловую пахоту и занимавшимися огородничеством (Залкинд, 1948; Деревянко Е. И., 1981. С. 37). Эти данные подкрепляются материалами А. Д. Руднева, который в начале XX в. в Восточной Монголии зафиксировал земледельческую терминологию монгольского происхождения (по Викторовой, 1980. С. 185).

Средневековый путешественник Марко Поло писал, что у монголов есть бог Начигай. Этот бог бережет их сынов, скот и хлеб. Очень интересны заметки Марко Поло о

сельскохозяйственной политике Хубилай хана: «Рассылает великий хан гонцов по всем своим землям, царствам и областям узнавать, не погиб ли хлеб от непогоды, града или другого какого бедствия. Узнает, кто пострадал, без хлеба; с таких не приказывает брать податей за год, а еще приказывает дать им своего хлеба для прокормления и на обсеменение... Когда великий хан знает, что хлеба много и он дешев, то приказывает закупить его многое множество и ссыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и черное просо, и всякий другой хлеб; все это собирается во множестве. Случится недостача и поднимется он в цене, тогда великий хан выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продается за безант, за ту же цену он дает четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает. всякому он дается и у всякого его вдоволь. Так-то великий хан заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует» (Книга..., 1997. С. 236, 268, 269).

При исследовании вопросов оседлости монголов большое значение приобретают работы В. С. Старикова, долгое время (1935–1955) жившего в Маньчжурии. Его исследования показали, что собственно китайское земледелие здесь является достаточно новым, так как китайцы освоили эти северные земли не очень давно. Вместе с тем земледельческие традиции в Маньчжурии имеют древние корни. Изучение земледельческих орудий и истории земледелия в этом регионе позволило В. С. Старикову провести неразрывную связь между собственно маньчжурским и, что очень важно, между монгольским земледелием. В. С. Стариков делает принципиально важный вывод о том, что земледелие в Маньчжурии «имеет прямую связь с глубокой древностью появления плуга у протомонголов, с непрерывностью занятия земледелием какой-то части монголов, несмотря на преобладание кочевого скотоводства» (1966. С. 13–14). Работами В. С. Старикова обоснован выдвинутый им вывод о Южной Маньчжурии как особом монголо-маньчжуро-корейском очаге древнего земледелия (1973. С. 26, 27). Аналогичный вывод был сделан и Н. В. Кюннером. Он также полагал, что Южная Монголия и Ляодун являлись независимым от Китая центром плужного земледелия монголов и маньчжуров (по Викторовой, 1980. С. 132, 185).

Основной культурой, характерной для монгольского земледелия, было просо. Исследователями высказано мнение, что древние монголы знали и рис. В монгольских источниках «Алтан тобчи» и «Шара туджи» рис обозначается словами *tuturya* и *sali*. По мнению Л. Л. Викторовой, второе слово заимствовано из санскрита и употребляется, когда речь идет о поливном рисе. А *tuturya* — собственно монгольское название риса. Кроме того, в Дунбэе — местах расселения предков монголов дунху — известны находки сосудов для варки риса. Это позволяет думать об очень раннем, независимом от Китая знакомстве предков монголов и тюрков с культурой риса. Л. Л. Викторова делает еще одно интересное заключение. Так как рис относится к южным зерновым культурам, то, надо полагать, что часть монгольских народов сформировалась южнее ныне заселенной территории (Викторова, 1980. С. 132, 133, 192).

Многолетние работы Дальневосточной экспедиции под руководством А. П. Окладникова явились основанием гипотезы об отличном от китайского самостоятельном дальневосточном центре земледелия (Окладников, Бродянский, 1969; Kuzmin, 1998). Вопросы происхождения земледелия у степных племен Забайкалья и Монголии также связаны с выводами, полученными в Дальневосточном регионе (Деревянко, Окладников, 1969, 1970). А. П. Окладниковым было отмечено широкое и раннее распространение земледельческой культуры к востоку от Байкала. На это указывали остатки древних оросительных каналов, встречающиеся в речных долинах Селенги, Хилка и Баргузина. В коллекциях местных краеведческих музеев известны находки земледельческих орудий — литые чугунные и кованые железные сошники. Среди забайкальских коллекций имеются и каменные орудия, связанные с земледелием. Следует обратить внимание на то, что сошники и лемехи, най-

денные в Бурятии и Агинских степях, однотипны орудиям, известным на Дальнем Востоке, в Северном Китае, Корее. Эти и другие материалы позволили А. П. Окладникову высказать идею о том, что в Северной Корее, Дунбэе, Монголии и Забайкалье в эпоху неолита и ранней бронзы существовала обработка земли плугом с применением тяглового животного. По его мнению, плуг и пахота с применением тягловой силы могли возникнуть именно в контактной зоне, на границе степи и плодородных лессовых долин, где встречаются культуры мотыжных земледельцев Китая и степных обитателей Дунбэя и Монголии, освоивших лошадь и корову. Скотоводство населения Северного Китая в эпоху бронзы имело своим естественным продолжением земледелие (Окладников, 2003. С. 596). Эти выводы подкрепляются работами В. Е. Ларичева, указывавшего на то, что древнейшие образцы плугов найдены в Маньчжурии, Внутренней Монголии и Корее, то есть за пределами собственно Китая (1968. С. 121, 122).

В. С. Стариков показал, что Маньчжурия является древнейшим центром оседлой и городской культуры, и здесь местные традиции градостроительства развивались, в одних случаях соприкасаясь с китайскими архитектурными и планировочными нормами, а в других — совершенно независимо, опираясь на собственные изобретения и навыки (1976). Предстоит еще большая и кропотливая работа по выявлению особенностей оседлых поселений и городов и крепостных сооружений Внутренней Монголии и Дунбэя. Ученым следует выявить архитектурные особенности древнемонгольского зодчества и изучить связи этих архитектурных приемов с градостроительством в ранних маньчжурских и корейских государствах. Монгольский ученый академик Х. Пэрлээ, много внимания уделявший оседлым традициям в культуре монголов, писал: «...нужно учитывать значение земледельческих и градостроительных знаний и опыта древних монголов» (выделено мной. — Б. Д.) (1974а. С. 256).

Следовательно, этнографические материалы, исследования ученых и данные средневековых авторов указывают на то, что оседлость наряду с кочевым скотоводством — одна из особенностей монгольского хозяйства и быта.

Необходимо остановиться еще на одном совершенно неизученном явлении в монгольской культуре. Н. Л. Жуковская отметила знакомство современных монголов с катамараном, типично морским видом водного транспорта: «Океан — громадная и беспокойная водная стихия, и понятно, что катамараны там нужны. Но зачем они в Центральной Азии...?» (1990. С. 77). Она выявила наличие катамарана в экспозиции Центрального музея в Улан-Баторе, среди предметов материальной культуры, орудий труда и утвари монголов. Н. Л. Жуковской описана монгольская переправа через реку Селенгу с усчинами-перевозчиками. На катамаранах, двух сдвоенных лодках-долбленках, усчины, поставив в каждую по паре верблюдов, преодолевали стремительное течение реки (Там же. С. 78, 81).

По мнению М. О. Косвена, лодка с балансиром является «изобретением района Тихого океана» (1957. С. 118). Древнекитайские источники отмечают наличие двойных лодок (лодки с двумя корпусами) у народности ба шу. С. А. Комиссаров увязывает происхождение этих лодок — катамаранов с тихоокеанским островным миром (1988. С. 97, 98). П. Беллвуд, исследователь древностей Юго-Восточной Азии и Океании, пишет: «Балансир, придававший лодке устойчивость, был одним из важнейших изобретений австронезийцев, предшествовавших их расселению по Океании» (1986. С. 324). По «Цидань го чжи», киданин, «когда нужно переправить телеги, то употребляют квадратные лодки или три лодки, соединенные вместе» (Е Лун-ли, 1979. С. 342). Таким способом современные монголы используют катамараны на речных переправах для перевозки легковых машин. Катамараны можно увидеть на сибирских реках, в том числе в Баргузинской долине Бурятии (рис. 3). Л. Р. Кызласов полагает, что катамаран — это самостоятельное изобретение сибирских народов (1992. С. 90—97). В целом, не исключая этого, следует изучать возможные исторические связи данного типа лодки у монголов с тихоокеанским миром.

Судя по данным китайских летописей, древние монголы практиковали земледелие, строили оседлые поселения и развивали градостроительство, им не было чуждо рыболовство и морской промысел. Одним из наиболее ранних этносов, упоминаемых в китайских источниках и связываемых с древними монголами, являются дунху. Российское монголоведение благодаря упорному труду синологов: Н. Я. Бичурина, Н. В. Кюнера, В. С. Таскина — имеет достаточную источниковедческую базу, чтобы исследовать оседлые традиции древних монголов.

Имя дунху появляется в Китае, очевидно, еще в эпоху Чуньцю (722—481 гг. до н. э.). Расселяются дунху севернее царства Янь. Китайскими исследователями выявлены северные границы царства Янь, отмеченные длинной укрепленной стеной. Соответственно дунху должны были жить за пределами стены и занимать центральную и восточную части провинции Хэбэй, южные части провинции Ляонин и юго-восток Внутренней Монголии (Викторова, 1958. С. 45; Таскин, 1984. С. 39; Комиссаров, 1988. С. 88). На восточных границах их земли выходили на Ляодунский залив Желтого моря. С другой стороны, на крайнем западе, они освоили обширные просторы евразийской степи. Центральную часть дунхуских владений составляли южные предгорья Большого Хингана с реками Шара-Мурэн, Лаоха-хэ, Далинхэ, Ляодунские и Чанбоншаньские горы. Именно эти горы, по всей вероятности, имелись в виду, когда китайские летописцы писали: «...все они были рассеяны по горным долинам».

Напомним, что, по исследованию маньчжуроведа Л. В. Дмитриевой, предки монголов первоначально освоили земли, которые характеризовались такими особенностями ландшафта, как степные участки, наличие гор и морского побережья.

В китайских источниках о хозяйстве и быте народов дунху чаще всего упоминается, что они «пасут скот, отыскивая места с хорошей водой и травой. Для жилья не имеют постоянного места» (Таскин, 1984. С. 63). Это было верно в отношении степных дунху, но эту характеристику нельзя распространять на все народы, вышедшие из них. Перечислим ответвления потомков, которые, по мнению древних авторов, имеют своими предками дунху: ухуани, сяньби, цифу, туфа, мужуны, шивэй, кидани, туойхуни, жуаньжуани (рис. 4). История этих народов охватывает почти все первое тысячелетие. Исходными территориями их обитания были земли в пределах Восточной Монголии, Маньчжурии и Ляодуна. Расселяясь, они освоили обширные территории Маньчжурии и Монголии, Сибири и Дальнего Востока. Потомки дунху жили в разных географических условиях и, сообразуясь с природой, развивали соответствующие окружающей среде типы хозяйства.

Судя по китайским летописям, народы, вышедшие из дунху, практиковали земледелие: «...земли ухуаней благоприятны для выращивания проса и растения дунцян» (Там же. С. 64). В подстрочнике к своему переводу Н. Я. Бичурин писал: «...юго-восточные монголы искони доныне занимались и земледелием» (1950. С. 143). О хозяйстве и быте шивэй

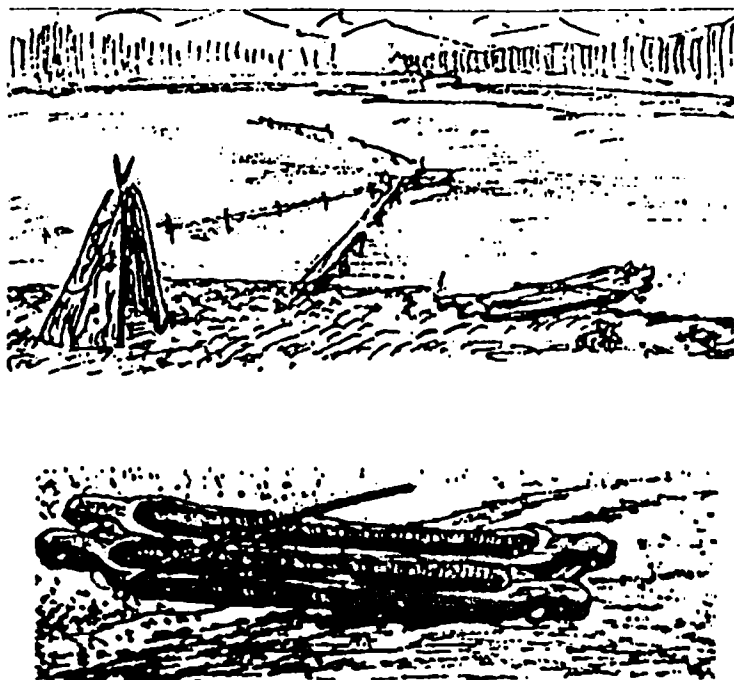


Рис. 3. Катамаран (Баргузинская долина, Бурятия)

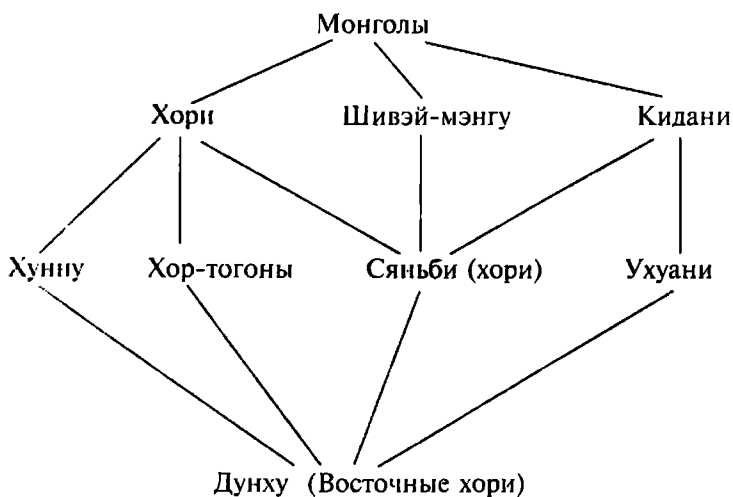


Рис. 4. Родословная монголов. Составил автор

пишется так: «Очень много щетинника, пшеницы и проса» (Таскин, 1984. С. 135). Кумоси, относившиеся к ранним монголам, «хорошо знали, как пахать землю и сеять злаки. Каждый год они арендовали у пограничного населения пустующие земли и засевали их просом. Осенью, когда хлеба созревали, они являлись для уборки урожая. Зерно хранили в ямах у подножия гор, причем никто из посторонних не знал, где эти ямы находятся. При приготовлении пищи они используют глиняные треножники с плоским дном, из пшена

варят кашу, разбавляют ее холодной водой и пьют» (Там же. С. 152).

Факты указывают на то, что земледелие не было чем-то чуждым для древних монголов. Как свидетельствуют источники, правители дунхуских народов осознавали важную роль земледелия. Например, про правящие круги туфа говорится: «...он занялся земледелием и разведением тутового дерева» (Там же. С. 111); чиновники получают натуральное довольствие в размере 2 тыс. даней зерна в год (Там же. С. 115); у них уже была правительственная должность — управителя сельским хозяйством. Соответственно была и государственная политика. И когда выдавались неурожайные годы, то власти закупали зерно для помощи бедствующим и тем самым успокаивали кочевья (Там же. С. 129, 131).

Об оседлости древних монгольских народов существуют такие свидетельства: «Питаются свининой и рыбой, разводят крупный рогатый скот и лошадей, но по обычаю не имеют овец. Летом живут в городах... народ живет оседло... причем число семей доходит до нескольких десятков и даже до ста» — так пишется о шивэй (Там же. С. 135, 138). Часть дунху строили укрепленные крепости и столицы, жили селениями и в городах (Там же. С. 92, 111, 120). На жизнь дунхусцев в Восточноазиатском регионе указывает то, что в перечислении дани упоминаются шкуры тигров и леопардов, сообщается о разведении ими тутового дерева (Там же. С. 66).

Китайский историк Вэй Чжэн сообщает интересные подробности о рыболовстве шивэй: «Долбят лед, погружаются в воду и добывают сетями рыбу и черепах» (Там же. С. 137). Данное сообщение противоречит более раннему источнику, в котором говорилось, что сяньби не умеют ловить рыбу: «Услышав, что жители владения Вожень искусны в ловле рыбы сетями, Таньшихуай (знаменитый вождь сяньби. — Б. Д.) напал на востоке на это владение, захватил более 1000 семей и переселил их на берега р. Ухоуцинь, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище» (Там же. С. 80). Очевидно, китайский автор, опираясь на расхожее мнение, что сяньби являются чистыми кочевниками, не мог представить их рыболовами и поэтому объясняет этот факт чужим влиянием. Из китайского источника можно сделать вывод, что сяньби употребляли в пищу рыбу, потому что, если бы они не ели рыбу, то не было бы смысла даже переселять людей, умеющих ловить ее. Если сяньби употребляли рыбу, то они должны были уметь и ловить ее. О том, что сяньби были знакомы с морем и морскими обитателями, видно из выражения представителя сяньбийской знати, не исключено, что это даже старинная пословица: «Огромный кит может передвигаться только в беспредельном море, а феникс может сушить свои крылья только на высоких дриандрах» (Там же. С. 117).

Итак, древние этапы культуры монголов характеризовались оседлостью, развитым земледелием и свиноводством. Перейдем к рассмотрению археологических материалов, которые связываются с монгольским этногенезом.

2. Археология и вопросы формирования древних монголов (роль ирано-тюркских культур)

С древними монголами атрибутируется культура верхнего слоя Сяцзядянь. Китайские археологи, в частности Цзинь Фэньи, соотносят культуру верхнего слоя Сяцзядянь с монголами дунху эпохи бронзы и раннего железного века. Эту точку зрения поддерживает российский исследователь С. А. Комиссаров (1987, 1987а; 1988. С. 87, 88).

Памятники этой культуры расположены на северо-востоке Китая в провинциях Хэбэй, Ляонин и прилегающих районах Внутренней Монголии. Население, оставившее памятники, было оседлым и обитало в долговременных поселениях с жилищами земляночного и полуземляночного типа, отмечены следы наземных сооружений. В их хозяйстве преобладало зерновое земледелие, разведение свиней, крупного рогатого скота и лошадей. Археологические находки характеризуются такими специфическими сосудами, как триподы, указывающими на оседлость и земледельческий тип хозяйства.

Культуре верхнего слоя Сяцзядянь предшествует культура нижнего слоя Сяцзядянь. Характеристика хозяйства этих культур близка. В эпоху нижнего слоя Сяцзядянь тоже жили в больших поселках, укрепленных каменной стеной. Земледельческие орудия из камня свидетельствуют об оседлой деятельности населения. Многочисленный остеологический материал указывает и на скотоводство — встречены кости овцы и крупного рогатого скота, но преобладают, как и на всех поселениях региона, кости свиньи и собаки (Алкин, 1999).

Наряду с памятниками верхнего слоя Сяцзядянь с монголами связывается еще одна археологическая культура эпохи бронзы и раннего железного века — это культура плиточных могил. Целенаправленное ее исследование осуществлено Г. П. Сосновским (1941), Н. Н. Диковым (1958), В. В. Волковым (1967), А. Д. Цыбиктаровым (1998), Д. Эрдэнэбаатаром (2002). Учеными очерчены границы культуры, которые на севере заходят за Байкал, на юге простираются до пустыни Алашань, на востоке ограничены Хинганским хребтом и на западе доходят до Монгольского Алтая и котловины Великих озер. Размеры этой громадной площади охватывают с запада на восток почти 1800 км и с севера на юг около 1400 км (Цыбиктаров, 1998. С. 26, 96).

Становится понятным, что влияние населения культуры, охватившей столь большое географическое пространство и существовавшей почти тысячелетие, на генезис последующих насельников центральноазиатских степей должно быть значительным.

В. В. Волков высказал предположение — так как основной зоной расселения ранних монголоязычных этносов, таких как дунху и кидани, были восточные районы Монголии, то и население культуры плиточных могил можно было бы увязать с монгольским этносом (1967. С. 103–107). Э. А. Новгородова в поисках монгольского этногенеза опиралась на хозяйственные традиции: «...становление монгольского этноса с самой его ранней стадии было связано со степным ландшафтом, располагающим его к занятию скотоводством», поэтому культуру плиточных могил она считала одной из древнейших протомонгольских (1981. С. 211, 212). Мнения этих двух крупных археологов, ведущих специалистов по древним культурам Монголии, было поддержано в работе Л. Л. Викторовой. Ареал распространения плиточных могил характеризуется монголоидным антропологическим типом, хозяйственные занятия связаны со скотоводством, охотой и примитивным земледелием — эти этнокультурные черты легли в основу формирования многих народов, генетически связанных с монголами (шань-жуны, бэйди, дунху) (Викторова, 1980. С. 118, 119).

Вопросы этнической привязки населения, оставившего плиточные могилы, решались неоднозначно. Н. Н. Диков связывал ее с тюрками (1958). По мнению А. Д. Цыбиктарова, культура сформировалась в зоне своего распространения на основе местных племен энеолита и неолита (1998. С. 157–159). Вероятно, на решение вопросов происхождения культуры плиточных могил будет влиять и общее понимание культурогенеза в целом монгольского этноса.

Таким образом, две различающиеся хозяйственным типом культуры связываются с древними монголами. Культура плиточных могил носит выраженно кочевой характер, а культура верхнего слоя Сяцзядянь типично оседлая культура, аналогичная во многом соседним земледельцам Китая и Кореи. Не может ли быть так, что население этих двух культур, освоившее, с одной стороны, степные просторы Монголии, а с другой — плодородные лессовые долины, прилегающие к Желтому морю, связано с родственными монголоязычными этносами? Имеющиеся факты позволяют говорить о правомерности такой постановки вопроса.

А. П. Окладников, изучая неолит Прибайкалья, отметил некоторую близость инвентаря байкальских культур с находками из неолитических памятников Внутренней Монголии и районов, прилегающих к Великой Китайской стене. Наиболее ярко эти связи проявились в следующую эпоху, в культуре плиточных могил. Наличие триподов — одна из ярких и самобытных черт культуры плиточных могил и древних культур Китая (рис. 5). Он отметил и то, что культура бронзового века Дунбэя также характеризуется захоронениями в каменных ящиках, но последние в отличие от плиточных могил находятся в земле, а не на поверхности. А. П. Окладников сделал принципиально важный вывод: «Люди культуры плиточных могил Забайкалья, столь близко знакомые с древними китайцами и их оригинальной высоко развитой цивилизацией, принадлежали, следовательно, к одному и тому же большому этническому массиву, простиравшемуся в бронзовом и железном веке от Северного Китая, Ордоса и Дунбэя до Байкала. Единство этой культуры, бесспорное сходство характерных для нее погребальных памятников, искусства и быта на всем этом пространстве может рассматриваться, прежде всего, как свидетельство о единстве ее происхождения» (2003. С. 285).

Вопросы родства культуры каменных ящиков Дунбэя и культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии рассмотрены В. Е. Ларичевым в статье «О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья» (1959). Он соглашается с выводом А. П. Окладникова о «подлинно интимном характере связей скотоводческих племен Забайкалья с архаическим Китаем» и уже детализирует это на новых материалах, полученных в Дунбэе и Внутренней Монголии (Там же. С. 64).

Плиточные могилы Дунбэя составляют единую культуру вместе с поселениями, выраженными мощным культурным слоем и занимающими большую площадь. Население проживало в землянках с обожженными и утрамбованными стенами, пол обжигался и обмазывался глиной. Сверху землянки перекрывались деревянными плахами. На поселениях раскопаны многочисленные хозяйственные ямы. Из находок поражает обилие сосудов типа триподов. Сельскохозяйственные орудия представлены мотыгами, зернотерками, курантами и терочниками. Для территории распространения дунбэйской бронзы характерны шлифованные каменные наконечники плугов и бронзовые серпы, близкие по типу к шиферным серпам. В могилах обнаружены остатки растительной пищи, чаще всего зерна проса. Есть археологические свидетельства, указывающие на возможность разведения риса. В одной из могил найдена чаша с отверстиями на дне, аналогичные предметы в Корее и Китае применялись для распаривания риса. Кости животных в основном встречаются на плитах крышки ящика захоронения — преобладают черепа и нижние челюсти собак и свиней, кроме того, попадаются кости быка, овцы и оленей. Фауна поселений состоит из костей этих же животных — свиньи, собаки, лошади, быка и овцы (Ларичев, 1959. С. 67).

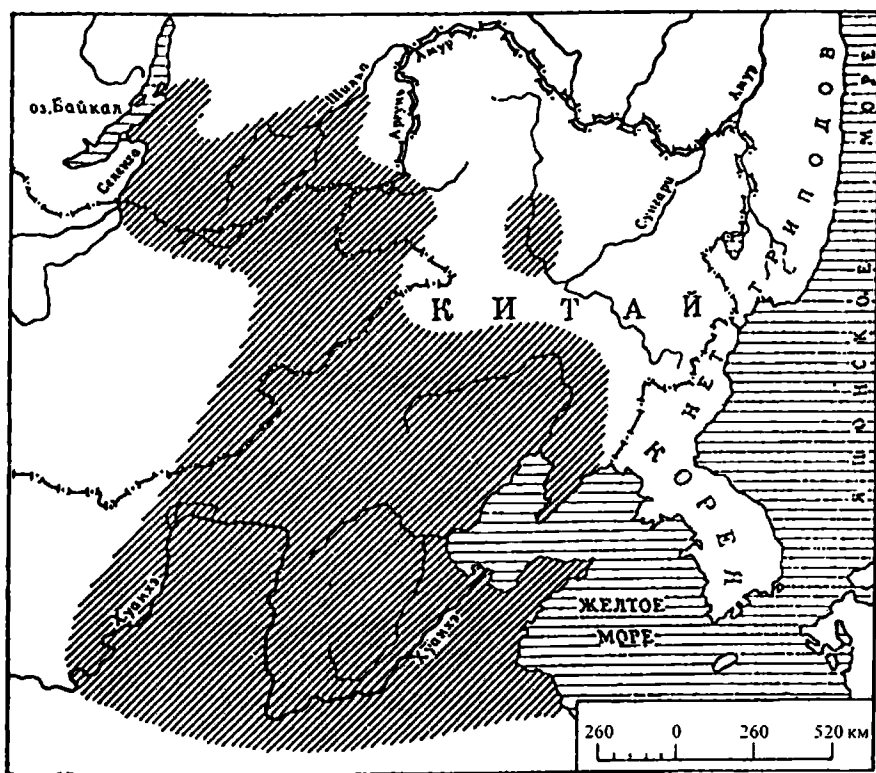
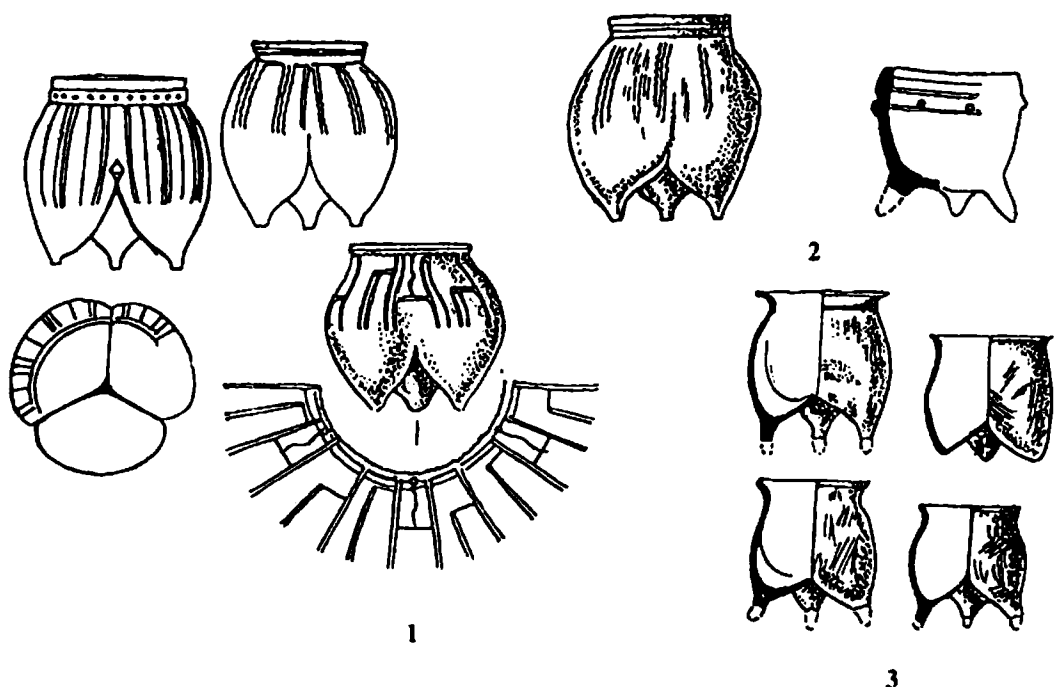


Рис. 5. Триподы и их распространение (по Э. А. Новгородовой): 1 — триподы Забайкалья, 2 — триподы Монголии, 3 — триподы Китая, 4 — распространение триподов в Центральной и Восточной Азии. Составил автор

По В. Е. Ларичеву, особенности культуры каменных ящиков Дунбэя, выразившиеся, с одной стороны, в прочной оседлости с развитым свиноводством, а с другой — в разведении таких животных, как лошадь и овца, несомненно, указывающих на скотоводство, уходят в традиции местных неолитических культур, развивавших земледелие и скотоводство. А эти традиции были обусловлены географическими реалиями природных зон, в

которых развивались культуры. Это районы с разными ландшафтами: на западе и северо-западе — степи Внутренней Монголии, а на востоке — плодородные черноземные долины провинций Жэхэ, Ляонин, Гирин. Поэтому здесь формируется многоотраслевое хозяйство с высокоразвитым плужным земледелием на востоке и частично кочевым скотоводством на западе расселения (Ларичев, 1959. С. 68).

Соответственно культура каменных ящиков входит в круг культур бронзового века Дунбэя, у которых в экономике прочное место занимает как земледелие, так и скотоводство.

Мнения В. Е. Ларичева и А. П. Окладникова о родственности культуры каменных ящиков Дунбэя и культуры плиточных могил были поддержаны Э. А. Новгородовой (1981. С. 211) и П. Б. Коноваловым (1999. С. 13).

Вместе с тем археологи В. В. Волков (1967. С. 44) и Ю. С. Гришин (1981. С. 26) не связывали происхождение плиточных могил с каменными ящиками Дунбэя. Основным аргументом, выдвинутым исследователями, было то, что не может оседлое население (культура каменных ящиков Дунбэя) стать кочевым (культура плиточных могил Монголии и Забайкалья). Эту мысль поддержал А. Д. Цыбиктаров. Он говорит и о восточноазиатской основе, оказавшей влияние на сложение особенностей культуры плиточных могил (1998. С. 159, 160). Эта сложная проблема требует обращения к вопросам формирования кочевничества в исследуемом регионе.

Итак, материалов достаточно, что бы говорить о том, что древние этапы культурогенеза монголов представлены оседлыми культурами с развитым пашенным земледелием, разведением крупного рогатого скота и свиноводством. Встает очень важный вопрос перехода монголов к кочевничеству. Здесь мы только в постановочном плане обрисовываем основные положения, выработанные наукой, в дальнейшем предстоит большая работа по выяснению истоков монгольского и в целом центральноазиатского нomaдизма.

К наиболее раннему скотоводческому населению Центральной Азии относятся создатели афанасьевской культуры. В памятниках этой культуры отмечены кости домашней лошади (Нестеров, 1990. С. 106). Афанасьевские могильники Монголии содержали захоронения людей европеоидного типа, а их этнокультурные связи были ориентированы на запад. В это же время получают распространение рисунки колесниц (рис. 6). Ближайшие

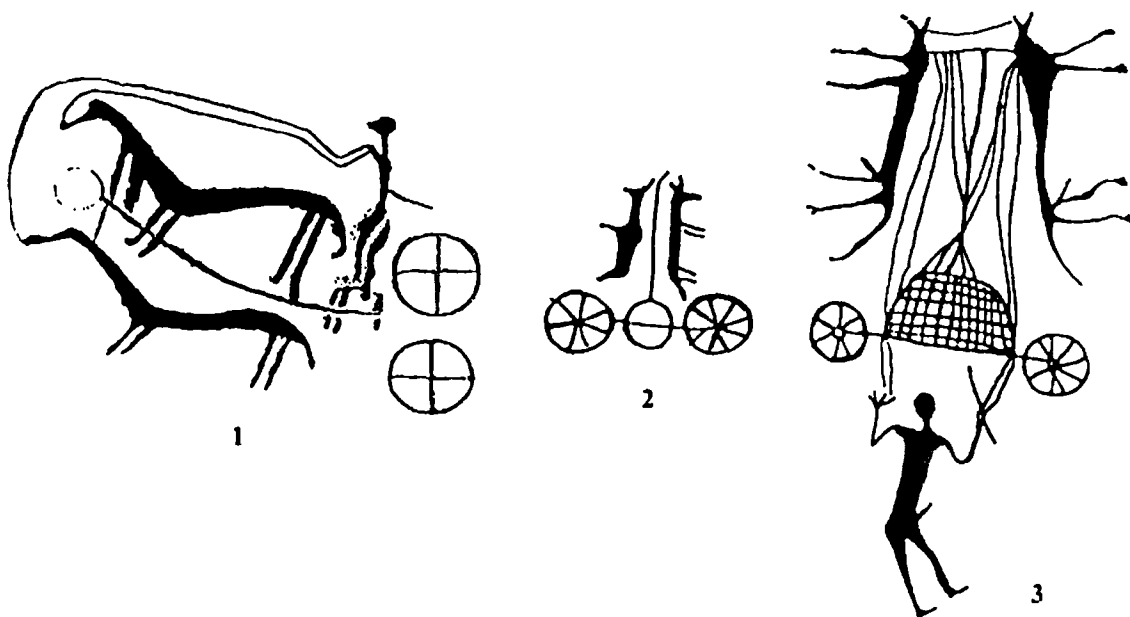


Рис. 6. Колесницы Евразии: 1 — Швеция, 2 — Китай, 3 — Памир (по Э. А. Новгородовой). Составил автор

аналогии монгольским изображениям — петроглифы Алтая, Тувы, Казахстана и Памира. Колесница как средство ведения войны возникла в степной зоне Евразии у арийских племен. На Южном Урале (Аркаим, Синташта), в Казахстане (Петровка), Синьцзяне (оазис Упу) найдены захоронения с повозками, однотипными с ранними колесницами (Чуев, 1999. С. 27). П. М. Кожин, изучивший китайские материалы с колесницами, пришел к выводу: в Китай они попали, вероятнее всего, по степному коридору евразийских степей (1977). Колесницы являются свидетельствами движения населения от Закавказья и Месопотамии и до Китая и Индии. Они указывают на связи западномонгольского населения со странами Ближнего Востока. И эти связи имели не случайный характер (Новгородова, 1989. С. 158).

Эпоха конца II—I тысячелетия до н. э. в Западной и Центральной Монголии представлена культурой курганов херексуров и оленных камней, которая соотносится с европеоидным населением западного происхождения (рис. 7). Н. Н. Мамонова писала: «...антропологический тип населения западных и восточных областей Монголии в эпоху неолита, энеолита и в скифское время резко отличался друг от друга. На востоке расселялись племена, принадлежавшие к монголоидной расе, на западе — европеоидной» (1979. С. 207).

Обзор литературы показывает, многие авторы придерживаются мнения, что кочевничество пришло в Центральную Азию с индоевропейскими культурами. «Эстафета кочевого скотоводства прокатилась по Евразии с запада на восток с конца II тысячелетия до н. э. по I тысячелетие н. э.» (Еремеев, 1990. С. 134). В этой же работе этногенез тюрков и формирование их культуры связываются с иранцами. Из анализа лексики тюркского языка следует, что большое число скотоводческих терминов заимствовано тюрками из индоевропейских языков, в основном иранских (Там же. С. 129). Все это позволяет согласиться с теми исследователями, которые говорят о том, что переход к кочевому скотоводству во Внутренней Азии связан с каким-то давлением или импульсами с запада (Хазанов, 2002. С. 188).

Следует учитывать и то, что Центральная Азия могла быть районом самостоятельного одомашнивания животных, в частности лошади. Различия в основной терминологии, связанной с коневодством у тюркских и монгольских народов, может свидетельствовать о самостоятельном характере начала приручения лошади у этих народов. В. И. Рассадин пишет: «Монгольское коневодство связано, по всей видимости, своим происхождением с коневодством тунгусо-маньчжурских племен, хотя и испытало впоследствии сильное тюркское влияние» (1984. С. 62, 76). Важен вывод зоологов о том, что одомашнивание лошади могло произойти везде, где имелись исходные виды (Цалкин, 1970. С. 130). А. П. Окладников считал, что в неолите, на почве оседлой жизни в Забайкалье и Монголии, мог произойти локальный процесс одомашнивания диких животных — быков и лошадей (1978. С. 204). Изыскания забайкальских археологов дают некоторые новые основания в пользу этой гипотезы (Ивашина, 1996; Цыбиктаров, 2002). Японский исследователь Исида Эйитиро, поддерживая гипотезу индо-иранского происхождения боевых колесниц, высказывал мысль, что искусство сражения на коне верхом являлось культурным достоянием всадников — кочевников Внутренней Азии (1998. С. 101).

Материалы, собранные нами, позволяют согласиться с выводом, что процесс доместикации имел место в Центральной Азии, но был, очевидно, прерван заимствованием одомашненной лошади из западных районов Азии (Поппе, 1936; Нестеров, 1990. С. 115; Тишкин, Дашковский, 2003. С. 264).

Истоки кочевничества монголов следует искать, с одной стороны, в самостоятельном выходе в степь под давлением экономических и природных причин, а с другой — в теснейшем взаимодействии со скотоводами ирано-тюркского происхождения, миграции которых носили континентальный характер.

Мы предприняли попытку рассмотреть историю генезиса монгольской культуры и ее взаимосвязи с населением ирано-тюркского происхождения. Выяснилось, что одной из

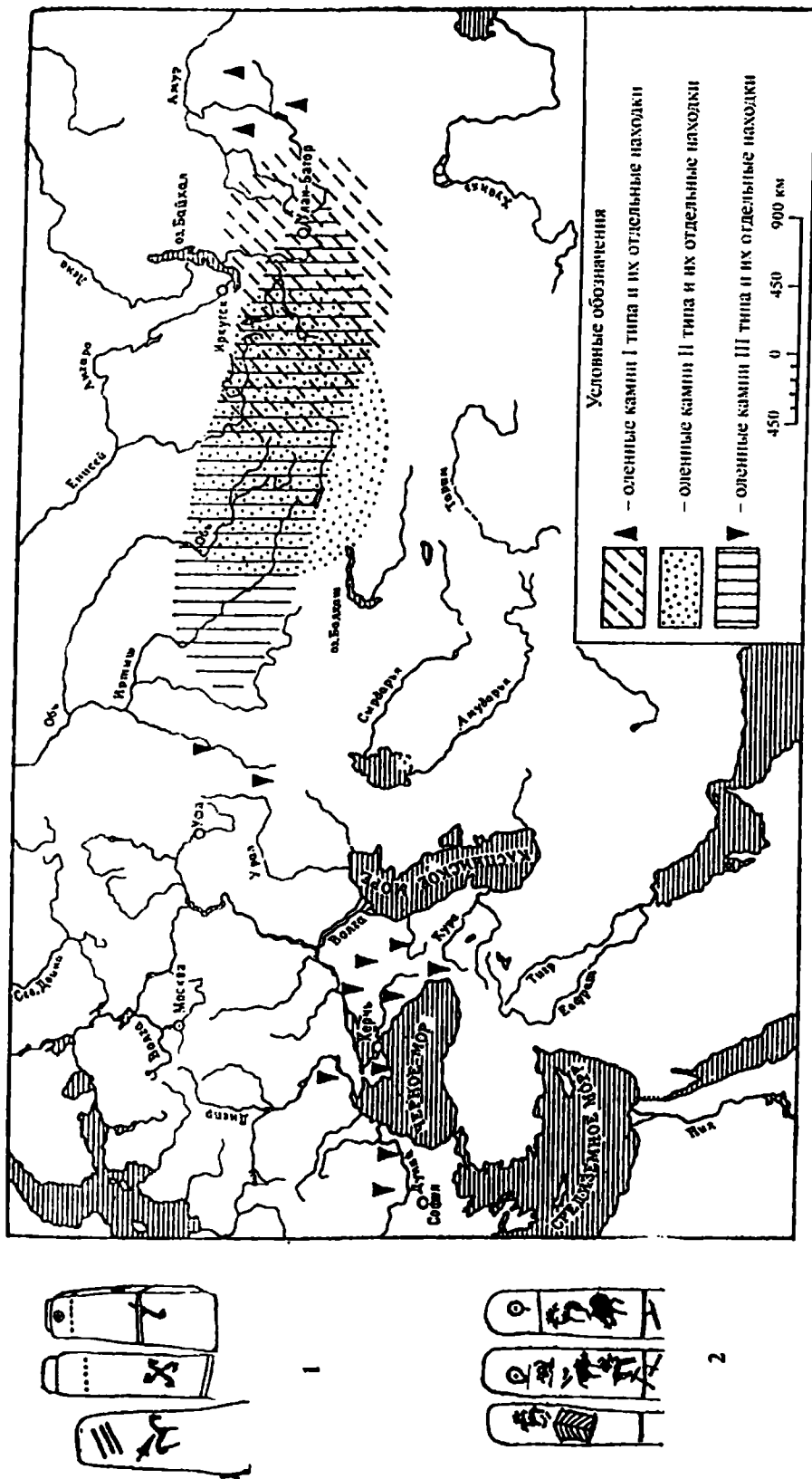


Рис. 7. Распространение оленьих камней (по Э. А. Новгородовой): 1 — III тип, 2 — II тип, 3 — I тип. Составил автор

особенностей формирования историко-культурного комплекса Центральной Азии является взаимодействие западно- и восточноазиатских культурных потоков (Shuicheng Li, 2000).

Если для ранних эпох эти две разные традиции противопоставлены друг другу, то в культуре хунну они предстают уже слившимися воедино. Здесь две линии центральноазиатской истории объединились и переплелись в одной археологической культуре. Поэтому вопрос о происхождении хунну приобретает особую значимость для понимания процессов монголизации и тюркизации Юго-Восточной Сибири и ему следует уделить особое внимание. Изучение культуры хунну необходимо и для понимания связи археологических культур Юго-Восточной Сибири с древностями Дальнего Востока и Южной Маньчжурии.

Археология хунну была впервые выделена в Забайкалье Ю. Д. Талько-Грынцевичем (1999). Блестящие открытия в Монголии экспедицией П. К. Козлова царских курганов хунну в Ноин-Уле подтвердили выводы ученого (Umehara, 1960; Руденко, 1962). Многолетние последующие исследования российских и монгольских археологов получили массовый материал для всестороннего изучения этой культуры (Доржсурэн, 1961; Коновалов, 1976; Давыдова, 1995, 1996; Миняев, 1998; Батсайхан, 2002; Төрбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003; Төрбат, 2004).

В Бурятии известно три царских некрополя знати, около 30 рядовых могильников и большое количество местонахождений, связанных с культурой хунну. Наряду с этим выявлено три укрепленных городища и пять неукрепленных поселений. Хуннские памятники располагаются в основном по долине реки Селенги и ее притоков — Джиде, Хилке и Чикой (Коновалов, 1976; Лбова, Хамзина, 1999). В последнее время хуннские могильники исследованы и в Восточном Забайкалье — по долинам рек Ингода, Онон и Шилка (Яремчук, 2003. С. 73).

Исследование археологии хунну явилось подлинным открытием культуры этого знаменитого народа. Теперь историческая наука может оперировать данными материальной культуры хунну и соотносить полученные результаты с письменными свидетельствами. Летописный фонд о хунну и гуннах достаточно большой, и среди них основное место занимают китайские письменные свидетельства, сохранившие ценные факты из истории хунну. У древних китайских авторов встречаются упоминания о наличии у хуннов пашен, о том, что они сеяли хлеб и строили города (Бичурин, 1950. С. 39, 40, 76, 106; Таскин, 1968. Вып. 1. С. 91; 1973. Вып. 2. С. 22–24, 30, 103).

В целом летописями создан образ чисто скотоводческого народа, скитающегося в поисках пропитания по бескрайним просторам степей: «...переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия; но у каждого есть отделенный участок земли... Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевою охотой и тем пропитываются; а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги. Таковы суть врожденные их свойства... Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием...» (Бичурин, 1950. С. 39, 40).

Первые археологические раскопки сразу же подвергли сомнению фразу летописца об отсутствии оседлости и поселений. Г. П. Сосновский, исследовавший культуру хунну и установивший существование у них оседлых поселений, пришел к выводу о полукочевом укладе жизни хуннского общества (1934). Новые раскопки хуннских поселений, даже в небольшом количестве изученных объектов, демонстрируют высокий уровень оседлой культуры.

Хунну возводили разные типы поселенческих комплексов. Иволгинское городище укреплено несколькими рядами рвов и валов, внутри них размещены жилища и хозяй-

ственные постройки различного назначения. Имеются укрепленные валами и рвами небольшие крепости, аналогичные городищу Баян-Ундэр, возможно, выполнявшие функцию дворцовых усадеб местных правителей (Данилов, 2004. С. 38).

Исследованы и неукрепленные поселки, занимавшие достаточно большие площади, размещенные в поймах рек, — Дурены на Чикое и Енхор на Джиде (Давыдова, Миняев, 1975). Аналогичные городища и поселения открыты в Монголии (Пэрлээ, 1957, 1961).

Археология хунну демонстрирует сложный хозяйственный комплекс, где кочевничество и оседлость тесно переплетены. Эти два типа хозяйства хунну взаимно дополняют друг друга и представляют единое социальное явление. Иволгинское городище — наиболее исследованное из укрепленных поселений хунну. Многолетние раскопки А. В. Давыдовой и последующие публикации служат важным источником реконструкции оседлой жизни хуннского общества (1995, 1996).

Иволгинское городище было расположено на берегу старицы реки Селенги. Поселок занимал достаточно большую площадь прямоугольной формы 348×216 м, ограниченную с одной стороны естественной водной преградой — руслом протоки, а с трех других сторон валами и рвами. Несколько в стороне от поселка было выстроено еще одно укрепленное городище, но меньших размеров. Общие приемы фортификационной архитектуры позволили А. В. Давыдовой считать «малое» городище частью Иволгинского комплекса. Пробные раскопки и зачистки показали отсутствие слоя, связанного с жизнедеятельностью. Функциональное назначение «малого» городища еще предстоит определить, но была высказана мысль о возможности использования его как загона для скота (Давыдова, 1985. С. 27). Высокая плотность застройки на основном городище, где на исследованных 20 % площади были раскопаны остатки 54 жилищ и большое количество хозяйственных сооружений, говорит о том, что перед жителями должна была стать проблема расширения поселка. Поэтому нельзя исключать возможности видеть в возведении «малого» городища выход из данной ситуации. Выстроив оборонительные рвы и валы, «малый» поселок по каким-то причинам не был еще заселен. Впрочем, не исключено и иное его назначение — использование в хозяйственных, административных или военных целях основного селения.

Планы Иволгинского городища показали, что оно имело линейную схему застройки и жилье располагалось прямыми улицами, выходившими к реке (Давыдова, 1959. С. 74). В исследованной части поселка выявлены строения различного назначения — жилые, производственные, административные, хозяйственные объекты. Больше всего было исследовано жилищ.

Самый распространенный тип жилища — это землянки и полуземлянки с двускатной кровлей. В углу землянки располагалась печь, сложенная из каменных плит. От печи вдоль стен жилища проходил дымоход, являвшийся одновременно и отопительным каналом (рис. 8). В поселке имелись наземные жилища. В одном случае (жилище 46) наземное жилище было пристроено к основному строению. Отсутствие отопительной системы и печи позволяет рассматривать эту постройку как летнее жилище (Давыдова, 1985. С. 18). К наземным постройкам следует отнести производственное помещение с горном для выплавки железа. Еще одним типом наземных строений является здание дворцового типа. Оно было построено в центральной части городища, отличалось большими размерами. Ко всему прочему, здание было приподнято и размещено на небольшом искусственном возвышении. Все это говорит о том, что оно предназначалось не для рядовых жителей поселка. О достаточно обеспеченном существовании его населения свидетельствует большое количество хозяйственных ям-погребов, прикрытых крышками, в которых могло храниться зерно, мясо, рыба, корм для скота. Об укоренившихся чертах оседлости говорит и колодец, располагавшийся между двумя жилищами, стенки колодца были скреплены квадратным срубом (Там же. С. 25, 26).

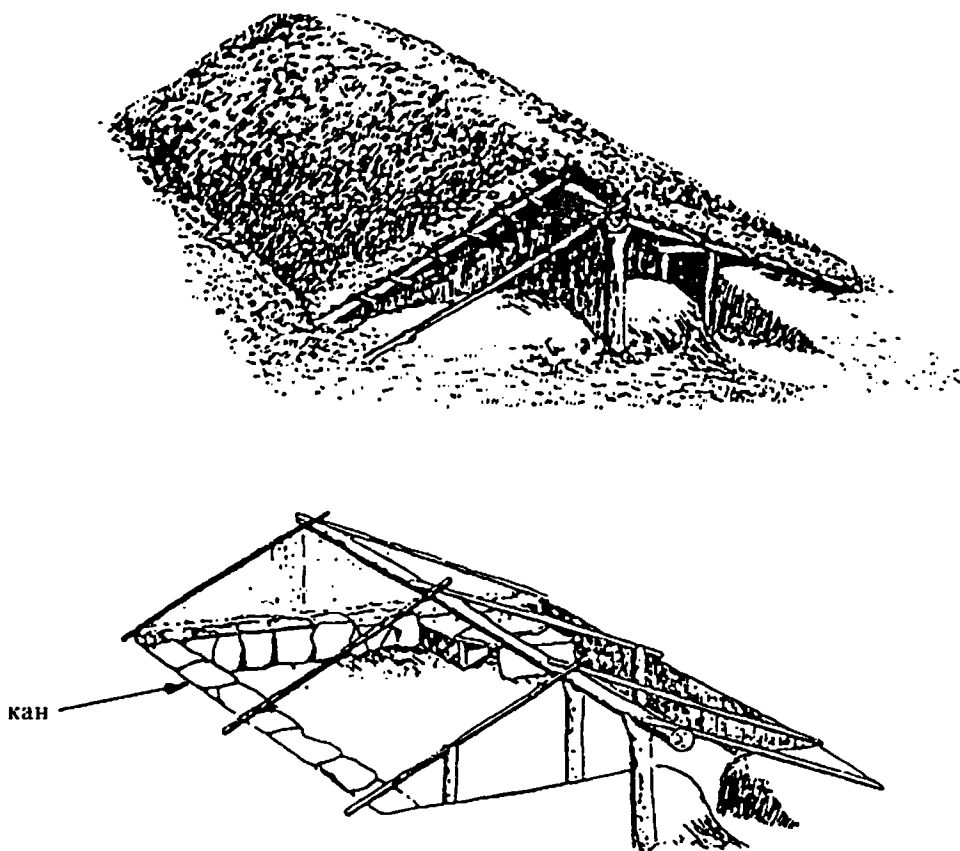


Рис. 8. Жилища хунну с каном (отопительная система) (по А. В. Давыдовой)

Исследователями выявлено, что для оседлого населения чаще всего характерны грунтовые могильники, не обозначенные на поверхности курганами. Могильник, расположенный рядом с Иволгинским поселением, служит еще одним аргументом в пользу этого вывода.

Материалы, полученные при раскопках поселения и могильника, дают полное представление о хозяйственной жизни хунну. Состав стада определяется костными остатками. Важно, что наряду с такими животными, как лошади, крупный рогатый скот, овцы и козы, в хозяйстве хунну большое место занимали свиньи и собаки. Держали они и домашнюю птицу, в раскопках встречаются кости курицы. На развитое земледелие указывают найденные в большом количестве чугунные сошники, наконечники лопат, мотыги, серпы, зернотерки. Найдены зерна культурных растений, высевавшихся хунну, — просо, ячмень и пшеница. Находки, связанные с рыбной ловлей, кости и чешуя разных рыб говорят о том, что рыболовство было постоянным занятием. Занимались жители поселка и охотой на диких животных (Давыдова, 1985. С. 68–75).

Архитектурно-планировочные особенности городища, по А. В. Давыдовой, свидетельствуют о том, что хунну имели устойчивые и развитые традиции сооружения поселений и что эти традиции могли сформироваться на той территории, где они сложились. Было выявлено сходство некоторых находок хунну с аналогичными предметами в дальневосточной археологии, но в целом эти наблюдения остались нераскрытыми (Давыдова, 1985. С. 21, 22, 53, 55, 66).

Работу, посвященную дальневосточным элементам в культуре хунну, опубликовал Д. Л. Бродянский (1985). Он обратил особое внимание на существование у хунну и населения кроуновской культуры Приморья жилищ с обогреваемой лежанкой — каном. Отметил, что для керамики хунну характерны налепные рельефные валики, которые являются ти-

пичной чертой амурской и приморской керамики. Спиральная орнаментация на посуде хунну также восходит к аналогичным узорам приамурской орнаментики, начиная с эпохи неолита. В целом с дальневосточными традициями можно увязать еще ряд хуннских находок — чугунные кельты, украшения, имитирующие кабаньи клыки, костяные панцирные пластины, каменные кольца, сосуды с решетчатым дном (Бродянский, 1985). Исследователь пришел к принципиально важным выводам: «...как в металлургии бронзы у хунну присутствует дальневосточная металлургическая группа, так и в животноводстве представлено дальневосточное направление, вовсе не свойственное скотоводам Центральной Азии: разведение свиней и собак» (Там же. С. 49).

Проблемы формирования культуры хунну были поставлены в работах С. С. Миняева. Он первоначально видел истоки хунну в культурах Ордоса скифского времени. Более углубленное изучение северокитайских материалов дало ему возможность увязать хуннские традиции захоронений в гробах в каменном ящике с аналогичными обычаями культуры верхнего слоя Сяцзянянь в Южной Маньчжурии (Миняев, 1987; 1998. С. 82, 83).

При изучении сюжетов хуннского искусства можно утверждать о большом влиянии на него образов сака-юечжийских коневодческих племен (Руденко, 1962. С. 76). Поясные пластины могильника Даодуньцзы несли явное влияние сакской и китайской культур (Варенов, Полосьмак, 1989). Эта тема получила продолжение и в последующих исследованиях. Н. В. Полосьмак заострила внимание на чертах погребального обряда хунну, которым прежние исследователи не придавали значения, — это размещение в головах умершего большого количества черепов животных (1990). Впервые такие жертвоприношения, преимущественно домашних животных (баранов, коров, лошадей), зафиксированы в тасмолинской культуре Центрального Казахстана, связываемой с миром сакских народов. Это позволило ей говорить об участии ираноязычного населения в сложении хунну уже на ранних этапах формирования этой культуры (Там же).

Западные истоки хунну выявлены и Ю. А. Заднепровским. Изучая археологию Кореи, ученый обратил внимание на погребальный обряд могильника Наннан (юго-западная окраина Пхеньяна). Среди захоронений Наннана особый интерес вызвали погребения в гробах и срубах, было отмечено преобладание северо-восточной ориентировки умерших. Данные погребального обряда и некоторые предметы сопроводительного инвентаря связывают эти могилы с хуннами или племенами, имевшими с ними одинаковые погребальные обычаи. Исследователь поддержал гипотезу С. С. Миняева о связи захоронений в гробах с культурой верхнего слоя Сяцзянянь и отметил, что «именно к этим могилам восходят захоронения в деревянных гробах Наннана» (Заднепровский, 1989. С. 8). Особое внимание он обратил на срубные могилы и подчеркнул, что эта традиция не может быть китайской, а является типично кочевой. И срубы в могилах Наннана и Ноин-Улы (хуннские княжеские курганы Монголии) восходят к погребальным обычаям кочевников Саяно-Алтая (Аржан, Саглы, Пазырык) (Там же. С. 6—9).

По материалам А. В. Варенова, захоронения в срубах имеются на реке Янцзы, где хунну не было. Поэтому он критически отнесся к выводам о хуннской принадлежности захоронений могильника Наннан (Варенов, 1992). В целом следует отметить, что для дальневосточной архитектурной традиции срубы не характерны. И мнение Ю. А. Заднепровского о том, что строительство срубов в захоронениях могло быть занесено в Корею кочевыми культурами, кажется нам вполне реальным.

Следовательно, как показала археология, в культуре хунну представлены две традиции — кочевого и оседлого мира. Причем оседлые традиции самым тесным образом связаны с Дальневосточным регионом и имеют восточноазиатские корни, а истоки кочевых обычаев хунну, напротив, уходят совершенно в другую сторону, в мир западных культур иранского круга (Дашибалов, 2002).

С. С. Миняев, поддерживая уже обозначенную переднеазиатскую традицию «скифо-звериного» стиля в искусстве хунну, попытался этнически обозначить и вторую традицию, в которой вырастали иные мифологические сюжеты и образы. Отметим, что эту линию он предварительно обозначил как протомонгольскую (?) (1993). Ранее указывалось, что с монголами связывалась культура верхнего слоя Сяцзянянь, которая является типично оседлой культурой Дунбэя. С другой стороны, кочевничество распространяется с запада континентальными миграциями индоариев. В эпоху бронзового и раннего железного веков эти две евразийские традиции только проникали, тесно переплетаясь и становясь частью одной культуры, одного этноса. На следующем историческом рубеже, в культуре хунну, можно уже видеть, как две линии центральноазиатской истории соединились в единое целое. Именно в этом феномене следует искать причины политического господства хунну в евразийских степях.

П. Б. Коноваловым были предприняты попытки показать единство западной и восточной ветвей хунну через наличие двух мифологических сюжетов тюрко-монгольской истории. Им был выдвинут тезис об исторической преемственности и родословно-генеалогических связях легенды о «волчьем» тотемическом происхождении монгольского рода Бортэ-Чино (Серый Волк) с древними жунами, дунху и хунну. Другая аристократическая ветвь тянется от Гоа-Марал (Прекрасная Лань), являющейся воплощением второго древнего этнокультурного массива, представленного народами ди, куда входили саки, усунь, юэджи (Коновалов 1993, 1995). Западная ирано-тюркская мифологическая основа культа Гоа-Марал была поддержана работами Б. Р. Зориктуева. Собранный им материал демонстрирует следующее: культ оленя первоначально был характерен для индо-иранских и скифо-сакских племен (1996. С. 11–15).

А. В. Давыдова была первой из исследователей, наиболее детально осветившей оседлые традиции в культуре хунну. Очень сложным являлся вопрос происхождения оседлого населения хунну. Опираясь на свидетельства письменных источников о наличии в хуннской среде китайских перебежчиков и военнопленных и на результаты антропологических обмеров, А. В. Давыдова склонилась в пользу связи оседлости с китайской этнической средой (1985. С. 86). Дальневосточными ремесленниками считал строителей хуннских канов Иволгинского городища Д. Л. Бродянский (1985. С. 49).

Были высказаны и иные мнения. Г. П. Сосновский и А. П. Окладников считали собственно хуннов носителями оседлых традиций. Наличие оседлых поселений с земледельческо-ремесленным хозяйством является примечательной чертой хуннского общества. Оседлые поселения дают основание говорить о полукочевом укладе хунну Забайкалья (Сосновский, 1934; Окладников, 1976. С. 324–326). В этом вопросе их поддержал С. В. Киселев. По его мнению, вряд ли китайские земледельцы или перебежчики, находившиеся на положении пленных, могли иметь право возводить укрепленные городища (1957. С. 92). С. И. Руденко также склонялся в пользу собственной оседлости хунну со значительными заимствованиями из Китая. К заимствованиям он относил: судя по сошникам, плужное земледелие; употребление в пищу риса, притом при помощи костяных палочек; китайский тип полуземлянок; лучшая часть керамики; деревянные лаковые чашечки; часть бронзовых изделий и, конечно, шелковые ткани (1962. С. 114).

Изучение могильников хунну позволило П. Б. Коновалову прийти к такому выводу: «хунну демонстрируют удивительное сочетание элементов скотоводческой, земледельческой, оседлой и строительной культуры» (1976. С. 209).

Таким образом, археология хунну показала присутствие значительного оседлого населения с пашенным земледелием и развитым свиноводством, наличием дальневосточной отопительной системы типа канов и многих предметов, связанных своим происхождением с культурами восточноазиатского типа. Только ли с китайским этносом или каким-либо

другим народом, имевшим дальневосточное происхождение, должны быть соотнесены эти черты?

Ранее мы показали, что все эти признаки оседлости характеризовали культуру древних монголов дунху. Родственные связи дунху и хунну отчетливо просматриваются в письменных источниках. Мнение о близости и родственности этих народов и принадлежности их к монгольским языкам отстаивали в своих работах Г. Сухбаатар (1976) и М. В. Воробьев (1994. С. 182). Как уже указывалось, В. С. Стариков по археологическим, этнографическим и лингвистическим материалам выделил в Северном Китае монголо-маньчжуро-корейский очаг древнего земледелия. Именно с этим культурным центром он связывал и появление такой специфической отопительной системы, как кан (1967. С. 66, 104, 105, 166; 1973. С. 26, 27). Исследователи согласны в том, что каны не характерны для китайской культуры и что сложение отопительных систем подобного типа увязывается с территориями Приморья и Северной Кореи (Артемьева, 1998. С. 91–94). Д. Л. Бродянский полагает, что кан возник в дальневосточной части арсала своего распространения, среди таких культур, как кроуновская, тхэсонри (Корея), верхняя Сяцзянь (1985. С. 49). Одна из упомянутых исследователем культур – верхняя Сяцзянь, обратим внимание, китайскими и российскими исследователями соотносится с древними монголами.

Дополним полученные наблюдения, привлекая еще один вид источников – эпос монгольских народов. Здесь мы будем опираться на одно из основных эпических произведений – Гэсэриаду. Академик Б. Я. Владимирцов назвал Гэсэриаду «колоссальной бурятской эпопеей, далеко превосходящей Илиаду» (1923).

Надо подчеркнуть, что бурятские ученые М. П. Хомонов (1976), С. Ш. Чагдуров (1980) обратили внимание на западные (иранские) истоки Гэсэриады и сделали плодотворные попытки раскрыть их. П. Б. Коновалов предпринял попытку исторического осмысления некоторых ее сюжетов. Он указывал, что эпос Гэсэр во многом имеет отношение к реалиям археологических культур Центральной Азии эпохи бронзы (1999. С. 32–44).

Действительно, в этом национальном эпосе народов Центральной Азии и Тибета отразилась глобальная евразийская коллизия всей истории региона – это столкновение, а затем слияние и объединение в единое целое Запада и Востока. Центральная Азия с глубокой древности была той контактной территорией, где сходились в противоборстве разные культуры и народы. Эта борьба была наполнена эпической героикой, на протяжении тысячелетий волновавшей и волнующей сердца творцов и поэтов.

Г. Ц. Цыбикову принадлежит проницательное высказывание, в котором заложен весь историзм понимания монгольской Гэсэриады: «Ранним религиозным представлениям монголов был свойственен дуализм, т. е. представление о том, что всюду существуют два начала: доброе и злое, белое и черное и т. д. Духи также делятся на добрых и злых. Число «тэнгри» (99) состоит из 55 добрых и 44 злых духов. Я где-то читал заметку, что дифференциация на западных добрых и восточных злых духов находится у бурят в прямой зависимости от соотношения народов запада и востока. Западные племена оказались сильнее, они победили в борьбе, поэтому победители признаны чистыми, белыми, а кто терпит поражения, тот уже тускл, злобен, черен. Земные соотношения двух народностей буряты, по видимому, перенесли на небо и назвали западных духов белыми, восточных – черными тэнгриями» (1981. С. 166).

В эпоху первоначального освоения человеком Центральной Азии археологи отмечают две ярко выраженные и отличающиеся между собой техники изготовления каменных орудий. С одной стороны, типично азиатская галечная индустрия, а с другой – пластинчатые изделия, изготовленные из кремня, присущие для западных культур (Окладников, 1972). В период каменного века не было острого противоречия в сосуществовании двух разных традиций, и они медленно вращались друг в друга, эпизодически обновляясь редкими миграциями с обеих сторон.

Совершенно другая ситуация складывается в бронзовом и раннем железном веках. Люди садятся на лошадь, и степи становятся главной транспортной артерией между Западом и Востоком. Кочевники разносят достижения человеческого духа и рук с одного конца евразийского материка на другой. Одновременно степи превращаются в арену битвы разных культур и идеологий. Выделяется воинская аристократия, возникают культы вождей, отмеченные курганами, наполненными золотом и оружием, и предки в виде каменных изваяний молчаливо напоминают о великих битвах. Подвиги батыров-богатырей воспеваются рапсодами. Основным сюжетом искусства этого времени является борьба — борются люди, звери, фантастические существа. Скифо-сибирское искусство и есть творчество героической эпохи евразийских степей (Грязнов, 1961). И тогда же, надо полагать, начинают складываться первые строки Гэсэриады.

В Центральной Азии в эпоху ранних кочевников сталкиваются две общности: население курганов херексуров и население плиточных могил. На всем пространстве от Ордоса до Байкала эти культуры противостоят друг другу (рис. 9). На ряде могильников в Забайкалье зафиксированы факты, когда население культуры плиточных могил при сооружении своих курганов разбирает ограды херексуров и тем самым оскверняет могилы носителей этой культуры. В степях Монголии плиточники вытаскивают оленные камни (каменные изваяния предков населения курганов херексуров) и вкапывают их в перевернутом состоянии — «головой» вниз или просто разбивают. Случаи осквернения носят обоюдный характер, что демонстрирует активное неприятие чужих традиций и культов, а также показывает борьбу разных идеологий. Со временем отношения местного и пришлого населения нормализовались и начались процессы взаимной ассимиляции. Если для населения херексуров был характерен европеоидный тип, то позднее в херексурах появляются захоронения монголоидов (Цыбиктаров, 1999). Вот та историческая канва, о которой более широко говорилось в предыдущем изложении.

Сопоставим события, о которых нам свидетельствуют археологические памятники, с содержанием Гэсэриады. Герои бурятского эпоса это 55 западных тэнгриев и 44 восточных. Жизнь восточных тэнгриев проходит под восточным небом, а западных — под западным. Весь эпос состоит из борьбы этих двух разных миров. То есть конкретный сюжет евразийской истории, выраженный в столкновении двух потоков — западного и восточного, представлен в эпосе во всей полноте. В реальной жизни эти две разные традиции сходились, смешивались и рождались культуры и этносы, включавшие в себя как тот, так и другой пласт. Но в Гэсэриаде они непримиримы, хотя уже намечен один герой, который как бы является и восточным, и западным тэнгрием одновременно — небожитель Сэген Сэбдэг.

Как уже было показано, западные культуры Центральной Азии на ранних этапах представлены древними иранцами и тюркоязычными этносами. Одной из религий этих народов был зороастризм, а затем манихейство. Обе веры исповедывали общую идеологию. В мире противостоят две силы — добра и зла. Добро связано со всем светлым и чистым, а зло несет все темное и плохое. В итоге добро должно победить зло и на всей земле наступит всеобщее людское счастье (Бойс, 1988. С. 28–30; Виденгрэн, 2001. С. 71–92). Мы видим, что Гэсэриада всецело исповедует именно эту дуалистическую концепцию борьбы света и тьмы. Мир, связанный с восточными тэнгриями, — темный, туманный, сумеречный, а с западными — светлый и ясный. Своих западных героев, если их настигала смерть, в Гэсэриаде сжигают, именно этот обряд хотели совершить с Саргал нойоном. Обычай кремации — очищение огнем и через это приобщение к свету — наиболее характерная черта зороастрийского и манихейского мировоззрения. Неоднократно указывалось, что имя старшего западного тэнгрия хан Хирмас является не чем иным, как именем иранского бога Ормузда. Древнее иранское божество Митра предстает в эпосе в виде Митуу-райн шара мангадхая.

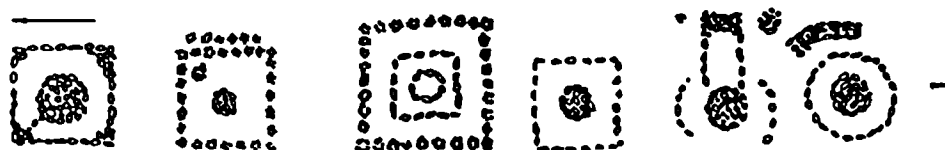
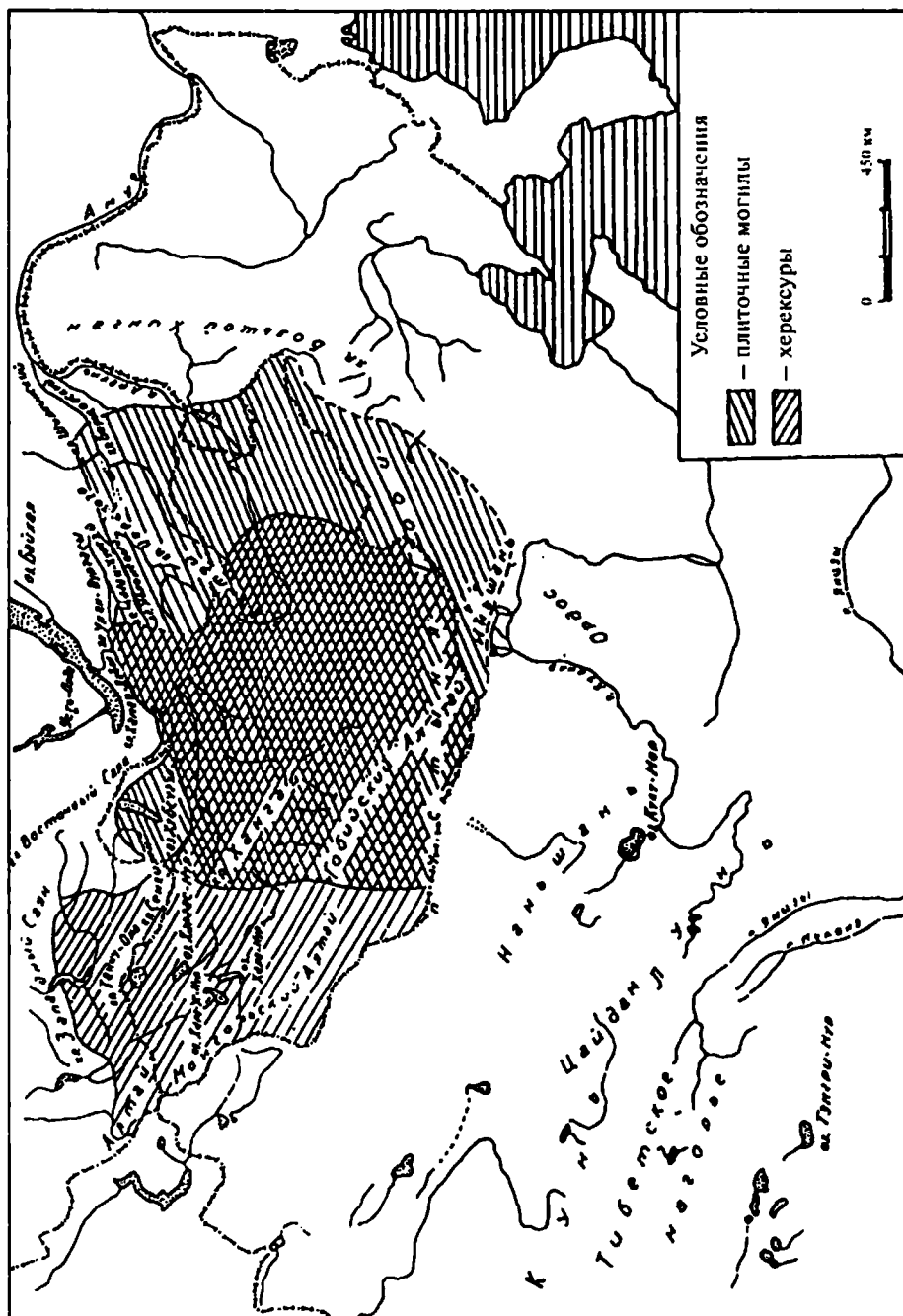


Рис. 9. Распространение плиточных могил и курганов херкесуры в Центральной Азии (по А. Д. Цыбиктарову и Э. А. Новгородовой):
1 — херкесуры, 2 — плиточные могилы. Составил автор

Можно высказать предположение, что Гэсэриада выражает идеи древних индоиранцев и их культура представлена в Центральной Азии в эпоху бронзового и раннего железного веков курганами херексурами, оленными камнями и наскальными рисунками с колесницами.

Обратимся к восточной линии центральноазиатской истории. Она характеризуется культурами плиточных могил и хунну. Судя по археологическим данным, их происхождение связано с территорией Внутренней Монголии и Дунбэя. Хозяйственные занятия культур, вышедших из монгольского центра, восстанавливаются по данным археологических раскопок (Dashibalov, 2000). Конечно, это скотоводство, в степных условиях оно было основным способом пропитания; важно, что всегда присутствует земледелие. Главными противниками западных тэнгриев в Гэсэриаде являются мангадхаи. В «Аламжи Мергене» они называются «мангад шара гахай» — мангад желтая свинья. Этимология слова мангад, вероятно, связана со словами мангу, мэнгу, монголы и с названием Нижнего Амура — Мамнгу (Шавкунов, 1987).

По китайским историческим источникам, монголы — «мэнь» были свиноводцами. Следовательно, можно высказать предположение, что свиноводство, черта хозяйства, отличающая древних монголов от иранотюрков-скотоводов, закрепилось в Гэсэриаде в образе врага — мангад гахая (монгольской свиньи). В искусстве древних обитателей Внутренней Монголии и Дунбэя (протомонголов?) образ свиньи — кабана иногда сливался с образом дракона — змеи (Алкин, 1987). Возможно, к этому имеет отношение китайское название Амура — Хэйлунцзян (Река Черного дракона). В булагатской версии Гэсэриады гигантская змея (Хорото шара могой) сражается с царем птиц Ханхан Хэрлиг (Гаруда). Как тут не вспомнить борьбу зверей в скифо-сибирском искусстве. С. Ш. Чагдуров привел очень удачный пример из Шах-наме, где иранцы борются с дикими кабанами (1980. С. 43). Не являются ли эти сюжеты поэтическими отражениями противостояния Запада и Востока?

Мангадхаи Гэсэриады чаще всего живут возле морских берегов, и западные тэнгрии уничтожают их и загоняют в моря. Так поступили с войском Атай Улана, «расплавив, согнали... на дно Желтого моря». С Атай Уланом связан и образ Лосото (Лобсон) далай — владыки всех людей, в монгольской Гэсэриаде Лобсон хан — драконовый царь. Гигантская морская рыба — кит Абарга имеет непосредственное отношение к мангадхаям. Бросается в глаза то, что понятие о море хорошо разработано в Гэсэриаде — есть Желтое, Белое, Черное и даже Ледовитое моря. Несомненно, здесь сказывается влияние монгольской этнической линии.

Остановимся еще на одной черте хозяйства древних монголов, а в Гэсэриаде мангадхаев — земледелии. Абай Гэсэр обращен в осла и пашет землю у мангадхаев (монголов). Тугэшинские князья ходят осматривать китайские — киданьские посевы. Гал Дулмэ, персонаж, стоящий на стороне мангадхаев, берет белое просо для культового действия. Все это явно указывает на то, что мангадхаи занимались земледелием. Материалы, собранные наукой, позволяют говорить, что районы рек Шара-Мурэн и Нижнего Амура — центры древнейшего земледелия (Алкин, 1999).

Рассмотрим происхождение имени Шэрэм Мината, героя Гэсэриады, выступающего на стороне мангадхаев. Шэрэм, по-монгольски чугун, и его изобретение связано с территорией древнего расселения монголов, и из Восточной Азии монголы распространили его по всей Евразии. Поэтому вроде бы понятно, почему мангадхая — монгола прозвали Чугунным дьяволом.

Исследование Гэсэриады ставит еще одну проблему — наименование монголоязычных народов до появления собственно этнонима монгол.

Б. Б. Бадараев предполагал, что в основу Гэсэриады легли сражения тибетцев с тугуньями, или, как их называют, хоро-тогодонами (по Чагдурову, 1980. С. 91). По мнению Л. Л. Викторовой, тибетский Лин — Гэсэр воевал именно с буддистами хоро-тогодонами (1972).

Ц. Дамдинсүрэн в своем фундаментальном исследовании Гэсэриады показал, что шараголы (ширай хоры) и есть желтые хоры, но этническая принадлежность хоров вызывала у него определенные затруднения. Согласно его материалам, он не отрицал и монгольскую версию: «Сами монголы в настоящее время не называют себя хорами, но в старинной монгольской грамматической литературе встречаются такие выражения, как «ор монгол хэлэ», что означает «коренной» «настоящий» литературный монгольский язык... Слово ор, может быть, в древности имело начальное *h* и звучало хор» (1957. С. 216).

Материал о древних хорах приведен Г. Н. Румянцевым. Он согласен с Миньчжул Хутухта, который писал, что этноним хор «испорчен» китайцами в ху (Румянцев, 1962. С. 127). Это же подтверждает российский востоковед В. П. Васильев, указывающий на то, что ху это есть хор — название, издавна служившее в Китае для обозначения монгольских племен (по Грумм-Гржимайло, 1926. С. 91, 144). Ю. Н. Рерих по этому поводу писал: «Тибетское племенное название хор — не что иное, как тибетская транскрипция китайского ху — названия, которым обозначались центральноазиатские племена иранского и тюрко-монгольского корней» (1999. С. 89). Г. Н. Румянцев поддержал эти соображения: «Весьма вероятно, что хор — множественное число от хо- или ху-. Тогда китайское наименование предков сяньбийцев — дун-ху “северные варвары”, может быть истолковано и как “северные хоры”» (1962. С. 127). С этой же версией соглашается Ц. Б. Цыдендамбаев, подробно разобравший бурятские летописи (1972). Таким образом, монголовед Г. Н. Румянцев, синолог В. П. Васильев и тибетолог Ю. Н. Рерих выявили общность и связи между этнонимами ху, дунху и хор.

О языке дунху (хор-хори) не было высказано однозначного мнения. Исследователи приходят к выводу, что это был смешанный народ, не исключено его иранское происхождение, а впоследствии он стал предком тюрков и монголов (Грумм-Гржимайло, 1926. С. 91, 142–148). Достаточно распространено явление, когда этноним происходит из другого языка. Например, славяне болгары получили имя от одноименных тюрков, а Китай в России называется по имени монголов-киданей.

Ближние по звучанию к хор наименования встречаются в Иране, Средней Азии и Европе — Хорасан, Хорезм, Хорватия. Есть мнение, что этноним хорваты имеет иранское происхождение и появился там, где славяне вплотную соприкасались с ираноязычным населением (Седов, 1979. С. 98–100). Топоним Хорезм значит «страна солнца» (Кузнецов, 1998. С. 251), а Хорасан переводится как «земля солнца». Эти названия говорят о том, что данные имена могли быть связаны с языком древних индоиранцев. Древнеиранский термин *hvar* (фарн) — солнце может звучать и как сур в индоарийских языках, и как хур в иранском языке (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 54; Скрынникова, 1997. С. 163–186; Павлов, 2003. С. 124). Культ поклонения солнцу распространен у древних индоиранцев. Солнце являлось символом добра. Бог Солнце назывался Хорс, что соответствует осет. *xur*, авест. *hvar* — солнце (Кузнецов, 1998. С. 251). Предпринимались попытки сопоставления английского название коня *horse* с именем славянского божества Солнца — Хорс (Голан, 1994. С. 50, 51). Отметим, что в мифологии образы солнца и коня взаимосвязаны, например ритуальные столбы — «кони» (нижненемецкие *Horsa*) (Иванов, Топоров, 1980. С. 529; Дашибалов, 2003а). Возможно, не случайно, что кидани считали себя детьми Солнца. Мать Абаоцзи забеременела от того, что само солнце проникло в ее лоно. Когда будущий император родился, то вся юрта осветилась чудесным божественным светом (Кычанов, 2004. С. 115, 116).

Б. А. Рыбаков пишет, что форма круглых ритуальных построек славянских святилищ наталкивает на мысль о восхождении термина «хоромы» к понятию круга: «хоро» («коло») — круг, хоровод (ср. бурятский круговой танец ёхор, болгарский танец коло. — Б. Д.). В языческие времена сходная семантика распространялась на Хорс-солнце, а после крещения славян и на «хорос» — круглое паникадило в церкви, восходящее к греческому «хор» —

собрание. Понятия «собрание» и «круг» остаются близкими и в дальнейшем — казачий «круг» (Рыбаков, 1988. С. 228; Дугаров, 1991; Скрынникова, 2002).

С какой из индоевропейских миграций можно увязать эти факты? Одним из предполагаемых этносов могут быть тохары. Языковеды говорят о связи тохарского языка с тюркским языком, к I тысячелетию до н. э. относят контакты тохаров и китайцев. Восточная граница тохарского влияния реконструируется по материалам Г. Рамстедта, указывавшим на ранние контакты тохаров и корейцев. Вызывает интерес и мнение Э. Пуллиблэнка о тохарском происхождении древнекитайских представлений о небесных конях и единороге (цилинь) (по Иванову, 1992. С. 15, 16).

Все эти этимологии позволяют нам предположить, что этноним ху или хор связан с древним индоиранским распространением и в дальнейшем стал самоназванием древних монголов. Уже одно это указывает на то, насколько тесно были сплетены в древности пути и судьбы монголов и иранцев. Напомним, что исследователи склонялись к тому, что этноним монголы — мэнгу, мангу связан уже с эпохой средневековья и с шивэйскими племенами, вышедшими из Приамурья. Нельзя исключать и того, что первоначально мэнгу — мангу могли быть не монголами (Викторова, 1980. С. 162; Билэгт, 1998, 2003).

3. Центры раннего монгольского культурогенеза и этногенеза

Изложенный материал свидетельствует о Южной Маньчжурии и территории, примыкающей к Ляодунскому заливу Желтого моря, как о древнейшем центре монгольского развития. Именно здесь в родственной близости с тунгусо-маньчжурами и предками корейцев и теснейшем взаимодействии с китайским этносом проходило становление культуры и традиций древних монголов.

Это места, где был древнейший очаг самостоятельного земледелия и где фиксировались ранние следы свиноводства и собаководства. Непосредственная близость к Тихому океану вызвала традиции, связанные с морем и рыболовством.

В. С. Стариковым по археологическим, этнографическим и лингвистическим данным было предложено выделение особого монголо-маньчжуро-корейского очага древнего земледелия (1973. С. 26, 27). Думается, что этим названием можно обозначить и центр раннего монгольского этногенеза и культурогенеза — монголо-маньчжуро-корейский центр. По всей видимости, отсюда по разным причинам и в разное время началось продвижение древних монголов в различные регионы Восточной и Центральной Азии (рис. 10).

На месторасположение генезиса ранних монголов (дунху) указывают связи с предками корейцев. Р. Ш. Джарылгасиновой показано наличие двух этнокультурных комплексов в этногенезе корейцев — северного и южного. Северный компонент увязывается с «алтайскими» группами. В достаточно широком понимании «алтайского» компонента большая роль отводится монголам (Джарылгасинова, 1970. С. 108–114; Сумьябаатар, 1975; Викторова, 1980. С. 192). Некоторую ясность в конкретизацию монгольских составляющих корейского этногенеза вносят исследования по этнонимам и топонимам древней Кореи. Большой интерес вызывает в данном случае все, что связано с Кори — страной, по имени которой названа Корея. Ряд исследователей, выявляя этимологию слова Корё (гурё), в частности (Сиратори, Мисина, Джевон, Гимун), отмечают близость к слову куру — город и к древнему корню кор — пещера, укрытие, крепость (Джарылгасинова, 1970; Ким Бусик, 1995. С. 323). Семантика этих слов сопоставима и с монгольским языком: хурээ — ограда, стан, лагерь, круг (Монгол орос толь, 1957. С. 578).

По легендам, основатель корейского государства Пусе (Тонмен) происходил из северной страны кочевников Кори (Гаоли). Ученые То Юхо и Хон Гимун название Когурё, особенно в варианте Корё, увязывают со страной Кори. Из этого мифического государства вели происхождение предки народов пусе и когуре (Джарылгасинова, 1970). По мнению

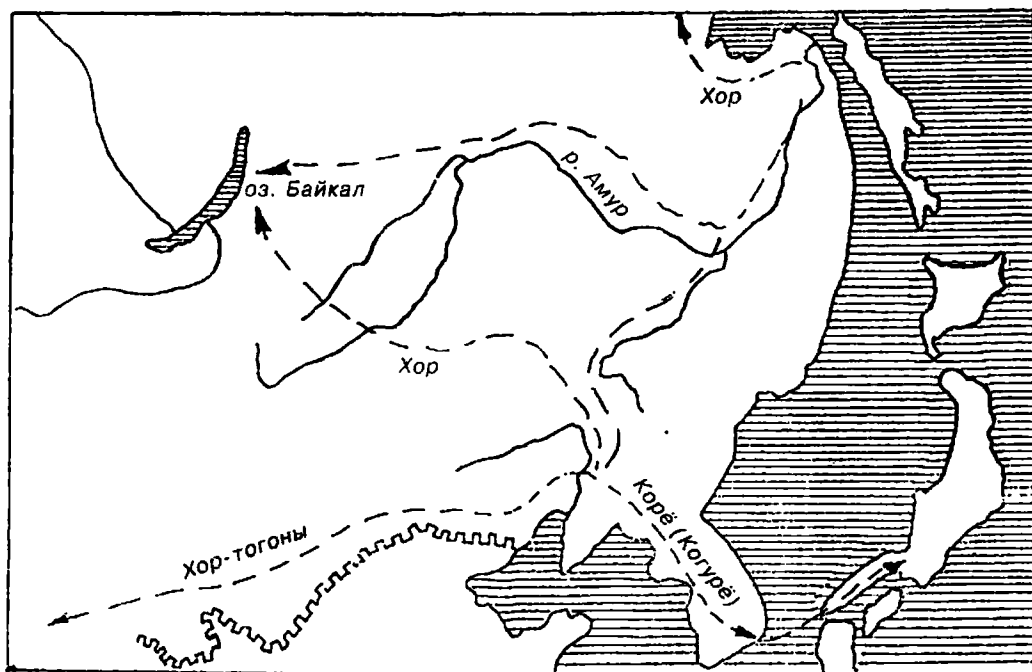


Рис. 10. Схема переселений хори-монголов. Составил автор

Кан Инсука и Ли Джирина, государство Пуе (в частности, Северное Пуе находилось в верховьях реки Ляохе) и в разных источниках называлось по-разному — в том числе и Кориуг. Во второй половине I тысячелетия до н. э. там обитали дунху (Бутин, 1984. С. 48). Ли Кан считает, что в создании Когурё участвовали выходцы из Северного Пуе — народы группы дунху (Воробьев, 1997. С. 106). Китайские исследователи поддерживают версию о том, что население Пуе (Фууюй) могло быть монголами (Сунь Хун, 2001. С. 81). Этот материал говорит о большой близости исторических судеб монголов — дунху (хори) и древних корейцев, существует и лингвистическая связь слов дунху (хори) и Кори. Они указывают, что дунху занимали земли, непосредственно тяготеющие к Корейскому полуострову.

Китайские летописи сообщают нам о кочевании монголов в район Кукунора. И здесь формируется уже вторичный центр монгольского культурогенеза, назовем его Кукунорским. По китайским источникам, в начале IV в. н. э. сяньби муяны откочевали на запад в область Амдо и Кукунор. Записана сяньбийская легенда, объясняющая эту перекочевку. У сяньбийского вождя Илоханя было два сына — Туюхунь и Жологуй. Однажды их лошади подрались. Жологуй стал упрекать за эту драку Туюхуня, и тот, обидевшись, откочевал на запад. Была предпринята попытка вернуть его, но Туюхунь сказал, что лошади подрались по воле Неба. Вспоминая о Туюхуне, Жологуй сочинил «Песнь старшего брата» (Ага чжу гэ) и в конце жизни с глубокой печалью пел ее. На языке сяньби агань означало «старший брат» (Таскин, 1992. С. 16, 17). Здесь мужуны создали сильное государство хори-тогонов, впоследствии на этих землях сформировались тибетские уделы Хор.

Еще один центр монгольской речи возник в степях за пустыней Гоби. Основные районы были связаны с Алтае-Хангайскими горами и привязаны к рекам Селенга и Орхон. Главной силой в этих местах являлись жужани. Их происхождение связывается с сяньби. Располагаясь на западе монгольских кочевий, они наиболее тесно взаимодействовали с тюрками.

Крупный регион раннего монгольского развития связан с рекой Амур (Тамига, 1973). Е. И. Кычанов, опираясь на труды Комаи Есиаки, Тамура Дзицулдо и Луи Амбиса, показал, что в VI–IX вв. монголы «занимали огромное пространство по южным берегам Амура от устья Аргуни до устья Сунгари и всю северную часть Маньчжурии между Сунгари и

Аргунью. Если к этому добавить проживавших юго-западнее си и киданей (бассейн р. Шара-Мурэн), то получим приблизительно точную картину расселения предков монголоязычных племен» (Кычанов, 1980. С. 139).

На верхний и средний Амур как зону расселения монголов указывали и материалы, собранные В. В. Викторовой (1958. С. 54–62). Исследованиями археолога-востоковеда Э. В. Шавкунова (1986) и археолога Ю. М. Васильева (1983) было предложено связывать с монголами покровскую археологическую культуру. Работы С. П. Нестерова интерпретируют михайловскую культуру среднего Амура как принадлежащую монголам шивэй (1998. С. 25–52). Л. Р. Кызласов, говоря о ранних монголах, высказал мысль, что корни монгольской культуры следует искать не в степях, а у монголов-рыболовов и охотников Амура (1975). Е. И. Кычанов подчеркнул, что имеются в виду не все монголоязычные народы, а те, кто именовался монголами, которые в старой и новой историях династии Тан упоминались под именем мэнью или мэнва среди племен шивэй (618–908) (1980. С. 136).

Амурский центр на западе и северо-западе переходит в еще один район монгольской речи. Это тот центр, обозначим его байкальским центром монгольского культурогенеза и этногенеза, непосредственным изучением которого мы займемся.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В предыдущей главе были рассмотрены вопросы сложения монгольской культуры, определены палеоэтнографические черты хозяйства и быта древних и ранних монголов. Оседлость, занятие земледелием и свиноводством — таковы характерные признаки культуры ранних монголов. Археологические, антропологические и языковедческие данные также указали на тесную связь сложения древнего монгольского кочевничества с культурами ирано-тюркского мира. Вместе с тем имеющиеся материалы говорят о глубокой древности процесса движения монгольских культур в восточные просторы евразийской степи. Полученные выводы дают возможность взглянуть на вопросы культурогенеза и этногенеза средневековых культур Юго-Восточной Сибири с учетом этих новых положений.

1. Ранние монголы в Юго-Восточной Сибири

Раннее средневековье в Центральной Азии и Южной Сибири знаменуется активным выходом на историческую арену тюркоязычных народов. Культуры тюркских каганатов хорошо изучены археологическими исследованиями в Монголии и Южной Сибири. Средневековье Дальнего Востока представлено тунгусо-маньчжурскими народами — мохэ, чжурчжэни и культурами ранних монголов — шивэй, кидани. Регион Юго-Восточной Сибири, располагающийся в центре между названными областями, является территорией широкого взаимодействия этих этносов. Здесь монголы, тюрки, тунгусо-маньчжуры контактировали и влияли на процессы культурогенеза и этногенеза. С взаимопроникновением разных традиций, народов и языков определение этнокультурной специфики данной территории представляет немалую сложность для исследователей.

С ранними монголоязычными народами многие исследователи связывают в истории Забайкалья такие этносы, как сяньби, шивэй, кидани. Немаловажно, что, по китайским источникам, сяньби и шивэй относятся к народам, вышедшим из поколения дунху. В 209 г. до н. э. хунны разбили дунху и часть дунху стала называться сяньби. Это имя не было самоназванием, так они обозначались в китайских хрониках по названию горы, возле которой поселились. Сяньби, как и хунну, подразделялись на северных и южных. Южные сяньби — юйвынь (хи), муюн, кидань. Они занимали земли к востоку от излучины Хуанхэ и в бассейне реки Ляохэ, на северо-востоке расселялись до рек Нонни и Сунгари. Из северных сяньби наибольшую известность получили тоба (тобгачи). Их земли находились далеко от Китая, и они долгое время оставались неизвестными. В северных пределах тоба пробыли в течение четырех поколений (Таскин, 1984. С. 42; Воробьев, 1994. С. 245).

По археологическим исследованиям, захоронения сяньби известны на Ононе, Аргуни и во Внутренней Монголии (Ковычев, 1987; Раскопки в Лаохэшэнь..., 1987; Яремчук, 2003). Здесь сяньби набрали силу и разгромили хунну (Кириллов, 1979. С. 60, 61). Источники отмечают движение сяньби на юг. Эту миграцию следует рассматривать как акт возвращения сяньби на свои родные земли — земли их предков дунху. В пределах Северного Китая сяньби (тоба) создали несколько правящих династий (Думан, 1968; Паркер, 2003).

По мнению Л. Л. Викторовой, этнонимы сяньби и шивэй тесно взаимосвязаны. Она поддерживает мысль Пелльо о том, что слово «шивэй» есть искаженное поздней транскрипцией «сяньби» и оба слова восходят к монгольскому «широй» — «земля» (1958. С. 55).

Китайскими авторами шивэй считались родственными киданям: «...живущие на юге называются киданями, живущие на севере — шивэйцами» (Таскин, 1984. С. 136). У исследователей нет единого и определенного представления об их расселении. Так, В. П. Ва-

сильев считает, что земли шивэй охватывали территории от Забайкалья и Якутии до Даурии и Халхи. Ученые Д. Позднеев, В. Радлов размещают их в районах, прилегающих к озеру Байкал. Часть исследователей склоняется к локализации шивэй по реке Амур, в верхней и средней частях и ее притокам – рекам Нонни и Сунгари (Викторова, 1958. С. 54). Работы, вышедшие за последние годы, связывают шивэйские племена в основном с территорией на восток от Яблонового хребта и до Малого Хингана (Нестеров, 1998. С. 14).

В старой истории династии Тан о владении шивэй говорится: «...на востоке оно доходит до хэйшуй мохэ, на западе – до туцзюэцзев, на юге граничит с киданями, на севере их земли достигают моря» (Таскин, 1984. С. 137, 138). Новая история династии Тан вносит некоторые уточнения: «Шивэйцы относятся к отдельной ветви киданей. Они живут на северной окраине [земель] дунху и, по-видимому, являются потомками динлинов» (Там же. С. 139). Наименование «шивэй» охватывало множество поколений, которые заселили обширные пространства, расположенные севернее киданей. Авторы летописей расходятся в перечислении названий и расселении разных шивэйских подразделений.

Земли южных шивэй граничили с киданями: «...в их владении имеется большая река, текущая с севера, шириною более 4 ли, называемая Нашуй» (Там же. С. 135). Уточняется, что «земли во владении низкие и сырые» (Там же). По мнению К. Сиратори, рекой Нашуй может быть Амур. С этим согласны В. Е. Ларичев и В. С. Таскин. Другие исследователи (Тан Инцзе, Комаи Есиаки, Э. В. Шавкунов) отождествляют Нашуй с рекой Нонни. Действительно, обогнув Большой Хинган, Амур течет с севера на юг, и река Нонни, начиная с истоков до впадения Сунгари, течет с севера на юг. Исследовав эти географические привязки, свою точку зрения высказал С. П. Нестеров. Он полагает, что «скорее всего под древней Нашуй подразумевалась Зeya с Амуром ниже ее впадения» (1998. С. 9). Данный пример показывает, насколько сложно и иногда даже практически невозможно точно соотнести географические сведения летописных источников с современной картой. Продуманные аргументы имеются у каждой из исследовательских сторон, и только дальнейшие работы смогут прояснить ситуацию.

Земли северных шивэй, а среди них упоминаются бо шивэй, жили в местах с большими зимними морозами и холодами. Снега выпадало столько, «что в нем тонут лошади» (Таскин, 1984. С. 137). Но, несмотря на всю суровость природы, источники отмечают многочисленность населения. Указывается, что «северные шивэй иногда присылали послов с данью и подношениями, но от остальных никто не приезжал» (Там же).

На юго-запад от бо шивэй располагались земли шэньмода шивэй. Это название они получили от реки. Земли отличались холодом, и люди зимой «живут в норах» (Там же). Очевидно, имеются в виду землянки. По Л. Л. Викторовой (1958), И. И. Кириллову (1979. С. 63), Е. В. Ковычеву (1984. С. 16, 17), под названием шеньмохын следует понимать реку Шилка.

Двигаясь еще дальше на юго-запад, «прибываешь в земли больших шивей» (Таскин, 1984). Возможно, под этими землями предполагаются лесные области Забайкалья и Якутии. В частности, имеется указание на то, что в этих землях много соболей и белок. О больших шивэй говорится, что их язык непонятен. Л. Л. Викторова (1958) и С. П. Нестеров (1998. С. 18) исключают их из шивэйских племен.

Следуя тексту средневековых китайских авторов, складывается картина, что шивэй должны были занимать обширные пространства горной тайги, простирающиеся севернее и южнее Амура. Затем их владения по горно-таежной зоне отклонялись далеко на запад. Вполне допустимо, что их земли распространялись до Байкала и Лены. Летописные свидетельства позволяют воссоздать предполагаемую схему миграций шивэй.

Из Южной Маньчжурии, где располагались земли киданей, их непосредственных сородичей, шивэй в течение длительного времени расселялись на север вдоль Большого Хингана. Вероятнее всего, по восточной его стороне по долине реки Сунгари они вышли

на Амур. Здесь, обогнув Хинган, спустились на юго-запад до Далай-нора на юге и до Байкала на западе. Одна из ветвей шивэйских подразделений могла от Амура выйти на левые притоки Лены, такие как Олекма и Алдан, и уйти в Якутию. По всей видимости, они в своем расселении обогнули восточную и северную окраины монгольских степей и старались осваивать речные долины, размещенные в горной тайге. Судя по источникам, изначально шивэй не были чистыми кочевниками-скотоводами. Китайские авторы, говоря, что шивэй жили в лесах и горах и описывая их занятия и быт, не показывают их только лесными охотниками и звероловами.

Обратимся непосредственно к летописям, в которых дано описание хозяйства и быта шивэй.

Вэй Шоу («История династии Вэй»): «Очень много щетинника, пшеницы и проса. Питаются свининой и рыбой, разводят крупный рогатый скот и лошадей, но по обычаю не имеют овец. Летом живут в городах, а зимой переселяются, отыскивая воду и траву. Много соболиного меха» (Таскин, 1984. С. 135).

Вэй Чжэн («История династии Суй»): «Ездят на запряженных крупным рогатым скотом повозках с жилищем из циновки, похожих на войлочные кибитки туцзюэсцев. При переправах через реки делают плоты, связывая в пучки хворост, или мастерят лодки из кожи. Для лошадей плетут потники из травы, а уздечки вяжут из веревок. Для ночлега гнут деревья, делая жилища, накрывают их грубой циновкой. Эти жилища при переезде грузят на повозку и везут с собой. Из свиных шкур делают циновки на пол, а подстилки для сиденья плетут из дерева. Долбят лед, погружаются в воду и добывают сетями рыбу и черепах. Их обычаем является ловля соболей. Головные уборы делают из меха лисиц и енотов, а одежду из рыбьих кож» (Там же. С. 136).

Лю Сюй («Старая история династии Тан»): «Народ живет оседло, нет налогов. Иногда делают небольшие жилища, покрывая их сверху шкурами. Собираются вместе и живут, причем число семей доходит до нескольких десятков и даже до ста. Заостряют деревья и делают [колья] сохи, не насаживая на них металлические лемеха. При посеве соху тянут люди, [ибо] они не знают, что для этого можно использовать крупный рогатый скот... Из домашних животных [земля] подходит для больших свиней, которых выкармливают и едят, а из шкур выделывают кожи, из которых мужчины и женщины шьют одежды» (Там же. С. 138).

Довольно подробно охарактеризованы летописцами традиции и обычаи.

Вэй Шоу («История династии Вэй»): «Взрослые мужчины заплетают волосы в косы. Употребляют роговые луки, стрелы к которым очень длинные. Девушки и женщины связывают волосы, сплетенные в косички, в узел. В их владении мало случаев воровства. За украденное взимается в тройном размере. С убитого человека взыскивается 300 лошадей. Все мужчины и женщины носят короткие куртки и штаны из белой оленьей кожи. Пользуются дрожжами для закваски вина. По обычаю любят красные бусинки, из них делают украшения для женщин, которые вешают на шею, причем, чем больше бусинок, тем почетнее. Доходит до того, что девушки, не имеющие подобного украшения, не выходят замуж. В случае смерти отца или матери сыновья и дочери оплакивают их в течение трех лет; труп умершего кладут на дерево в лесу» (Там же. С. 135).

Вэй Чжэн («История династии Суй»): «По существующим обычаям все взрослые мужчины носят неуложенные волосы, а женщины укладывают их кругами. Одежды такие же, как и у киданей... При бракосочетании две семьи договариваются между собой, после чего [будущий] зять выкрадывает девушку, увозит ее, а затем посылает в качестве сговорных даров крупный рогатый скот, лошадей и возвращается [с девушкой] в ее семью, а когда она забеременеет, возвращается с ней обратно в свое жилище. Женщины не выходят вторично замуж, а считаются женами умерших [мужей]. Поскольку они испытывают затруднения во многом, необходимом для жизни, кочевье общими силами строит для них

большие балаганы. Труп умершего кладут на балаган, и три года соблюдают траур, оплакивая покойного только четыре раза в год» (Таскин, 1984. С. 136, 137).

По летописям можно воссоздать социальную структуру и внешние политические связи шивэй.

Вэй Чжэн: «Делятся на пять кочевий, которые не управляют друг другом и не составляют единого целого. Они называются нань шивэй (южные шивэй), бэй шивэй (северные шивэй), бо шивэй, шэньмода шивэй и да шивэй (большие шивэй). Ни у одного из кочевий нет правителя, народ беден и слаб, поэтому туцзюэсцы всегда управляли им с помощью трех тутуней... Постепенно [южные шивэй] разделились на 25 кочевий. В каждом кочевье имеется юй мофуманьдо, соответствующий вождю кочевья. В случае его смерти вместо него к власти приходит его сын или младший брат, а при отсутствии выбирают мудрого и храброго и ставят у власти... В их владении нет железа, они получают его из [владения] Гаоли. Много соболей» (Там же).

Оуян Сю: «Мелкие кочевья имеют тысячу дворов, крупные — несколько тысяч дворов, которые рассеяны по речным долинам и [переселяются] в поисках воды и травы. Нет налогов. Во время каждой охоты созывают друг друга свистом, а по окончании охоты расходятся. [Кочевья] не подчиняются друг другу, поэтому, несмотря на их отвагу, дерзость и любовь к войне, они так и не смогли стать сильным государством». «В 5-м году эры правления Чжэнь-гуань (631) [шивэйцы] впервые явились ко двору и принесли в качестве дани соболей с густым мехом. Затем они неоднократно являлись ко двору... В начале эры правления Цзин-лун (707) снова явились ко двору с подношениями и просили разрешения оказать помощь в наказании туцзюэ... В 4-м году эры правления Чжэнь-юань (788) совершили вместе с сисцами грабительский набег... Шивэйцы захватили императорских послов, все разграбили и ушли. На следующий год от них прибыли послы с извинениями» (Там же. С. 140, 141).

Относительно языка шивэй источники дают противоречивые сведения. По Вэй Шоу, язык такой же, как во владениях кумоси, киданей и доумолоу (Там же. С. 135). Если монголоязычность киданей и кумоси принимается многими исследователями, то относительно доумолоу мнения расходятся (Викторова, 1958; Таскин, 1984. С. 361, 362). Сунь Хун, рассматривая взаимоотношения средневековых народов Дунбэя и Приморья, пишет: «Доумолоу это потомки фуюй, их язык одинаков с языком предков монголов — шивэй, следовательно, язык фуюй должен относиться к монгольской языковой семье» (2001. С. 81). Представления Э. В. Шавкунова относительно доумолоу и фуюй (пуе) близки к мнению китайской ученой. Он считает, что из монголоязычной среды племен дунху и хунну, после раскола дунху на сяньби и ухуань, какая-то их часть ушла на восток, где стала известна под именем пуге (фуюй). Монгольские племена доумолоу (дахуры) во второй половине I тысячелетия н. э. проживали по берегам Амура (Шавкунов, 1976. С. 64; 1990. С. 31, 32, 182).

В «Новой истории династии Тан» утверждается: «Язык такой же, как у племен мохэ» (Таскин, 1984. С. 140). По мнению В. С. Таскина, язык шивэй не мог быть таким, как язык мохэ, фраза эта неясна, по-видимому, здесь какая-то ошибка (Там же. С. 364). С. П. Нестеров в данном случае полагает, что, возможно, это связано с процессами перехода шивэйского населения на тунгусо-маньчжурский язык (1998. С. 52). Относительно больших шивэй источники говорят, что их язык непонятен (Таскин, 1984. С. 137). Поэтому их исключают из массива монголоязычных народов (Викторова, 1958).

Вопросы языковой принадлежности средневековых этносов и культур в Дальневосточном регионе чрезвычайно сложны, чем и вызваны разногласия в источниках и среди исследователей. Е. И. Кычанов пишет: «...это был не только стык, смещение ареалов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, но и эпоха, когда эти языки могли быть не слишком разделены и иметь гораздо больше общего, чем позднее... Можно быть уверенным, что границы между монголоязычными шивэй и киданями и тунгусо-маньчжурскими

мохэ, бохайцами и др. и в языковом отношении, и этнически были более стертыми, образуя массу переходных групп, по сравнению с более резкими границами между тюркоязычным и монгольским миром, хотя и здесь, наверное, были переходные группы племен, промежуточные по языку, этносу и культуре» (1980. С. 138, 139).

Исследователи согласны с этим мнением и склоняются к тому, что языковое разделение среди монголов и тунгусо-маньчжуров в эпоху раннего средневековья не было достаточно четко очерчено (Ковычев, 1989. С. 24–26; Dashibalov, Sanzhieva, 2004).

Археологические исследования в Приамурье и Восточном Забайкалье, то есть там, где расселялись шивэй, накопили большой объем данных о материальной и духовной культуре средневекового населения. Одной из важных проблем является соотнесение археологических культур с этническими наименованиями летописных источников. Проблема эта достаточно сложна и решается во многих случаях неоднозначно. Археологами исследовано несколько археологических культур, соотносимых с шивэйскими поколениями.

К сяньби-шивэйскому кругу племен были отнесены археологические памятники бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья. Впервые бурхотуйские памятники выделены А. П. Окладниковым в 1960 г., тогда же была определена хронология культуры II–VIII вв. Бурхотуйские памятники, по мнению исследователя, занимали промежуток между хуннским и тюркским временем и соотносились с «речными монголами» начального периода монгольской истории (Окладников, 1960. С. 27; Кириллов, 1979. С. 60).

Исследования бурхотуйских погребений Ю. С. Гришиным и Ю. С. Орловым дали возможность Ю. С. Гришину говорить о существовании культуры и в хуннское время (III в. до н. э. – II в. н. э.). Ю. С. Гришин показал, что в инвентаре бурхотуйской культуры сохраняются предметы, характерные для более раннего времени. Аналогичные бурхотуйским находкам, чаще всего украшения, известны в плиточных могилах. Это бронзовые полушарные бляхи и бляшки типично карасукской формы в виде сплошного столбика, соединенные друг с другом рядом полушарных выпуклостей, спиральные провололочные подвески и спиральные трубчатые подвески, а также лапчатые привески (Гришин, 1981. С. 200). Опубликованные материалы и новые погребения, раскопанные нами в Восточном Забайкалье, позволяют согласиться с мнением Ю. С. Гришина о более ранней дате этой культуры.

Многие категории предметного инвентаря бурхотуйских памятников находят аналогии в материалах гунно-сарматского времени. Основные типы бурхотуйских пряжек: плоские рамчатые, с поджатыми краями, фигурные известны у хунну. Железные бурхотуйские шилья в виде стержня длиной 10–12 см с кольцевидным навершием, железные ножи со слегка выгнутой спинкой также характерны для хунну (Давыдова, 1996. Табл. 70, 19, 22), и позднее они не встречаются. Бурхотуйская керамика находит полные аналогии в сяньбийских комплексах Внутренней Монголии (Дьякова, 1993. Ч. II. Табл. 88). Отметим факт полного отсутствия находок стремян, что может свидетельствовать в пользу раннего возраста культуры. Бурхотуйская культура во многом сопоставима с дальневосточными культурами. Исследователи совершенно справедливо сравнивают бурхотуйские находки с мохэскими древностями (Асеев и др., 1984. С. 198, 199). При этом следует заметить, что стремяна в захоронениях мохэ найдены (Деревянко Е. И., 1977. С. 138, 139). К более поздним вещам относятся находки крючков для колчана с планкой. Они могут датировать поздние бурхотуйские могилы III–V вв. н. э. В целом хронология бурхотуйской культуры тяготеет к комплексам гунно-сарматского времени, хотя, разумеется, традиции этой культуры не были изжиты сразу.

В долинах рек Шилки и Нерчи были обнаружены многочисленные укрепленные поселения бурхотуйской культуры. Некоторые из этих городищ в предварительном плане были исследованы А. П. Окладниковым. Обычно городище укреплено несколькими рядами ва-

лов и рвов. Внутри находятся остатки больших и малых полуземлянок квадратной формы. Площадь больших жилищ 8×8 м. Стенки в землянках углублены до 50 см и выложены жердями, а снаружи покрыты берестой. Крыша перекрыта берестой и дерном. В центре жилища располагался очаг. Население поселка было большим, и количество жилищ доходило до 70. Все это указывает на оседлый образ жизни.

Материалы городищ свидетельствуют о занятии населения земледелием. Большое место в жизни обитателей поселков занимало разведение домашних животных. Важно, что среди костей животных наряду с останками лошадей встречаются кости свиньи. Среди находок упоминается множество речных раковин беззубки. Очевидно, ее употребляли в пищу. Имеются предметы, свидетельствующие о развитии ремесленного и металлургического производства (Ковычев, 1984. С. 21). Следует обратить внимание на то, что и древнее население Восточного Забайкалья, судя по материалам поселения бронзового века Шигильдзюр, использовало речных моллюсков в пищу, а истолченные створки раковин подмешивали в глину при изготовлении посуды. И. И. Кириллов отмечает, что это в целом не типично для Забайкалья и объясняет присутствием небольших групп мигрантов с Дальнего Востока (по Егоровой, Шитиковой, 1996. С. 200).

По мнению Е. В. Ковычева, река Шилка являлась одним из центров расселения лесных монголов. Именно здесь обнаружены крупные бурхотуйские могильники, до 100 и более погребений в каждом. Большое количество могильников увязывается с сетью укрепленных городищ. Шивэйские поселения найдены по всей долине реки Шилки: в окрестностях сел Усть-Орон, Шилкинский Завод, Верхние Куларки, Луженки, Усть-Черной, Покровки, Мошегды, Саблино и Часовой. Все это указывает на активную деятельность средневекового населения долин рек Шилки и Нерчи (Кириллов, 1979. С. 62–65; Ковычев, 1984. С. 16–24).

Исследования забайкальских археологов позволили говорить о лесном и степном вариантах бурхотуйской культуры. Если в лесной зоне население было оседлым, то, выходя в степь, характер культуры менялся. Это чрезвычайно важное наблюдение было сделано на большом количестве исследованных захоронений, как в горно-таежной зоне за Борщовочным хребтом, так и в открытых долинах степных рек Аги и Онона. Степные могильники менее представительны и содержат не более 10–15 захоронений. В степном варианте бурхотуйской культуры нет городищ и поселений. Дальнейшие раскопки позволят полнее исследовать переход от оседлости к кочеванию населения бурхотуйской культуры.

Следовательно, в лесостепной зоне Восточного Забайкалья ранние монголы были представлены населением бурхотуйской культуры. Еще одним большим открытием забайкальских археологов является обнаружение и исследование памятников степных монголов сяньбийского круга. Верхнеамурской экспедицией Забайкальского педагогического университета в междуречье Онона и Аргуни раскопаны несколько могильников с обрядом и инвентарем, близкими к хунну и вместе с тем имеющими своеобразные черты. Эти памятники были выделены в зоргольскую культуру хунно-сяньбийского времени (Кириллов и др., 1996). Исследования этой культуры только начинаются, и лишь публикация всего полученного материала даст возможность получить полное представление о культуре степных монголов.

Сведения археологических источников о степных монголах могут стать хорошим сопоставительным материалом для верификации китайских летописей о расселении, хозяйстве и быте монголызычных жужаней. Жужани — также выходцы из дунху. Если часть дунху после их разгрома двинулась на северо-восток по реке Сунгари и оказалась в лесных долинах Приамурья, то те дунху, которые создали основу жужаней, бежали на северо-запад и расселились в степях за Хинганским хребтом. Со временем они усилились настолько, что даже тюрки «были их плавильщиками железа».

История жужаней непосредственно свидетельствует в пользу того, что монголоязычные народы освоили степи задолго до того, как собственно вышло в степь то поколение (менгу — монгу), которое в последующем дало имя всему монголоязычному этносу. Изучение китайских источников показывает, что следует говорить о выходе в степь нескольких растянутых во времени миграций монголоязычных народов — дунху, хунну и сяньби.

Таким образом, монгольские народы с глубокой древности начали осваивать степной образ жизни. Здесь они вплотную сталкивались с иранцами и тюрками, формирование последних, судя по данным языка, связано с открытыми степными пространствами. Именно на западных границах монгольского расселения должны были происходить активные взаимодействия монгольского и тюркского языков. В определенные периоды истории тюрки получали политическое господство над ранними монголами. Как свидетельствуют источники, тюркам подчинялись шивэй, ранняя история киданей также зависела от тюрков.

В начале X в. политическая ситуация в Центральной Азии и прилегающих к ней областях меняется коренным образом. Это связано с возвышением и усилением военного и политического господства империи киданей — государства монголоязычных народов, известного в истории под названием династии Ляо (916–1125). Вероятно, государство киданей было названо так по реке Ляошуй (Шара-Мурэн), что находится в Маньчжурии, где первоначально кочевали кидани и родственные им племена.

Хозяйство киданей было многоотраслевым и комплексным. В тех местах, где было возможно земледелие и садоводство, они широко практиковали оседлость. Земледелие у киданей достигло высокого уровня. Они разводили такие культуры, как просо, ячмень, пшеница, бобы, горох, выращивали садовые и огородные культуры: груши, дыни, коноплю, тутовые деревья (Залкинд, 1948; Викторова, 1980. С. 140; Кычанов, 2004. С. 112, 117).

Развитие такого широкого земледелия было связано с оседлым населением. Сюда входили многочисленные китайцы и маньчжуры, но и сами кидани были оседлыми. На территории Монголии и Восточного Забайкалья открыты и исследованы городища и крепости киданей (Пэрлээ, 1959, 1961, 1974; Кириллов, Ковычев, 2002; Данилов, 2004. С. 153, 154).

Вся территория киданьского государства была поделена на области, и в каждой области был чиновник, контролировавший пастбище и выпасы скота. Скот был частным и государственным. Государственные табуны коней насчитывали обычно 1 тысячу голов. Табунов было несколько десятков тысяч. Жизнеспособное хозяйство состояло из 100 лошадей, 10 коров, быков и верблюдов, не считая овец. Бедняком считался тот, кто имел одну-две лошади и несколько овец.

Приведем описание киданьского хозяйства и быта из китайского источника: «...население живет в шалашах, сделанных из травы, и в дощатых домах. Люди занимаются и обработкой земли... Все посевы всходят на грядках... В глубоких горных долинах занятием для многих служит выжиг древесного угля. Постоянно можно видеть пасущихся быков, лошадей и верблюдов; много черных овец и желтых свиней» (Е Лун-ли, 1979. С. 322).

Основной массой населения в киданьском государстве были простолюдины. Господствующий класс составляла знать, чиновники, богатые скотоводы и землевладельцы. У киданей имелась своя письменность, причем различались два вида письма: большое киданьское письмо, где за образец была взята китайская письменность, и малое киданьское письмо, где чувствуется влияние уйгурской грамоты. Создание письменности позволило записать исторические хроники и литературные произведения. Кидани уже в IX в. были знакомы с буддизмом, в киданьских городах сооружались даосские храмы (рис. 11, 12). Судя по китайским летописям, кидани в своей основной массе были шаманистами и поклонялись Солнцу, Луне, Огню и исповедывали культ гор.

Возрастание экономической мощи киданьского государства в X–XI вв. способствовало расширению его западных владений до Алтайских гор.

К XII в. кидани практически завладели всей территорией современной Монголии. Движение киданей привело к изменению существовавших этнических границ и во многом изменило расселение и соотношение тюркоязычных и монголоязычных племен Центральноазиатского региона. Об этих событиях мусульманский историк XII в. Тахир Марвази пишет: «Среди них (тюрков) есть группа людей, которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского (название Китай, китайский тогда относилось не к китайцам, а к народности кидань. — Б. Д.) хана... Свои округа они покинули из-за тесноты и пастбищ... Их преследовал народ, который назывался каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. Куны переселились на земли шаров, а шары переселились на землю туркмен. Туркмены переселились на восточные земли огузов, а огузы переселились на земли печенегов, поблизости от Армянского (Черного) моря» (по Кызласову, 1992. С. 136). На обширных пространствах евразийских степей начались великие перемещения народов, каких не было со времен хуннского движения на запад.

Итак, мы обрисовали круг народов, непосредственно связанных с ранними монголами. Обратим еще раз внимание на те черты, которые присущи ранним лесным монголам. Монголы заселяли речные долины, где жили большими поселками и занимались земледелием, разводили коней и крупный рогатый скот. Свиньям и собакам отводилось немалое место в рационе питания. Источники единодушно отмечают отсутствие у них овец. Большое место в хозяйстве занимало рыболовство, даже одежды шились из рыбьей кожи.



Рис. 11. Кидани (по Л. Л. Викторовой)



Рис. 12. Восточная Монголия. Барс-хот
Киданьская пагода. Фото автора

Другая часть монголоязычных народов, в частности жужани, давно освоили монгольские степи и соответственно вели кочевой образ жизни. В государстве киданей различные монголоязычные народы практиковали тот способ хозяйствования, который диктовала природная среда. В степных просторах преобладали кочевники, а в долинах рек селились земледельцы.

2. Курумчинская культура Прибайкалья – археологические и исторические итоги изучения

Если в эпоху раннего средневековья в Восточном Забайкалье были исследованы культуры лесных монголов шивэй, а также городища и укрепления киданей, то в соседнем Прибайкалье была выявлена курумчинская культура, соотносимая с курыканами тюркских рун или гулиганиями китайских летописей. В решении проблемы этнокультурной истории Юго-Восточной Сибири вопросы правильного освещения этнической принадлежности населения курумчинской культуры Прибайкалья приобретают особую важность. Именно с этой культурой связывается генезис бурятского и якутского народов.

Изучение материалов «курумчинских кузнецов». В историографии было показано, что материалы, на которых выделялась курумчинская культура, уже с самого начала вызвали различные толкования и суждения. Ранее мы полагали, что к случайным вещам из Шохтой относятся лишь этнографические материалы (Дашибалов, 1995. С. 25), то теперь, вновь вернувшись к этим находкам и еще раз изучив их, все больше склоняемся к мнению, что значительная часть коллекции является сборной. Сейчас практически невозможно определить, какой материал происходит из раскопок на поселении Шохтой, а какие вещи составляют подъемные сборы.

Количество находок из металла и их типологическое разнообразие говорят в пользу того, что материал не из раскопок. Железных наконечников найдено 20 экз., удила — 4, стремя — 3 экз. Причем все предметы относятся к разным хронологическим периодам — от IX—X и до XVIII—XIX вв. (рис. 13). Даже самый насыщенный находками культурный слой такого обилия предметов дать не мог. Хотя Б. Э. Петри и подчеркивал, что культурный слой стоянки очень богат, и главным образом керамикой, костями животных, шлаками, костяными орудиями. К сожалению, отсутствие чертежей и дневниковых записей не позволяет судить о размерах вскрытой площади. По описанию Б. Э. Петри, раскапывались в основном землянки, вряд ли раскопанная площадь была значительной. Судя по всему, и число участников работ не могло быть большим.

Новое обращение к коллекции показало, что состояние железных предметов различно. Одна часть находок покрыта ржавчиной, что говорит об их нахождении в земле, вполне возможно, что эти предметы происходят из культурного слоя. Некоторые стрелы и удила отличаются хорошей сохранностью, обычно таким бывает железо, найденное на дюнах и обнажениях. Какая-то часть стрел и стремя с окалиной, такой вид металл приобретает в кремированных погребениях. Не исключено, что эти находки приобрели специфический блеск при обряде кремации. Следовательно, коллекция Шохтой неоднородна и смешанна.

И еще один факт. Б. Э. Петри сравнивал горбушу, найденную в курумчинах, с якутской горбушей, но в сопроводительном тексте коллекции (МАЭ № 2117) указано, что горбуша найдена при распахке поля, принадлежавшего улусу Шохтой. Получается, что и эта находка не относится к раскопанному материалу.

В отличие от металла, керамика поселения Шохтой, за исключением нескольких фрагментов эпохи неолита, достаточна однородна. Как показало наше исследование, шохтойская посуда сопоставима с керамикой, полученной из среднеазиатских факторий (Темник, Унгинское, Баргузин).

Анализируя публикации Б. Э. Петри с современных позиций, следует сказать, что это были научно-популярные статьи, в которых источниковедческая основа выводов автора практически отсутствует. Преобладающая часть находок не была опубликована, за исключением нескольких вещей, нет рисунков и планов раскопанных землянок, из работы даже неясно, сколько землянок раскопал автор. Б. Э. Петри не указал, откуда происходит найденный материал — обнаружен ли он в самой землянке или был получен при вскрытии вокруг землянок, то есть вся источниковедческая основа раскопок практически отсутствует.

Не случайно выводы Б. Э. Петри были восприняты критически именно с источниковедческих позиций. Е. Д. Стеллов отметил, что автор в ряде случаев ссылается на подъемный материал Иркутского музея, а не на коллекции, которые были найдены на стоянке. Кроме того, Б. Э. Петри не указывает, где ему приходилось видеть якутскую керамику, которую он сопоставляет с керамикой «курумчинских кузнецов» (1926). Ученик Б. Э. Петри, якутский исследователь Г. В. Ксенофонов, пишет о том, что пряслица, которые по публикации Б. Э. Петри были найдены на стоянке «курумчинских кузнецов», на самом деле представляют подъемный материал, добытый другими людьми (1937. С. 67).

Все последующие исследователи курумчинской культуры непосредственно к материалам Б. Э. Петри не обращались, а в основном использовали уже выводную часть, доказывающую родство «курумчинских кузнецов» с якутами. Достаточно привести пример с мнением, получившим повсеместное распространение в научной литературе, о том, что население курумчинской культуры достигло больших успехов в железоплавильном деле и было искусными кузнецами. В публикациях постоянно говорится, что содержание чистого металла в сыродутном железе курумчинцев достигало 99,43 %. Впервые эта цифра упоминается в двух работах Б. Э. Петри, вышедших почти одновременно. В книге, опубликованной в 1922 г., Б. Э. Петри пишет: «курумчинские кузнецы» получали очень чистое сыродутное железо, которое содержало 99,43 % железа. В другой работе «Доисторические кузнецы в Прибайкалье» эта цифра приведена в контексте сопоставления курумчинского железоплавильного производства с металлургией южносибирских племен со ссылкой на сочинение академика В. В. Радлова (Петри, 1923. С. 5). У В. В. Радлова приводятся результаты анализа Генриха Струве железных предметов из Южной Сибири: «Чтобы доказать чистоту этого вида железа с помощью количественного анализа, один нож раннего периода подвергли анализу, и оказалось, что в 100 частях содержится 99,43 % части железа, т. е. это превосходное сортовое железо, которое хорошо поддается ковке» (1989. С. 464). В переиздании научно-популярного очерка 1922 г. Б. Э. Петри, не уточняя источник, повторяет фразу о высоком (99,43 %) содержании железа у «курумчинских кузнецов» (1928. С. 67).

В дальнейшем у А. П. Окладникова эти данные прозвучали так: «Сыродутное железо курумчинцев обладало высокими качествами: процент чистого металла в нем был исключительно высок и доходил до 99,43 %, поэтому оно было особенно ковким и прочным» (1948. С. 4). Обращение, казалось бы, к устоявшему факту наглядно показывает уровень изученности курумчинской культуры к началу работ Байкальской экспедиции.

Таким образом, материалы Б. Э. Петри не могут служить аргументами для выделения курумчинской археологической культуры, тем более, подтвердить гипотезу прибайкальского этапа якутской истории. Сейчас, по прошествии почти 80 лет после открытия курумчинской культуры, становится ясным, что материалы «курумчинских кузнецов» Б. Э. Петри должны были подкрепить теорию южного происхождения якутов, то есть была предпринята попытка подогнать археологический материал под теорию.

Эта неверная в своей основе практика — подбирать материал под теорию — рельефно проявилась при выделении ладейской культуры. Вопрос о близости культуры «курумчинских кузнецов» к ладейской культуре Красноярского края был поставлен в 1929 г. В. Г. Карцовым (1929. С. 563). Им исследован ряд городищ (Ладейское, Ермолаевское, Ачинское), изучены материалы Бирюсинских пещер. На основе полученных данных была выделена

ладейская культура, которая датировалась VI–XIII вв. н. э. (Карцов, 1932. С. 48). Сравнение форм и орнаментации керамики позволило В. Г. Карцову выдвинуть предположение: «...на востоке мы имеем памятники, чрезвычайно ей (ладейской культуре. — Б. Д.) близкие, если не тождественные, каковые дает намечасмая в Прибайкальской области Б. Э. Петри культура курумчинских кузнецов» (1929а. С. 46). По мнению В. Г. Карцова, теория о приходе якутов с Енисея имеет под собой крепкие основания: «...не было ничего удивительного в том, если в результате дальнейших исследований ладейская культура, культура северных притаежных коневодов, оказалась бы пряikutской» (Там же. С. 47). Мнение о близости ладейской и курумчинской культур было поддержано А. П. Окладниковым (1948) и до сих пор бытует в научной литературе.

Материал в исследованных В. Г. Карцовым городищах был незначителен; вещи, по которым он определил дату ладейской культуры VI–XIII вв. н. э., относятся к разным хронологическим периодам. Ступенчатый наконечник стрелы, который В. Г. Карцов датировал VI–IX вв. н. э., относится к гунносарматскому времени, а плоский срезень получил широкое распространение во II тысячелетии н. э. В 1956–1959 гг. Ачинское городище раскапывалось Г. А. Авраменко, который пересмотрел дату городища. Он указал на то, что ко времени работ В. Г. Карцова таштыкская эпоха была слабо представлена материалами, а ее изучение только начиналось (1963. С. 110). Это обстоятельство, видимо, и определило ошибочное выделение ладейской культуры. Типы сосудов, их орнаментация позволили Г. А. Авраменко отнести Ачинское городище к таштыкской культуре. Это мнение затем было поддержано другими археологами (Мартынов, Абсалямов, 1988. С. 5).

Итак, попытки, предпринятые Б. Э. Петри и В. Г. Карцовым доказать на археологическом материале древние пути движения якутского народа, оказались неудачными, но проблемы, поставленные ими, требуют своего решения.

Конкретное наполнение курумчинской культуры материалом связано с деятельностью А. П. Окладникова. Большое внимание уделялось им исследованию наскальных рисунков. А. П. Окладников выявил рисунки, которые, по его мнению, оставлены курыканами. Ученый сопоставляет курыканские рисунки с обширной серией тюркских изображений, датируемых в рамках второй половины I тысячелетия н. э. и распространившихся на широкой территории, занятой тюрками от Енисея до Дона (1959. С. 149). К курумчинской культуре он начал относить городища, поселения, шатровые сооружения, которые считал могилами курыкан, а также оросительные каналы и древние пашни. Время существования курумчинской культуры определяется VI–X вв., исходя из общих исторических соображений (1948, 1955).

Источниковедческий фонд курумчинской культуры значительно пополнился исследованиями И. В. Асеева. Им введены в научный оборот результаты многолетних собственных изысканий и данные, полученные Ангарской экспедицией, которую возглавлял А. П. Окладников (Асеев, 1980, 2003). Под руководством В. В. Свинина расширили свои исследования археологи-медиевисты Иркутского университета (Зайцев, 1989; Харинский, 1994, 2001, 2001а).

В результате археологических исследований к курумчинской культуре начал относиться комплекс разных памятников — петроглифы, шатровые «могилы», городища и поселения, которые объединялись единой территорией распространения, близкой хронологией и сходным вещественным набором, в частности однотипной керамикой (рис. 14).

В 1984 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН была создана Байкальская археологическая экспедиция. Ее непосредственной задачей явилось изучение средневековых древностей с целью реконструкции этнической истории бурят. Планомерные и многолетние исследования экспедиции с четко намеченной программой собрали большой массив новых источников и позволили совершенно с иных позиций взглянуть на старый материал, были выдвинуты и обоснованы принципиально новые положения в изучении курумчинской культуры (Дашибалов, 1995, 1999, 2003, 2004, 2004а).

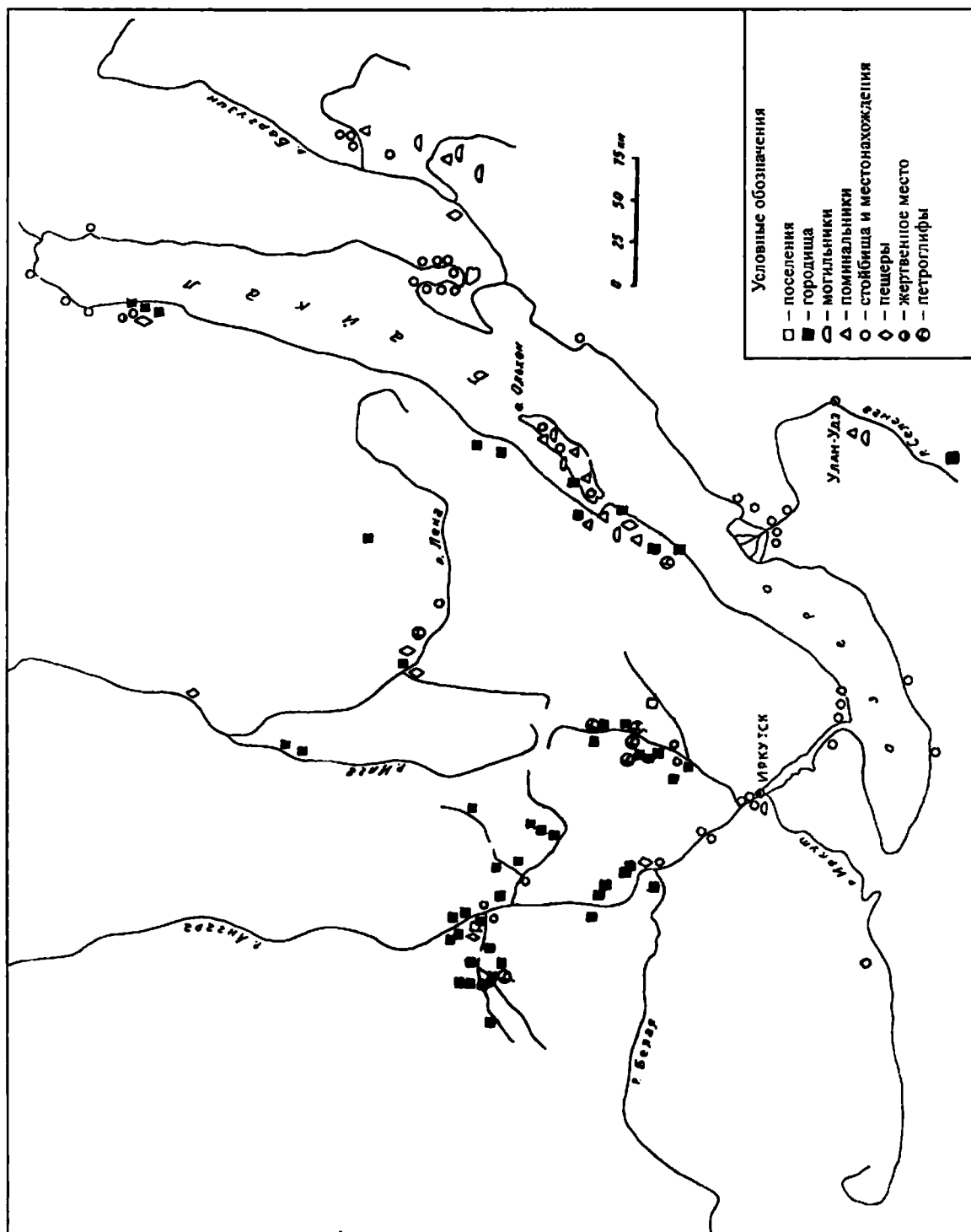


Рис. 14. Карта памятников курумчинской культуры. Составил автор

К важным достижениям полевых работ Байкальской экспедиции относится открытие погребальных памятников курумчинской культуры. Было найдено и исследовано 10 новых могильников на западном и восточном берегах Байкала. Получен антропологический материал, являющийся важным источником для понимания этногенетических процессов, происходивших в Прибайкалье. Краниологические обмеры населения курумчинской культуры произведены А. И. Бураевым (ИМБиТ СО РАН). Проведено радиоуглеродное датирование в лаборатории ГИН РАН (Л. Д. Сулержицкий). Спектральный анализ бус курумчинской культуры продлан В. А. Галибиным в лаборатории естественных методов Института истории материальной культуры. Археометалловедческий анализ средневековых изделий из металла произведен В. И. Завьяловым в Институте археологии РАН. Кости животных определены А. В. Степановым на кафедре нормальной анатомии Бурятской сельскохозяйственной академии.

С помощью этого нового источниковедческого фонда на конкретных данных можно ставить и решать вопросы этнокультурной истории населения курумчинской культуры. Большинство ученых, изучавших курумчинскую культуру, искали аналогии в прибайкальских и саяно-алтайских древностях. Было обращено внимание на близость рунической графики населения Прибайкалья к енисейскому, а не к орхонскому вариантам письма. Отмечен общий стиль петроглифов курыкан и средневековых кыргызов, а также строительство ими однотипных городищ, укрепленных каменными стенами. Шатровые сооружения курумчинской культуры интерпретировались как могилы по обряду кремации и сопоставлялись с кыргызским обрядом трупосожжения (Окладников, 1955; Мандельштам, 1974; Асеев, 1980).

Влияние саяно-алтайского культурного очага, а принадлежность его, в частности древнехакасского государства к западной азиатской традиции, обоснована Л. Р. Кызласовым (1992. С. 127–134), на соседние земли Предбайкалья и Прибайкалья вполне естественно, особенно это касается территорий левобережья Ангары и Селенги, а также Тункинской долины. Эти западные связи осуществлялись по коридору красноярско-канской лесостепи, где найдены и археологические свидетельства этого движения (Кызласов, 1962; Савельев, Свинин, 1978; Генералов, Дзюбас, 1995).

Вместе с тем нашими исследованиями были выявлены значительные дальневосточные параллели у курыкан со средневековыми насельниками Приамурья и Приморья. Этот дальневосточный субстрат значительно повлиял на специфику культурного облика курумчинской культуры и определил ее особенности среди хронологически сопоставимых комплексов Саяно-Алтая и Монголии (Дашибалов, 2000). Обратимся непосредственно к материалам курумчинской культуры.

Могилы и погребальный обряд. Начнем изучение с рассмотрения погребального обряда населения курумчинской культуры. Отметим, что погребальный обряд — достаточно консервативная и медленно меняющаяся черта культуры. Сопоставительные аналогии здесь в методическом плане более правомерны, чем, например, выявление сходства предметов материальной культуры, которое может быть обусловлено территориальной близостью, торговыми или иными контактами. А сходство погребальных обрядов свидетельствует о более существенных и глубоких связях и общности духовных представлений, очевидно, имевших единые истоки.

До наших исследований традиционно сравнивали кыргызские погребения по обряду трупосожжения с курумчинскими шатровыми сооружениями и считалось, что курыканы сжигали умерших. Раскопки Байкальской экспедиции показали, что шатровые «могилы» это поминальные памятники курумчинской культуры. Наша гипотеза нашла поддержку и у других исследователей (Коновалов, 1999. С. 143). К полевым успехам Байкальской экспедиции следует отнести обнаружение и раскопки захоронений курумчинской культуры. Захоронения характеризовались новыми чертами обряда и специфичным весьма самобыт-

ным набором предметного инвентаря. Следовательно, появился представительный материал для сопоставительных наблюдений.

Курумчинские погребения по наличию или отсутствию надмогильной конструкции делятся на две основные группы: курганные погребения и грунтовые захоронения без надмогильной конструкции. Если традиция курганных могил достаточно широко представлена в сибирских и центральноазиатских памятниках, то обряд грунтовых захоронений для археологии Юго-Восточной Сибири менее распространен.

Грунтовые могильники курумчинской культуры располагались рядом с водоемом, чаще всего возле реки, причем выбирались сухие открытые возвышенности или террасы, обычно сложенные песчаными грунтами, что способствовало их почти повсеместному разрушению при повреждении верхнего слоя.

В грунтовых погребениях, характерных для раннесредневекового периода, большая часть умерших клалась в яму без всяких внутримогильных сооружений, в остальных случаях фиксируются полусгнившие деревянные доски, вероятнее всего, это остатки конструкции гроба-рамы. Об этом говорят сохранившиеся погребальные лежа некоторых захоронений могильника Баянгол в Баргузинской долине.

В тех случаях, когда удается установить форму труположения, умершие лежали: на спине с разворотом на правый бок; на спине ноги согнуты и завалены направо; на правом боку скорченно. Головой костяки ориентированы на север и северо-восток.

На площади памятника Баянгол Е. А. Хамзиной и нами были найдены вазовидные горшки (1970. С. 103). Эти сосуды располагались вне погребений и, очевидно, связаны с поминальными культами. Возможно, при совершении поминов использовался огонь или же были достаточно редкие случаи кремации умершего, но надо заметить, что жженных костей скелета не найдено, имеются только железные предметы, явно побывавшие в огне и приобретшие специфический черно-синеватый блеск и окалину. На Баянгольском могильнике выявлено ритуальное захоронение головы медведя в отдельной яме округлой формы.

В погребениях под курганами умершие чаще всего находились в каменных ящиках или же отмечен достаточно редкий обряд сооружения над покойником двускатной деревянной крыши, покрытой сверху камышом (рис. 15). Труположение скорченное, на правом боку, реже вытянутое на спине с подогнутыми и заваленными направо ногами (могильники Черенхын I, Бодон I). Ориентировка захоронений, как и в грунтовых могилах, преобладает северо-восточная.

Рассмотрим погребальные обряды средневекового населения Дальнего Востока, что можно сделать благодаря большой работе, осуществленной сибирскими и дальневосточными археологами. Этот материал опубликован как по отдельным комплексам, что очень важно (Деревянко Е. И., 1975, 1977; Медведев, 1977, 1982), так и изданы обобщающие труды (Деревянко Е. И., 1981; Медведев, 1986; Шавкунов, 1990; Государство Бохай., 1994). Имеются сопоставительные исследования в области погребального обряда по данным археологии, этнографии и письменным источникам (Васильев, Дьякова, 1987), что значительно облегчает наш труд.

Большинство из изученных средневековых захоронений Дальнего Востока — грунтовые, причем могильники в основном находятся на берегах рек на песчаных возвышенностях-релках. Умершие лежат просто в могильных ямах, а в некоторых случаях в гробах-рамах. В яме или на поверхности устанавливались сосуды, нередко с пробитым дном или с отколотым венчиком. Поза погребенных — преимущественно на спине с подогнутыми в коленях ногами, а в других случаях скорченно на правом и левом боку. Преобладающая ориентировка — на запад.

Таким образом, мы видим, что, за исключением ориентировки, традиции погребального обряда средневекового населения Амура схожи с обычаями людей, живших на бере-

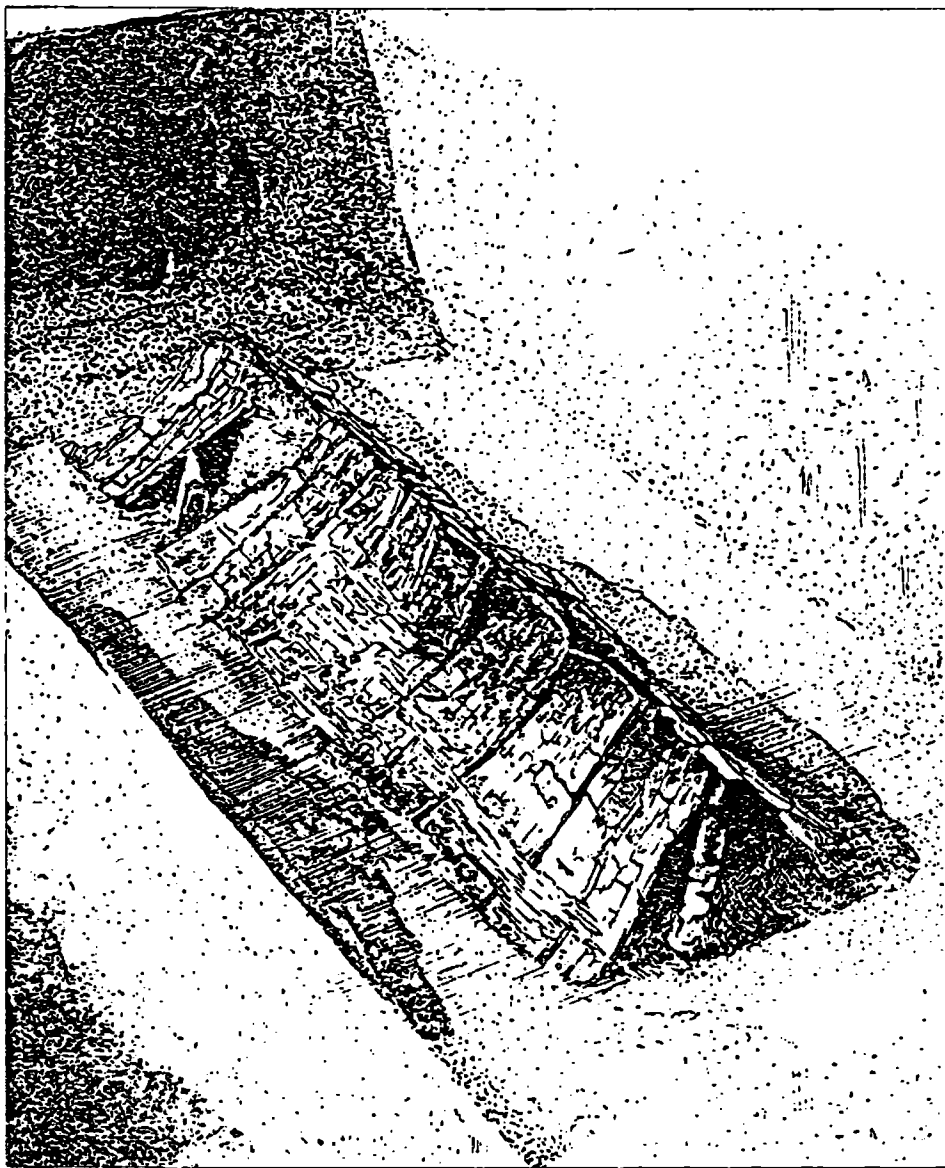


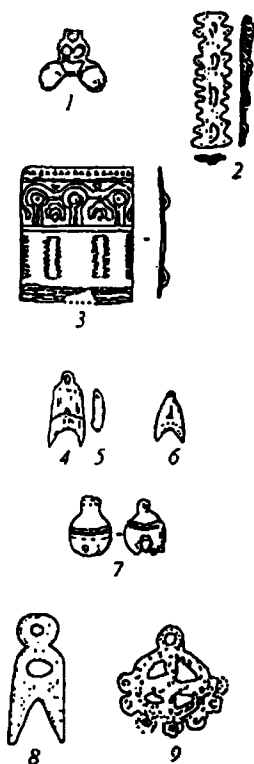
Рис. 15. Двускатная крыша над захоронением на могиле Бодон I, 24 (раскопки автора)

гах Байкала. Совпадают многие черты погребального культа — начиная от места выбора могильника до совершения после захоронения поминальных культов.

Сопоставим во многом погребальный инвентарь, полученный из могил. Надо подчеркнуть схожесть, а порой идентичность не только орудий труда и бытовых вещей, что вполне понятно, но и достаточно специфичных и демонстрирующих мир религиозных верований культовых предметов (рис. 16). Это, несомненно, свидетельствует о единстве мировоззренческих образов, питавших их творцов.

Один из излюбленных узоров курумчинских ювелиров — спираль, ею украшались: серьги (рис. 17, 7), височные кольца (рис. 17, 6, 8) и подвески (рис. 17, 10). Этот же мотив распространен и у чжурчжэньских мастеров (рис. 17, 1–3, 5). На городище Байкальское I была найдена керамика, украшенная криволинейным орнаментом (Харинский, 1992. Рис. 2). сходные мотивы известны на каменных плитках из Манхайского городища и среди подъемных сборов в устье реки Налимовки на восточном берегу Байкала (сборы И. А. Батueva). Данные орнаменты связаны со спиральными узорами, получившими распространение среди широкого круга культур Тихоокеанского бассейна, в том числе и на горшках неолитического поселения Кондон на Амуре (Окладников, Деревянко, 1973. С. 169).

Дальний Восток



Прибайкалье

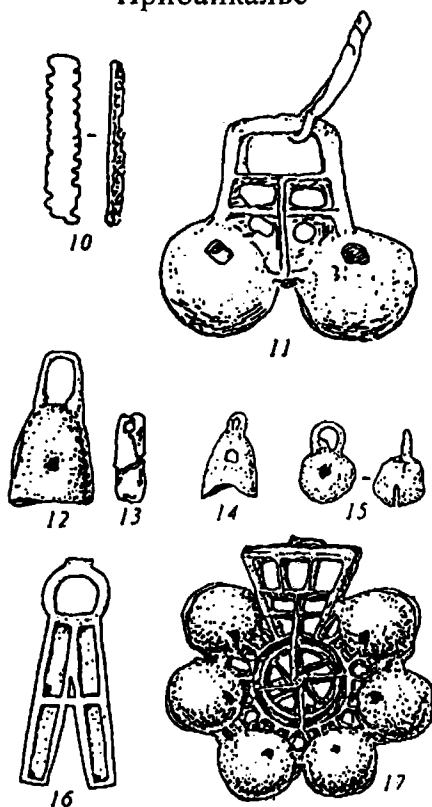
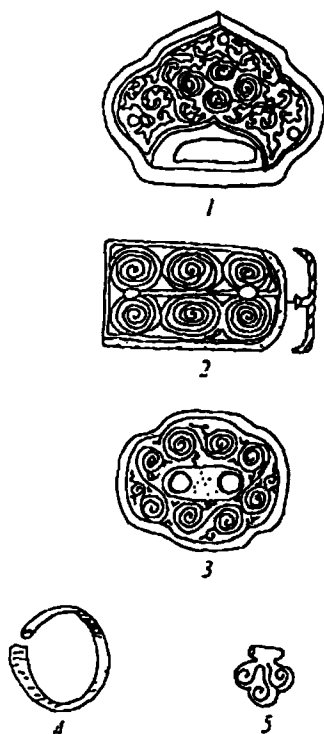


Рис. 16. Культовые предметы дальневосточных культур: 1–9 (по В. Б. Медведеву, Е. И. Деревянко, Э. В. Шавкунову) и курумчинской культуры: 10–17 (по автору)

Дальний Восток



Прибайкалье

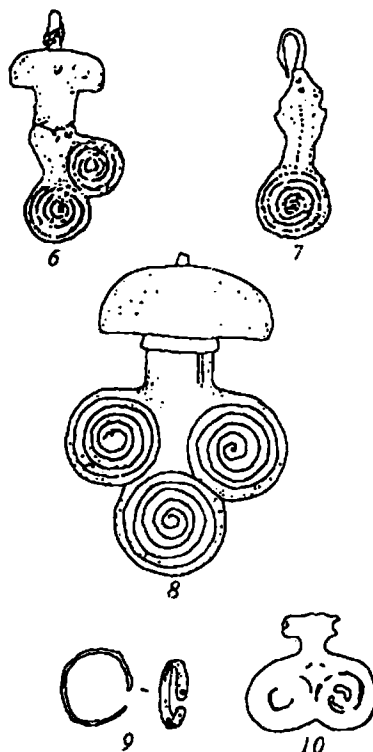


Рис. 17. Украшения дальневосточных культур: 1–5 (по В. Е. Медведеву, Э. В. Шавкунову) и курумчинской культуры: 6–10 (по автору)

Курумчинцы изготавливали бронзовые пластинчатые несомкнутые кольца, на одном конце продельвалось небольшое отверстие (рис. 17, 9), точно такие же кольца носили амурские женщины (рис. 17, 4). В дальневосточном ареале сформировались железные наконечники с зигзагообразным сечением (рис. 18, 3), здесь же произошло становление долотообразных стрел (рис. 18, 4, 5), весьма своеобразна костяная стрела с выемками у черешка, найденная в погребении Троицкого могильника (рис. 18, 2). Аналогичные стрелы найдены в погребениях и поселениях курумчинской культуры (рис. 18, 9–12).

Поселения и горные крепости. Основным типом средневековых дальневосточных жилищ являются полуземлянки четырехугольной формы (близкие к квадрату), вход на некоторых из них был дверным со специальным спуском. Нары-лежанки окаймляли помещение по периметру. Очаг четырехугольной или квадратной формы как с обкладкой из камней, так и без нее. Встречаются очаги в виде прямоугольной платформы, обставленные с четырех сторон деревянными досками. Стены жилищ выкладывались вертикально поставленными столбами или досками. Крыша, по мнению авторов, чаще всего была четырехскатной. Для бохайцев характерен прием обмазывания стен и крыш домов глиной (Деревянко Е. И., 1981; Дьякова, 1987). Рядом с жилищами или в самом помещении выкапывались ямы в виде погребов. В них хранилось мясо, о чем свидетельствуют находки костей свиньи (Окладников, Деревянко, 1973. С. 310).

Облик поселений курумчинской культуры находит полную аналогию в Дальневосточном регионе, за некоторыми различиями — наземные здания из вертикальных столбов не найдены на Амуре, не исключено, что крыши курумчинских землянок были двускатные, так как в нескольких могилах над умершими сооружены двускатные крыши, покрытые камышом, доски опирались на перекладину, поставленную на два столбика. Какова же была хозяйственная деятельность обитателей курумчинских полуземлянок?

К сожалению, в тех немногих исследованных жилищах находок практически нет, но здесь нам помогут данные, полученные Ангарской экспедицией при раскопках, проведенных в 1951–1954 гг. Материалы ангарских островов частично опубликованы И. В. Асеевым (1980). Культурный слой поселений был во многих случаях нарушен, и разделить хронологически находки не всегда возможно, тем не менее типологически или по аналогиям можно отделить средневековые древности.

Главной особенностью ангарских поселений является их насыщенность крицами, шлаками, воздушными глиняными трубками, литейными формами из песчаника. Вскрыто множество железоплавильных ям-горнов, в них или возле них найдены желобчатые молоты из кварцитовых галек, кварцитовые глыбы-наковальни, на рабочей стороне кото-

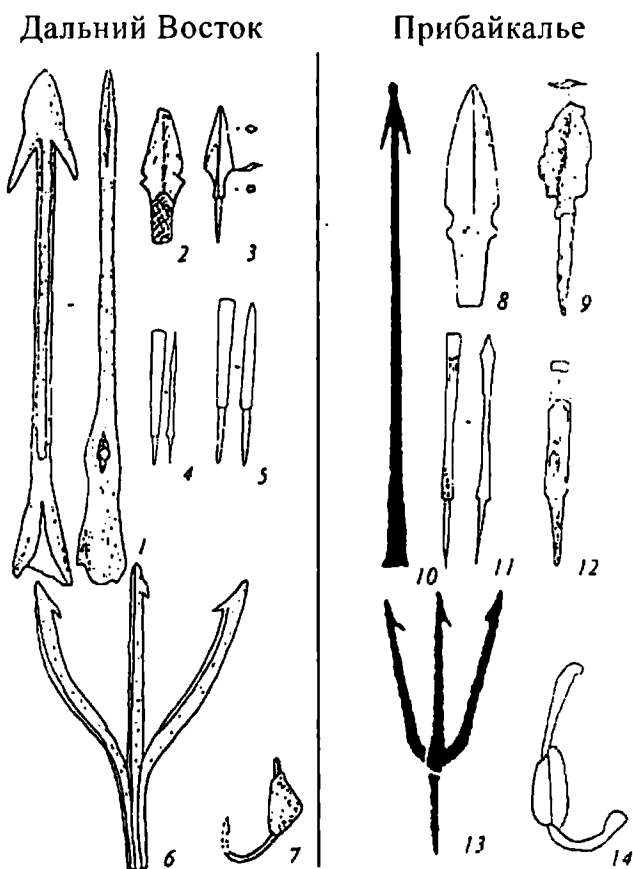


Рис. 18. Предметы дальневосточных культур: 1–7 (по Ю. М. Васильеву, Е. И. Деревянко, Э. В. Шавкунову) и курумчинской культуры: 8–14 (по А. П. Окладникову и автору)

рых наблюдаются следы железной окалины. Внутри самих ям в заполнении и на стенках сохранились куски глиняной ошлакованной обмазки. Глубина таких ям-горнов 40–60 см (Асеев, 1980. С. 86). Важное значение приобретают находки чугуновых кельтов. Если на западе чугунолитейное производство появляется вместе с монголами, то на Дальнем Востоке лить чугун начали еще в I тысячелетии до н. э. (Леньков, 1974. С. 139). Еще одна специфичная черта, обнаруженная при раскопках ангарских островов, — наличие множества находок, связанных с рыбной ловлей: каменные грузила для сетей, пешни для пробивания льда, железные гарпуны и остроги, специализированные крючки с грузилами (рис. 18, 13, 14). Точно такие же крючки с прикрепленными к их шейкам бронзовыми и свинцовыми грузилами найдены в приморских и приамурских памятниках (рис. 18, 7) (Медведев, 1986. Рис. 26, 15, 16; Шавкунов, 1990. Табл. 23, 4). Э. В. Шавкунов пишет, что эти крючки предназначены для донного лова рыбы; рыба, идущая на нерест и трущаяся брюхом о дно, напарывалась на такой крючок (1990. С. 123). Близки к приморским и наконечники гарпунов, обнаруженные на ангарских поселениях (рис. 18, 1, 10).

Когда проводились сопоставления курумчинской культуры с древностями Саяно-Алтая, то указывалась типологическая близость средневековых каменных городищ Хакасии и курумчинских горных крепостей, чаще всего известных на побережье Байкала и сложенных из камня.

Мы можем сказать, что эта традиция не является исключительной особенностью археологии Хакаско-Минусинской котловины и Прибайкалья. Она охватывает более широкую полосу, где к крайней западной точке относятся горные крепости на Алтае, а к крайней восточной — аналогичные городища средневековых дальневосточных культур Приморья и Кореи (Корейские крепости., 1991; Альбом археологических памятников., 1992; Крепость Сасансон., 1994; Дьякова, 2004).

Прибайкальские городища, укрепленные каменными стенами, расположены своеобразными «кустами», более всего их известно в Приольхонье, небольшая группа размещена на Северном Байкале, одна каменная крепость обнаружена в Тугнуйской долине.

Почти все каменные городища курумчинской культуры относятся к горным укреплениям. Они соответствуют в плане форме мыса, на котором находятся, и отделяются от плато каменной стеной (рис. 19, 20). Почти все городища имеют одну площадку, лишь на городище Шибэтэ (залив Куркут) две площадки, вторая образована дополнительной линией, возведенной на некотором удалении от первой линии укрепления. Кроме того, внутри городища и за его пределами дугообразно идет горизонтальная вымостка из камней в виде дороги шириной 3 м и длиной около 40 м (Хороших, 1924. С. 31; Асеев, 1980. С. 96).

Приморские горные городища расположены группами, своего рода «узлами» в горных долинах рек Улахе, Даубихэ, Лефу. Вот как описывает А. П. Окладников городище на Известковой сопке в долине реки Майхэ: «...с северной стороны сопки имеется два ряда стен, сложенных из тщательно пригнанных глыб дикого камня, образующих две примыкающих друг к другу дуги — внутреннюю и внешнюю. Стены дополнялись башнями, от которых уцелели круглые площадки, расположенные с интервалами в 60–70 м. Диаметр площадок равен 4,5–5 м. В стыке между двумя стенами проходила дорога, которая упиралась в тупик, возможно, являвшийся ловушкой. Кроме стен, городище было укреплено еще двумя рвами, пересекавшими площадку поперек, с севера на юг» (1959а. С. 283).

В прибайкальских и дальневосточных городищах совпадают строительные приемы, устройство дополнительных пристроенных сооружений и традиция выкладывания из камня дорог.

Курумчинские петроглифы. А. П. Окладников, характеризуя искусство курыкан, считал, что оно больше всего связано с кыргызским западом и с тюркским Алтаем и это искусство выросло на общей с ними основе, имело один и тот же стиль, одинаковое содержание (1948. С. 11). Очень сложно и практически невозможно определить тот единый

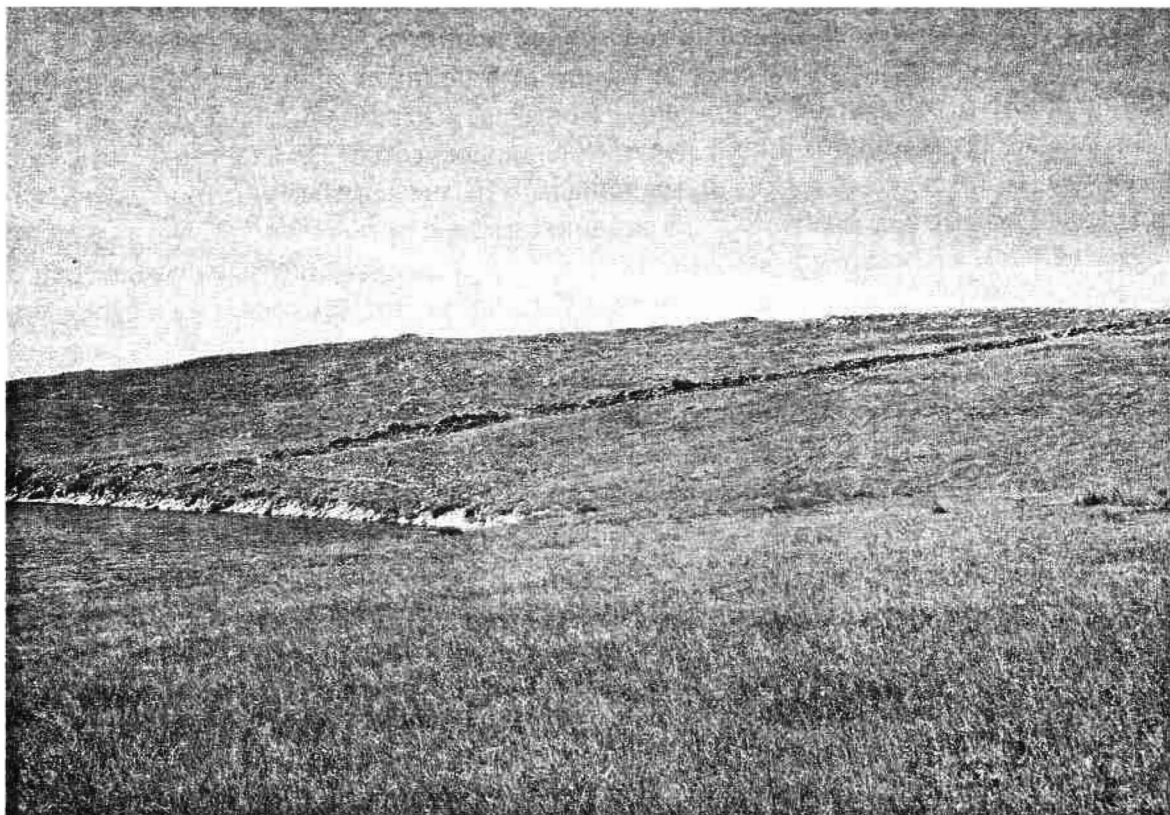


Рис. 19. Городище Хоргой. Общий вид. Фото автора



Рис. 20. Городище Хоргой. Фрагмент стены. Фото автора

центр, в котором сформировались бы каноны наскальной живописи курумчинской культуры. Тем более что в последних находках забайкальских археологов, в могилах на берегу Аргуни с инвентарем, имеющим дальневосточное происхождение, были найдены берестяные сосуды с многочисленными граффити, изображающими сцены перекочевок, рисунки стойбищ, различных кибиток (Кириллов, Ковычев, Литвинцев, 2001). Все эти рисунки удивительным образом напоминают курумчинское искусство. Река Аргунь — это уже верховья Амура, и, спускаясь к низовью, мы попадаем на знаменитые рисунки Сакачи-Аляна, где на скалах прочерчены изображения всадников.

На Дальнем же Востоке в большом количестве найдены культовые скульптурки бронзовых чжурчжэньских всадников, аналогичные изображения имеются и на чжурчжэньских керамических сосудах. Стилистика изображений всадника с тонким вытянутым телом и приостренной макушкой головы или, может быть, головным убором полностью совпадает на чжурчжэньских скульптурах и на курумчинских рисунках, найденных на плитках городища Манхай (рис. 21, 1, 4). Сопоставима манера изображения человека в виде двух горизонтальных полосок, именно таковы всадники на амурских писаницах Сакачи-Аляна и на курумчинских рисунках (рис. 21, 2, 3, 5, 6). Близка в ряде случаев и стилистика изображения коней, в частности вытянутые шеи (рис. 21, 1, 2, 5). И если мы по Амуру и затем по Сунгари спустимся на юг, то здесь в долинах рек, сбегających с хребта Чайбоншань, на гробницах когуреских аристократов увидим росписи со сценами охоты и бытовыми сценами (Результаты..., 1958; Доклады..., 1963; Культура Когуре, 1975; Comparative Studies..., 2003. Р. 153–159), и некоторые из них сразу напомнят нам рисунки на скалах Лены, Ангары и Аргуни. Близки курумчинские петроглифы и к росписям в могилах сяньбийской знати и киданьской аристократии (Feng Епхуе, 1998. Р. 397, 398; Дебен-Франкфор, 2002. С. 115–118). Не случайно А. П. Окладников писал о курумчинском искусстве: **«В этих рисунках видны черты большого, настоящего искусства, слышны отзвуки не только степного эпоса, но, может быть, и настоящей литературы»** (выделено мной. — Б. Д.) (1976. С. 179).

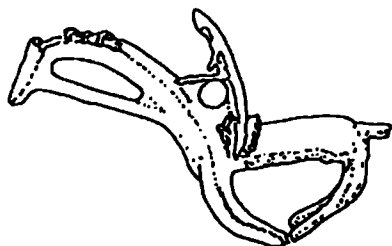
О близости средневековых петроглифов Сакачи-Аляна, Тувы, Хакасии и Прибайкалья уже указывалось в литературе (Окладников, 1968. С. 107; Дэвлет, 1978). Сходные рисунки обнаружены на чжурчжэньской керамике (Тупикина, 1996. С. 37).

Несомненно, движение культурных идей осуществлялось не только на запад, но был поток и на восток (нельзя исключать и реэмиграцию). Связано ли распространение этих рисунков только с тюркской экспансией — ответить однозначно на этот вопрос достаточно сложно.

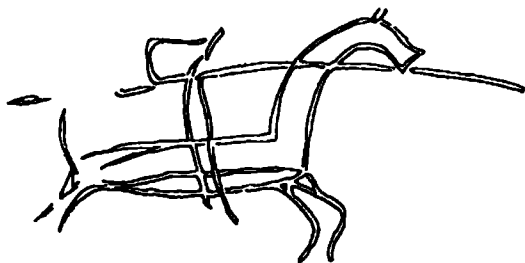
Этот материал не позволяет отнести к интерпретации курумчинского искусства как самому северному ответвлению западнотюркского искусства. Не исключена его непосредственная связь с художественными традициями Дальневосточного региона. Как писал об этом А. П. Окладников, курумчинское искусство «гармонически сочетало с влияниями далекого иранского запада черты, свойственные и Дальнему Востоку» (1976. С. 32).

Связи курумчинской культуры с хунну и бурхотуйской культурой. Важным для понимания сложения дальневосточных элементов в культурном комплексе курумчинской культуры являются связи с хуннскими традициями. Надо отметить, что в Прибайкалье еще не известны хуннские поселения и могильники, все они в основном исследованы в южных районах Бурятии. Но находки вещей хуннского облика отмечены. В 1981 г. иркутским археологом В. И. Смотровой на Ангаре были найдены типично хуннские ажурные бляхи: одна со сценой борьбы зверей, вторая с геометрическим орнаментом (1982). Нами в 1988 г. при обследовании дюнных стоянок Баргузинской долины в урочище Хасхал были обнаружены фрагменты серой хуннской керамики (1989а).

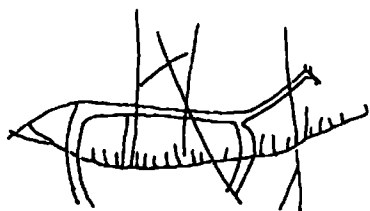
Отметим характерную черту, сближающую захоронения хуннов и населения курумчинской культуры. Обеим культурам присущи грунтовые могильники, причем, по нашему мнению, совершенно не случайно, что грунтовые могильники хунну и курумчинской культуры располагались на песчаных почвах. Выбор места для могильников у населения этих



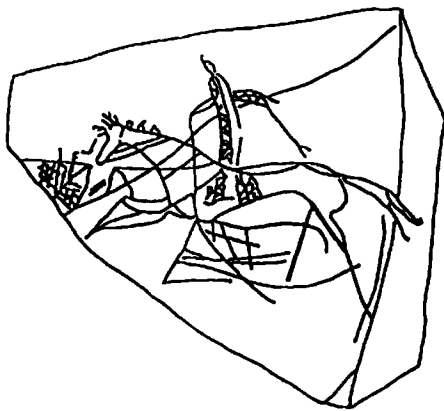
1



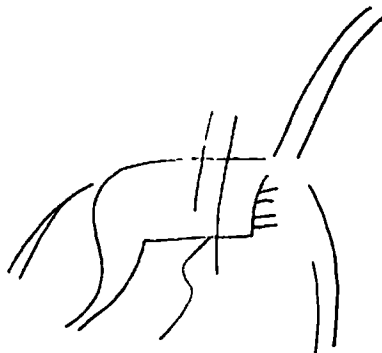
2



3



4



5



6

Рис. 21. Искусство дальневосточных культур: 1–3 (по А. П. Окладникову, Э. В. Шавкунову) и курумчинской культуры: 4–6 (по И. В. Асееву)

культур определялся общими принципами, возможно, когда-то сложившимися на песчаных лессах Южной Маньчжурии. Не случайно, что хунну копали глубокие могильные ямы – царские захоронения более 10 м глубиной и рядовые до 3 м. Данный обычай мог сложиться в основном на мягких для копания грунтах лессового происхождения. Поэтому, когда хунну вышли в области Центральной Азии и Сибири, они по возможности старались подобрать под могильники соответствующие почвы. Хотя это не всегда соблюдалось. Если в Забайкалье хуннские памятники преимущественно связаны с песчаными почвами и соновыми борами (рис. 22), то знаменитая Ноин-Ула, исследованная экспедицией П. К. Козлова в Монголии, находится совершенно в других условиях – это влажные почвы с берёзовыми лесами (рис. 23).



Рис. 22. Могила с дромосом (Суджинский могильник в Ильмовой пади). Фото автора



Рис. 23. Могила с дромосом (Ноин-Ула). Фото автора

С хунно-уйгурскими традициями связаны некоторые планиграфические особенности ряда курумчинских городищ. Мы имеем в виду городища с оборонительными сооружениями в виде четырехугольников. Особенностью курумчинских городищ является то, что они чаще всего сооружались на мысах, хотя имеется одно городище четырехугольной формы — Барономухинское, сооруженное в пойме реки Куды. Хуннские и уйгурские городища, как правило, воздвигались в поймах рек (Кызласов, 1969. С. 59; Давыдова, 1985. С. 10).

Ряд вещей, характеризующих облик курумчинской культуры, имеет аналогии в инвентаре хуннских памятников. Некоторые типы курумчинских наконечников зародились, видимо, в хуннской среде. В частности, это трехлопастные ромбовидные, удлинено-ромбовидные, пятиугольные узкие стрелы. Длинные концевые накладки курумчинских луков весьма схожи с подобными накладками, полученными при раскопках хуннских памятников в Ильмовой и Черемуховой падах; некоторые отличия наблюдаются в изогнутости накладок — хуннские накладки менее изогнуты, чем курумчинские. Колоколовидные бронзовые подвески, распространенные у курыкан, известны в материалах Дэрестуйского могильника. Сближает эти подвески и то, что сбоку у них пробиты небольшие отверстия. В курумчинских погребениях и поминальниках были найдены предметы из кости, которые имеют признак, сближающий их, это наличие круглых высверленных лунок. Внешне они очень похожи на хуннские детали прибора для разжигания огня (Коновалов, 1976. Табл. XVIII, 11, 12).

Весьма своеобразны курыканские серьги и височные кольца, украшенные спиральным орнаментом. Серьги в виде проволочной спирали известны и у хуннов (Коновалов, 1976. С. 193). Спиральный орнамент обнаружен на хуннском войлочном ковре в кургане № 6 Ноин-Улы, хуннском головном уборе и подушечной наволочке (Руденко, 1962. С. 57. Табл. IX, XVII, 1). На хуннской керамике довольно часто встречается арочный узор, который в дальнейшем получил широкое распространение на курумчинской посуде. Находят аналогии среди хуннской керамики и вазовидные сосуды, найденные в курумчинских могилах и поминальниках.

Дальневосточные истоки культуры хунну и близость ее к оседлым центрам Южной Маньчжурии выявлены достаточно убедительно (Миняев, 1987). Значительная часть приведенных нами аналогий, сближающих культуру хунну с курумчинской, в основном связана с восточноазиатскими древностями. Предметы курумчинской и бурхотуйской культур типологически сопоставимы с корейскими и японскими древностями (рис. 24, 25) (Tian Likun, 1998. P. 334, 339). Среди находок курумчинской культуры с солярным культом связаны бронзовые подвески с шестью бубенчиками (рис. 24, 4). Они напоминают сходные бронзовые бубенчики «пхальджурен» в древностях Кореи (Воробьев, 1961. Рис. XIV, 10; Тихонов, 2003. С. 84. Ил. 26). Профессор отделения археологии Пекинского университета Shuicheng Li, ознакомившись с нашими находками, подтвердил, что подобные подвески считаются типично корейскими вещами. Аналогичные подвески-бубенчики известны в материалах зоргольской культуры Восточного Забайкалья (находка была показана нам Е. В. Ковычевым). Традиция этих бубенчиков в пережиточном виде доживает до XIX в. в культуре ульчей (Ульчи: Каталог..., 2004. С. 73).

Следует сказать, что антропология курумчинского населения сопоставима с хунну Монголии и Забайкалья (Бураев, 2000. С. 69). По мнению исследователей, в антропологическом облике хунну присутствуют примеси дальневосточной расы (Алексеев, Гохман, 1984). Возможно, эти примеси проявляются в антропологии населения курумчинской культуры, так как отмечается их сходство с современными народами Нижнего Амура — ульчами и негидальцами (Бураев, 1993. С. 17, 18; 2000. С. 91, 92).

Таким образом, мы имеем основания рассматривать курумчинскую культуру в одном ряду с дальневосточными археологическими комплексами средневекового времени, но хочется подчеркнуть, что это и центральноазиатское явление, включающее в себя традиции степного юга. В этом она схожа с культурой хунну и является естественной ее прием-

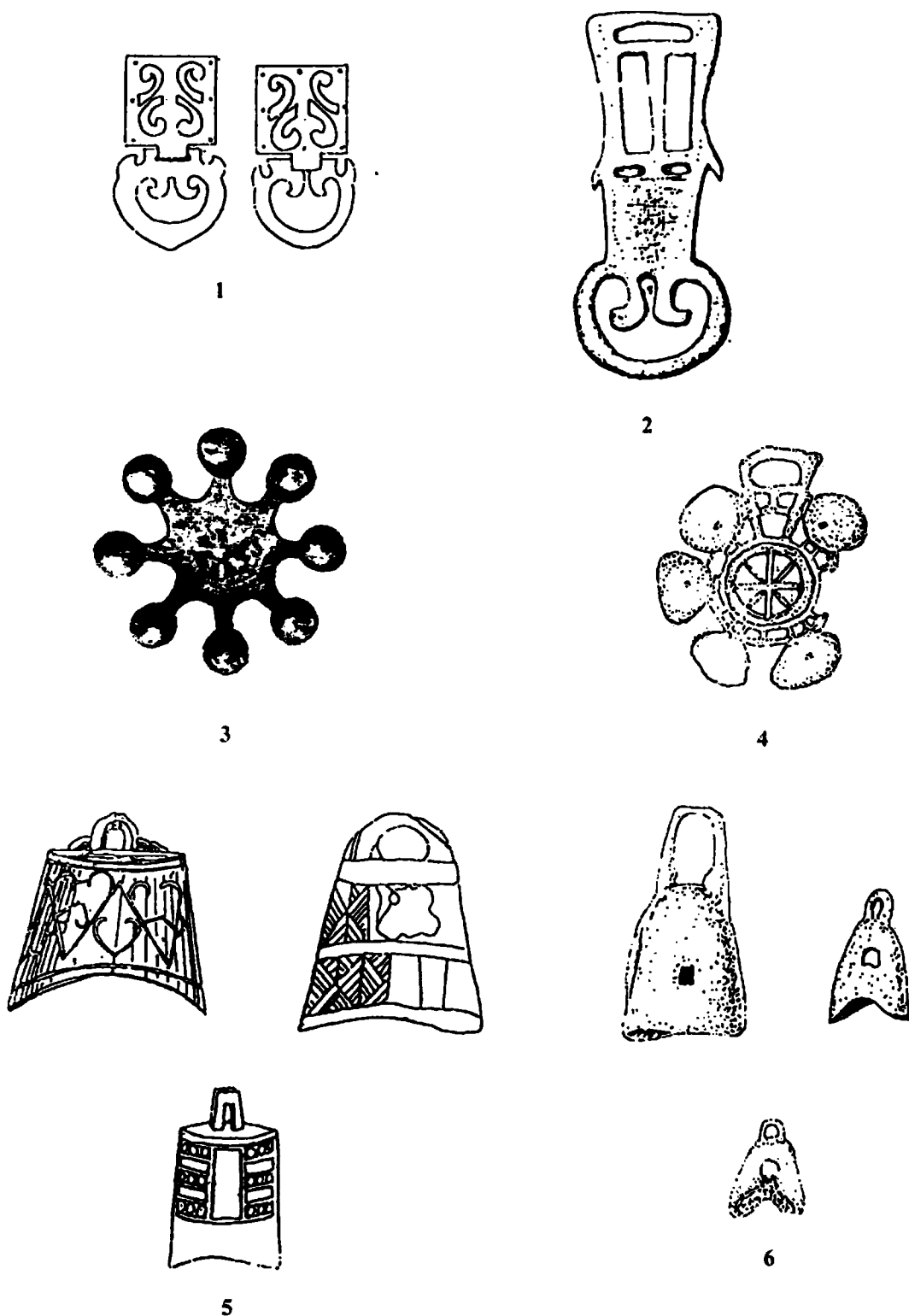


Рис. 24. Древности Кореи: 1, 3, 5 (по М. В. Воробьеву) и хори-монголов: 2, 4, 6 (по И. И. Кириллову и автору)

ницей. Культура любого народа — сложное явление, включающее в себя множество пластов, отражающих противоречивую и непростую историю ее развития, ведь абсолютно изолированных «чистых» народов не было (Аратюнов, 1989). Выделение дальневосточного или, если рассматривать широко, восточноазиатского субстрата в курумчинской культуре позволяет видеть в них монгольские корни.

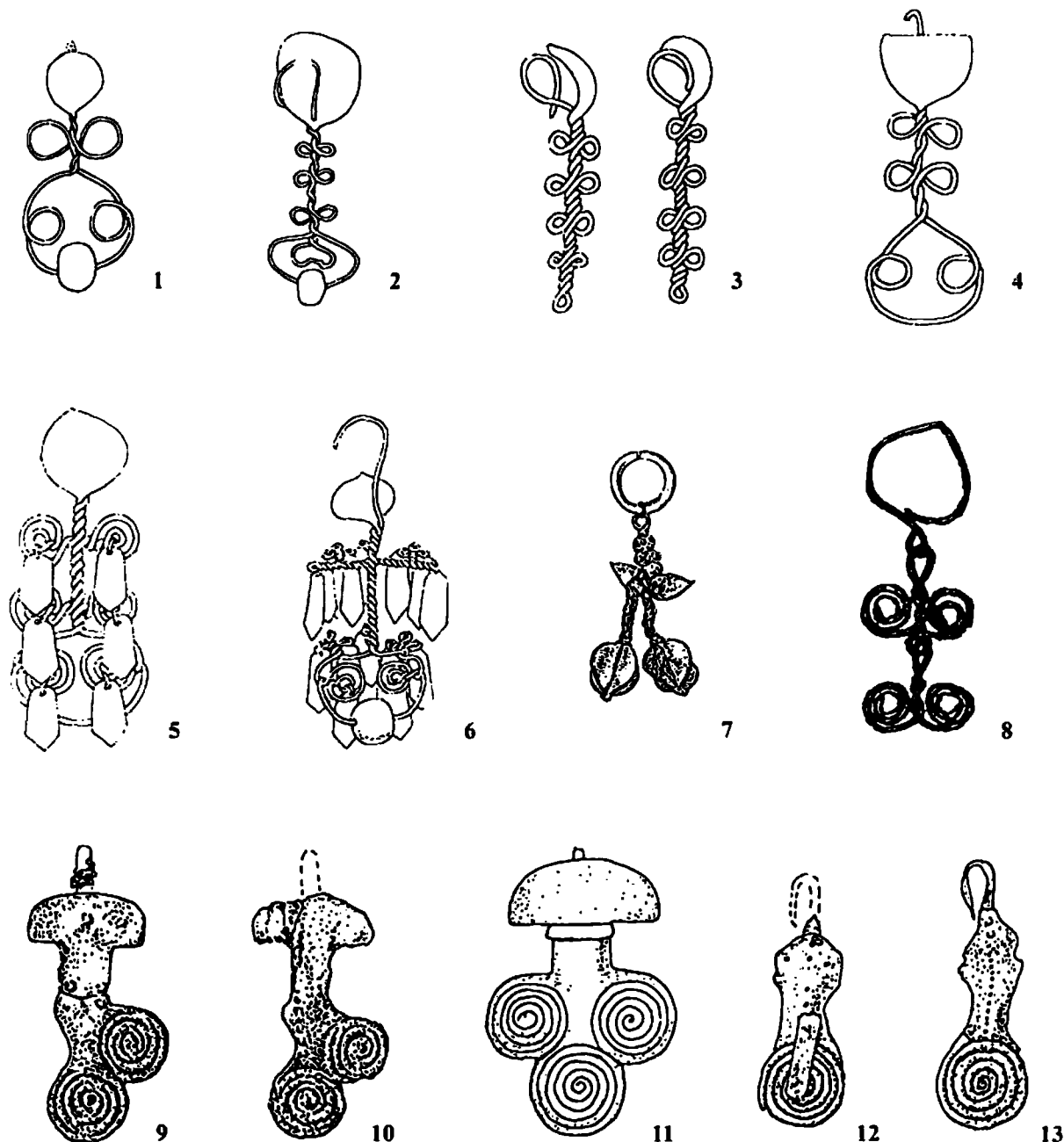


Рис. 25. Серьги и подвески сяньбийского типа (хори-монголов): 1–6 (Лаохэшэнь, Китай), 7 (Япония, по Дж. Киддеру), 8 (Северный Байкал, по А. В. Харинскому), 9–13 (Ольхон, Баргузин, по автору)

3. Хори-монголы (к этнической атрибуции курумчинской культуры)

В XIX в. достоянием науки становятся китайские летописи, переведенные Н. Я. Бичурным. Его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», опубликованный в 1851 г., содержит много ценных и интересных данных о разных народах, населявших Среднюю Азию. Одним из этих народов были гулиганы. Они входили в союз 15 племен гаогюй (или уйгуров), язык их сходен с хуннским, но есть небольшая разница — кочуют гулиганы по северную сторону Байкала (Бичурин, 1950. С. 301, 348).

Еще одним важным письменным источником являются рунические письмена. В надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина упоминаются племена уч-курыкан. П. М. Мелиоранский в примечаниях к переводу надписи пишет: «...уч-курыканы мало известны; по китайским источникам, они жили к северу от Байкала, на западе их владения простирались до страны кыргызов» (1900. С. 100). Он также указывает: «...в рассказе о похоронах Бумын-Истеми-кагана курыканы называются уч-курыканы, т. е. три курыкана. Подобные названия всегда указывают на «эль», составившийся из нескольких племен, державшихся прежде особняком» (1898. С. 281).

В. В. Радлов в описаниях сибирских племен, используя работу Н. Я. Бичурина, предполагает, что «не может быть сомнения в том, что здесь под Гулигань нужно понимать якутов, по всей видимости, смешанный народ, образовавшийся из уйгуров и тунгусских племен» (по Ксенофонтову, 1937. С. 399). Н. Н. Козьмин в работе «К вопросу о происхождении якутов-сахалар» считает, что «гулигань» китайских летописей упоминаются в орхонских надписях под именем «уч-курыкан», и, вероятнее всего, этим народом были древние якуты. «Гулигань» — вполне обычная китайская транскрипция турецкого названия «уч-курыкан» (1928. С. 6). В книге, посвященной происхождению якутского народа, Г. В. Ксенофонов высказывает предположение о том, что курыканы, или гулиганы, VI—VIII вв. н. э. — это вилюйские якуты, которые образовались в результате уничтожения северной хуннской державы из остатков хуннских народов и отуреченных тунгусских племен (1937. С. 460).

А. П. Окладников при написании истории якутского народа предложил, что археологические памятники курумчинской культуры Прибайкалья оставлены предками якутов, которых в древних письменных источниках называли курыканами-гулиганями (1948, 1955). По мнению ученого, принадлежность курыкан к числу тюркских народностей подтверждается данными их собственной рунической письменности, а также тем, что в танское время они входили в число уйгурской этнической группировки. А. П. Окладников считал, что потомками гулиганей-курыкан являются кури, фури мусульманских источников или кури (кули) китайских летописей юаньского времени (1955. С. 310).

Действительно, в арабских источниках X—XII вв. население Прибайкалья обозначается как «фури» или «кури». Зохак Гардизи в своем труде «Украшение известий» (1050—1053) описывает путь из страны кыргызов к большому племени фури. Из ставки кыргызского кагана к фури вели две дороги: «одна через степь 3 месяца идти, другая по левую сторону — 2 месяца, но эта дорога трудна. Надо идти все время по лесам, по узкой тропинке и узкому пространству; по дороге много воды, постоянно встречаются реки» (Бартольд, 1963. С. 47, 48). В сочинении «Худуд ал алам» фури это название народа — «также из хырхызов, (они) поселяются к востоку от хырхызов и не смешиваются с прочими хырхызами... Их языка другие хырхызы не понимают, они подобны диким зверям» (Материалы..., 1973. С. 41). У Тахира Марвази к востоку от кыргызов обитает племя «кури» (по Румянцеву, 1962. С. 121). В китайской средневековой летописи Юаньской династии «Юань ши» («История Юань») около Ангары размещается народ кули. Этот же народ — кури, живущий у Байкала, упоминается и у Рашид-ад-дина, арабского историка, писавшего в начале XIV в. (Бартольд, 1963. С. 497, 499).

Г. Н. Румянцев предположил, что все эти названия (фури, кури, кули) не что иное, как хор-хори — наименование большой группы монгольских племен (1962. С. 125). Он пишет: «...сопоставление этнонима курыкан с другими названиями племен и народностей позволяет считать наиболее вероятным отождествление их с племенем хори, составляющим ныне один из главных компонентов бурятского народа. Это тем более вероятно, что, согласно сообщению Рашид-ад-дина и «Сокровенного сказания», наиболее ранних источников о монголах, племена хори-тумат обитали в дочингисовскую эпоху, т. е. во всяком случае не позже X в., в Прибайкалье как раз в районе распространения памятников «курумчинской» (курыканской культуры)» (Там же. С. 132).

Рассмотрим аргументы, позволяющие сопоставить археологические памятники курумчинской культуры с народом хори. Разбирая предания о происхождении хоринских бурят, мы можем прийти к выводу, что основной территорией хоринцев, территорией формирования племен, являлись земли вокруг Байкала. В песне агинских бурят (отдельная территориальная группа хоринцев) поется:

Храброго нашего предка
Местоительство — Байкал.
Нашего племени предка
Родина — на Ольхоне (Румянцев, 1962. С. 192).

По преданиям, на берегах Байкала на острове Ольхон встречаются прародители хоринцев. Здесь охотник Хоридой женится на небесной деве-лебеди и у них рождается 11 сыновей, которые сделались родоначальниками 11 хоринских родов (Румянцев, 1962. С. 147). Летом 1902 г. А. М. Станиловский посетил остров Ольхон. Собирая легенды о Шаманской пещере (мыс Бурхан в Хужире. — Б. Д.), он установил, что зимой к ней приезжают хоринские буряты и служат хуралы. А. М. Станиловский считает, что корни этого культа у хоринцев уходят в более раннее время: «...почтение, которым пользуется Шаманская пещера среди хоринцев с острова Ольхона (легенда о Хоридое). Очевидно, почтение это проявляется у них с очень древних, еще добуддийских, времен» (1903. С. 130).

С другой стороны, остров Ольхон является крупным центром курумчинской культуры. Именно здесь сосредоточено большое количество курумчинских городищ, здесь же отмечена наибольшая концентрация своеобразных памятников курумчинской культуры — шатровых поминальников, связанных, по нашему мнению, с культом предков. И весьма важно для нас то, что ольхонские буряты связывают эти памятники (городища и шатровые «могилы») с хара- или хоро-монголами, которых еще называют хори-бурханы, и у них существует культ этих монголов (Агапитов, 1881. С. 20; Хороших, 1924. С. 20, 33).

Еще одним крупным центром курумчинской культуры считается Кудинская долина, где распространены курумчинские поселения, городища и древние пашни. По преданиям кудинских бурят, эти памятники оставлены хара-монголами (Окладников, 1948. С. 5). На курумчинских писаницах Кудинской долины и реки Лены имеются изображения верблюдов. И если мы спустимся вниз по Лене, то узнаем, что якутское название верблюда — хоро-тэбиэн, то есть хоринский верблюд (Окладников, 1955. С. 232). И, очевидно, не случайно в Якутии верблюды ассоциируются с народом хоро-хори. Можно предположить, что хозяевами верблюдов курумчинских петроглифов были средневековые хори и через них предки якутов познакомились с этими необычными для таежных обитателей животными.

Разумеется, нельзя свести к простому совпадению то, что в разных местах (на Ольхоне и в Кудинской долине) археологические памятники курумчинской культуры связываются с хара- или хоро-монголами. Вполне вероятно, что данные названия восходят к хори, которые в средневековье заселяли эти земли. Г. Н. Румянцев вполне обоснованно считал современных хори-бурят потомками средневековых хори (1962. С. 240, 241).

Следовательно, попытка Г. Н. Румянцева связать археологические памятники курумчинской культуры с племенным объединением хори подтверждается материалами бурятских преданий и фольклора, а также языковыми данными, свидетельствующими об этом косвенным образом.

Имеющиеся у нас свидетельства позволяют относить хори к кругу монголоязычных племен. Так, говоря о хори X–XII вв., мусульманские авторы отмечают, что их язык отличен от кыргызского и их языка другие кыргызы не понимают (Материалы..., 1973. С. 41). Якутские хоролоры, которые, по мнению большинства ученых, являются выходцами из племен хори, отличались своим языком от якутского. У В. Л. Серошевского, одного из талантливых исследователей якутского народа, приводится выражение, бытовавшее в про-

шлом у якутов: «Не по-хоролорски тебе говорю, а по-якутски» (1993. С. 238). Эти немногочисленные факты приводят нас к выводу, что основное ядро хоринского союза племен было монголоязычным.

Монголоязычными считал средневековых хори Г. Н. Румянцев. Он сравнивал этот этноним с другими монголоязычными племенами со схожим звучанием (хорчин, хурумши, хорлос, хорхон) и предполагал, что созвучие всех этих этнонимов с основой хор-хур не случайно и восходит к тибетскому названию монголов — хор (1962. С. 126, 127).

Об этнонимах курыкан, гулигань, хори. Отождествляя курыкан и хори, Г. Н. Румянцев ссылается на предшественников, которые пытались каким-то образом объяснить или просто сопоставить и сблизить эти этнонимы. В. В. Бартольд полагал, что курыканы орхонских надписей упоминаются в мусульманских источниках уже как народ фури. П. Пелльо считал этноним курыкан женской формой этнонима хори (Румянцев, 1962. С. 122, 123). А. П. Окладников видел близость в курыканах и кури (1955. С. 310).

Если хори и курыканы один и тот же этнос, а хори относятся к кругу монголоязычных племен, следовательно, и курыканы были монголоязычными — таков вывод Г. Н. Румянцева. Надо сказать, что сторонниками монголизма курыкан был целый ряд исследователей (В. В. Бартольд, П. Пелльо, Л. Амби, Ю. Д. Талько-Грынцевич, А. Н. Бернштам, В. Л. Котвич).

Рассмотрим их взгляды. В. В. Бартольд, П. Пелльо и Л. Амби, как и Г. Н. Румянцев, сопоставляют этнонимы курыкан и хори (фури, кури) по звучанию. Несубедительна аргументация Ю. Д. Талько-Грынцевича. Он выводил слово «курыкан» от монгольского «хуриган», переводил его как «овца» и считал, что этот народ по происхождению являет какую-то помесь с монголами (1900. С. 67). Не исключено, что Ю. Д. Талько-Грынцевич был знаком со взглядом П. М. Мелиоранского, который ранее, буквально в сходных выражениях, высказал эту же мысль (1898. С. 281). Правда, во второй публикации П. М. Мелиоранского перевод слова «хуриган» более точен — ягненок (1900. С. 100). Непоследователен в определении этнической принадлежности курыкан А. Н. Бернштам, но это и не имело значения для основной идеи его труда, на с. 82 он сближает их с тюркскими, а на с. 165 причисляет курыкан к монгольским племенам (1946). По записям Ц. Ж. Жамцарано, в лекциях В. Л. Котвич говорилось: «Монголы, по-видимому, состояли не из одних только татар, ибо несколько позднее к этой же группе принадлежал народ, известный под названием курыканы» (Румянцев, 1962. С. 123).

Надо сказать, что ни один из этих исследователей не ставил научной задачей выяснение этнической принадлежности курыкан. Все они занимались определенной проблемой, которая в какой-то степени касалась курыкан, высказывали свои соображения относительно языка курыкан, и в некоторых случаях даже не аргументируя это и не вдаваясь в подробности.

Раз мы затронули этимологию этнонима курыкан, то приведем все имеющиеся на этот счет соображения. По Г. В. Ксенофонтову, этот этноним объясняется из бурятского «хюргэн-кюргэн» и тунгусского «курокан, куракан, курыкэн», что значит «зять». Исходя из этого, Г. В. Ксенофонтов подразумевал, что главы трех подразделений вилюйских якутов (отуреченные тунгусы, древние хунны и часть монгольских родов) состояли зятьями тыгынов, властителей якутского народа (1937. С. 461). Сходного мнения придерживается и В. В. Свинин. Он предлагает уч-курыкан переводить как «три зятя», то есть это три разноязычных рода (тюрки, тунгусы и монголы), связанные между собой кольцевой системой родства (1974. С. 20). Т. А. Бертагаев путем сложных фонетических модуляций возводит название бурят к этнониму курыкан (1970). Несостоятельность и искусственность построений Т. А. Бертагаева вызвали справедливую критику Ц. Б. Цыдендамбаева (1972. С. 272–274) и Г. Д. Санжеева (1983. С. 101–105).

Г. Д. Санжеев выступил против этимологического отождествления курыкан и хори, предложенного Г. Н. Румянцевым. Он считал, что это невозможно по фонетическим законам, без учета которых нельзя отождествлять слова, так как в их звуковом составе нет для этого необходимых фонетических условий, вне которых ни один звук не может переходить в другой (1983. С. 86–94). Г. Д. Санжеев согласен с Г. Н. Румянцевым в том, что этноним курыкан на тюркских языках не объясняется (но надо учитывать, что приставка «уч», то есть «три», — тюркская. — *Б. Д.*), и считает возможным связать его с курканами Рашид-ад-дина, а затем с бурятским родом хурхад, проживающим в Алари, который, по мнению ученого, имеется и среди эхиритов и булагатов (1983. С. 88, 93).

И. В. Кормушин, занимаясь вопросами тюрко-монгольских языковых связей, выявил сильный монгольский субстрат в тюркских языках Средней Азии и Сибири, причем этот субстрат имеет более древнее происхождение, чем влияния «монгольского времени» XIII–XIV вв. Ставя проблему этнической принадлежности данного субстрата в Прибайкалье, Туве, Алтае и Западной Монголии, высказывается в плане предположения идея, весьма созвучная мыслям, излагаемым нами. Этимологизируя название курыкан, И. В. Кормушин пишет: «...очень соблазнительно сопоставление их с бурятами-хоринцами». Далее исследователь указывает на древний этноним тоба, имеющийся в названиях народов региона, и связывает его с монголами сяньби. Им же высказана мысль: «...нельзя ли думать, что первоначальным субстратом протоякутов и прототувинцев были именно монголоязычные племена Западного Прибайкалья?» (2000. С. 61).

Синолог Ю. А. Зуев признает тождество имен курыкан и хори. Он пишет: «Вместе с тем это тождество позволяет, кажется, найти «третий» эркин (эркин — это род или племя. — *Б. Д.*) курыкан, отмеченный в тексте памятника в честь тюркского князя Тоньюкука и «потерянный» в Танхуйяо; им мог быть род кэ-ли (кори), вошедший впоследствии, по словам Гу Цзу-юя, в состав киданей» (1960. С. 102, 103).

Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической надписи был предпринят Э. В. Шавкуновым. Применяя фонетико-семантический метод, он предлагает такое чтение имени «гулигань»: «Этому этнониму весьма созвучны древнетюркское *qoriyan* — «стан, военный лагерь» — и монгольское *xoriya(n)* *xoriya(n)* в том же значении. Перевод иероглифов, с помощью которых транскрибирован этноним, может быть примерно таким: «остов из заостренных стволов». Если принять во внимание то, что военный лагерь мог обноситься частоколом из заостренных плах, то перевод будет вполне соответствовать понятию «стан, военный лагерь»» (1976. С. 54, 55).

Исследователь проводит параллель между названиями курыкан и кориган и полагает, что соответствия имени кориган обнаруживаются как в тюркском, так и монгольском языках, поэтому вопрос о происхождении этого этнонима требует дальнейшей разработки (Шавкунов, 1976. С. 63).

К такому же пониманию этнонима курыкан — «военный стан, лагерь» пришел Б. З. Нанзатов (2002. С. 11). В этом с ним согласен и Д. В. Цыбикдоржиев, который полагает, что термин *qurigan* в монгольских языках представлен: в халха-монгольском (хурээ) — курень, укрепленное поселение в форме круга, эхирит-булагатском — изгородь, огороженное место, хоринском (хорёо) (2003. С. 52).

Занимаясь этимологией имени дунху (хори), мы показали родство монгольского слова «хурээ» — ограда, лагерь, стан и древнего названия Кореи (Корё) — к древнему корню «кор» — укрытие, крепость (Джарылгасинова, 1970; Ким Бусик, 1995. С. 323). Следовательно, все эти фонетико-семантические корни этнонима гулигань (курыкан, кориган) во многом подтверждают позиции Г. Н. Румянцева, сближавшего имена курыкан и хори.

Завершая наш этимологический экскурс, следует согласиться с Д. Д. Нимаевым, который считает, что «даже в случае полной доказанности происхождения указанного этнонима из монгольских языков (как собственно из тюркских. — *Б. Д.*) вопрос об этнической

принадлежности курыкан не получит окончательного решения, так как он не может сводиться к поискам этимологии данного этнонима — проблема в целом гораздо шире и сложнее» (1988. С. 70).

Возвращаясь к концепции Г. Н. Румянцева, нам представляются важными такие основные положения, выдвинутые исследователем: кури и фури арабских сочинений не что иное, как племена хори; современные хоринские буряты — это потомки средневековых хори. Для нашего исследования важны два следующих обстоятельства. Первое — граница распространения курумчинской культуры входит в земли расселения племен хори. Второе — поздние археологические памятники курумчинской культуры датируются XI–XIV вв., а средневековые хори упоминаются в источниках этого же времени. Все это позволяет нам соотнести археологические памятники курумчинской культуры со средневековым племенным объединением хори.

Вопросы расселения хори-монголов (курыкан). Вопросы вызывает и проблема места обитания летописных гулиганей. Сомнения к переводу Н. Бичурина высказали Д. Позднесв и Э. Шаванин. Они полагали, что «Ханьхай» танского текста, от которого страна гулиганей лежит к северу, означает не море Байкал, а песчаную степь. Байкалом же является то море, которое лежит к северу от гулиганей. Следовательно, гулиганы должны жить не к северу, а к югу от Байкала (по Окладникову, 1955. С. 309).

А. П. Окладников вновь рассмотрел имеющиеся источники с целью уточнения местонахождения гулиганей. Он использовал летопись «География Китая и иностранных земель», составленную в сунское время (769–984), по которой гулиганы располагались южнее Байкала (Окладников, 1955. С. 309). В другом географическом обозрении танской эпохи «Таншудиличжи» указывается, что за морем жители похожи «на гулигань» (Кюннер, 1961. С. 284). Китайские источники и их переводы не давали ясности, и в конечном итоге А. П. Окладников пришел к выводу, что, вероятнее всего, гулиганы расселялись вокруг Байкала (1955. С. 309, 310).

А. В. Харинский в недавнем исследовании вновь обратился к этому вопросу — расселению гулиганей; отметив, что в повествовании о гулиганах у Н. Я. Бичурина нет однозначного перевода термина море. По мнению А. В. Харинского, «во всех китайских источниках гулигань упоминается как скотоводческий народ, обитавший к югу от Северного моря (Байкала). По другую сторону Байкала гулигань не жили» (2001. С. 14). Так как гулиганы, по источникам, скотоводы, а с южной стороны к Байкалу примыкают только два остепненных района — Тункинская долина и Кударинские степи, то именно здесь они и жили — вот основной вывод исследователя (Там же).

Вопрос, поднятый А. В. Харинским, заставляет обратиться к первоисточникам. Рассмотрим перевод Н. Я. Бичурина: «Гулигань кочевало по северную сторону Байкала... Земли гулиганевы на север простирались до моря (здесь разумеется Ледовитое море. — примечание Н. Я. Бичурина)... По переправе за море «Байкал» [Бэйхай] на север дни долги, ночи короткие» (1950. С. 348). Сравним с переводом Н. В. Кюннера из источника «Дацинъитунчжи»: «Гулигань помещаются на север от Ханьхай... Их страна на север достигает моря... Еще на север, если перейти через море, то дни длинные, ночи коротки» (1961. С. 282). В «Таншудиличжи» говорится: «На север от двух племен (поколений) гулигань и дубо имеется небольшое море. Когда лед крепок, лошади, идя 8 дней, могут переправиться. На север от моря много больших гор... Малое море и есть эти воды...» (Кюннер, 1961. С. 284).

Данные тексты показывают, что вопрос о месте расселения гулиганей заключается в переводах терминов Ханьхай и Бэйхай. Что понимается под этими географическими названиями и как их следует переводить? Надо уточнить, что эти термины встречаются в описании других народов, поэтому на перевод может влиять и контекст. Н. В. Кюннер писал, что Ханьхай может пониматься как северное море, это может быть и пустыня Гоби, а Бэйхай обычно Байкал, но иногда и страны вплоть до Северного Ледовитого океана (1961. С. 100, 243, 306).

Географическую терминологию в китайских источниках изучил А. Г. Малявкин (1981, 1989). Обратимся к его труду «Танские хроники о государствах Центральной Азии». В летописи «Сводное обозрение государства Тан» говорится: «Лошади байирку сходны с лошадьми курыкан... Находятся к югу от Ханьхая на р. Баегу» (Малявкин, 1989. С. 139). Комментируя этот сюжет, А. Г. Малявкин указывает, что термин Ханьхай с давних пор понимается как пустыня Гоби, но в данном контексте это толкование нельзя применить. Ранние комментаторы утверждали, что здесь Ханьхай — это название северного моря, следовательно, лошади байирку паслись южнее Байкала. А. Г. Малявкин дополняет: начиная с государства Раннее Хань (201 г. до н. э. — 24 г. н. э.), в китайских источниках озеро Байкал именовалось Бэйхай, под этим именем понимались и отдаленные северные земли (1989. С. 323). Он приводит некоторые комментарии исследователей: Дин Цянь под северным морем (Бэйхай) понимал Северный Ледовитый океан; Т. Мориясу — обширные низменные заболоченные районы Сибири или Северный Ледовитый океан, а не озеро Байкал (1989. С. 324).

Судя по всему, гулиганы могли расселяться севернее Ханьхая (пустыни Гоби), а если Бэйхай — озеро Байкал, то земли гулиганей могли распространяться до Северного Ледовитого океана. Переводы дают основания для определения местонахождения гулиганей и южнее Байкала. Исходя из этого, думается, что следует согласиться с теми исследователями, которые размещают их вокруг Байкала.

Хозяйство и быт хори-монголов. Основные направления хозяйственной деятельности средневекового населения Прибайкалья сформировались под влиянием естественно-географических условий региона. Эта большая территория различается своими природными характеристиками. На ее значительной части распространены леса. Степи занимают небольшие площади. Они находятся в горных котловинах и вкраплены небольшими участками-«островами» в обширные таежные пространства. Из-за горного рельефа земельные ресурсы ограничены. Площадь земель, удобных для сельскохозяйственного освоения, мала.

Археологические памятники средневековой эпохи расположены большей частью в межгорных понижениях и тяготеют к остепненным участкам в долинах рек. Степные пространства, а значит, и наличие пастбищ определили скотоводческую направленность хозяйства. Традиции скотоводческого хозяйства центральноазиатского типа были привнесены с приходом на эти земли в раннем железном веке населения культуры плиточных могил. В дальнейшем эта традиция получила самостоятельное развитие, а миграции из монгольских степей лишь закрепляли и усиливали скотоводческую ориентацию.

Скотоводческое хозяйство населения курумчинской культуры можно отнести к типу полукочевых. К такому заключению приводит наличие зимников с постоянными жилищами, а именно как зимники, видимо, следует рассматривать поселения Унгинское, Усть-Талькин, Шохтой, а также летники, следами которых является преобладающая часть известных нам временных стойбищ.

Недостаточная изученность этих поселений не позволяет воссоздать их планиграфию. По имеющимся археологическим материалам восстанавливаются жилища полуземляночного типа. Они напоминают тормо-гэр (жилище, известное у бурят). Темное жилище в виде землянки, землю выкапывали не очень глубоко, затем в яме устанавливали четыре столба, на которые клали поперечины, и к ним прислоняли доски. Жилище получалось широкое снизу и узкое, конусообразное в верхней части. На самом верху оставляли отверстие для выхода дыма. Снаружи жилище заваливали землей (Хангалов, 1958. С. 106).

Вне жилища, на определенном удалении, находились хозяйственные погребки. Можно предположить, что это было вызвано мерами безопасности. В случае пожаров, которые происходили, так как в жилом помещении использовался открытый огонь — кострового типа, запасы пищи оставались бы целыми. На Унгинском поселении зафиксированы остатки загонов для скота. Это позволяет говорить о возможном стойловом содержании животных, в частности коров.

Так как скотовод в условиях сибирской зимы проводил на зимнике более полугода, причем стационарность жилища предполагала одно и то же место зимования, то на поселении откладывался культурный слой. На зимниках хранился инвентарь, предназначенный для земледелия и сенокошения. На это указывают находки кос, жернов и пестов для измельчения зерна.

Летние стоянки и место их выбора зависели от многих причин: сезонная урожайность трав, обеспеченность водой, возможность для занятий рыболовством и охотой. При всем этом маршрут передвижения строго определялся, а территория кочевания закреплялась за конкретной семьей и обговаривалась заранее.

Все население было распределено по отдельным замкнутым степным долинам, незначительные размеры которых ограничивали кочевание. Поэтому летники и зимники находились не очень далеко друг от друга. Летники рассредоточивались у источников воды, по берегам рек. Зимники располагались ближе к ущельям гор, к лесу, где можно укрыть скот от зимних выюг и ранних весенних метелей. Этот же цикл и направленность кочевки сохранились во многом и до сегодняшнего дня. В Баргузинской долине, в поймах рек, располагается множество летников, которые осенью покидаются и стоят всю долгую зиму пустые, а их жильцы вместе со стадом перебираются к отрогам Икатского хребта.

Скотоводство составляло основу материального благополучия средневековых племен. Скот служил предметом меновой торговли. О составе стада свидетельствуют курумчинские петроглифы. Чаще всего на них изображены кони, имеются рисунки верблюдов, быков. Кости коров и овец найдены в поминальных памятниках курумчинской культуры. Вполне понятно, что в хозяйстве скотоводов особым вниманием и почтением пользовались лошади. И курыканы в этом плане не исключение, в китайских летописях особо подчеркиваются достоинства курыканских лошадей: «Страна производила превосходных лошадей, которые с головы походили на верблюда, сильны, рослы; в день могли пробегать по несколько сот ли» (Бичурин, 1950. С. 348). Высоко ценились и кони байырку. Известно, что тюркский полководец Кюль-Тегин сражался верхом на белом жеребце из байырку (Малов, 1951).

Для зимовки скота помимо выпаса требовалась дополнительная подкормка. Поэтому большое внимание уделялось системе заготовки сена. С этой целью земли, прилежащие к зимникам и удобные для полива, оберегались в летнее время от пастбы скота. В Прибайкалье и Забайкалье сохранились до наших дней древние оросительные системы, которые использовались для орошения полей и сенокосных угодий. Вероятно, многие из них были построены населением курумчинской культуры. Сложное сооружение известно в Кудинской степи около улуса Бартурки, где сеть каналов различной протяженности тянется из пади Идыги в два ряда в 100–150 м друг от друга. От главных каналов отходили боковые, питавшиеся водой, отдаленные участки. Оросительной системой охватывалась площадь около 5 км длиной и более 600 м шириной (Хороших, 1959).

Скотоводство не всегда является надежным способом для поддержания жизнеобеспечения и находится в изрядной зависимости от климатических условий. Достаточно засушливого лета, когда выгорают большие участки степной растительности, или зимы с обильными снегопадами, значительным покровом снега, что затрудняет выпас скота, и от бескормицы может погибнуть все стадо. Опасность для хозяйства представляют и эпидемии, болезни скота, падеж животных. Все это могло привести скотоводческие хозяйства к полному разорению, и необходимы были дополнительные источники существования.

Определенная часть населения занималась земледелием. Около поселений курыкан известны древние пашни в виде длинных параллельных грядок. Хорошо видны следы древней пашни на правом берегу реки Ангары, на склоне горы к востоку от деревни Кулаковой.

Грядки почти вплотную примыкают к глубокому валу курумчинского городища, часть грядок оплыла и почти заровнялась, другие выделяются довольно отчетливо. Следы пашен фиксируются и северо-восточнее села Бодон в Баргузинской долине, на северном склоне одной из возвышенностей рядом с горой Кордигой.

Земледелие требует знаний агротехники, опыта и большой затраты труда. Материалы Унгинского поселения показывают, что курумчинцы достигли успеха в этой области, в культурном слое были найдены чугунный сошник, железные серпы, фрагменты жерновов из обработанных плит песчаника (рис. 26). Наличие сошников — это несомненный факт плужного земледелия. И. В. Асесвым на Манхайском городище обнаружен наскальный рисунок коня, запряженного в соху. Исследователь отмечает: «Соха имеет два, с некоторым наклоном «воткнутых в землю» зуба, с перехватом на месте крепления оглобли» (1990. С. 210) (рис. 27). С помощью сошников при использовании тяглового скота земля разрыхлялась, перемешивалась и переворачивалась для высадки растений.

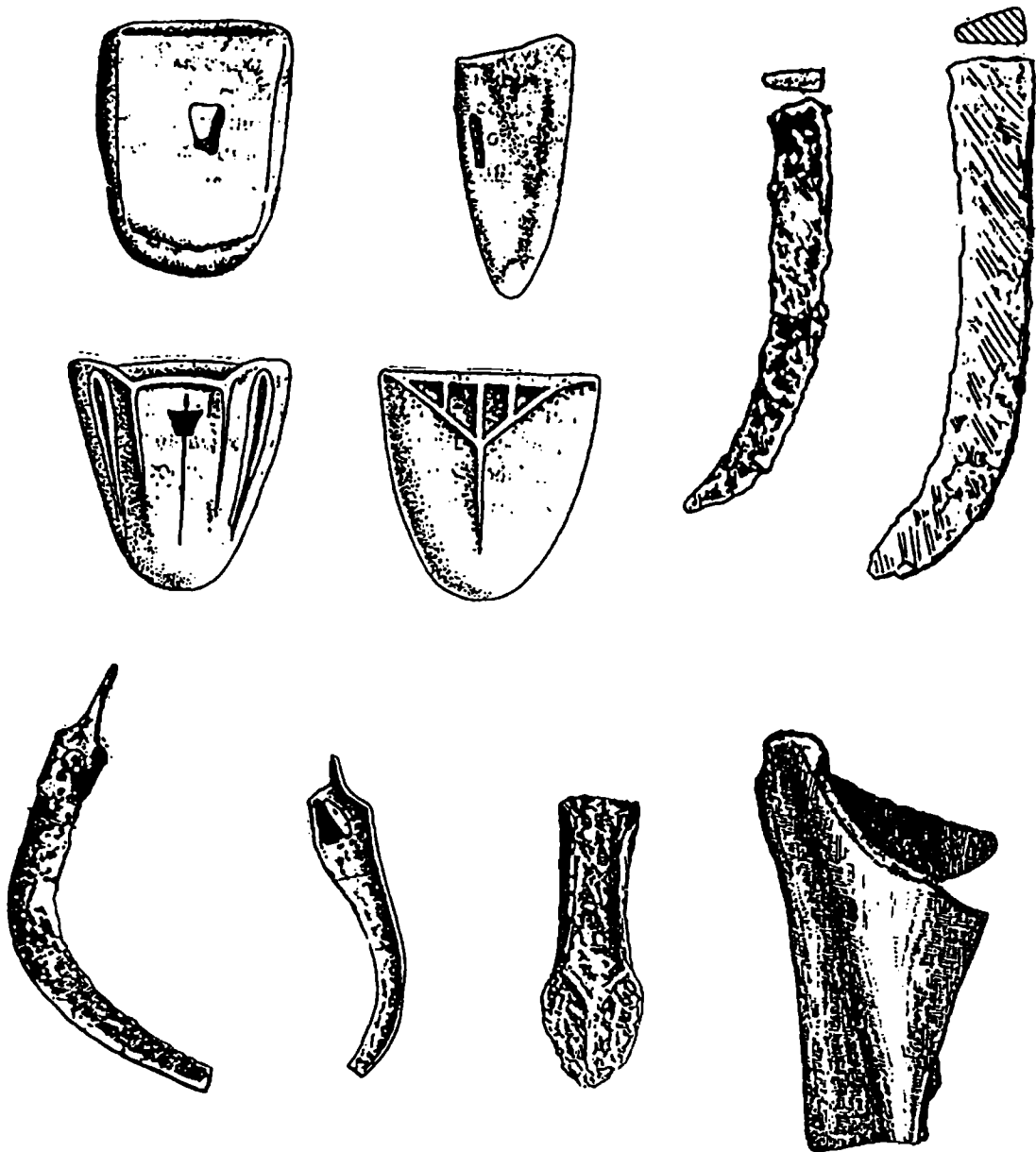


Рис. 26. Земледельческие орудия хунну и хори-монголов (по А. В. Давыдовой, А. П. Окладникову). Составил автор

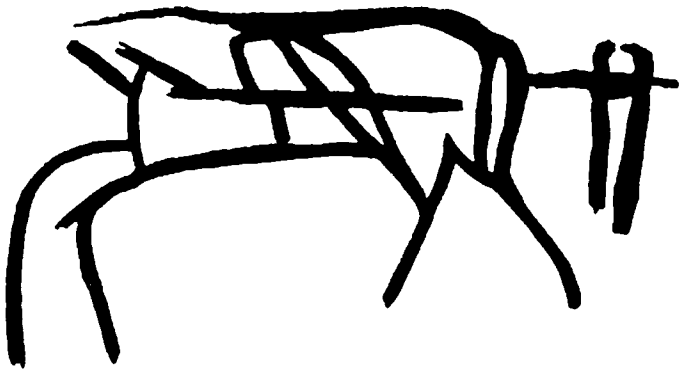


Рис. 27. Сцена пахоты хори-монголов (курумчинская культура) (по И. В. Асееву)

в каждом третьем хозяйстве имелись орудия для переработки урожая. Сеяли курумчинцы не только просо, наиболее неприхотливое и приспособленное к суровым климатическим условиям края растение, но и пшеницу, ячмень и коноплю. Именно зерна этих растений найдены на Унгинском поселении. Зерна проса были обнаружены в жилище поселения Усть-Талькин (Седякина, 1968, 1971).

Богатства животного мира огромных таежных территорий, рыбные запасы Байкала и рек в значительной степени способствовали широкому ведению и развитию охотничье-рыболовного и собирательного родов деятельности. Кости диких животных найдены на курумчинских поселениях, встречаются они и в поминальных курганах. В некоторых хозяйственных ямах Унгинского поселения обнаружены черепа козлов. Курыканы устраивали облавные охоты, о чем свидетельствуют петроглифы, и мясо добытых в большом количестве зверей могли хранить в погребках. Не исключено, что эта древняя традиция сохранилась у якутов: «...недалеко от юрты выкапывали яму и строили хоспох — подполье с крышей для хранения продуктов... Сначала якуты выкапывали неглубокие ямы, бока которых были выложены лиственничной корой, а верх покрыт землей и навозом» (Ионова, 1952. С. 299). Очевидно, коллективная охота должна была проводиться с наступлением морозов, чтобы холод сохранил мясо убитых зверей.

Вовсе не случаен и тот факт, что многие стойбища с находками курумчинской керамики отмечены на побережье Байкала и по берегам рек. Рыбному промыслу уделялось большое внимание: об этом говорят находки рыболовных крючков в курумчинских погребениях, рисунки ловли рыбы сетями есть на Шишкинских писаницах. Ушканьи острова служат излюбленным местом сбора байкальской нерпы, поэтому нет ничего удивительного, что здесь зафиксированы курумчинские стойбища. Для охоты на нерпу сюда могли собираться как с Ольхона, так и с Баргузинского побережья.

Определенное место в экономике должно было занимать собирательство. В китайских летописях танской эпохи сказано: «В стране много лилий, жители считают их продовольствием» (по Окладникову, 1955. С. 310). Под лилиями, вероятнее всего, понималась сарана. Луковицы сараны являлись подспорьем в пищевом рационе многих сибирских народов, в том числе и бурят. Орудиями для выкапывания съедобных корней растений служили железные лопаточковидные ножи с широким лезвием, они найдены в поминальных сооружениях и на Унгинском поселении.

Хозяйство курумчинских племен было натуральным, и большую роль в нем играло домашнее производство всех необходимых в обиходе предметов. Наряду с этим существовали различные специализированные ремесла.

При раскопках в местности Уту-Елга, в долине реки Куды, в одной из землянок обнаружены остатки кузнечного горна, имевшего вид большого толстостенного сосуда с

Находки каменных жерновов говорят о довольно высоких урожаях. Для переработки полученного урожая уже недостаточно зернотерки, а необходимы более производительные орудия — жернова. Они найдены на всех трех исследованных курумчинских поселениях (Унгинском, Усть-Талькинском и Шохтой). Из девяти обследованных жилищ поселения Усть-Талькин жернова найдены в двух, еще в одном жилище был обнаружен каменный пест, предназначенный толочь зерно. Таким образом,

округлым дном и двумя отверстиями для сопел. В таких горнах древние металлурги плавил руду.

Не изжило себя бронзолитейное производство. В курумчинских погребениях среди находок известно большое количество бронзовых изделий. Литейщики отливали в специальных формах украшения и культовые предметы. В материальной культуре многих средневековых обществ наблюдается снижение бронзолитейного производства, это фиксируется незначительным количеством находок, изготовленных из бронзы. Сохранение традиций металлургии является, по-видимому, архаичной чертой, и особенно долго эта ремесленная традиция существовала у лесных племен.

Находки в курумчинских памятниках грубой лепной глиняной посуды свидетельствуют о том, что гончарство не выделилось в отдельную узкоспециализированную отрасль ремесла.

Многие предметы быта изготавливались населением курумчинской культуры из дерева. Широко использовались изделия из бересты, что требовало определенного умения в ее обработке. Незаменимым поделочным материалом являлись кость и камень. Из камня вытесывались жернова, оселки, пряслица, вырезались литейные формы.

Большинство современных исследователей считает основой хозяйства курыкан скотоводство при значительном распространении земледелия и ремесленного производства, главным образом металлообработки. О слиянии в хозяйстве населения курумчинской культуры черт оседлого и кочевого быта свидетельствуют жилища. В первой половине II тысячелетия н. э. у них представлено несколько типов жилищ. Полуземлянки раскопаны на поселениях Шохтой и Усть-Талькин, причем между ними имеется существенная разница. Ямы жилищ на поселении Усть-Талькин круглой или овальной формы, очаг располагается в центре постройки, несомненно, что эти признаки были перенесены с планировочной системы юрты, традиционного жилья кочевников. О том, что юрты и полуземлянки существовали в одно и то же время, говорит находка в одной из землянок Усть-Талькинского поселения каменной плитки с рисунком лошади, везущей кибитку на колесах. Такие же кибитки в сценах перекочевки рядом с изображениями юрт встречаются на Манхайских и Шишкинских писаницах. Итак, кибитки, юрты, наличие кочевнических традиций в строительстве полуземлянок — все это характеризует мобильный, подвижный образ жизни. Анализ жилищ позволяет говорить об оседлости отдельных родов курыкан. Стационарные здания исследованы на городище Улан-Бор, где стены выстроены вертикально поставленными бревнами. Очевидно, этот строительный прием сохранился у якутских балаганов. Описание якутских балаганов и курыканских зданий на городище Улан-Бор обнаруживает их конструктивное сходство. Об оседлости свидетельствуют и землянки поселения Шохтой, где ямы уже имеют прямоугольную форму, что характерно для жилищ земледельческих народов. Такое совмещение оседлых и кочевых традиций, причем все эти типы жилищ относятся примерно к одному и тому же времени, возможно, доказывает, что процесс оседания на землю передавался новыми потоками степного населения и эти колебания, оседание и вновь усиление кочевнического быта повторялись эпизодически с изменениями общей и политической ситуации.

Рассмотрев основные отрасли хозяйства населения курумчинской культуры, можно сделать вывод о том, что оно носило разносторонний характер. Хори-монголы приспосабливались к природной среде местообитания исходя из конкретных условий и развивали те отрасли жизнеобеспечения, которые соответствовали местным особенностям. По всей вероятности, ранние хори входили в круг лесных монгольских народов, близких по своим корням и этнической истории к шивэй и киданям. Непосредственными соседями хори-монголов являлись многочисленные тюркоязычные обитатели Центральной Азии и Южной Сибири.

4. Ранние тюрки в Юго-Восточной Сибири

В VI в. в степях Центральной Азии и Южной Сибири начинают господствовать тюркские племена. Тюрки-тугю сокрушили владычество жужаней и создали в 552 г. Первый Тюркский каганат (552–581). В состав этого раннегосударственного объединения входили различные народы, но возглавляли и управляли этой громадной империей тюрки-тугю.

С востока на запад граница каганата простиралась от Желтого до Черного моря. А с юга на север — от Великой Китайской стены вплоть до реки Селенги. Центр каганата находился в бассейне реки Орхон, поэтому их еще называют орхонскими тюрками. Границы Тюркского каганата соприкасались с крупнейшими государствами этого времени — Византией, сасанидским Ираном, Китайской империей. Тюрки были включены в систему политических и экономических отношений с этими государствами, причем они устанавливали контроль на торговом пути Китая в страны Запада.

В 581 г. это государство распалось на два каганата, враждующих между собой: Западнотюркский каганат с центром в Семиречье и Восточнотюркский — с центром на реке Орхон. Внутренние противоречия и войны с Китаем в середине VII в. привели Восточнотюркский и Западнотюркский каганаты к потере своей независимости. После ряда крупных восстаний тюрков-тугю против китайских войск в 682 г. возникает Второй Восточнотюркский каганат (682–744). Восстание возглавил каган Кутулуг, принадлежавший к знатному правящему роду алтайских тюрков Ашина. Первоначально его ставка находилась к югу от пустыни Гоби, вблизи современного города Хух-Хото. Затем центр каганата переместился в горно-лесную местность Отукен, к северу от пустыни, в район реки Орхон. За восстановление Тюркского каганата Кутулуг получил имя Эльтерес, то есть «объединитель народов» (Савинов, 1984; Зуев, 2002; Кляшторный, 2003).

В средневековых летописях имеется характеристика жизни и быта тюрков-тугю: «...обычаи тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят все с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериною ловлею; питаются мясом, пьют кумыс; носят меховое и шерстяное одеяние» (Бичурин, 1950. С. 229).

Основу комплексного хозяйства древних тюрков составляло полукочевое скотоводство, часть населения занималась пашенным земледелием. Для орошения посевов и пастбищ в засушливых степях сооружались каналы. Большое место занимала охота.

Существовала металлургия, специализированное ремесло и торговля, как внутренняя так и международная. В VII в. появилась собственная руническая письменность, основанная на алфавитной системе. Руническая графика известна на огромной территории, которая простирается от бесконечных степей Орхона до вод голубого Дуная и от желтых песков пустыни Гоби до таежной реки Лены (Кляшторный, 2003. С. 43–45).

Знаки рунического письма нанесены на камнях, чаще всего это надписи в честь героев. Имеются они на металле — серебряных и золотых сосудах, на монетах. Ученые находят их на глиняных изделиях (горшках), строительных кирпичах и на деревянных предметах. Большие литературные произведения написаны на обработанной коже и бумаге.

Система управления каганата основывалась на родовом строе тюрков. Верховным государем, главой племенного союза, который звался у тюрков эль, был каган. Ближайшие родственники кагана назначались наместниками на землях покоренных племен и получали там наделы. Кагану также подчинялись беки — представители родоплеменной знати, которые стояли во главе своих племен и родов, входивших в состав каганата. Еще одним представителем господствующей знати древних тюрков являлись тарканы. Они возглавляли отдельные отряды в войске и были непосредственными проводниками исполнительной и судебной власти кагана. Беки и тарканы прежде всего ведали сбором натуральной дани и обеспечивали выполнение народом различных повинностей. Племена, входившие в состав

тюркского государства с правом сохранения внутренней самостоятельности, возглавлялись эльтеберами. Основная масса свободных кочевников называлась «харабудун» («черный народ»). Свободные кочевники, попавшие в зависимое положение от феодальной знати, назывались «татами». Таты работали на знать и служили в ее войсках, платили налог продуктами (Кляшторный, 2003).

Тюркские каганаты и Забайкалье. В эпоху раннего средневековья на степных просторах Монголии, в долинах Селенги и Орхона, владычествовали древнетюркские каганаты. Непосредственная близость южной части Забайкалья к границам распространения этих государств должна была, казалось бы, повлечь за собой и экспансию на прекрасные скотоводческие пастбища обширного населения каганатов. Тем не менее археологических свидетельств проникновения в Западное и Восточное Забайкалье тюрков-тугю мы не наблюдаем.

Наиболее известные памятники, характеризующие древнетюркскую культуру, так называемая «древнетюркская триада» — погребения с конем, поминальные оградки и каменные изваяния, на юге Восточной Сибири не известны.

Если посмотреть на территорию распространения каменных изваяний, то она охватывает обширную часть евразийских степей — Семиречье, Казахстан, Алтай, Туву, Хакасию и Монголию. В Монголии известно более 336 каменных изваяний. Причем наибольшее распространение эти выразительные памятники получили в северо-западных и центральных аймаках. В восточных и северо-восточных районах Монголии насчитываются всего лишь единичные экземпляры (Toshio, 1996; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999).

Очертим распространение древнетюркских изваяний по речной системе Селенги, непосредственно являющихся воротами в мир байкальских культур. В низовьях и средней части рек Селенги и Орхона, а также почти по всей долине реки Тола, правого притока Селенги (а это территории Булганского, Дзавханского, Центрального и Увэр-Хангайского аймаков), известно более 184 изваяний. Но уже в центральной части Селенги (Булганский и Селенгинский аймаки) всего восемь изваяний, причем все они происходят из Булганского аймака, то есть в Селенгинском аймаке, непосредственно пограничном с Бурятией, их нет вовсе (рис. 28, 29). Как мы уже говорили, они не отмечены и на территории всего Забайкалья. Если же рассмотрим долины рек Онон и Керулен, то увидим аналогичную картину. В низовьях рек (Хэнтэйский аймак) известно 15 изваяний, но в Восточном аймаке в среднем течении этих рек всего одно изваяние, а в Восточном Забайкалье каменных изваяний нет.

Древнетюркские погребения с конем исследованы в Монголии на четырех памятниках: Орхон-Дель, Найнтэ-Сумэ, Хана I и могильник Джаргаланты. Все эти памятники в основном концентрируются в Центральной Монголии, а в Северной и Восточной Монголии, непосредственно граничащих с Западным и Восточным Забайкальем, древнетюркских захоронений с конем не известно.

Таким образом, целый комплекс археологических памятников, характеризующих древнетюркскую культуру: погребения с конем, каменные изваяния, поминальные оградки, памятники орхонского рунического письма, тамгообразные наскальные изображения горных козлов — в Забайкалье не отмечены. И это при всем том, что столица древних тюрков была на Орхоне и, следовательно, по реке Селенге имела прямой выход в Забайкалье и Прибайкалье, тем не менее эти памятники на юге Восточной Сибири не обнаружены.

Все это дает основание предположить, что существовала какая-то граница, которая не позволяла населению древнетюркских каганатов распространиться на север и восток. Была ли эта граница политической или этнической? Или же эти два фактора совпадали? Состояние источников и изученность археологии Юго-Восточной Сибири не позволяют однозначно ответить на эти вопросы.



Рис. 28. Древнетюркское изваяние в Монголии
Фото автора

Из археологических материалов и данных письменных источников следует, что лесные области Забайкалья и Прибайкалья были заняты в это время монголоязычными народами. К ним относились хори-монголы и шивэйские племена. Почти все источники единодушно отмечали, говоря о шивэй, что «они находятся в зависимости от туцзюэ» (Таскин, 1984. С. 138). На начальных этапах своей политической истории кидани также подчинялись тюркам-тугю.

Байырку. Байырку (байегу) — народ, известный по средневековым китайским летописям и древнетюркским руническим надписям. По данным этих источников, байырку относились к телеским племенам. Они имели «отборного войска 10 000, жителей 60 000 человек, все богаты» (Кюннер, 1961. С. 35).

Первоначально, как и у кырыкан, верховный государь, глава племенного союза, звался у байырку сыцзинь (сыгин). Затем, когда байырку в VI — начале VII в. вошли в состав Первого Тюркского каганата с правом сохранения внутренней самостоятельности,

они возглавлялись эльтебером. В 647 г. вожди телеских племен, не сумев поделить власть, обратились к китайскому императору. В числе прибывших во двор к танскому владыке перечислен и эльтебер племени байырку. После этого визита земли байырку были номинально включены в состав китайской империи и образован отдельный округ — юлин, а племенной вождь байырку получил звание китайского чиновника (Кюннер, 1961).

Взаимоотношения Китая с телескими племенами строились исходя из интересов Срединного государства, которые расходились с устремлениями кочевых племен. Прямое вмешательство китайских императоров в дела кочевников вызывало восстания, эти бунты жестоко подавлялись. В VII в. степные племена выступили против империи Тан и власть в степи перешла к тюркам-тугю. Между племенами теле и тугю усугубились извечные противоречия, итогом чего явился разгром тюрков-тугю и создание Уйгурского каганата. В эту конфедерацию телеских племен входили и байырку. В середине IX в. Уйгурский каганат был разгромлен средневековыми хакасами (енисейскими кыргызами). Уйгуры и другие телеские племена вынуждены были бежать. Начиная с этого времени упоминание о племени байырку в источниках не встречается.

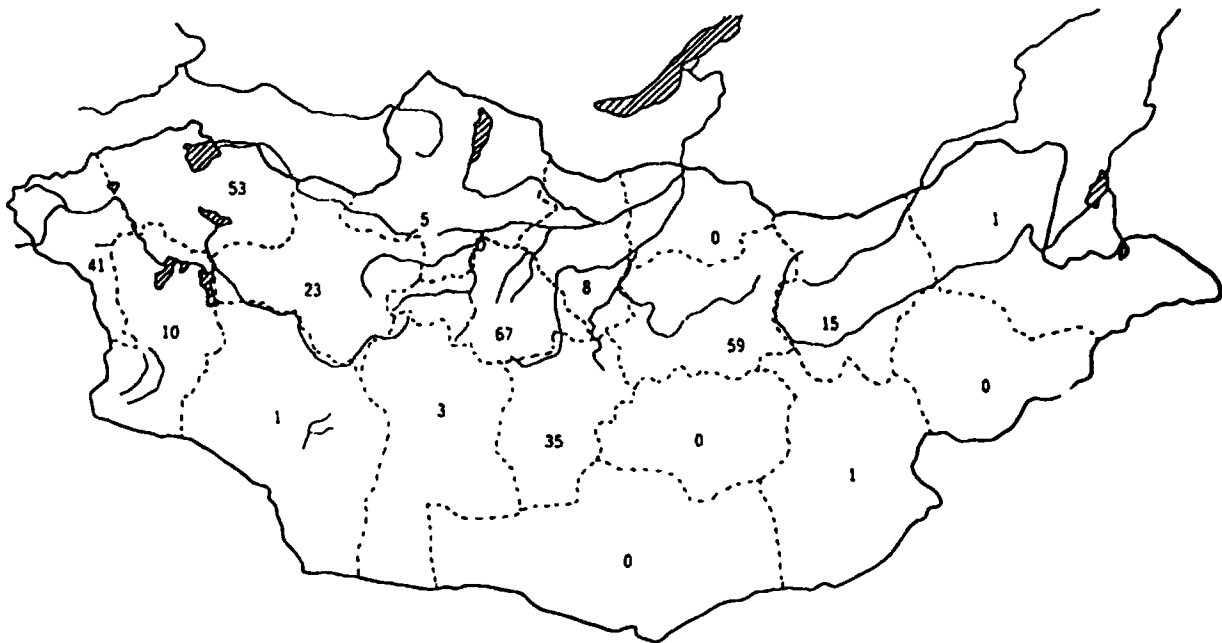


Рис. 29. Карта распространения древнетюркских изваяний: 1, 2 – 67 – количество изваяний (по Хаяши)

Сложным является вопрос о месте расселения племени байырку. Во-первых, географические наименования китайских летописей трудно соотнести с современной топонимикой Центральной Азии и Южной Сибири. Во-вторых, иногда сведения летописей расходятся друг с другом. По данным одних источников, байырку обитали в середине I тысячелетия н. э. по реке Канганьхэ (Кюнер, 1961). В других китайских летописях говорится, что эта река находится не в стране байырку, а «в тысяче с лишним ли к северо-востоку от их земли» (Малявкин, 1989. С. 142). Противоречия в источниках не позволяют современным исследователям более точно локализовать кочевья байырку. По мнению Ю. С. Худякова, земли байырку на западе простирались до озера Хубсугул и верховьев реки Селенги, а на востоке – до Хэнтэя и верховьев Шилки и Аргуни, охватывая северные районы современной Монголии (1989). Г. Н. Румянцев размещал байырку на территории современных Баргузинского и Прибайкальского районов Бурятии (1962).

Если согласиться с мнением, что племена байырку обитали восточнее Байкала, то с какой археологической культурой раннего средневековья Западного Забайкалья их можно связать? Ю. С. Худяков считает, что имеются основания соотнести байырку с хойцегорской культурой (1989). Ряд археологов хойцегорские погребения относят к средневековым уйгурам (Хамзина, 1970; Коновалов, 1989). Причем П. Б. Коновалов предлагает рассматривать хойцегорские памятники как уйгурский этап развития раннемонгольской культуры (1989). К раннемонгольской культуре относит хойцегорские находки и Н. В. Именохоев (1992).

Даже столь краткий обзор по проблемам этнической атрибуции археологических памятников хойцегорского типа и географического расселения племени байырку показывает, что эти вопросы решаются многими исследователями неоднозначно. Трудности вызваны во многом недостаточной источниковедческой базой. Если расширение фонда письменных источников в ближайшее время трудно ожидать, то направление усилий в сторону увеличения археологической базы возможно.

Судя по письменным источникам, племена теле в отличие от тюрков-тугю не сжигали своих покойников, а хоронили их в земле. Уйгуры «мертвых относят в выкопанную могилу, ставят труп на середине с натянутым луком в руках, опоясанным мечом, с копьем подмышкой, как будто живой, но могилу не засыпают» (Бичурин, 1950. С. 216). У дубо

существовала наземная и воздушная форма захоронения — «покойника полагали в гробы и ставили в горах или привязывали на деревьях» (Бичурин, 1950. С. 348). Часть скотоводов теле, очевидно, придерживалась традиционного для территории Саяно-Алтая обряда погребения с конем (Савинов, 1984).

Так как байырку и уйгуры — народы, обитавшие на территории средневековой Бурятии, относятся древними авторами к одному кругу — телеским племенам, следует рассмотреть их историю.

По мнению многих исследователей, собирательный этноним теле через переходные формы чиди и дили связывается с динлинами. Вопрос о динлинах, представителях древней европеоидной расы в Центральной Азии, был поставлен Г. Е. Грумм-Гржимайло, собравшим все известные в письменных источниках материалы (1926). В письменных источниках динлины упоминались с конца III в. до н. э. и расселялись на широкой территории — севернее Гоби от Байкала и до Иртыша. Л. Н. Гумилев считал, что слово «динлин» было полисемантическим и имело нарицательное значение вместе с этнонимическим и обозначало население северной периферии хуннских владений (1959).

К периферии Центральной Азии тяготеет и расселение телеских племен. Они занимали обширную территорию от Хангая до Тянь-Шаня. Основная часть телеских племен проживала в Монголии. Уйгуры занимали долину реки Селенги, байырку жили возле Байкала, племя тубо — возле Косогола.

Племена теле постоянно стремились к созданию собственной государственности. В V в. ими было создано ханство Гао-гуй («Высокие телеги»), в 516 г. разбитое жужанями. Следующей попыткой телесцев освободиться от власти жужаней воспользовались тюркитугу, создавшие с их помощью Первый Тюркский каганат. С этого времени любое ослабление тюрков-тугу вызывало ответное выступление теле, создававших недолговременные и непрочные этносоциальные объединения. Образование в 745 г. Уйгурского каганата явилось результатом многовековой борьбы телесцев за политическую независимость, доминирующую роль в центральноазиатских этносоциальных объединениях и создание собственной государственности.

Культура средневековых уйгуров (VIII–IX вв.). Уйгуры — один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии. Они ведут свое начало от одного из племен теле. Телеские племена расселялись в основном в Монголии. В IV–VI вв. теле постоянно боролись за свою самостоятельность. После падения Второго Восточнотюркского каганата (745) они смогли создать собственное государство — Уйгурский каганат. В состав каганата входили многочисленные тюркоязычные и монголоязычные племена.

В 750–751 гг. уйгуры завоевали Туву, ее земли стали северо-западным оплотом государства. В 758 г. уйгурские войска совершили поход в древнюю Хакасию. Военно-политическая мощь Уйгурского каганата стала столь заметна, что уже в 755 г. во время внутренних волнений китайский император обратился за помощью к уйгурам. Уйгурские войска заняли в слабеющей империи Тан особое положение, уйгурским военачальникам доставались щедрые награды. Империя Тан шла на любые меры, лишь бы сохранить с уйгурами мирные отношения. Китайская принцесса была выдана замуж за кагана уйгуров, посол уйгуров занимал место более почетное, чем послы всех остальных государств. Около 820 г. началась длительная война с древними хакасами, которым в 840 г. удалось разбить уйгурские войска, убить их кагана. От этого удара некогда могущественное государство уже не могло оправиться. Основная масса уйгуров переселилась в Восточный Туркестан и Китай, часть из них ушла к шивэйским племенам Восточного Забайкалья.

По своему внутреннему устройству Уйгурский каганат мало отличался от тюркских каганатов. Уйгуры также находились на стадии оформления раннего государства. Период господства Уйгурского каганата характеризовался расцветом оседло-земледельческой культуры, ростом благосостояния городов, широким и разносторонним обменом с другими

странами. Об этом свидетельствуют исследованные на территории Тувы и Монголии развалины городов уйгурского периода, таких как Пор-Бажин, Бажин-Алаг, Карабалгас, Байбалык и многие другие. Остатки столицы Уйгурского каганата Карабалгаса на Орхоне позволяют представить облик города, который был окружен высокой стеной с караульными башнями по углам, состоял из ханского дворца и торгово-ремесленного центра. Ханский дворец окружала вторая крепостная стена, к ее южной стороне примыкал сад. Внутри большой крепостной ограды располагались храмы, перед ними находились стелы с тюркскими и уйгурскими письменами и каменные изображения различных животных. В западном углу большой крепостной ограды размещался огражденный стеной торгово-ремесленный центр.

О насыщенной и разнообразной жизни другого уйгурского города Байбалыка (богатого города), развалины которого находятся в долине реки Селенги, можно судить по тому, что город населяли согдийские и другие иностранные купцы, в нем жили священнослужители, переводившие на уйгурский язык религиозные книги, творили художники, украшавшие эти книги различными миниатюрами.

Культурным достижением уйгуров является изобретение собственной письменности, основанной на согдийском алфавите. В Уйгурском каганате существовало много колоний согдийцев — ираноязычных выходцев из Средней Азии. С согдийцами связано распространение среди уйгуров манихейской религии, которая в 762 г. стала официальной религией Уйгурского каганата. В основе манихейской религии лежит противопоставление борьбы добра и зла, света и тьмы как основных принципов существования мира.

Понять чаяния средневековых кочевников, узнать мысли и чувства людей, живших в долинах Селенги и Орхона, ощутить дыхание далеких времен можно из литературы древних уйгуров. Замечательным памятником степной словесности является «Книга гаданий» — поэтическое творение уйгуров IX в. Лирические строки этого произведения уйгурской литературы знакомят нас с обыденной жизнью этой еще малоизученной, скрытой веками, цивилизации кочевников. Изучение памятников кочевой культуры открывает нам этот мир совершенно по-иному (Поэзия., 1993; Камалов, 2001).

В 1949 г. С. В. Киселевым были проведены предварительные раскопки в столице древних уйгуров Орду-Балыке, расположенном на реке Орхон. Уйгурские города и могилы исследованы Л. Р. Кызласовым в Туве (1969).

Перед археологами Монголии и Бурятии стоит задача выявления уйгурских древностей. Л. Р. Кызласовым определены местонахождения с уйгурской керамикой, находящиеся на территории Западного Забайкалья. Наличие керамики уйгурского типа позволило отнести к уйгурам погребение Узкое место 1, исследованное в 1899 г. Ю. Д. Талько-Грынцевичем (Кызласов, 1981). Так как это пока единственное захоронение, предположительно связанное с уйгурами, опишем его подробнее.

Могильник Узкое место находится в 3 км на юг от села Усть-Кяхта. В песчаных выдувах Ю. Д. Талько-Грынцевич выявил семь погребений, которые своей формой напомнили ему хойцегорские могилы, исследованные на реке Хилок, одну из них он раскопал. На поверхности отмечены кучи разбросанных камней могильной насыпи, первоначальную форму которой определить уже невозможно. На глубине 1 м были найдены два фрагмента гончарной сероглиняной керамики. Большой осколок украшен штампованным орнаментом, идущим по тулову сосуда и состоящим из линий, образующих квадраты и заполняющих пространства между ними в виде треугольников, на втором горшке была нанесена штамповка мелких выпуклых асимметричных квадратиков. Эти фрагменты керамики были обнаружены в северной части могильной ямы. Несколько южнее их лежала граненая бусина из красной яшмы. В центральной части могилы найдены четыре железные поясные сердцевидные бляшки с ребром на внешней стороне и скобами изнутри для прикрепления к ремню. Хронологию могилы VII—IX вв. определяют поясные бляшки и железный крючок для подвески колчана.

Сероглиняная керамика со штампованным орнаментом, аналогичная найденной в погребении Узкое место — в виде ромбиков, квадратов и «елочки», выявлена нами еще в 10 пунктах Забайкалья (рис. 30, 31). Она представлена в коллекциях Музея истории Бурятии: Дурены (кол. НВФ 2657 — 16026); Средние Дурены (кол. 3388 — 44); Вахмистрово (кол. ОФ 8100 — 5100). В Кяхтинском музее: возле Кяхты (кол. 3388 — 39); второе местонахождение рядом с Кяхтой (кол. 3320 — 11); в Харанхое (кол. 3505 — 15). В Читинском областном краеведческом музее: Угдан (кол. ВСП 47) и Дровяная (кол. ВСП 497), оба местонахождения расположены на реке Ингоде.



Рис. 30. Керамика «уйгурского» типа (фонды Кяхтинского музея)

Новые сборы подъемного материала в столице уйгуров Орду-Балыке, кроме хорошо известных штампов в виде ромба, дали не встреченные ранее типы штампованного орнамента — в виде вписанных полукружий и завитков. Фрагменты керамики типа орду-балыкской с вписанными полукружиями были найдены на Орхоне, в погребении Орхон-Дель, курган 5. Здесь было совершено трупоположение с северо-западной ориентировкой и сопроводительным захоронением шкуры коня. Л. А. Евтюхова считала возможным относить данное погребение к уйгурам (1957. С. 222—223).

В Забайкалье керамика со штампом в виде концентрических кругов найдена Г. П. Сергеевым в Хоринском районе у села Загустай (Музей истории Бурятии, кол. ОФ 4831). Штамп в виде полукружий отмечен на керамике, найденной С. В. Даниловым на хуннском городище Баян-Ундэр на реке Джиде. Эта находка вновь поднимает проблему хунно-уйгурских взаимосвязей. На это обратили внимание А. В. Давыдова и С. С. Миняев, когда при раскопках хуннского поселения Дурены в одном культурном слое была встречена хуннская и уйгурская керамики (1976. С. 232).

Из анализа инвентаря и обряда уйгурских памятников Тувы видно, что многие черты этой культуры имеют архаичные признаки, восходящие к хуннской эпохе. Черты эти таковы: вертикальное лощение поверхности сосудов; налепные рассеченные валики, загибающиеся в усики; редкие волнистые линии; формы вазовидных сосудов. Уйгурские накладки на лук отличаются от накладок тюркских луков и повторяют очертания хуннских луков. Прямоугольный или квадратный план уйгурских крепостей восходит к фортификационным традициям хунну. Все это, по мнению Л. Р. Кызласова, свидетельствует о глубоких центральноазиатских корнях уйгурской культуры (1969. С. 75).

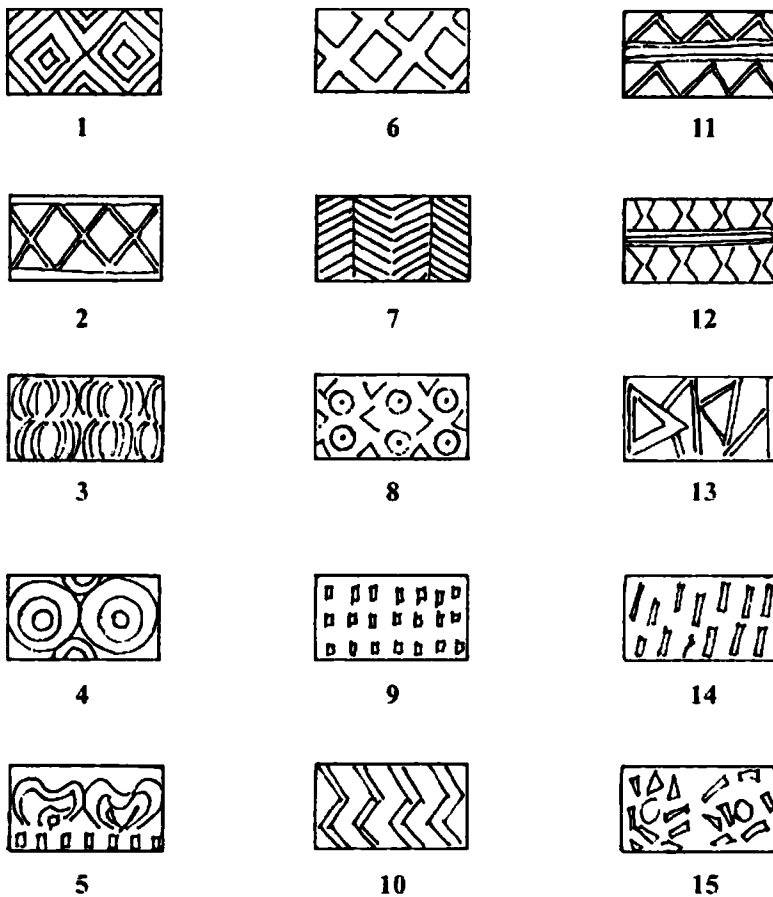


Рис. 31. Типы штампованного орнамента в Забайкалье. Составил автор

В новой работе, посвященной городам хуннов, Л. Р. Кызласов вновь вернулся к проблеме формирования центральноазиатской культуры и показал, что наряду с тем, что она впитала многие элементы культур западного стиля, все же основа хуннской культуры была заложена в дальневосточном культурном центре (1998).

Этот вывод подтверждают находки сероглиняной керамики со штампованным орнаментом среди забайкальских древностей. Еще в 1935 г. М. З. Паничкина, сравнивая амурскую посуду, найденную возле Хабаровска, сопоставляла ее с орнаментом на керамике из уйгурского погребения, исследованного Ю. Д. Талько-Грынцевичем в Узком месте (1935. С. 215). Большой объем керамического материала, полученного сибирскими и дальневосточными учеными в Приамурье и Приморье, говорит о том, что штампованный орнамент, аналогичный оттискам на уйгурской посуде, — характерная черта дальневосточного средневекового гончарства.

Все это не могло не поставить задачу изучения причин широкого распространения штампованного декора. По О. В. Дьяковой, первоначально этот декор наблюдался на бронзовых изделиях, большинство из которых имело прототипы в материалах кочевнических культур. Затем он переходит на керамический материал, и его активно используют ремесленники в дальневосточных государствах Кочуре, Пэкчэ, Бохай, Ляо (рис. 32). Начиная с Бохая этот орнамент широко распространяется по территории Центральной и Восточной Азии (Дьякова, 1993. С. 327, 328).

Очевидно, не все население Юго-Восточной Сибири могло наладить производство столь совершенной посуды с изящным штампованным рисунком в виде ромбов, поэтому мы в ряде случаев встречаем на грубоватой лепной керамике подражания штампу в виде ромба. Имеются находки подобной керамики с прочерченными ромбами в северных райо-



Рис. 32. Штампованный орнамент на керамике Кореи (крепость Сасансон)
Составил автор

нах, прилегающих к озеру Байкал. Они известны в материалах Е. А. Хамзиной (1970. С. 103. Табл. XIV, 7, 8), в находках В. В. Свинина. Орнаменты в виде больших ромбов на лепной посуде в целом непропорциональны размерам сосуда. Судя по этим находкам, таежные жители старались не отставать в моде от степняков и украшали свою лепнину грубовато выполненными ромбами.

О хойцегорской культуре Западного Забайкалья. Г. П. Сосновский и Е. А. Хамзина связывали с селенгинскими уйгурами хойцегорскую культуру Западного Забайкалья (Хамзина, 1970). Л. Р. Кызласов эту же культуру соотносил с тюркоязычными племенами без определения их племенной принадлежности (1981). Прежде чем решать вопросы этнической атрибуции, необходимо разобраться с проблемой выделения хойцегорской культуры.

Исследователи связывали хойцегорскую культуру с эпохой раннего средневековья. Первый опыт систематизации средневековых памятников Западного Забайкалья предпринял Г. П. Сосновский. Им была выделена хойцегорская стадия (VII–X вв.), к которой, в частности, отнесены: могильник Хойцегор, погребения (3, 7, 8, 10, 12) и захоронение, исследованное Ю. Д. Талько-Грынцевичем в Узком месте. Найденная в могиле керамика типа «кыргызских ваз» позволила Г. П. Сосновскому обозначить и местонахождения с керамикой хойцегорского типа: 1) Узкое место, 2) Дурены, 3) река Сава (между Кяхтой и Усть-Кяхтой), 4) окрестности Троицкосавска, 5) село Преображенское (по реке Чикой), 6) Усть-Кяхта, 7) река Онон, пески у села Куранга? (неотчетливо читается в рукописи. — Б. Д.), 8) Хоронхой, 9) Эдуй, 10) Хара-Бусун.

Г. П. Сосновский вкладывал в понятие «хойцегорская стадия» не только хронологическое значение, но и этнокультурное. Керамика типа «кыргызских ваз», по мнению исследователя, связывала перечисленные выше памятники с уйгурами (Сосновский, ф. 42, д. 235).

По Е. А. Хамзиной, хойцегорский тип представлен тремя территориальными группами могильных памятников: «1) южной — Хойцегорский могильник, Узкое место, могила из Киприяновки, Капчеранка и Темниковское поселение; 2) центральной — Тапхарские могильники III и V; 3) северной — Баянгольский могильник (1970. С. 84).

В 1981 г. Л. Р. Кызласов выделил хойцегорскую культуру IX–X вв. Из хойцегорской стадии Г. П. Сосновского исключены памятники с орнаментом типа «кыргызских ваз», а из схемы Е. А. Хамзиной — могила из Киприяновки и материалы Темниковского поселения (Кызласов, 1981).

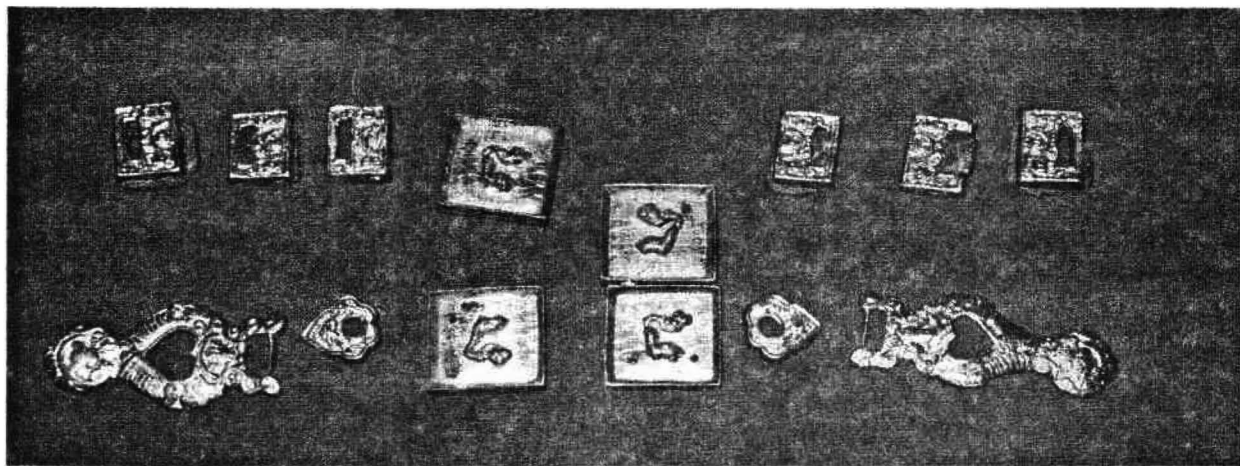
П. Б. Коновалов в обзорной статье о средневековых культурах Забайкалья и Прибайкалья поставил под сомнение ранее предлагавшиеся схемы систематизации. По его мнению, к хойцегорской культуре отнесены четыре разнородных погребальных комплекса и название хойцегорский может быть оставлено только за хронологическим периодом, в рамках которого на территории Западного Забайкалья проживали различные группы населения. Наличие в погребальном обряде могил хойцегорского типа VII–X и саянтуйского типа XIII–XIV вв. — костей ног барана в качестве какого-то ритуального символа — позволяет объединить эти две хронологические группы в одну культуру (Коновалов, 1989. С. 11, 13).

Коснемся еще одной проблемы, которую предстоит тщательно изучить. Выявляется близость изображения головы человека с пышными пучками локонов на хойцегорских бляшках к стилистике сасанидской торевтики (Тревер, Луконин, 1987. Рис. 19, 29). Сходство хорошо видно по композиции, прорисовке лиц и по полумесяцу, охватывающему снизу хойцегорские изображения (рис. 33, 2, 3). Следовательно, по этим наблюдениям можно говорить о западных мотивах в хойцегорском искусстве.

Разногласия среди ученых заставляют вновь обратиться к начальному этапу изучения хойцегорских древностей. Первооткрыватель хойцегорских памятников Ю. Д. Талько-Грынцевич раскопал в одноименной местности на реке Хилок 14 могил. Исследователь по обряду захоронения выделил могилу I, которая отличалась от остальных комплексов. Все прочие могилы, то есть 13 захоронений (хотя в публикации на с. 34 встречается и цифра 14. — Б. Д.), по мнению автора раскопок, оставлены одним племенем, хотя и смешанным, так как наблюдается некоторая разница в строении черепов (Талько-Грынцевич, 1902. С. 35).

Судя по плану и описанию Хойцегорского могильника, захоронения естественными границами разделены на несколько планиграфических групп, очевидно, здесь мы имеем дело с несколькими могильниками. Сохранность раскопанных могил была очень плохой — из 13 захоронений больше половины (8) была разрушена, в 10 захоронениях не было никаких находок, то есть материал для анализа не такой уж представительный.

Поза погребенного сохранилась в пяти могилах и достаточно разнообразна. Три захоронения (3, 7, 11) лежали вытянуто на спине, в одном случае (могила 7) ноги положены



1



2



3

Рис. 33. 1, 2 — поясной гарнитур (раскопки Ю. Д. Талько-Грынцевича, могильник Хойцегор). Фото автора; 3 — сасанидское блюдо (по К. Тревер, В. Луконину)

крест на крест. В могиле 8 умерший лежал на правом боку вытянуто, а в могиле 12 — на левом боку, левая нога согнута в колене, правая вытянута. Ориентировки скелетов, кроме могилы 14, которая была на запад, направлены в одну сторону: четыре могилы головой на восток, одна на северо-восток. Кости животных обнаружены в могиле 3 (кости барана), а в могиле 8 найдена голень барана. В могильной яме погребения 11 было отмечено присутствие березовой коры, этот элемент погребального обряда был характерен для захоронений саянтийского типа, и, видимо, поэтому Г. П. Сосновский не включил данное захоронение в хойцегорскую стадию. В остальных пяти могилах умершие лежали просто в яме без всяких внутримогильных конструкций.

Повторимся, что к хойцегорской стадии Г. П. Сосновский отнес пять могил (3, 7, 8, 10, 12). Е. А. Хамзина добавила в этот список могилу 11. Л. Р. Кызласов с хойцегорской культурой связал четыре могилы (3, 7, 8, 12). Сюда не вошло погребение 10 со стрелами более поздних форм. Надо сказать, что семь наконечников стрел из могилы 12 формой схожи со стрелами из могилы 10. На это указывал и сам автор раскопок Ю. Д. Талько-Грынцевич (1902. С. 30). Изучение могильника Хойцегор показывает, что памятник сильно разрушен, а полученные захоронения различаются по погребальному обряду и относятся к разным эпохам. Погребение Хойцегор 3 с находками бронзовых бляшек относится к IX–X вв., а могилы 10 и 12 по наконечникам стрел следует датировать XI–XII вв. Косвен-

но эту дату подтверждают особенности способа трупоположения могилы 12, где умерший лежит на левом боку, причем левая нога согнута, а правая вытянута.

В целом для раннего средневековья Юго-Восточной Сибири характерны скорченные захоронения (Ковычев, 1983. С. 121; Дашибалов, 1995. С. 119). Вытянутое трупоположение преобладает уже во II тысячелетии, а для переходного периода в начале II тысячелетия наблюдается смешение традиций скорченных и прямых захоронений. К этому же времени можно отнести могилу Хойцегор 8. Здесь нет вещей, но погребенный находится на правом боку, что характерно для скорченных могил, и в то же время он лежит уже вытянуто.

Е. А. Хамзина, получив комплексы, хронологически сопоставимые с хойцегорскими материалами, включила их в хойцегорский тип. Следовательно, на первый план выдвинулась именно временная близость, а культурные различия отмечены выделением территориальных групп.

По Л. Р. Кызласову, реальное содержание хойцегорской культуре стали давать погребения, исследованные Л. Г. Ивашиной в районе Еравнинских озер (Кызласов, Ивашина, 1989). В составе хойцегорской культуры остались и жертвенно-поминальные курганы на горе Тапхар и погребения могильника Баянгол, исследованные Е. А. Хамзиной. Сразу скажем, что еравнинские комплексы ближе к материалам дарасунской культуры — раннесредневековой культуры Восточного Забайкалья как по обряду, так и территориально. Эту близость отметили сами исследователи (Ковычев, 1984. С. 31; Кызласов, Ивашина, 1989. С. 43). Думается, что еравнинский комплекс следует относить к дарасунской культуре.

Археологические памятники дарасунской культуры Восточного Забайкалья впервые были выделены в публикации Е. В. Ковычева (1983). Исследователь датирует могилы VII—VIII вв. и связывает их носителей с тюркоязычным этническим кругом, близким к культурам Западного Забайкалья, Южной Сибири и Монголии. Как уже говорилось, Е. В. Ковычев сопоставляет дарасунские могилы с захоронениями, исследованными Л. Г. Ивашиной в работе Еравнинских озер в Западном Забайкалье. Вместе с тем надо отметить близость дарасунских памятников и к курумчинской культуре Прибайкалья. По нашему мнению, их следует связывать с шивэйским кругом монгольских племен. Именно так они и рассматривались первоначально, когда были одним из вариантов бурхотуйской культуры (Асеев и др., 1984).

Таким образом, П. Б. Коновалов был прав, говоря о четырех разных комплексах в хойцегорской культуре: собственно хойцегорский, тапхарский, баянгольский и еравнинский.

Археологические исследования Байкальской экспедиции более четко обрисовали характеристики погребальных и поминальных памятников курумчинской культуры. Мы показали, что памятники Тапхар V и Баянгольский могильник относятся к курумчинской культуре, а еравнинский комплекс, как уже говорилось ранее, связан с дарасунской культурой.

Становится достаточно проблематичным — какой же археологический комплекс Западного Забайкалья считать хойцегорским? Вопрос этот следует оставить открытым до получения новых материалов по раннему средневековью Западного Забайкалья.

«Кыргызское великодержавие» и Юго-Восточная Сибирь. В VI в. в долине Енисея сложилось государство «енисейских кыргызов» (Бутанаев, Худяков, 2000. С. 18–34). Тюркоязычные кыргызы были правящей аристократической верхушкой в этом государстве. Наименование «хакас», зафиксированное письменными источниками, — это общее имя слававшей в VI—XII вв. средневековой народности Саяно-Алтайского нагорья (Кызласов, 1969).

Уйгурское государство в Центральной Азии сменилось на новых властителей — средневековых хакасов. В 840 г. хакасы разгромили Уйгурский каганат и вышли за пределы Хакасско-Минусинской котловины, границы хакаского государства увеличились во мно-

го раз. В середине IX в. древнее хакасское государство на западе ограничивалось Иртышом, на севере и востоке — Ангарой, Селенгой и хребтом Большой Хинган, на юге — пустыней Гоби. Это был период наибольшего возвышения государства, период «кыргызского великодержавия» (Бартольд, 1963). В это время средневековые хакасы установили широчайшие культурные, торговые и этнические контакты с отдельными племенами и народами, обитавшими, по выражению рунических тюркоязычных текстов, во всех «четырех углах» света.

Большим достоянием социально-экономического развития общества древних хакасов являлось употребление собственной енисейской письменности, зародившейся в VII в., а также создание в VIII—X вв. городов и городской культуры. Археологами исследованы монументальные архитектурные сооружения (административные здания, укрепленные замки, святилища и храмы). Здания сооружались из сырцового кирпича и глинобитных блоков. Строительные материалы и архитектурные приемы позволяют заключить, что древнехакасские строители принадлежали к школе западного среднеазиатского и центральноазиатского, а не дальневосточного зодчества (Кызласов, 1992).

Многие данные свидетельствуют о высоком уровне хозяйственного и культурного развития древнехакасского государства. В IX—X вв. некоторые из знатных хакасов получали образование в других государствах — в китайской империи Ляо и в Тибете. Поэтому в государстве имелись ученые люди, знавшие не только китайский, киданьский, тибетский языки, но и языки персов, арабов, сирийцев. На Енисее найдены разнообразные привозные предметы с надписями на всех перечисленных языках. В IX в. хакасы, как и древние уйгуры, приняли манихейство. Имеются свидетельства проникновения в долину Енисея и буддийских памятников. Но рядовое население в значительной своей части оставалось шаманистами.

Таким образом, территории Предбайкалья и южной части Западного Забайкалья вошли в земли хакасских правителей. В 847 г. хакасы совершают поход в верховья Амура — на племена шивэй. У них нашли приют бежавшие от разгрома части уйгуров.

Древнехакасских погребений и местонахождений с типично хакасским инвентарем на территории юга Восточной Сибири выявлено 11 комплексов (Кызласов И. Л., 1983. С. 71, 73, 75). Хронологически они охватывают период с IX—X вв. н. э. и до XIII—XIV вв. н. э. Преобладающая часть погребений (шесть) связана с периодом IX—X вв. н. э., временем наибольшей хакасской экспансии.

Самым восточным пунктом распространения хакасских захоронений является погребение с трупосожжением, исследованное в предгорьях Яблонового хребта, в 40 км к северо-западу от города Читы. По мнению автора раскопок Е. В. Ковычева, данное захоронение следует датировать VIII—IX вв. и оно связано с «одной из тех кыргызских женщин, которые могли быть уведены уйгурами из родных мест в период военной экспансии против народов Южной Сибири» (1985. С. 58).

Соглашаясь с этнической атрибуцией и датой, предложенной исследователем, хочется обратить внимание на ряд деталей погребального обряда. Сохранность захоронения позволила установить такие подробности погребального обряда: ориентацию умершего на северо-восток и форму трупоположения на спине с подогнутыми ногами. Как уже указывалось, данные признаки были характерны для автохтонного населения дарасунской и курумчинской культур этого времени. Следовательно, древнехакасская традиция кремации в Восточном Забайкалье претерпела некоторые изменения, привнесенные местными племенами.

К сожалению, остальные погребения IX—X вв., связанные с древними хакасами, были получены разведочными обследованиями или при случайных обстоятельствах и поэтому чаще всего оказывались разрушенными. Исследователи констатировали по вещам, побывавшим в огне, обряд кремации, в некоторых случаях (погребение Долоново) вместе с

находками фиксировались угли кострища (Волокитин, Инешин, 1991. С. 146). Перечислим те памятники в Восточной Сибири, кроме уже упомянутых, где найдены типично хакасские предметы: сборы Чебакова на дюнах Нижней Иволги, на левом берегу реки Селенги, недалеко от Улан-Удэ; предметы, происходящие из погребения в черте города Иркутска (местность Межовка); Ладейское местонахождение на правом берегу Енисея, в окрестностях одноименного села (Николаев и др., 2002).

Подводя итоги изучению раннесредневековых культур Юго-Восточной Сибири, хотелось бы отметить некоторые региональные особенности. Данная область находится на границе двух крупных историко-культурных зон — западноазиатской и восточноазиатской. Культурное взаимодействие здесь проходило в постоянном сочетании этих двух основных традиций. Из материалов курумчинской культуры Прибайкалья следует, что восточноазиатские корни многих явлений этой культуры имели достаточно прочные основы в прошлом края и сыграли определяющую роль в сложении будущих этносов — бурят и якутов.

Требуется дальнейшего изучения такая важная проблема, как сохранение в средневековой археологии региона пережиточных черт, характерных для более ранних периодов. По материалам той же курумчинской культуры, пережиточные черты наблюдаются как в обряде — скорченная поза, каменные ящики, так и в инвентаре — орнаменты на керамике, имитирующие детали бронзовых сосудов, бронзовые подвески-бубенцы, характерные для ранних эпох.

НАРОДЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Начало II тысячелетия н. э. в археологических культурах Юго-Восточной Сибири характеризуется усилением степных кочевнических элементов. Именно тогда оседлые традиции, получившие развитие еще в хуннскую эпоху, начинают трансформироваться и заменяться элементами кочевого уклада. Эти сложные и противоречивые процессы можно проследить на материалах курумчинской культуры.

Традиции оседлости, которые были присущи ранним хори-монголам, получили продолжение в памятниках развитого средневековья. Вместе с тем в курумчинской культуре появляются иные черты, указывающие на изменения, происходившие в это время. Отмечается влияние нового населения, более связанного с подвижным укладом жизни, и воздействие кочевнических традиций на изменение хозяйства и быта насельников курумчинской культуры. В целом археологические данные говорят о возрастании и все большей кочевнической направленности в средневековых культурах Юго-Восточной Сибири.

Исследователями предполагалось, что население курумчинской культуры (курыканы) были вытеснены из Прибайкалья пришедшими с востока монголами (Окладников, 1955. С. 321, 322). Под монголами, оказавшими давление на курыкан, подразумевалось население саянтийской культуры. Изучение хронологии древностей курумчинской культуры позволяет утверждать, что основной массив населения этой культуры остался на месте. Хотя, начиная со II тысячелетия, в Юго-Восточной Сибири распространяется саянтийская культура, несущая более подвижный образ жизни. Согласно нашему исследованию, имеются большие основания связывать ее население с племенами кимако-кыпчакского объединения. Очевидно, их широкое распространение вызвано общими перегруппировками тюрко-монгольских народов в связи с движением киданей, а затем становлением средневековых монголов.

1. Археологические памятники хори-монголов Прибайкалья

До наших исследований время существования курумчинской культуры датировалось второй половиной I тысячелетия н. э. Этот хронологический период определялся общими историческими соображениями — упоминанием гулиганей в китайских летописях, а курыкан в древнетюркских рунах. События, в которых участвовали гулиганы-курыканы, а также сами древнетюркские надписи относились к эпохе раннего средневековья.

Новые данные, полученные за последние годы, в частности значительный массив погребальных комплексов, материал которых столь важен для хронологии, привлечение всего фонда археологических древностей курумчинской культуры подтверждают существование курумчинской культуры и в первой половине II тысячелетия н. э.

Переходный этап от раннего к развитому средневековью в развитии курумчинской культуры датируется XI–XII вв. н. э. Первые погребения этого периода были исследованы В. В. Свиным в 1969 г. на острове Ольхон возле села Харанцы (1971. С. 74). Дата могильника Харанса I определена последующими исследованиями В. В. Свина и М. А. Зайцева. По мнению М. А. Зайцева, памятник Харанса I по наличию керамики, сходной с керамикой из шатровых сооружений, может быть хронологически близок к ним и датироваться концом I тысячелетия н. э. Одновременно по некоторым чертам погребального обряда (характер каменных кладок, захоронение умерших в берестяных пакетах, присутствие жертвенной кости ноги барана) харанцинские могилы близки к погребениям XI–XIV вв. н. э. Вероятнее всего, могильник Харанса I может быть отнесен к X–XI вв. (Зайцев, 1989. С. 10).

Инвентаря в исследованных комплексах незначительное количество, хорошо датированные вещи отсутствуют. Поэтому датировка этапа отчасти определяется соображениями косвенного порядка — хронологией эволюции погребальных и ритуальных обрядов. В погребениях не встречаются вещи, характерные для IX—X вв., хотя ранее они были представлены широко. Нет в погребениях вещей XIII—XIV вв., которые легко узнаваемы вследствие стандартизации к этому времени многих категорий предметов. Исходя из этого, нам представляется, что датировать погребения в берестяных пакетах следует XI—XII вв.

Определенную уверенность в правильной датировке харанцинского этапа курумчинской культуры дают результаты радиоуглеродного анализа погребения № 27 погребально-поминального комплекса Харанса I (ГИН — 5501, 860 ± 50 , условный календарный возраст — 1090 г. н. э.). Бусины из погребения Будун 35, по мнению В. А. Галибина, также могут датироваться XII в. н. э. (Дашибалов, 1995. С. 118, 119).

Данный период наименее изучен и археологически слабо охарактеризован не только в Прибайкалье, но и в целом в Центральной Азии и Южной Сибири. На всем этом обширном пространстве признаки материальной культуры, установившиеся во второй половине I тысячелетия н. э., изменяются. Облик предметного инвентаря приобретает новые черты, которые уже отчетливо проявляются в XII—XIV вв. н. э. Происходят изменения в мировоззрении, на это указывают инновации в поминальных и погребальных культах.

В курумчинских могильниках переходного этапа наблюдаются как новые традиции, так и старые, изживающие себя, обычаи. На могильнике XI—XII вв. на острове Ольхон (Будун) часть детских захоронений погребена на правом боку с подогнутыми ногами, то есть следуя старой традиции, а часть погребений — вытянуто на спине. Оба типа захоронений находятся в берестяных пакетах, все это уже демонстрирует новые черты.

О преемственности в традициях свидетельствуют могильники Бодон I и II, относящиеся к разным этапам развития культуры. В погребении Бодон I, 26 над умершим были положены три жерди, три деревянные планки находятся в могильной яме памятника Бодон II, 5, который датируется переходным этапом. Непрерывность в традициях иллюстрируется также наличием взаимосвязанных погребальных и поминальных комплексов, таких как Бодон I и Харанса I.

Заключительный этап в развитии курумчинской культуры датируется нами XIII—XIV вв. Могильники Телятниково и Тапхар VI были отнесены Е. А. Хамзиной к тапхарскому типу, и их дата определялась X—XIII вв. (1970. С. 82, 103). Е. А. Хамзина верно отметила сходство вещей могильника Тапхар VI с предметами часовенногорского типа могильника Кудыргэ, но часовенногорский тип датируется XIII—XIV вв. Все эти хронологические неувязки заставляют уточнить дату могильников Телятниково и Тапхар VI.

Погребения могильников Телятниково и Тапхар VI близки между собой по элементам погребального обряда и инвентарю. Для этих могильников характерны: вытянутое трупоположение погребенного и ориентировка его на север и северо-восток, захоронения в колодах и дощатых гробах, сопровождение умерших жертвенными животными, в частности баранами (Хамзина, 1970. С. 123).

Некоторые черты погребальной обрядности, присущие ранним захоронениям курумчинской культуры, сохранились в XIII—XIV вв. н. э. Рассмотрение типов погребального обряда заключительного периода в развитии курумчинской культуры выявляет их непосредственные связи с обычаями более раннего времени. На это указывают сохранение традиций захоронения в грунтовых могильниках и под каменными курганами, одинаковое оформление внутримогильной домовины (погребение в дощатых гробах). По нашему мнению, обычай захоронения «за забором», выявленный на могильнике Телятниково (Хамзина, 1970. Табл. XI), восходит к погребениям под двускатными крышеобразными конструкциями могильника Бодон I. В дальнейшей эволюции обряда одна часть «крыши» перестала сооружаться, доски стали упираться в край могильной ямы. Двускатная «крыша» могильника

Бодон I трансформировалась в односкатную «крышу» телятниковского могильника; функция «крыши», связанная с закрытием тела погребенного, существенно не изменилась. Все это позволяет говорить о возможной этнокультурной преемственности традиций могильников Телятниково и Тапхар VI с памятниками курумчинской культуры более раннего времени.

Новыми обычаями, которые прослеживались уже в XI–XII вв., но получили широкое распространение в погребениях XIII–XIV вв. н. э., являются: вытянутое на спине положение погребенного и наличие костей жертвенных животных (чаще всего встречаются в могилах позвонки и нога барана). Погребения с этими характерными признаками, но без курумчинской керамики связаны с саянградской культурой. Отличие курумчинских погребений XI–XIV вв. от саянградских показали результаты антропологических исследований Н. Н. Мамоновой. Она отметила разницу в черепках могильника Тапхар VI (курумчинского, по нашему мнению) от черепков могильников Тапхар I и IV (саянградская культура). Черепки могильника Тапхар IV отличаются большими размерами, значительной массивностью и по краниологии ближе к центральноазиатскому типу. Все это позволило Н. Н. Мамоновой сделать вывод о том, что население Забайкалья неоднородно в пределах рас второго порядка и «пока нет данных для объяснения значительных различий между отдельными группами черепков Тапхар VI и Тапхар I и IV» (1961. С. 225).

Во II тысячелетии н. э. продолжали сооружать и поминальные кладки курумчинской культуры. Это находит подтверждение в новых материалах, полученных иркутскими археологами. При исследовании ритуальной кладки Хужир-Нугэ XX найден курумчинский сосуд и железный наконечник XIII–XIV вв. (Алтухов и др., 1996).

Благодаря археологическим материалам, полученным за последние годы, обнаружилось, что различия в антропологических обмерах и в некоторых чертах погребальной обрядности обусловлены разной этнической принадлежностью памятников. Изучение погребального обряда показывает, что местные традиции, присущие хори-монголам (курыканам), не были сразу изжиты, а происходило их постепенное изменение и трансформация.

Оседлые традиции в культуре хори-монголов. О значительной оседлости и многочисленности населения курумчинской культуры уже свидетельствует само количество археологических памятников. Эта культура на фоне всех известных средневековых археологических культур Юго-Восточной Сибири представлена почти всеми типами памятников – поселения, городища, поминальные сооружения, петроглифы и пещерные святилища. Повсеместное распространение памятников вокруг озера Байкал говорит о большом числе насельников, создавших культуру. Общие и сопоставимые иногда до деталей погребальные и поминальные обычаи, соблюдаемые обитателями на разных берегах Байкала – на острове Ольхон, в Баргузинской и Иволгинской долинах, еще раз подтверждают устойчивое долговременное существование населения, уже сложившегося в единый этнос.

Хори-монголы проживали в горных и речных котловинах Прибайкалья и Забайкалья. Сосредоточение памятников западнее Байкала говорит о том, что центральные области культуры располагались в Прибайкалье. Именно здесь, на острове Ольхон, в долинах Ангара и Лены и их притоков, известно большое число памятников. На восточном побережье Байкала курумчинские памятники отмечены в меньшем количестве. Они изучены в Баргузинской долине, низовьях реки Селенги и ее правого притока Итанцы.

По материалам археологических раскопок поселений и городищ можно восстановить хозяйство и быт, жилища и другие постройки оседлого населения. Количество исследованных поселений невелико, но даже этот небольшой материал указывает на укоренившиеся оседлые традиции в культуре хори-монголов.

Поселение Усть-Талькин. Находится в долине реки Ангара, на ее левом берегу. В 150–200 м восточнее поселения протекает река Ангара, а с южной стороны проходит почти высохшее русло речки Талькин. Памятник исследовался Е. Ф. Седякиной в 1957 и 1959 гг. (Окладников, 1957; Седякина, Окладников, 1959).

Всего на поселении было изучено девять жилищ. Жилища представлены сооружениями полуземляночного типа. В плане форма жилищ круглая — шесть сооружений и овальная — три сооружения. Площадь больших землянок от 40 до 56 кв. м. Особенностью больших жилищ является отсутствие в них очагов, поэтому не исключено, что они служили какими-то общественными сооружениями. Малые жилища отличаются сравнительно меньшей площадью — от 12 до 36 кв. м.

Очаги были отмечены в четырех полуземлянках, все они располагались в центре жилища. В двух жилищах очаги обложены камнями. Форма очага в плане круглая, диаметром около 0,6 м. В жилище № 3 очаг был несколько приподнят над уровнем пола.

Стены жилищ отвесные, вероятно, в некоторых случаях они могли обмазываться глиной; куски глиняной обмазки обнаружены в жилище № 2. Пол ровный, глубина полуземлянок колеблется от 1 до 1,4 м.

Учитывая глубину котлованов, надо думать, что стенки жилищ должны были быть продолжены от дневной поверхности еще не менее, чем на 1 м. Столбы, обнаруженные внутри жилищ, очевидно, служили для поддержания кровли. Крыша могла покрываться полотнами бересты и лиственничной корой, найденной в землянках. Реконструировать кровлю жилища по имеющимся материалам практически невозможно. Округлая форма жилища и расположение очага в середине землянки предполагают крышу с дымовым отверстием в центральной части. Поэтому вероятно перекрытие в виде чума пирамидальной формы.

Е. Ф. Седякиной на поселении было отмечено 40 ям-западин. Являются ли они все жилищами, сказать трудно, но девять раскопанных ям оказались жилищами. Трудно определить, относятся ли все жилища к одному периоду бытования поселения или в его существовании было несколько этапов. Из схемы, имеющейся в отчете, с определенной степенью условности можно видеть четыре планиграфические группы. Расположение жилищ в трех группах свидетельствует о бессистемности в выборе места для жилищ, а землянки четвертой группы вытянуты по одной линии юго-запад — северо-восток.

Наиболее распространенной находкой в полуземлянках является керамика. Форма сосудов и орнаментация характерны для курумчинской культуры.

Е. Ф. Седякина в предварительном плане разделила исследованные полуземлянки на ранние и поздние и считала, что на впадинах жилищ II—V вв. н. э. курыканами были вырыты углубления для своих жилищ, которые датируются VI—XI вв. н. э. (Окладников, 1957. С. 5, 6). Единственная находка, по которой можно хоть каким-то образом датировать исследованные жилища, — каменная плитка с вырезанным изображением лошади, везущей кибитку на колесах. К сожалению, рисунок в отчете не воспроизведен. Такие же рисунки с изображением сцен перекочевки были обнаружены А. П. Окладниковым на Шишкинских писаницах.

Унгинское поселение. Располагается на второй надпойменной террасе реки Унги и примыкает к южному склону возвышенности Улан-Бор, на которой находится городище. В 1957 г. при обследовании восточной части террасы, в карьере у дороги, А. П. Окладниковым были обнаружены остатки ям с курумчинской керамикой. К северу от этого карьера, по самому краю, почти по склону террасы замечены расположенные в один ряд вытянутые по линии север — юг небольшие и неглубокие западины, которые можно было увидеть только по несколько иной окраске травы. Н. Н. Забелиной было исследовано 15 ям.

Отсутствие очагов навело Н. Н. Забелину на мысль, что ямы не остатки жилых землянок, а, скорее всего, сооружения хозяйственного назначения. Над ними, судя по остаткам столбов, были, вероятно, легкие перекрытия, внутри яма облицовывалась берестой, прижатой ивовыми прутиками (Окладников, Забелина, 1958).

Мнение Н. Н. Забелиной вполне резонно, и сооружения могли быть хозяйственными погребями-хранилищами. Чаще всего в плане погребя были круглой формы с диамет-

ром от 1,5 до 3,4 м и глубиной от 0,6 до 1,2 м. Три погребов имели овальную форму, размеры их близки к погребам первого варианта. Наряду с одиночными погребями имеются сдвоенные ямы, у которых два разных входа, расположенных с противоположных сторон. В шести погребях был вход, который полого опускался сверху вниз. Длина входа от 0,6 до 0,9 м, ширина от 0,45 до 0,6 м. Чаще вход сооружался на южной, юго-восточной стороне (четыре погребов), реже — с северной стороны (два погребов). Возможно, что на входе в погреб имела дверь, которая крепилась к деревянному столбу (с западной стороны входа в погреб № 9 зафиксированы остатки столба).

В семи погребях внутри сооружалась дополнительная яма, в плане круглой или овальной формы с диаметром от 0,4 до 1,3 м и глубиной от 0,1 до 0,3 м. Стенки ям облицовывались берестой, которая закреплялась ивовыми прутками, дно ям также выстилалось берестой. Судя по погребу № 14, надо думать, что внутренние ямы закрывались перекрытием с использованием лиственничной коры. В ямах (№ 11, 13) найдены кости животных, отмечены (№ 2, 3, 13) угли и зола.

В самих погребях угли и зола встречены почти во всех сооружениях, кроме погребов (№ 10, 11). В большинстве погребов найдены кора и обрывки бересты. Стенки погребов облицовывались берестой, а лиственничной корой покрывался навес, сооруженный из жердей. Остатки этих жердей отмечены в пяти погребях. Кости животных обнаружены в 12 погребях, из них в пяти ямах найдены черепа диких животных (козлов?). В остальных случаях — кости крупных животных, а чаще всего мелкие осколки костей. Фрагменты керамики были в семи погребях.

Присутствие берестяного туеса с пищей в погребу № 12 подкрепляет предположение о назначении этих ям как сооружений для хранения продуктовых запасов. Еще одним убедительным свидетельством служит находка в погребу № 1 фрагментов глиняного сосуда, на стенке у дна проделано небольшое отверстие, большие размеры сосуда и отверстие указывают на то, что он был предназначен для хранения зерна.

Поселения Шохтой и Тотхон. Б. Э. Петри в долине реки Мурин (Кудинская долина) исследованы поселения Шохтой и Тотхон. Здесь раскопаны жилища полужемляночного типа. Количество раскопанных жилищ не известно, описание у Б. Э. Петри идет во множественном числе.

Полужемлянки четырехугольной формы 2,8 м в длину и 2,1 м в ширину, глубина колеблется от 1 до 1,5 м. С одного конца землянки имеется вход в виде пологого спуска, а с другого расположена приступочка-лежанка. Крышу Б. Э. Петри представляет «в виде наклоненных жердей, обмазанных глиной или обложенных дерном. Для огня надо, скорее всего, допустить устройство камелька или оставление особого дымового отверстия» (1923. С. 3). Была исследована производственная землянка, в которой обнаружен горн, расположенный на том месте, где в жилых помещениях находится приступочка-лежанка.

Исследования Н. Н. Забелиной выявили еще один тип построек. При изучении городища Улан-Бор на реке Ангаре раскопаны следы наземных сооружений. Три постройки из вертикальных в ряд поставленных в виде частокола бревен обнаружены внутри крепостных стен городища. Форма зданий квадратная, одно из них размерами 5×5 м, столбы стены диаметром 14–16 см, а угловые несколько толще. Вход помещался в южной стене, у юго-западного угла. Он устанавливался по отсутствию столбов, а также по уплотненной в этом месте поверхности, на которой лежали втопанные в землю кусочки керамики и кости. Внутри помещения найдено небольшое скопление кусочков керамики, и в пяти местах стояли остатки столбов, возможно, поддерживающих когда-то перекрытие.

В раскопах расчищены два разных варианта очагов. Один из них выглядит обычным круглым пятном из обожженной глины, а второй в виде правильной прямоугольной платформы из глины, обложенной со всех сторон деревом. На западном и северном краях, почти посередине, стояли два столбика диаметром около 10 см. Длина очага 170 см, а ширина 140 см. Н. Н. Забелина отметила близость очагов второго типа к якутским камелькам.

Курумчинские поселения изучены на ангарских островах Сосновый и Лесной и в устье реки Белой. Раскопки показали типичную для Прибайкалья картину смешанных стоянок, где очень сложно отделить культурные слои разных эпох. Классификация материала и выделение средневековых находок и курумчинской керамики позволяют говорить о большой заселенности островов в изучаемое время.

Остров Сосновый расположен в 5 км от озера Байкал, длина острова 1700 м и ширина 600 м. Раскопками была вскрыта площадь более 3000 кв. м. Верхний подперновый слой черной гумусированной супеси насыщен фрагментами керамики, костями диких и домашних животных, шлаками, крицами, воздушными глиняными трубками.

Исследована землянка — углубление прямоугольной формы, стенки по краю выложены речной галькой, дно ровное, плотно утрамбованное. Перпендикулярно к восточной стенке лежали остатки деревянной плахи длиной 35 см и шириной 13 см. Под плахой расчищены фрагменты керамики с узким наlepным валиком, а на дне землянки найден черепок с растительным орнаментом.

Землянку с северо-восточной стороны окружают 10 железоплавильных горнов, возле них или в них найдены желобчатые молоты из кварцитовых галек, кварцевые глыбы наковальни, на рабочей стороне которых наблюдаются следы железной окалины, воздушные трубки, шлаки и крицы. Внутри ям в заполнении и на стенках сохранились куски глиняной ошлакованной обмазки. Глубина таких ям-горнов 40–60 см. Хозяйственные ямы отличаются тем, что чаще всего они выложены берестой, а заполнение представлено керамикой, костями животных, изредка рыб и птиц.

На острове Лесном вскрыта площадь 3000 кв. м. Вдоль Ангары на террасах раскопаны железоплавильные ямы. Шесть железоплавильных ям со шлаками имели плоское дно, а три — коническое. Ямы группируются кучно, образуя неправильной формы кольцо диаметром около 20 м (Асеев, 1980. С. 85–93).

Аналогичная картина открылась и при исследовании поселения в устье реки Белой. Эта стоянка раскапывалась в различные годы А. П. Окладниковым, М. М. Герасимовым, Л. Я. Крижевской, Н. Н. Гуриной и другими археологами (Свинин, Медведев, 1959).

Первый культурный горизонт, относящийся к курыканам, занимает площадь не более 2500 кв. м. Большая часть находок тяготеет к береговой полосе и в глубине террасы не прослеживается. Практически на всех раскопах под дерном залегают черепки, кости животных и шлаки. Культурный слой эпохи железа частично смешан с предметами неолита. По отчету А. П. Окладникова, среди обломков керамики встречены фрагменты сильно обожженной и ошлакованной трубки-сопла диаметром около 5 см, являвшейся принадлежностью горна. Рядом были найдены и обломки самого горна, оплавленные толстые черепки. На стоянке обнаружено обилие шлаков. Остатки разрушенного железоделательного горна, крицы и шлаки встречены в раскопках М. М. Герасимова. Работами Л. Я. Крижевской найдены новые свидетельства железоплавильного производства: железные шлаки, небольшой глиняный льячек, гранитный молот для дробления руды. Л. Я. Крижевской в курыканском слое зафиксировано два очага, выложенных из каменных плит, один очаг имел четырехугольную форму. Расчищена яма круглой формы диаметром 0,6 м и глубиной 0,85 м. До самого основания яма была заполнена костями, среди костей встречены фрагменты керамики.

Основной находкой на стойбище является керамика, она принадлежит толстостенным сосудам, с внутренней стороны на многих черепках следы нагара, венчик сосудов незначительно отогнут наружу. Орнаментирована керамика наlepным валиком, горизонтально опоясывающим сосуд, в ряде случаев валик рассечен насечками, которые иногда украшают и край венчика, по верхней части тулова сосуда под венчиком бывают нанесены резные линии или идет ряд параллельных насечек. Кроме керамики, на раскопках найдены два костяных наконечника стрелы и один железный наконечник, уплощенный, с гранью

посередине пера, костяная круглая пуговица с железной заклепкой в центре, пряжка для ремня и кованый гвоздь.

Археологическими исследованиями удалось установить, что курумчинские поселения в некоторых случаях составляют взаимосвязанный комплекс с городищами. Городища курумчинской культуры подразделяются на два вида: укрепленные земляными валами и укрепленные каменными стенами.

Городища с земляными валами. Мы располагаем сведениями о 47 городищах Прибайкалья, укрепленных земляными валами. Изучены они в различной степени. Осмотрено и описано 28 городищ, на 24 памятника составлены графические схемы или глазомерные планы, о 18 укреплениях имеется только указание о местонахождении. Всего лишь на двух городищах (Манхай и Улан-Бор) проводились стационарные исследования.

Все известные городища располагаются в непосредственной близости от рек, а городища Нюргон IV и Саган-Хушун находятся на перешейках мысов острова Ольхон на Байкале (Горюнова, Свинин, 1995. С. 110, 112). Практически все укрепления возводились на господствующих возвышенностях, удачно используя особенности рельефа (крутой подъем, обрыв), которые служат естественными преградами, и лишь одно городище — Барономухинское сооружено на открытой степной местности (Хороших, 1929. С. 151).

Большое количество городищ (21) зафиксировано на одной из главных рек Прибайкалья — Ангаре. Причем на правом берегу Ангары, на ее правом притоке реке Куде — 11, по ее левому притоку — Унге известно 13 крепостей. На второй крупной водной артерии — реке Лене и ее притокам отмечено четыре городища.

По расположению на разных типах ландшафта городища делятся на две группы — равнинные и на возвышенностях, а по форме и степени использования естественных условий они подразделяются на типы.

Группу равнинных городищ представляет один памятник. Городище Барономухинское находится на правом берегу реки Куды. На ровной степной местности сооружено укрепление в виде квадрата со слегка округленными углами. Три стороны городища окружены валом и рвом, имеющими длину от 48 до 51 м. Южная сторона городища не имеет укреплений. Внутри его отмечены ямы удлиненной формы. П. П. Хороших заложил в ямах четыре небольших шурфа, в которых были обнаружены угли, кости животных и керамика с линейным орнаментом (1929. С. 151).

Все остальные городища построены на мысовидных возвышенностях (рис. 34).

Тип I. Мысовые. При сооружении городищ подобного типа непосредственно использовали особенности рельефа местности. Городища возводились на краю мыса, боковые стороны которого служили естественными препятствиями, а с напольной стороны сооружались искусственные укрепления. По количеству площадок городища подразделяются на три варианта — одноплощадочные, двухплощадочные и трехплощадочные. К одноплощадочным относится городище Удактай, остальные шесть городищ являются двухплощадочными. Вторая площадка образуется за счет того, что вторая линия укреплений отстоит на значительном расстоянии от первой. Как двухплощадочное следует рассматривать городище Барун-Зурхен I, овраг, проходящий в центре городища, делит его на две части. На городищах Хашхай II и Хайги-Хошун было начато, но не завершено строительство третьего ряда укреплений. Проезд шириной 3 м отмечен лишь на одном городище (Зун-Турен), он проходит в середине укрепления.

Тип II. Полукруглые. Городища близки к мысовым, но если при возведении мысовых городищ использовали обе стороны мыса, то при сооружении городищ этого типа использовали одну сторону, которую полукругом охватывала искусственная линия укреплений. Городище Капсал IV, расположенное в долине реки Куды, является одноплощадочным, оно укреплено двумя рвами и одним валом, внутри городища обнаружены две ямы глубиной около 1 м (Агапитов, 1881. С. 10). К двухплощадочным относится городище Улан, обследованное Э. Р. Рыгдылоном. Как вариант двухплощадочных следует рассмат-



Рис. 34. Городище Манхай. Фото автора

ривать городище Улан-Бор, в данном случае вторая площадка была образована возведением еще одного ряда укреплений.

Тип III. Округлые. Всего известно два городища округлой формы. Укрепления городища Шарса состоят из двух рвов с валом протяженностью 250 м, с перерывом в 50 м. Имеется небольшой вход, в котором вырыта яма (Агапитов, 1881. С. 11). Городище Унет округлой формы, обведено валом и рвом. В юго-западной части его прослеживается дополнительный небольшой вал, глубина которого не превышает 0,6 м. На юго-восточной стороне находится вход шириной 2 м.

Тип IV. Прямоугольные. Городища этого типа имеют правильную прямоугольную форму, не зависящую от конфигурации местности. Прямоугольные городища преобладают в количественном отношении. Часть городищ (Атушево, Халюты, Капсал I, II и IV, Хархар-Жалга) еще привязана к преимуществам в использовании рельефа: одна сторона у них защищена не земляными искусственными укреплениями, а чаще всего является склоном речной надпойменной террасы, к которой примыкают оборонительные линии. А городища Хореты, Бутукей, Ута-Хошун, Харанут I и II со всех сторон окружены валами и рвами, образующими прямоугольник, и не связаны с естественными препятствиями. Городища Капсал II и IV, Харганай, Харанут I и II, Хореты, Бутукей – одноплощадочные. Городища Капсал I и Хархар-Жалга – двухплощадочные.

Степень укрепленности городищ различна. Оборонительные линии некоторых из них (Харанут I и II, Капсал I и IV, Хореты) состоят из одного вала и рва, а у других, например Бутукейского, северо-западная и юго-восточная стороны были укреплены двумя рядами рвов и тремя высокими валами, общей шириной 17 м, а юго-западная и северо-восточная стороны – одним широким рвом и двумя высокими валами, общей шириной 15 м.

Количество проходов на городищах варьирует от одного (Капсал IV), шириной 14 м, до пяти (Харанут II), их ориентировка различна. На городищах Хархар-Жалга, Харанут I и Ута-Хошун проходов нет. Ориентация городищ отмечена для восьми укреплений, три из них ориентированы сторонами, а пять – углами по странам света.

Горные городища с каменными стенами. Городища, укрепленные каменными стенами, сооружены на возвышенностях, среди них нет укреплений, возведенных на равнинной местности. Городища подразделяются на два основных типа.

Тип 1. Мысовые. Городища соответствуют в плане форме мыса, на котором они расположены, и отделяются от плато каменной стеной. Почти все они имеют одну площадку, лишь на городище Шибэтэ (залив Куркут) две площадки, и вторая образована дополнительной стеной, возведенной на некотором удалении от первой линии укрепления. Длина стен различна и зависит от размеров мыса, она колеблется от 120 до 200 м. Высота стены достигает 3 м. Кладка производилась без раствора, плиты клались плашмя. Стена на мысу бухты Семисосенной сооружена несколько иначе. Здесь большие плиты гнейса поставлены вертикально одна возле другой и притом в два ряда на расстоянии около 1,5 м один ряд от другого. Это городище, кроме того, укреплено рвом шириной 2 м и глубиной около 1 м; ров шириной 3,5 м и глубиной 1,5 м отмечен на городище Хоргой. Проходы имеются не на всех городищах, на городище Шибэтэ (залив Куркут) их два, на городище Хоргой зафиксирован один проход шириной 2 м. К стенам городищ Шибэтэ и Хоргой (на Ольхоне) с обеих сторон пристроены добавочные сооружения в виде четырехугольных или полукруглых площадок размерами от 12 до 18 м. Внутри этих же городищ — каменные кладки круглой и квадратной формы. На городище Шибэтэ (река Анга) выкопана круглая яма, обложенная камнями; такие же ямы на городище Шибэтэ (Ольхон), там их две; одна яма, также выложенная камнем, отмечена на городище Хоргой.

В центральной части городища Хоргой на трех больших гранитных плитах, лежащих горизонтально, хорошо заметны небольшие углубления. В конце мыса Хоргой находится прямо стоящая гранитная плита высотой 1,8 м и шириной 1 м. На плите прочерчен знак в виде круга с точкой посередине и с ножкой. П. П. Хороших отмечает, что этот знак по форме имеет большое сходство со знаком, вырезанным на плитке, найденной на одном из Капсальских городищ (Хороших, 1956).

Тип 2. Округлые. Городища расположены на вершинах гор. Каменная стена не имеет определенной формы и зависит от рельефа местности. По описанию П. П. Хороших, каменная стена городища Хоргой (залив Мухор) опоясывает самую высокую вершину горы (1924. С. 31).

Рассмотрим вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности городищ. По этим проблемам высказано две точки зрения. Н. Н. Агапитов (1881. С. 22), Б. Э. Петри (1928. С. 65, 66) и П. П. Хороших (1924. С. 32), опираясь на бурятские народные легенды, которые приписывали городища «монголам» или «хара-монголам», считали, что, вероятнее всего, эти памятники относятся к поздней железной эпохе. Находки курумчинской керамики позволили А. П. Окладникову, Э. Р. Рыгдылону и Н. Н. Забелиной связывать городища с курыканами. А. П. Окладниковым была предложена дата существования курумчинской культуры — VI–X вв. н. э., в этих рамках определялась в целом и хронология городищ.

Выдвинутое положение о принадлежности городищ к курумчинской культуре надо считать убедительным. Курумчинская керамика была найдена на семи городищах: Кулаково I, Ута-Хошун, Манхай, Улан-Бор, Шибете (бухта Базарная), Байкальское I и II. Немаловажное значение приобретает и то обстоятельство, что городища распространены на территории курумчинской культуры, а в ряде случаев (городище Улан-Бор и Унгинское поселение) даже намечается связь городищ с курумчинскими поселениями.

На мысовых городищах с земляными валами были проведены предварительные исследования. Э. Р. Рыгдылоном заложены шурфы на городищах Хашхай I и II, в обоих случаях находок не было, но цвет земли из шурфа на городище Хашхай II свидетельствовал о наличии на данном месте стойбища (1955. С. 187). Площадь городища Барун-Турен запахивалась, тщательные поиски культурных остатков на пашне не дали никаких резуль-

татов, отсутствие признаков жилья отмечено и для городища Барун-Зурхен I, где были также зачищены рвы (Рыгдылон, 1955. С. 183, 186).

Городище Манхай в долине реки Куды в разные годы исследовалось А. П. Окладниковым, П. П. Хороших, И. В. Асеевым и А. В. Харинским (рис. 34). Сведения об этих работах в литературе фрагментарны и не дают полного представления о степени изученности городища. Судя по материалам, на городище имеется культурный слой, кроме того, были обнаружены ямы различных размеров (Асеев, 1980. С. 94).

Керамика городища Манхай изготовлена из хорошо отмученной глины. Формы сосудов баночные и горшковидные. Посуда украшена налепным рассеченным валиком, резным арочным орнаментом и полулунными и прямоугольными тычками. Лепной, резной и вдавленный орнамент встречаются и на одном сосуде. Венчики сосудов прямые или слегка отогнутые, иногда нависают в виде карниза.

Датирующий материал крайне ограничен — костяные псалии могут относиться к широкому хронологическому периоду, в основном в рамках I тысячелетия н. э. Более узкую хронологию — IX–X вв. н. э. имеет находка железной стрелы. На городищах полукруглого типа с земляными валами исследования произведены лишь на двух памятниках. На валу городища Улан заложен шурф 2×1,5 м, который показал, что вал сложен из земли и песчаника, вынутых при рытье рва, причем песчаник уложен в середине вала (Рыгдылон, 1955. С. 183).

Большие раскопчные работы были произведены на городище Улан-Бор. Материал, полученный в результате исследования городища, весьма беден. Керамика представлена редкими фрагментами нескольких горшков, целая посуда отсутствует. О том, что сосуды были плоскодонными, свидетельствует находка дна горшка. Остальные найденные предметы единичны. Изделия из кости представлены наконечником стрелы, фрагментом стрелы, проколкой, заготовкой двух свистунок для наконечников стрел. Отмечена массивная литая бронзовая серьга с шишечкой и выемкой для подвески. Кроме того, в отчете упоминается о находке пряслища из богхеда, обломка железного ножа и двух альчиков с железными заклепками (Окладников, Забелина, 1958). Бронзовая серьга городища Улан-Бор получила широкое распространение в IX–X вв. н. э. К этой дате следует отнести и возникновение городища.

Округлых городищ всего два. На одном из них были произведены разведывательные раскопки. Шурфы, заложенные на городище Унет, никаких находок не дали. При раскопках вала местами вскрыты выкладки из одного ряда каменных плиток (Рыгдылон, 1955. С. 182). Отсутствие материала не позволяет определить время сооружения этих объектов.

Прямоугольные городища практически не раскапывались. На трех городищах (Атушево, Халюты, Хореты) Э. Р. Рыгдылоном были сделаны небольшие шурфы, которые не дали никаких находок и не показали наличия культурного слоя. На распашке городища Ута-Хошун было найдено четыре фрагмента курумчинской керамики (Рыгдылон, 1955. С. 188). А. П. Окладниковым на пашне городища Кулаково I собраны фрагменты курумчинской керамики и кости животных.

Горные городища с каменными стенами, как и укрепления с земляными валами, не содержат значительного количества находок.

Более всего исследованы городища, расположенные на мысах. При осмотре городища Хоргой (остров Ольхон) П. П. Хороших (1956) найден четырехлопастной пятиугольный наконечник стрелы, сопоставимый с наконечником, обнаруженным на Манхайском городище. Дата этих стрел может определяться концом I тысячелетия н. э., что говорит о том, что данные городища уже функционировали в это время.

Таким образом, материалы трех городищ, позволяющие определить хронологию этих памятников, показывают, что возникновение определенной части городищ произошло в конце I тысячелетия н. э., затем они продолжали существовать довольно значительное

время, вплоть до середины II тысячелетия н. э. А. В. Харинским проведены масштабные раскопки на пяти северобайкальских городищах возле села Байкальское. Новые материалы, полученные им, выявили более раннюю дату появления этих памятников (Харинский, 1994. С. 12), но нужна полная публикация результатов многолетних раскопок северобайкальских городищ.

Для какой же цели предназначались городища? П. П. Хороших полагал, что «каменные» городища — сооружения военного характера, служившие укреплениями для временной защиты (1924. С. 28). Временными стойбищами-убежищами считал ангарские городища Э. Р. Рыгдылон (1955. С. 189). Н. Н. Забелина, исследователь городища Улан-Бор, в предварительном заключении констатировала: люди жили на городище прочно, судя по остаткам стен и столбов, внутри крепости находилось одно большое здание, по толщине стен и большой площади оно не было временным сооружением, а носило характер капитального здания, а наличие отопительных сооружений предполагает жилище зимнего типа (Окладников, Забелина, 1958).

По нашему мнению, сооружение на горе Улан-Бор нельзя рассматривать как укрепленное поселение и люди, вероятнее всего, не жили в этой крепости постоянно. На это указывает очень тонкий культурный слой, во многих местах крепости вообще отсутствующий. Кроме нескольких находок внутри укрепления, не обнаружено каких-либо предметов, связанных с производственной деятельностью; на городище отсутствуют и хозяйственные ямы, которые свидетельствовали бы о постоянном поселении.

Хотя о том, что часть городищ могла быть обитаема, говорят материалы раскопок городища Манхай, но краткость публикаций не позволяет использовать эти данные как полноценный источник. Для того чтобы составить соответствующее представление об этом городище, необходима исчерпывающая и документированная информация.

На этимологию мысов, на которых находятся эти сооружения, обратил внимание Э. Р. Рыгдылон. Название городищ Шибэтэ образовано от бурятского слова «шибэ» — заслон, прикрытие, а укреплений Хоргой от слова «хоргодохо» — прятаться, скрываться (1955. С. 180). Надо заметить, что в Хакасии крепости, сооруженные на вершинах гор, называются «сiвэ», что однозначно бурятскому или в широком понимании языка монгольскому значению слова «шибэ». Исследователи, занимавшиеся изучением енисейских «сiвэ», считают их укреплениями, служившими в качестве временных убежищ (Бутанаев, 1984; Мороз, Худяков, 1988; Готлиб, 1991).

Таким образом, предложение П. П. Хороших и Э. Р. Рыгдылона рассматривать городища как временные крепости-убежища вполне резонно. Очевидно, эти укрепления не могли служить целям долговременной обороны, в них можно было только временно спрятаться и переждать нападение. То, что в средневековую эпоху городища являлись крепостными сооружениями, доказывает и схема распространения памятников. Почти все городища построены на западной стороне Байкала, причем их наибольшая концентрация отмечена по реке Ангаре. Именно по Ангаре проходила западная граница расселения курумчинской культуры. Восточнее озера Байкал, например в Баргузинской долине, оборонительных сооружений не выявлено. По всей вероятности, население курумчинской культуры здесь чувствовало себя в полной безопасности. На западной стороне Байкала обстановка была намного сложнее и курумчинское население воздвигало оборонительные крепости и в случае нападения скрывалось в них до прихода военного подкрепления. Не исключено, что в этих крепостях находились гарнизоны, которые контролировали приданную им местность и наблюдали за ситуацией на другой крепости. На это указывает то, что с одного городища всегда видно другое укрепление, и памятники, следовательно, образуют зрительную цепочку.

Об оседлости можно судить и по некоторым чертам в погребально-поминальной обрядности. Количество могил на курумчинских могильниках доходит до 20 и более захоронений, что говорит в пользу оседлости населения, оставившего данный могильник. Для курумчинских грунтовых могильников характерны внутримогильные конструкции в виде дощатого гроба, что можно рассматривать как косвенное указание на оседлую традицию.

Количество поминальных сооружений курумчинской культуры доходит до 150 поминков на одном памятнике. Конечно, это говорит в пользу многочисленности населения и его оседлости. Большое количество керамики, характерное для курумчинской культуры, указывает на оседлый образ жизни.

Таким образом, согласно археологическим данным, традиции оседлости у населения курумчинской культуры в начале II тысячелетия еще не были изжиты.

Усиление кочевнических традиций у хори-монголов. В начале II тысячелетия н. э. в погребальном обряде и инвентаре курумчинской культуры фиксируются значительные изменения. Курумчинские могильники XI–XIV вв. исследованы в низовье реки Селенги (Тапхар VI), в Баргузинской долине (Телятниково, Бодон II), на острове Ольхон (Харанса I и Будун). На этих могильниках выявлены захоронения с переходными чертами.

Новой чертой в курумчинских могилах II тысячелетия является присутствие костей животных. До X в. в погребениях курумчинской культуры костей животных нет, но в могилах позднего времени они отмечены. В могиле Тапхар VI, 13 захоронение барана находилось, очевидно, под одной каменной насыпью с погребением человека, но в отдельной яме, в которой найдены ребра, позвонки, крестец, а череп и кости конечностей барана отсутствовали (Хамзина, 1970. С. 54). Совершенно новое действие в погребальном обряде — вертикально установленная нога барана. Этот обычай отмечен в пяти курумчинских могилах. В трех могилах нога барана находилась у груди умершего, а в двух погребениях она была поставлена в изголовье, причем в могиле Телятниково 2 ноги были установлены возле головы с правой и левой сторон, в могиле Телятниково 25 в описании не отмечено месторасположение ноги барана. В могиле Телятниково 2 ноги барана сопровождалась еще и бараньим позвонком. В погребении Телятниково 26 выше ног детского захоронения найдены кости черепа коня. В семи погребениях Телятниковского могильника при зачистке могильных ям обнаружены черные пятна с древесными угольками и раздробленными костями барана и коровы. Позвонок быка и копыта лошади найдены в могиле Тапхар VI, 3 (Хамзина, 1970. С. 50).

В это же время появляются курумчинские могилы с совместными захоронениями животных. В погребении 17 Телятниковского могильника рядом с ребенком, с западной стороны, находился скелет барана, плотно прижатый к детскому костяку. Баран лежал на животе с поджатыми ногами и вытянутой головой.

Встречаются могилы с отдельными захоронениями животных. Четыре захоронения баранов были найдены на могильнике Телятниково. В двух случаях (могилы № 1, 2) костяки баранов находились на глубине 40–50 см и бараны лежали на животе с подогнутыми ногами, головой на северо-северо-восток и северо-восток. В двух других могилах бараны были расчленены и сложены кучкой в могильной яме, черепа животных направлены мордами на северо-северо-восток и северо-восток. Погребения животных под каменными кладками известны в восьми случаях. Данная традиция выявлена на могильнике Тапхар VI (Хамзина, 1970. С. 48–59).

Археология позволяет говорить о том, что в XI–XIV вв. происходят значительные изменения у населения курумчинской культуры в сторону усиления кочевнических черт. В это время в Юго-Восточной Сибири получают распространение памятники саянградской культуры. Для населения этой культуры характерен кочевой и подвижный образ жизни. Еще одним новым явлением, хорошо просматривающимся на материалах курумчинских поселений, являются находки, связанные с проживанием среднеазиатских колонистов.

2. Среднеазиатские торговые фактории XIII–XIV вв.

Впервые проблему пребывания среднеазиатских колонистов в Прибайкалье поставил А. П. Окладников (1963). В 1958–1959 гг. Ангарской экспедицией проводились работы на основной площади Нижнего Унгинского поселения, расположенной на некотором отдалении от раскопов Верхнего поселения с хозяйственными погребями. Здесь было вскрыто 1644 кв. м. По описанию Е. Ф. Седякиной, на поселении фиксируется два культурных слоя. Стратиграфическая ситуация в целом представляет следующее. Первый культурный слой: 1 – дерн (3–5 см), 2 – черноземовидный суглинок (10–15 см), 3 – золистый слой (15–45 см). Второй культурный слой обильно насыщен костями животных, обрывками бересты, керамикой, мощность его 40–60 см. Подстилающим слоем является поверхность почвы древнего луга.

Находки были обнаружены в обоих слоях поселения. Однотипная керамика, хронологически близкие вещи залегали как в первом, так и во втором слое. Среди находок преобладают фрагменты керамики, мелкие черепки от разбитых сосудов заполняют весь культурный слой поселения, было встречено несколько экземпляров целых сосудов. В большом количестве найдены предметы домашней утвари и вооружения. О занятии обитателей поселения земледелием свидетельствуют орудия труда (серпы, мотыга, обломок лемеха от плуга, жернова).

В материалах Нижнего Унгинского поселения наряду с курумчинской керамикой были встречены совершенно не характерные для Прибайкалья типы сосудов. Это чираги-свильники, самый обычный предмет, известный среди средневековых археологических

находок в Средней Азии. Вместе с керамическими свильниками на Унгинском поселении найдены и металлические, из тонких листов железа, четырехугольные, с вогнутыми сторонами (рис. 35, 36). На каждом из четырех углов сосуда имеется по выступу-носику для фитиля. Такие чираги – характерная находка в слоях земледельческих поселений Чуйской долины.

Одновременно с чирагами на Унгинском поселении были найдены и другие вещи, не связанные с местными традициями. Здесь обнаружены обломки стеклянных сосудов в виде ручек и горлышек. Судя по ним, сосуды имели узкое горло с раструбом вверх. Были также сосуды с боковыми ручками около горловины. Цвет стекла – светлый голубовато-зеленый, стекло полупрозрачное. Вполне понятно, что такие сосуды могли попасть в Прибайкалье из других территорий. Точно такие же стеклянные кувшины были в употреблении у оседлых жителей Средней Азии в средневековое время. Они были найдены в Пенджикенте, Афрасиабе и Самарканде.

Спектральный анализ стекла Унгинского поселения, проделанный А. А. Абдуразаковым, подтвердил выводы А. П. Окладникова. В чис-

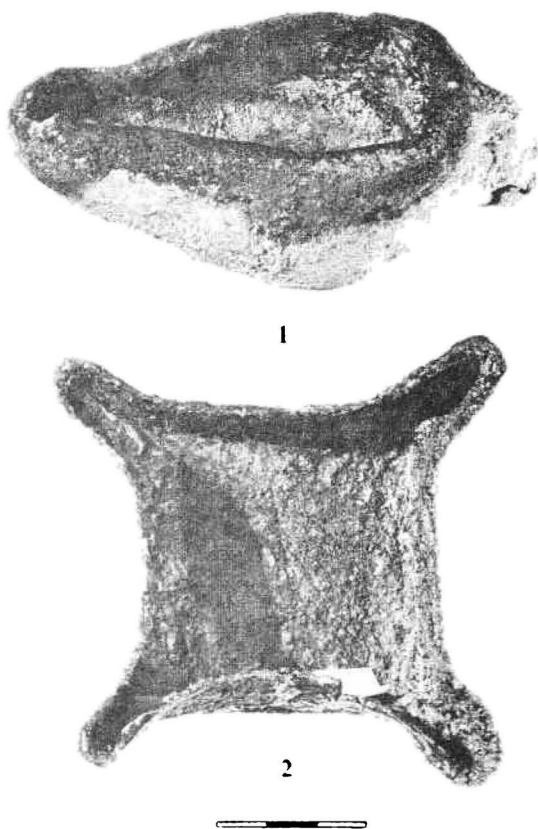


Рис. 35. Чираги-свильники из Унгинского поселения (раскопки А. П. Окладникова): 1 – глина, 2 – железо

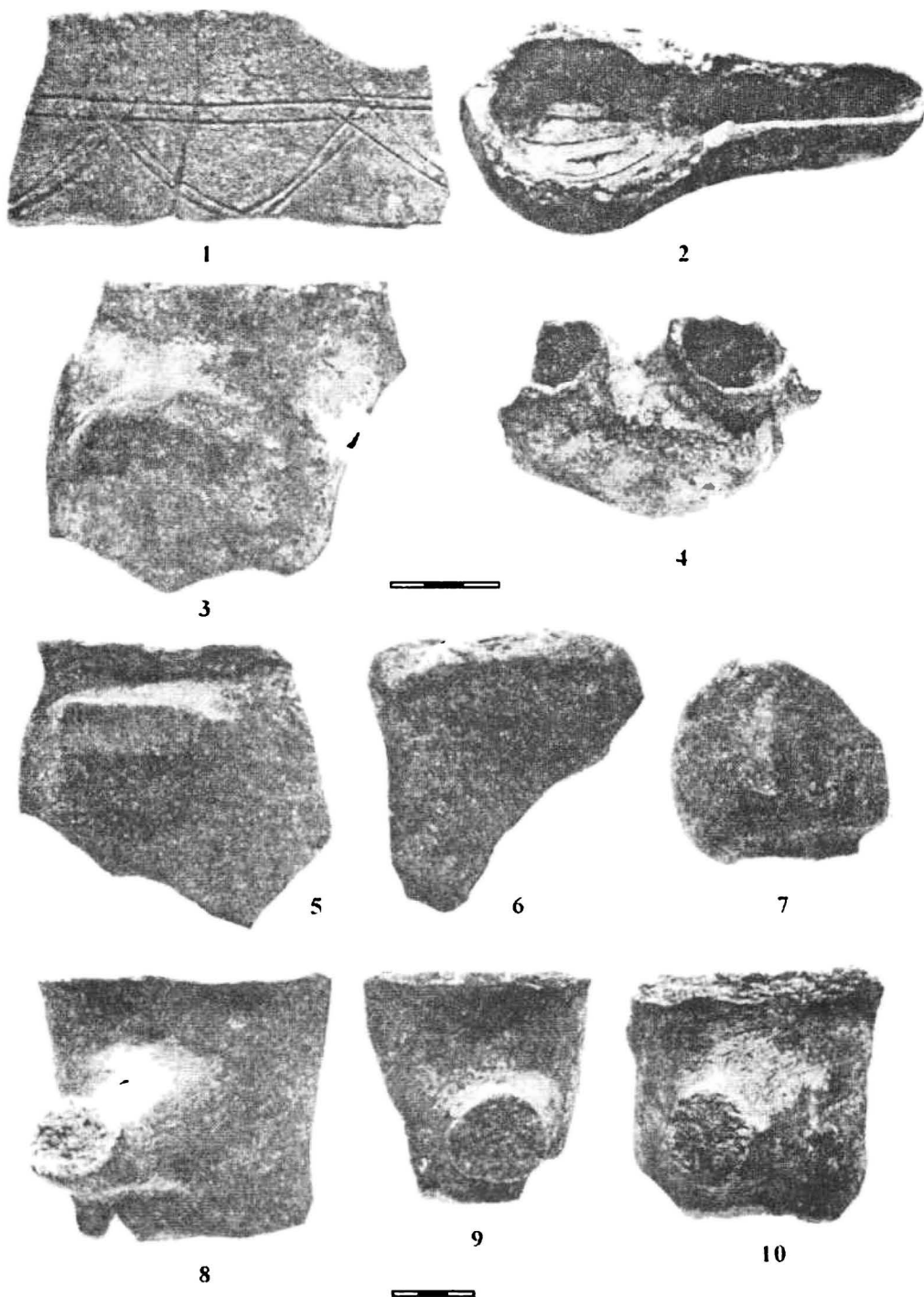


Рис. 36. Керамика Темниковского поселения: 1,3–10 – фрагменты посуды, 2 – чирага-свещильник. Составил автор

ле исследованных образцов были две ручки сосудов из прозрачного и непрозрачного стекла, горлышко толстостенного сосуда с отогнутым венчиком и донце посуды, изготовленные из зеленоватого стекла. Химический состав стеклянных изделий, найденных в долине реки Унги, показал, что по содержанию главных стеклообразующих химических компонентов, присутствующих в стекле (3 % и более), все анализируемые образцы принадлежат к одному химическому типу – $\text{Na}_2\text{O} - \text{K}_2\text{O} - \text{CaO} - \text{MgO} - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{SiO}_2$. Этот химический тип относится к исконно среднеазиатскому составу, разработанному на территории данного региона в начале III–IV вв. В средние века (IX–XIII вв.) такие стекла в Средней

Азии вырабатывались почти повсеместно. Следовательно, вывод А. П. Окладникова о среднеазиатском происхождении унгинских находок полностью подтверждается и химическими анализами.

Как пишет А. А. Абдуразаков, сравнение полученных результатов с отдельными анализами стекол Средней Азии показывает, что по своему составу унгинские стекла более близки к стеклянным изделиям из Бухарского (Пайкенд — X—XI вв.) и Кеваткеллинского (XII—XIV вв.) оазисов. Можно полагать, что между обширными степями Средней Азии и Сибири в средние века существовали весьма тесные культурные и экономические связи, что в данном случае согласуется с химическими анализами археологических находок из стекла (Абдуразаков, 1987).

Наряду с чирагами и привозным стеклом в культурном слое Нижнего Унгинского поселения найдена миниатюрная печатка из халцедона. На ней вырезано изображение крылатого существа с туловищем быка и головой человека, увенчанной короной. По мнению А. П. Окладникова, мифическое божество на этой печатке представляет собой древнеиранское божество-покровителя стад и пастухов Гопат-Шаха. Это же изображение вырезано на обломке керамического сосуда вместе с типично курыканскими рисунками всадников.

А. П. Окладников совершенно верно отметил, что если стекло привозное, то чираги из керамики изготовлялись на месте. То есть среди местного населения Прибайкалья жили ремесленники и гончары, выделявшие свои изделия по традициям среднеазиатского мира. Причем в валу городища Улан-Бор, находящегося над Унгинским поселением, встречены захоронения европеоидов таджикско-согдийского типа. Значит, кроме курыканов (хори-монголов), на Унге обитали и европеоиды, проникшие сюда и основавшие колонию ремесленников и земледельцев. А. П. Окладников полагал, что это произошло около IX—X вв. и колония, вероятнее всего, была основана согдийскими переселенцами.

Л. Р. Кызласов высказал мнение, что это поселение датируется XIII—XIV вв. н. э. (1969. С. 204). Поиск аналогий вещам, найденным на Унгинском поселении, позволяет отнести его бытование к XIII—XIV вв. н. э. Хорошо датирует поселение костяная обкладка на колчан, украшенная пояском из ритмически повторяющихся треугольников, с изображением оленя с крупными ветвистыми рогами. Подобные обкладки с весьма схожим орнаментом встречаются на широком пространстве от Прибайкалья до Молдавии. Хронология этих обкладок (XIII—XIV вв.) была определена С. А. Плетневой (1958. С. 176). Дальнейшие исследования подтвердили эту дату (Федоров-Давыдов, 1966. С. 116; Малиновская, 1974. С. 160). К XIII—XIV вв. н. э. относятся найденные на поселении плоские наконечники стрел (Медведев, 1966); подкрепляет эту дату и костяная накладка на лук с лопаточкообразными концами, хронология которой определяется монгольским временем (Савинов, 1981. Рис. 6, 4). О поздней дате поселения говорят и крупные костяные пряжки, сопоставимые с пряжками XIII—XIV вв. аскизской культуры (Кызласов И. Л., 1983. Рис. 26, 145).

Л. Р. Кызласов связал со среднеазиатскими купцами юаньской эпохи и материалы поселения, исследованного Г. П. Сосновским в 1929 г. в Западном Забайкалье, при устье реки Темник, левого притока Селенги.

На Темниковском поселении было заложено два раскопа, на первом раскопе вскрыто 25 кв. м, на втором — 10 кв. м. Стратиграфия культурных остатков выглядит следующим образом: 1 — горизонт почвенного слоя, покрытый дерном (8—10 см), 2 — слой с культурными остатками толщиной 20—25 см, 3 — речной галечник с песком. В рукописных материалах Г. П. Сосновского сказано: «...возможно, при большем вскрытии площади обнаружались бы остатки и характер планировки древнего поселения, но сильный подъем воды на реке Темник в августе 1929 г. вызвал потопление места раскопок и заставил прекратить начатые работы» (ф. 42, д. 211).

Материалы Темниковского поселения хранятся в Эрмитаже (кол. 1357). Больше всего на памятнике найдено керамики. Преобладающая часть посуды лепная, толстостенная, изготовлена без особой тщательности. Встречаются чираги-светильники, несколько отличающиеся своей формой от найденных на Унгинском поселении. Многие фрагменты имеют с боков ручки-выступы, в том числе найден и целый сосуд с ушками. Орнаментированы горшки довольно бедно. На одном фрагменте прочерчены две параллельные линии-бороздки, под ними протянут парный зигзагообразный орнамент. Встречаются горшки, украшенные вдавлениями концом, очевидно, железной трубочки. Среди массы этой грубовато выполненной керамики сразу бросается в глаза поливная посуда высокого качества изготовления. Поливной посуды немного, имеются фрагменты глубоких тарелок с дном, покрытым глазурью. Найдены на Темниковском поселении и обожженные прямоугольные кирпичи с отпечатками с одной стороны сетки или ряда косых линий.

Г. П. Сосновский предполагал, что поселение может относиться к Сунской эпохе (960–1280) (ф. 42, д. 37).

Вновь Темниковское поселение было открыто С. В. Даниловым. На памятнике заложены разведывательные раскопы, полученный материал хранится в лаборатории археологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. С. В. Данилов отметил близость коллекций Темниковского поселения и Нарсатуйского городища к XIII–XIV вв. и полагал, что поселение доказывает факт появления в Бурятии выходцев из Средней Азии (1992).

При обследовании поселка Баргузин нами было открыто поселение, керамика которого по составу теста, специфическим вырезам на тулове и орнаменту была очень близка к керамике, изготовленной выходцами из Средней Азии на Темниковском поселении. Здесь, вероятнее всего, находилась торговая фактория мусульманских купцов.

Керамика Темниковского поселения и керамика из Баргузинской долины несколько отличаются от обычной средневековой керамики, связанной с местными традициями. Отличия заключаются в качестве теста: оно плотнее по составу, содержит меньше включений. Одновременно наблюдается какая-то небрежность в изготовлении. Бросается в глаза и толстостенность горшков (более 1 см).

Керамика из среднеазиатских поселений весьма схожа с керамикой поселения Шохтой из Прибайкалья, то есть так называемой керамикой «курумчинских кузнецов». Если, как выяснилось, изделия из металла этого поселения представляют во многом случайный, собранный из разных мест материал, то керамика, наоборот, достаточно однородна.

Посуда изготовлена из плотного, хорошо отмученного теста с малым содержанием дресвы. Внешняя поверхность сосудов тщательно заглажена, в ряде случаев до блеска, внутренняя поверхность неровная, со следами выколачивания. Цвет керамики ровный, встречаются фрагменты с красноватым оттенком, серые, но преобладают черепки черного цвета. Большинство сосудов изготовлено вручную, хотя среди керамики встречались фрагменты венчиков с характерными для гончарной посуды бороздками (следами вращения). Была найдена часть доньшка, на котором видны следы подсыпки, образовавшиеся при формовке, а на внутренней поверхности днища идут углубленные широкие опоясывающие бороздки. Все это позволяет предположить возможность применения гончарной техники для изготовления горшков. Среди фрагментов преобладают венчики сосудов. Некоторые венчики достаточно крупные, и по ним можно реконструировать диаметр устья сосудов. Крупные горшки имели диаметр 38 см, но чаще всего были распространены сосуды с диаметром 15–20 см. Фрагментов доньшков незначительное количество, все днища плоские. Встречен обломок ручки от кувшина.

Изучение керамики, полученной из среднеазиатских торговых поселений, исследованных в Бурятии, в частности Темник, раскопки Г. П. Сосновского и С. В. Данилова и наших сборов на реке Баргузин приводят к следующему выводу: керамика поселений Шохтой

и Тотхон, очевидно, связана со средневековыми мусульманскими купцами. Состав теста, характер оформления венчиков, наклепные ручки — во многом близки именно к керамике Темниковского и Баргузинского поселений. Местные традиции отложились в орнаментике: расщепленный валик с загнутым или опущенным вниз отростком, резная арка или зигзаг (рис. 36, 1). Видимо, этот орнамент в виде зигзага отметил в своих записях Г. П. Сосновский, когда, выявляя вещи курумчинского типа, записал: «...черепок среди комплекса Темника» (ф. 42, д. 162, с. 7).

После того как мы сделали это наблюдение, нам стало понятно, почему Г. П. Сосновский в своих записях сравнивал курумчинскую керамику и керамику поселения Темник, то есть еще в 20-е гг. прошлого столетия он, после раскопок в Западном Забайкалье, увидел близость керамических комплексов и поэтому культуру «курумчинских кузнецов» относил уже к XII–XIV вв. (ф. 42, д. 237, 262).

Таким образом, в Прибайкалье и Забайкалье, на территории почти каждого изолированного степного «острова», находилась торговая фактория, основанная выходцами из Средней Азии (рис. 37). Письменные источники хорошо увязываются с данными археологии. В монгольском государстве всю торговлю в руках держали мусульманские купцы. Г. Рубрук свидетельствовал, что в Каракоруме был мусульманский базар и две мечети. Рашид-ад-дин писал, что «в столицу каана прибыло несколько купцов мусульман из областей Кури, Бурку и киргизов» (по Кызласову, 1963. С. 208). По мнению большинства исследователей, под Кури (хори) и Бурку (баргу) понимаются именно Прибайкалье и Забайкалье.

Наступила очередь исследовать культуру населения, которое становится основным в Юго-Восточной Сибири, и именно эта культура определила те кочевнические черты, которые стали преобладать в дальнейшем развитии края.

3. Культура кочевников Юго-Восточной Сибири

За более чем 100-летнюю историю изучения могил саянтийского типа, начиная с работ Ю. Д. Талько-Грынцевича, эти погребения раскапывались большим числом археологов, но до сих пор нет общей сводки могил, не дана подробная характеристика погребального обряда и инвентаря, то есть не проделана та первичная источниковедческая обработка материала, без которой невозможно ни определение хронологии, ни правильная постановка проблем этнической атрибуции.

Как уже говорилось, исследователи, начиная с Г. Ф. Дебеца и Г. П. Сосновского, захоронения саянтийского типа называли раннемонгольскими. Описанные в средневековых письменных источниках погребальные обычаи средневековых монголов, а также раскопки монгольских захоронений в городских некрополях Тувы XIII–XIV вв. во многом разнятся с теми результатами, которые мы имеем при раскопках захоронений саянтийского типа.

К достоверно монгольским средневековым могильникам мы можем отнести лишь несколько памятников. Надо подчеркнуть, что имеются в виду именно средневековые монголы, которые приняли это имя, так как в древности монголоязычные народы, относимые к группе дунху, назывались по-разному (хори, сяньби, ухуани, кидани) и у них были разные погребальные традиции. Перечислим раскопанные монгольские погребения. Четыре могилы исследованы С. В. Киселевым на некрополе Хирхиринского городища. Хорошо сохранилось лишь одно захоронение мальчика в гробу, окованном железными полосами. С. В. Киселев подчеркивает, что монголы оковывали железом только гробы высокой знати (1965а. С. 57). Следует отметить, что при раскопках П. Б. Коноваловым царского хуннского кургана в Ильмовой пади была выявлена традиция обивки гроба золотыми полосками фольги.

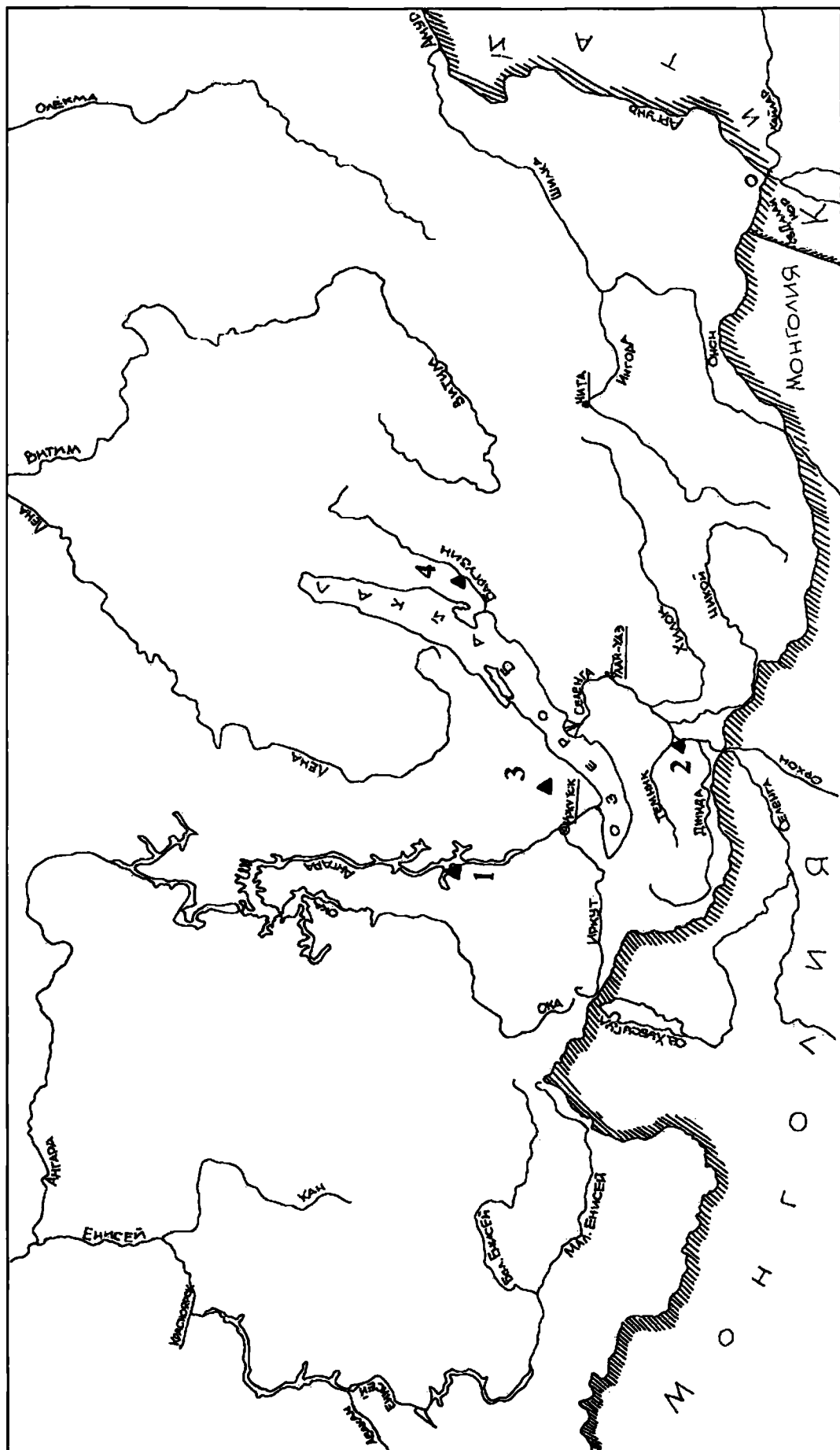


Рис. 37. Среднеазиатские фактории в Юго-Восточной Сибири: 1 — Унгинская, 2 — Темник, 3 — Шохтой, 4 — Баргузин. Составил автор

Возле двух монгольских городов (Ден-Терек и Оймак) в Туве обнаружены кладбища с каменными статуями монгольских чиновников и изваяния львов и баранов, где раскопана грунтовая могила с небольшим подбоем, в котором находился деревянный гроб (Кызласов, 1969. С. 160). Вспомним, что о грунтовых могилах монголов писали многие средневековые авторы. Интересно, что в «Цааджин бичиг», своде маньчжурских актов XVII в. для монголов, где, как и в любом юридическом документе, часть статей имеет древнее происхождение, написано: «Если кто-то пожелает соорудить усопшему обо (могильный курган), то пусть сооружает. Если кто-то пожелает хоронить умершего по монгольскому обычаю, то пусть это делает каждый по своему усмотрению» (1998. С. 74). Тут видно явное противопоставление курганной традиции родной монгольской; что скрывается за словами «хоронить умершего по монгольскому обычаю», не раскрыто, но не исключено, что это грунтовая могила без надмогильной конструкции.

Рассмотренные нами погребения саянтуйской культуры не имеют в своих основных характеристиках восточноазиатских корней. Это позволяет говорить о ее немонгольском происхождении. Необходимо более детальное исследование происхождения погребальных обрядов саянтуйской культуры.

Археология кочевого населения. Начнем исследование с изучения погребального обряда. Обряд саянтуйских захоронений во многом однообразен, в частности, это касается формы насыпи, ориентировки и позы умершего. Отличия наблюдаются во внутримогильной домовине — колоды, гробы из бересты и дерева, просто ямы. Поэтому систематизируем саянтуйские погребения по внутримогильным конструкциям.

Захоронения в колоде. Погребения в колоде находятся под каменными кладками. Всего известно 12 могильников, на которых раскопано 26 погребений. Из них на 10 могильниках раскопано по одному-трем захоронениям, а на памятниках Зарубино и Тапхар IV количество могил варьирует от пяти до семи погребений.

Преобладают кладки овальной формы. Кладка вытянута по ориентировке могильной ямы. Под одной насыпью были расчищены угли. Встречаются кладки и круглой формы. Насыпи на этих могилах чаще всего больше размерами, чем на могилах овального типа. Форма ямы отмечена на трех погребениях, и везде она овальная. Глубина могильной ямы до 1 м.

Умершие находились в долбленной деревянной колоде. Погребенные лежат на спине, руки вытянуты вдоль тела или сложены на животе. В редких случаях правая или левая рука согнута и кисть покоится на животе. Отмечено по одному случаю, когда положение тела вытянуто на животе лицом вниз; умерший лежит на спине, ноги согнуты и завалены направо; погребенный находится вытянуто на левом боку. На северо-восток направлены головой четыре могилы, на север — семь, на запад — две могилы, на северо-запад и северо-восток-восток — по одной могиле.

Большинство погребений взрослые (10 могил), из них четыре погребения мужские и две могилы женские. В колодах также производились детские захоронения (четыре могилы).

Кости животных найдены в 12 могилах, во всех случаях это были кости овцы. В 10 могилах находилась нога барана, чаще всего установленная вертикально. В погребении Тапхар I, 4 расчищено две ноги барана. Нога барана была расположена в большинстве своем у изголовья, хотя имелись случаи установки ее у груди (одна могила), у таза (три могилы) и в ногах (одна могила).

Наиболее известный могильник, где были выявлены захоронения в колоде, — Зарубино. Здесь в пяти могилах из семи раскопанных умершие обнаружены в колодах.

Хронология памятника определялась Г. Ф. Дебецем исходя из общих соображений: хорошая сохранность гробов и костей; плоские типы наконечников стрел; железные ножи. Все это, по мнению исследователя, могло относиться к началу II тысячелетия н. э. (1926. С. 14). А. П. Окладников поддержал мнение Г. Ф. Дебеца и более точно обозначил

время зарубинских захоронений в колодах XI–XII вв. При этом он опирался на материалы Сэгенутского комплекса и считал, что эти находки намного грубее и проще, а значит, и древнее, чем в богатых захоронениях в колодах, исследованных Б. Э. Петри в Тунке, которые принадлежали монголам уже монгольской империи (Окладников, 1958а. С. 205). Следовательно, бедность инвентарем зарубинских погребений повлияла на мнение ученого о времени сооружения этих могил.

Разумеется, эти подходы, когда только начиналось осмысление археологических памятников и стояла задача отделить материалы I тысячелетия от комплексов II тысячелетия, были шагом вперед. Сейчас возможно было бы более обоснованно высказать мнение о хронологии погребений в колоде могильника Зарубино, но, к сожалению, в своей очень краткой публикации Г. Ф. Дебец не привел рисунков вещей и каких-либо планов и чертежей. Мы имеем очень сжатое изложение раскопок по комплексам и краткий вывод. Находки описаны без детализации, в частности наконечники стрел, о которых уточняется, что они плоские, ничего не говорится о форме кресала. Все эти важные для определения времени памятника данные отсутствуют, и сами находки пока не обнаружены в коллекциях музеев.

Итак, говорить о точной хронологии памятника Зарубино, а именно XI–XII вв., у нас нет достаточных оснований. В этом случае необходимо обратиться к результатам изучения погребального обряда. В Забайкалье колоды получают распространение в эпоху развитого и позднего средневековья, хотя единичные случаи могил с колодами известны в более ранних комплексах. Одна колода раскопана на хуннском Иволгинском могильнике II–I вв. до н. э. (Давыдова, 1996. С. 12, 31). Среди курумчинских погребений VI–VII вв. (Тапхар VI, 19) отмечен единственный случай погребения в колоде, еще одно погребение известно в курумчинском могильнике Бодон I (VIII–IX вв.).

Одним словом, в I тысячелетии погребения в колоде не характерны для Юго-Восточной Сибири. Они получают распространение в первой половине II тысячелетия, а более поздние захоронения в колодах идут уже в памятниках XVI–XVII вв. Поэтому материалы зарубинских погребений могут иметь достаточно широкий хронологический диапазон.

Значительное количество могил с колодами исследовано Е. А. Хамзиной на сопке Тапхар. Общая задача, поставленная ей, – отделить комплексы XI–XII вв. от захоронений XIII–XIV вв., становилась насущной после изучения исследователем большого количества новых погребений первой половины II тысячелетия. Автор вполне правомерно попыталась отделить ранние и поздние захоронения, тем более что материала было достаточно для решения этих вопросов.

К X–XII вв. Е. А. Хамзина относит могильник Тапхар VI, подчеркивая, что «керамика и наконечники стрел характерны для могил кудыргинского типа позднего периода, которые датируются А. А. Гавриловой X–XII веком» (1970. С. 121). В известной работе А. А. Гавриловой «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен» (1965) нет материалов X–XII вв., тогда еще предмонгольские комплексы не были выделены в сибирской археологии. Можно было бы подумать, что это опечатка, так как на указанной Е. А. Хамзиной странице в цитируемом труде (с. 105) говорится о комплексах XIII–XIV вв. часовенногорского типа. Дальнейший текст Е. А. Хамзиной позволяет понять, что автор относит Тапхар VI все-таки к X–XII вв., причем к этому же времени относятся погребения Тункинского могильника (1970. С. 121, 122). Е. А. Хамзина не соглашается с датой, данной этому памятнику А. П. Окладниковым (XII–XIV вв.), а считает, что он ближе к Сэгенутскому комплексу XI–XII вв. (по нашему мнению, дата Сэгенутского могильника XVI–XVII вв. – Б. Д.). Положение покойника в колоде на спине с вытянутыми ногами, наличие могил с жертвенными баранами – все это сближает могильники Тункинский и Тапхар VI. Кроме того, как замечает она, «Тункинский могильник близок к последнему и антропологически» (1970. С. 121).

К материалам Тункинского могильника мы скоро обратимся, но предварительно рассмотрим хронологию памятника Тапхар VI. Надо сказать, что на этом памятнике выделяется погребение 19, оно по времени уходит в I тысячелетие и относится к VI–VII вв. н. э. На это обратили внимание авторы коллективной монографии «Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья» (Асеев и др., 1984). Они писали: «Е. А. Хамзина напрасно включила данное погребение в группу поздних памятников, датируемых ею X–XII вв.» (Там же. С. 119). Остальные захоронения могильника Тапхар VI хорошо укладываются в рамки XIII–XIV вв.

К XII–XIII вв. Е. А. Хамзина относила могильник Тапхар I. Здесь в погребениях 1 и 4 имеются более ранние находки, например, бронзовая бляшка с прямоугольными прорезами или же четырехгранная в сечении с притупленным концом стрела, как указано в описании, но на рисунке изображена стрела с острым концом. Тем не менее все эти находки не могут выйти за рамки XII в. Аналогичные стрелы известны в комплексах X–XI вв. амурских чжурчжэней (Медведев, 1977. Табл. XLV, 1–15), встречаются близкие им типы и среди стрел древнехакасских курганов XI–XII вв. в Туве (Кызласов, 1969. Рис. 45, 1). Бронзовые бляшки с прорезами получили распространение в IX–X вв. Следовательно, мы можем предполагать дату погребений Тапхар I, 1 и 4 в рамках конца X–XII вв.

К этому же времени относится погребение Саянтуй II, исследованное Г. П. Сосновским, где колода находилась в имитации подбоя. Материалы опубликованы Н. В. Именоховым и П. Б. Коноваловым (1985). Здесь найдено стремя с прямой уплощенной дужкой, в большинстве своем подобные стремяна не получили распространение во II тысячелетии. Эту хронологию подтверждают трехлопастные стрелы IX–X вв. С другой стороны, в погребении найдены плоские стрелы типа томаров и крылатые, которые уже характерны для XIII–XIV вв. Костяная накладка лука отличается от получивших распространение в XIII–XVI вв. накладок с лопаточкообразными расширенными концами. Здесь концы прямые. Все это позволяет датировать погребение X–XII вв. н. э.

Более поздним временем (XIII–XIV вв.) датируется погребение Тапхар I, 6. Стрелы этого типа, как верно отметила Е. А. Хамзина, найдены С. В. Киселевым в Каракоруме и были широко распространены именно в XIII–XIV вв. (1970. С. 106).

Большая часть погребений в колоде относится к XIII–XIV вв. На это указывают материалы погребений Чиндант I, 4 и 6; Анга III, 6; Варварина гора 8; Тапхар IV, 4; Бодон II, 6.

Захоронения в ямах исследованы на 17 могильниках, всего раскопано 37 погребений. На 14 памятниках находится по одному-трем погребениям, а на могильниках Варварина гора, Кибалино и Будун отмечено от четырех до шести захоронений.

Основным типом надмогильной конструкции являются каменные насыпи овальной формы. Высота насыпи колеблется от 20 до 50 см. При расчистке насыпи в могиле Варварина гора 7 обнаружены кости лошади и нога барана, а в кладке погребения Хапсагай I найдены железные щипцы, в двух насыпях расчищены фрагменты керамики. В насыпи погребения Субуктуй встречены кости лошади.

Могильные ямы овальной формы длиной 120–190 см и шириной 40–60 см. Глубина ямы 40–97 см. Детские погребения имеют небольшие ямы. Могильная яма погребения Тапхар IV, 6 отличалась от всех остальных захоронений очень большими размерами. Длина ямы равнялась 250 см при ширине 60 см, а глубина могилы была 165 см. Такие глубокие могилы в целом не характерны для погребений саянтуйской культуры. Достаточно часто в заполнении ямы (11 погребений) расчищались остатки угля и золы от поминального огня, в одной яме, кроме того, найден позвонок барана. В шести случаях могильная яма дополнительно перекрывалась каменной кладкой. Дно ям обычно ровное. В могиле Черенхын II, 3 дно ямы обмазано глиной, а в погребении Тапхар IV, 6 возле головы лежал плоский камень.

Погребенные лежат на спине, руки в 13 могилах вытянуты вдоль тела, в четырех могилах согнуты и кисти покоятся на тазе. Отмечено по одному случаю, когда рука согнута, а вторая вытянута вдоль тела. В могиле Тапхар IV, 6 умерший лежит на левом боку вытянуто. В погребении Тапхар IV, 3 умерший также находится на левом боку, но у него согнуты правая рука и нога, а левая рука и нога вытянуты.

Преобладающая часть погребений (17) взрослые. Пол определен в семи случаях, из них четыре могилы женские, остальные три захоронения мужские. В восьми ямных погребениях похоронены дети.

В 18 могилах найдены кости животных, во всех случаях это кости овцы, кроме того, в двух погребениях еще находились кости лошади. В 16 могилах обнаружена нога барана, а в погребении Варварина гора 7 было две ноги барана. В четырех захоронениях ноги барана сопровождалась позвонками, а в двух могилах находились только позвонки. Нога барана чаще всего (13 погребений) устанавливалась возле изголовья, в двух могилах она находилась у груди и в одной могиле в ногах умершего.

Среди саянских захоронений в ямах достаточно хорошо выделяются погребения конца X–XII и XIII–XIV вв. К ранним комплексам относятся захоронения могильника Черная, исследованного нами. Этим же временем датируются погребения Тапхар IV, 3, Кифалино 4 и Оловянная II, 1. Определяют хронологию узкие стрелы с поджатием, серьги в виде спирали и кольцевидные. Весь этот комплекс характерен для XI–XII вв. Погребения XIII–XIV вв. исследованы в Приольхонье (Черенхын II), в Кудинской долине (Хапсагай 1), в Западном Забайкалье (Варварина гора 2).

Погребения в подбое раскопаны на семи могильниках. Всего известно восемь могил. Исследованные памятники расположены в долине реки Селенги и ее притоков. Данный тип погребений присущ южным регионам Забайкалья. Погребения входят в состав средневековых могильников, как правило, единичными курганами, но на могильнике Сухой Ключ нами было раскопано две могилы с подбоем. Все известные могилы курганного типа.

Кладка круглой формы диаметром 290–550 см. Преобладают конструкции диаметром более 400 см. Высота насыпи от 30 до 70 см. Имеется одна насыпь овальной формы размерами 200×300 см. Мощность кладки 50 см.

В шести погребениях могильные ямы прямоугольной формы длиной 160–190 см и шириной 48–80 см. Глубина ямы от 90 до 140 см, преобладают ямы глубже 100 см. В трех могилах ямы были перекрыты дополнительным перекрытием из камней.

Захоронение производилось в подбое, который выкапывался чаще всего в северной стенке (шесть могил) и лишь в одном случае с западной стороны. Яма за счет подбоя значительно расширялась, и ее ширина становилась более 1 м. В погребениях Сухой Ключ 2, 3 и Малый Омбон дно ямы и подбоя находятся на одном уровне, а в могиле Подчерная 4 подбой углублен более чем на 30 см. Особенностью этой могилы является то, что здесь подбой был закрыт большими плитами камня, которые одним концом устанавливались на приступочке могильной ямы, а верхние края плит доходили почти до начала могильной ямы. Эти плиты-перегородки перекрывали всю яму с погребенным.

Умершие лежат вытянуто на спине, руки находятся вдоль туловища в двух могилах, в одном погребении согнута правая рука и кисть покоится на тазе, а в двух могилах обе руки согнуты и лежат кистями на животе. В могиле Подчерная костяк лежит с некоторым разворотом направо. В двух случаях умершие лежат на спине с подогнутыми в коленях ногами.

На северо-восток ориентированы три могилы, по одной могиле направлены головой на северо-восток-восток и на северо-северо-восток. На восток ориентировано два погребения.

Семь захоронений взрослые, пол антропологами не определен.

Во всех захоронениях обнаружена вертикально стоящая нога барана, причем она всегда находится в изголовье. В шести могилах нога устанавливалась с левой стороны

черепа. Лишь в захоронении Баин-Улан II она находилась на специально сооруженной земляной приступочке.

Вопросы хронологии погребений с подбоем решались Н. В. Именоховым и П. Б. Коноваловым. Авторы дали общую дату, определив ее концом I — началом II тысячелетия н. э. (1985. С. 82). Имеющийся материал позволяет уточнить хронологию опубликованных комплексов. К наиболее ранним захоронениям следует отнести могилу Подчерная 4. Здесь найдена трехлопастная ромбическая стрела, характерная для второй половины I тысячелетия, и долотовидные стрелы, получившие распространение в дальневосточных памятниках XI—XII вв. Стремена также характерны для X—XII вв. Накладка лука не имеет лопаточкообразных расширений. Надо сказать, что в соседней могиле 2, где был аналогичный инвентарь (стрелы, накладка лука), найдены еще и бронзовые поясные бляшки, вещи, типичные для I тысячелетия. То есть это погребение относится к XI—XII вв. Не исключено, что к этим ранним могилам близки могилы памятника Сухой Ключ 2, 3. Здесь не было найдено вещей, позволяющих датировать комплексы. Лишь наличие железных подвесок (аналогичные имеются в Подчерной 4, которые не характерны для XIII—XIV вв.) позволяет отнести эти могилы к XI—XII вв. Временем XI—XII вв. было датировано захоронение в Малом Амбоне, исследованное А. Д. Цыбиктаровым (Кызласов, Ивашина, 1989. С. 48). Инвентарь из той могилы сопоставим с предметами из погребения Подчерная 4.

Уже к XIII—XIV вв. относится могила Дэрестуй I. Хотя стрелы сохранились очень плохо, весь набор колчана характерен именно для XIII—XIV вв. Это крылатые широкие и секторные, а также укороченно-ромбические стрелы, но последний тип встречается и в более ранних памятниках.

Таким образом, небольшой материал позволяет достаточно отчетливо выявить могилы с подбоем, относящиеся к XI—XII вв., и могилы более поздние уже XIII—XIV вв. Большая часть могил связана с ранним периодом. Возможно, это не случайность и обряд захоронения с подбоем для Западного Забайкалья был характерен для конца I — начала II тысячелетия н. э.

Далее рассмотрим погребения, в которых умерший был положен в две погребальные домовины: например, в берестяной чехол и каменный ящик или в деревянную колоду, дополнительно обернутую берестой. Варианты совмещения погребальных конструкций были различны.

Погребения с двойными домовинами исследованы на девяти могильниках. Всего раскопано 16 могил. Могилы единичные или составляют небольшие группы до четырех погребений.

Все погребения с двойными камерами находились под каменными кладками. Преобладали кладки овальной формы длиной 250–620 см и шириной 150–540 см. Мощность кладки составляла 20–30 см. При расчистке насыпи могилы Саянтуй 11 были найдены кости животных. В трех погребениях надмогильная насыпь круглой формы диаметром 170–230 см. Высота насыпи 20–30 см. У двух могил кладка прямоугольной формы длиной 254 и 260 см и шириной 140 и 240 см. Высота насыпи одной из могил составляла 40 см.

Могильные ямы прямоугольной и овальной формы, в трех случаях яма перекрывалась дополнительной кладкой из камней и в одной могиле (Анга III, 4) была забутована камнем.

Три погребения находились в каменном ящике и в колоде, три погребения — в каменном ящике и в берестяном чехле. Одно захоронение было в каменном ящике с деревянным гробом. Пять погребений отмечены в колоде с берестяной домовиной. Одна могила представляла колоду в подбое. В двух захоронениях деревянный гроб был с берестяной домовиной. В могиле Тапхар I, 3 деревянный гроб обернут большими полотнами бересты, а в погребении Анга III, 4 костяк, завернутый в материю, помещался в берестяную сшитую домовину, которая находилась между двумя продольными досками гроба-рамы.

В 10 погребениях захоронение производилось вытянуто на спине, руки в одном случае вытянуты вдоль тела, по одной могиле в положении, когда согнута левая или правая рука, а кисти покоятся на тазе. В четырех захоронениях обе руки согнуты и кисти на тазовых костях. Умерший в могиле Тапхар I, 1 лежит вытянуто на животе с руками вдоль тела. В одной могиле костяк лежит на спине, ноги согнуты и завалены направо, правая рука согнута и кисть покоится на тазе. В одном случае умерший находится вытянуто на левом боку.

На восток ориентировано три погребения, на северо-восток — три погребения, на юго-восток — два погребения и на север направлены головой две могилы.

Взрослыми являются шесть захоронений, два из них женские и одно мужское, у остальных пол не определен. Три могилы детские.

В восьми могилах найдены кости животных, в основном это кости барана. В погребении Анга I, 4 обнаружено две ноги барана. Ноги барана находились у изголовья — в двух могилах; у ног — в трех погребениях; у груди — одна могила. Кроме ног барана, в могиле Саянтуй II расчищены позвонки барана, а в захоронении Тапхар I, 1 — позвонки быка.

Систематизация погребений саянтуйской культуры выявила, что население этой культуры практиковало различные типы внутримогильных конструкций. Исследуем традиции, которые связаны с вновь прибывшими переселенцами и несут значительные черты степных культур.

К этнической атрибуции саянтуйской культуры (кимако-кыпчакские традиции). Новой традицией является обряд положения умершего в колоду. Для погребений в колоде характерно присутствие костей животных. Это почти всегда кости барана, причем преобладают кости задней ноги, установленные в изголовье. Иногда отмечены даже две ноги, но встречаются, правда, редко и другие кости барана. В Тункинском могильнике раскопаны захоронения целых костяков баранов в отдельной яме.

Традиция погребений в колоде в дальнейшем получает распространение у бурят в XVI–XVII вв. Колоды преобладают на могильниках Усть-Талькин и Сэгенут. В этих же памятниках встречаются погребения коней в отдельных ямах, изредка — коровы. Есть захоронение баранов и костей баранов (ног и позвонков).

Погребения с конями большинством исследователей связываются с тюрками. Их достаточно много исследовано на Алтае и в Туве (Нестеров, 1990. С. 79). Погребения с бараном раскопаны в Туве, Минусинской котловине и на Алтае. По мнению А. Д. Грача, бараны в погребениях заменяют лошадей (1960. С. 71). К этим же выводам пришла В. П. Дьяконова. Изучив погребальный обряд тувинцев XVII–XIX вв., она отметила, что дети до определенного возраста не имели в своей личной собственности лошадей, тогда как овец и баранов им дарили очень рано. Поэтому в детских погребениях тувинцев умершим детям клали баранов, а не лошадей (1975. С. 156, 157). В нашем случае мы не можем уточнить взаимосвязь детских могил с захоронениями баранов, так как данные о Тункинском могильнике ограничены несколькими фотографиями и самой общей информацией, а по Тапхарскому могильнику мы не располагаем планом.

Наличие костей типично кочевнических животных в захоронениях саянтуйской культуры позволяет предполагать, что погребения в колоде могли быть связаны с распространением населения с преобладанием кочевых традиций. Чаще всего в кочевой среде могли возникнуть культы, связанные с такими степными животными, как овца и лошадь. По данным археологии, захоронения с этими животными в Южной Сибири и Монголии оставлены тюркоязычным населением. Есть большая вероятность, что традиции погребений в колоде с баранами и конями в Прибайкалье и Забайкалье принесли тюркоязычные кочевники, которые вступили в активный контакт с местными монгольскими и, возможно, самодийскими этническими группами (Дашибалов, 2001).

Исследуем основной признак, который, по мнению Н. В. Именохоева и П. Б. Коновалова, позволяет выделить раннемонгольскую (саянтуйскую. — Б. Д.) культуру, — нахождение в могиле ноги барана. Данная черта характерна для погребений II тысячелетия н. э. Ноги барана находятся как в могилах саянтуйской культуры, так и в разных погребальных типах бурятских захоронений XVI–XVII вв. Е. В. Ковычевым и С. В. Даниловым было высказано мнение, что положение в могилу именно ноги барана не случайно и что данная кость является вместилищем души умершего (Ковычев, 1984; Данилов, 1985). Н. В. Именохоев, отмечая сакральное значение этого действия, подчеркнул, что «нельзя отрицать и меркантильную сторону данного ритуала, вероятность положения бедренной части ноги барана в качестве хорошего куска мяса — заупокойной пищи» (1992. С. 35). Соглашаясь с исследователем, что ногу барана можно рассматривать как напутственную пищу, отметим, что в могилах находится все-таки не бедренная кость, а берцовая, на которой мяса практически нет.

Выясняется, что положение в могилу ноги барана свойственно многим кочевым культурам средневековой эпохи в евразийских степях. Этот обряд отмечен у восточноевропейских кочевников (Плетнева, 1973. С. 89; 1990. С. 23). Кыпчакские захоронения в Средней Азии сопровождаются ногами барана (Заднепровский, 1975). За последнее время киргизскими археологами изучено несколько могильников, где берцовая кость барана находится в тюркских захоронениях с конем, а также и в более поздних могилах XI–XII вв. без коней (Табалдиев, Солтобасев, 1992).

Изучение традиции положения с умершим ноги барана показывает, что она имеет древние истоки в степной зоне и была широко распространена в гунно-сарматское время. По мнению О. В. Обельченко, нога овцы — мясной рацион заупокойной пищи и, как правило, кости барана находят в погребениях II в. до н. э. — I в. н. э. В соответствии с сарматским погребальным ритуалом в могилу чаще всего клали переднюю ногу овцы. Обычай класть в могилу заупокойную пищу связан, с одной стороны, с желанием обеспечить покойника всем необходимым на том свете, с другой — желанием умиловить его, оказать ему внимание и уважение. Данный обычай практиковали сарматы Поднепровья и Крыма, юечжи Средней Азии, кочевники Бактрии (Обельченко, 1992. С. 125, 126).

В Южной Сибири нога барана встречается в погребениях шурмакской культуры Тувы. в частности на могильнике Кокэль. Этот факт позволил Н. В. Именохоеву говорить о западных истоках монгольских погребений (1993. С. 51).

Очевидно, по такому признаку, как положение в могилу ноги барана, нельзя выделять археологическую культуру. Эта традиция является отличительной чертой большого количества степных культур, имеющих в основном тюрко-иранские корни.

Рассмотрим еще одну традицию, появившуюся в Юго-Восточной Сибири в первой половине II тысячелетия н. э. Это обычай установки в надмогильной насыпи вертикально стоящего камня. Этот камень не так часто встречается, но характерен для большинства типов выделенных нами могил саянтуйской культуры — ямные захоронения, погребения в колоде и подбои.

Даже во время разведки обнаружение этого вертикально стоящего камня на кургане позволяет без раскопок относить памятник к захоронениям саянтуйского типа. Камень устанавливался или в центре кладки, или в северо-восточной части, то есть там, где находилась голова умершего, можно говорить, что он ставился в изголовье. Камень не обрабатывался, это естественные рваные плиты гнейса вытянутых удлиненных форм. Меньшая часть камня углублялась в насыпь и заставлялась со всех сторон плитами так, чтобы камень не шатался и не упал, а длинная сторона, даже при сильной задернованности кургана, все равно была видна на поверхности.

В исторической литературе такая традиция отмечена в китайской летописи «Бэй ши». повествующей о тюрках. В ней говорится, что после похорон тюрки устанавливают на

могиле каменный столб (по Кызласову, 1964а. С. 28). В. А. Грач в Туве раскопал два погребения — Хемчик-Бом, VI, 3 и 4, и в обеих насыпях в центре установлена четырехгранная стела (1975).

Традиция установки столба в голове погребенного сохранилась у тюркоязычных народов Южной Сибири (тувинцы, различные группы хакасов: койбалы, бельтиры, качинцы) до XVIII—XIX вв. (Худяков, 1993а. С. 159—160). Л. Р. Кызласовым при раскопках могил поздних кочевников Казахстана выявлен обычай, который выражался в обязательно торчком установленной плите, врываемой в северо-западном конце казахских могил, обложенных камнями. Причем на плите изображается тамга, указывающая родовую принадлежность умершего. По мнению ученого, эта стела восходит к древнетюркскому обычаю установки у кургана каменного изваяния (Кызласов, 1951. С. 62). Казахским исследователем С. Е. Ажигали вертикальные стелы на поздних казахских захоронениях семантически связываются с ритуальными коновязями и оленными камнями, установленными для высшего солярного божества (2002. С. 419—425).

Летом 1992 г. Байкальской археологической экспедицией проводились раскопки на юге Бурятии, недалеко от села Усть-Кяхта. На одном из отрогов горы Черной исследовано три кургана саян-туйской культуры. Совершенно новой традицией, ранее не известной для нашего региона, стала находка каменной стелы, установленной возле одного из захоронений (рис. 38).

После полной зачистки камня стало ясно, что мы имеем дело с примитивно обработанной, но вполне узнаваемой антропоморфной «скульптурой». Первоначально она, очевидно, стояла вертикально, а уже потом упала или ее уронили — сказать трудно. Чуть в стороне расчищено несколько камней, где две большие плиты лежали с зазором, куда могло бы войти основание изваяния. Вполне возможно, что это и есть камни крепиды.

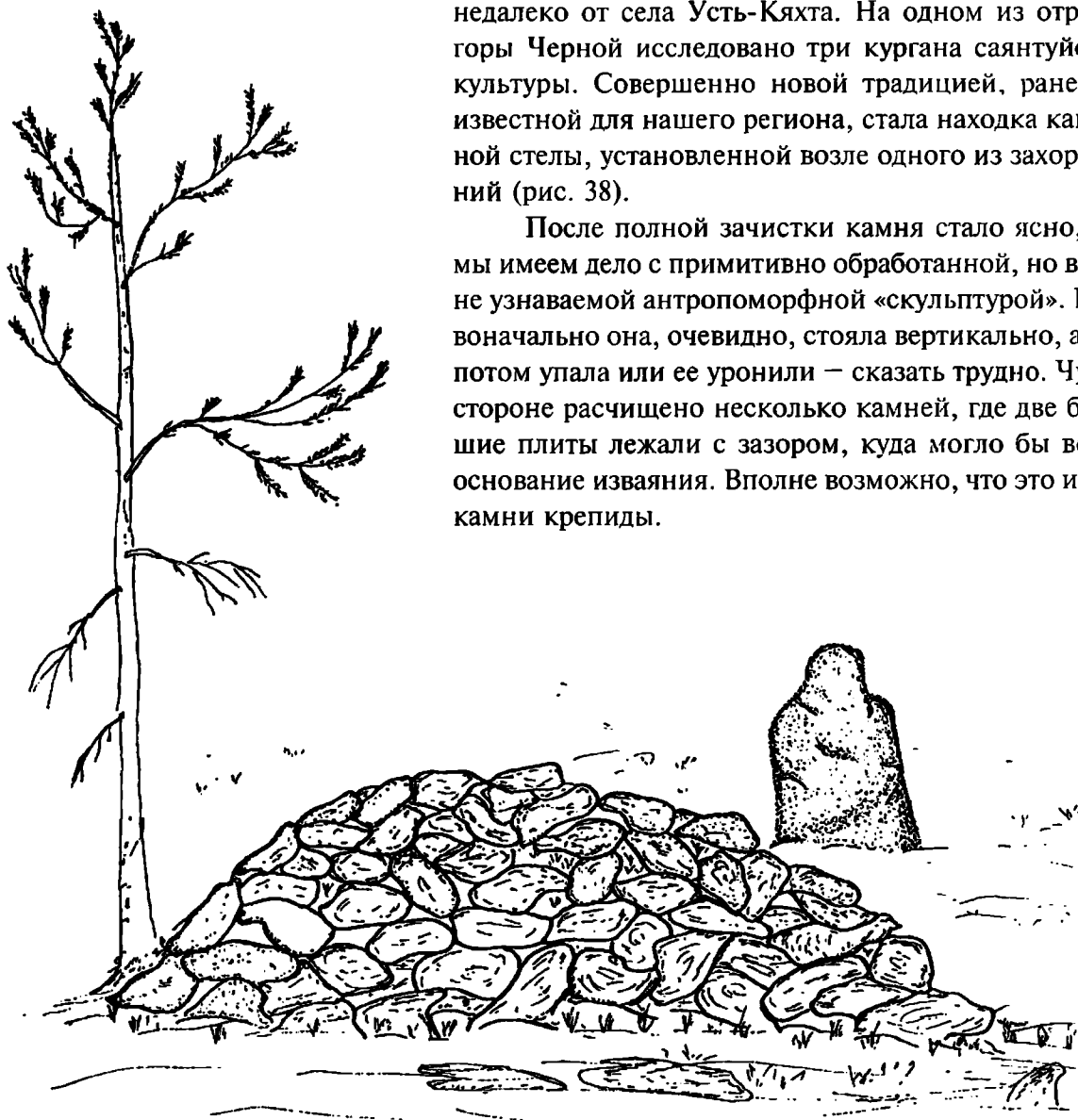


Рис. 38. Антропоморфный камень на юге Бурятии (по автору)

Изваяние выполнено из мощной плиты гнейса прямоугольной формы длиной 105, шириной 50 и толщиной 18 см. Средневековый мастер отколол камень и обозначил плечи и голову скульптуры. На то, что плита является изваянием, указывает и расположение ее с восточной стороны кургана. Именно на этой стороне устанавливались тюркские и кимакские статуи (Могильников, 1981а. С. 44).

В раннем средневековье традиция установки каменной скульптуры характерна для тюрков Южной Сибири, Центральной и Западной Монголии, а позднее она продолжается у кимако-кыпчаков и половцев (Чариков, 1980). Восточной Сибири каменные изваяния не присущи, хотя позднее у якутов в память умершего вырезали из дерева человеческое изображение и ставили ему куски пищи и мазали рот маслом (Приклонский, 1890. С. 169). Отмечены у якутов случаи установки на могилах *баалбаах* — человеческих истуканов из навоза (Антонов, 1971. С. 159). Интересна попытка сопоставления стилистики якутских женских фигурок из кости с иконографией половецких «баб» юга России (Якунина, 1960).

Материал показывает, что традиции установки вертикального камня на насыпи и положения в могилу ноги барана, а также единичные случаи находок антропоморфных каменных стел можно увязать между собой, и эти обычаи уходят корнями в мир кочевников ирано-тюркского происхождения, не исключено, что они оставлены кимако-кыпчаками.

В средневековой монгольской традиции известны каменные изваяния людей, эти скульптуры в основном изучены на востоке Монголии и имеют свои особенности, отличающие их от древнетюркских памятников (рис. 39, 40) (Баяр, 1995).

Погребения с подбоями расположены в Забайкалье и в основном концентрируются по долине реки Селенги и ее притоков. В ранних памятниках могилы с подбоями не отмечены. В VIII—X вв. в подбоях и катакомбах погребали своих мертвых различные тюркоязычные племена, сохранившие обряд погребения человека с конем (человек в подбое или катакомбе, а лошадь во входной яме) и жившие в Хакасии, Восточном Казахстане и на Тянь-Шане.

Катакомбы VIII—X вв. с захоронениями останков людей без лошадей встречаются в степной зоне Евразии от юга Европейской России до Тянь-Шаня.

Ближайшие территориально и хронологически могилы с подбоями исследованы в Туве. Территория распространения захоронений с подбоем — долина реки Селенги, то есть та река, на которой в раннем средневековье жили наиболее известные в истории селенгинские уйгуры. На Орхоне находилась столица уйгуров, на реке Селенге в 758 г. была установлена стела в честь уйгурского кагана Моюн-чура, при нем уйгуры достигли наибольшего могущества. На юге Западного Забайкалья отмечено больше всего находок уйгурской керамики, но, к сожалению, вся эта керамика происходит из подъемных сборов.

Погребения с подбоями саянтойской культуры относятся уже к II тысячелетию н. э., нельзя исключать того, что они могли быть связаны с традициями селенгинских уйгуров, сохранившимися у местного населения.

Рассмотрев работы первых авторов (Ю. Д. Талько-Грынцевича, Г. Ф. Дебеца и Г. П. Сосновского), пытавшихся связывать исследованные ими археологические памятники с монголами, можно сделать следующее заключение.

Ю. Д. Талько-Грынцевич опирался на антропологические данные — монголоидность черепов, что само по себе верно, но явно недостаточно для того, чтобы сопоставлять исследованные им памятники только с монголами. Монгольская раса представлена большим количеством разноразличных народов, только в Восточной Сибири это буряты, якуты, эвенки.

Г. Ф. Дебес и Г. П. Сосновский выявили целый пласт погребений начала II тысячелетия н. э., которые имели кочевнические черты: отсутствие керамики, наличие костей барана. На этом основании они отнесли раскопанные могилы к первым монгольским переселенцам. Исследователи выходили из общего предположения, что ранее в крае жили тюрки, которые на рубеже I—II тысячелетия сменились пришлыми степняками-монголами.

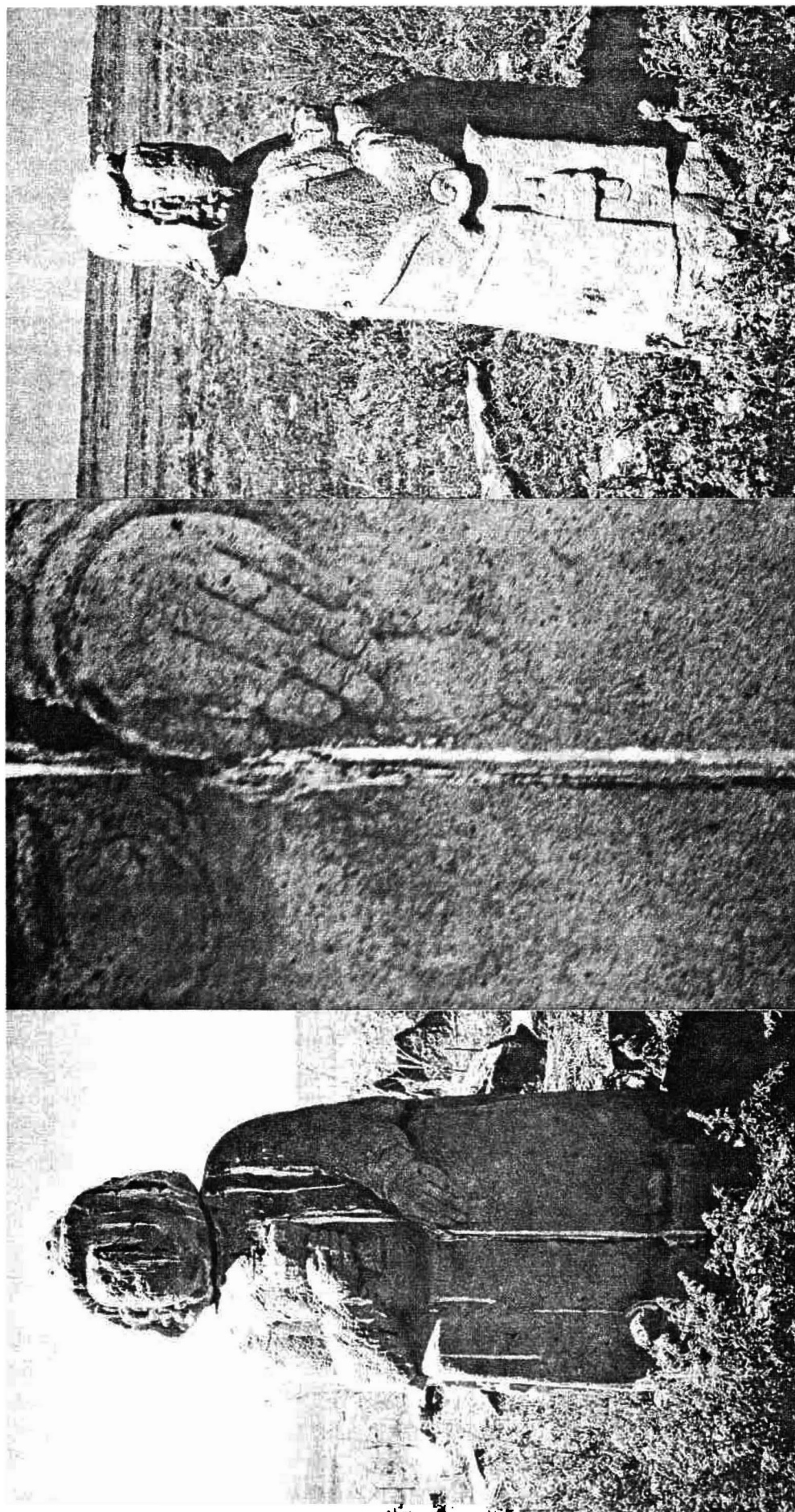


Рис. 39. Восточная Монголия, Монгольская скульптура XIII—XIV вв. Фото автора

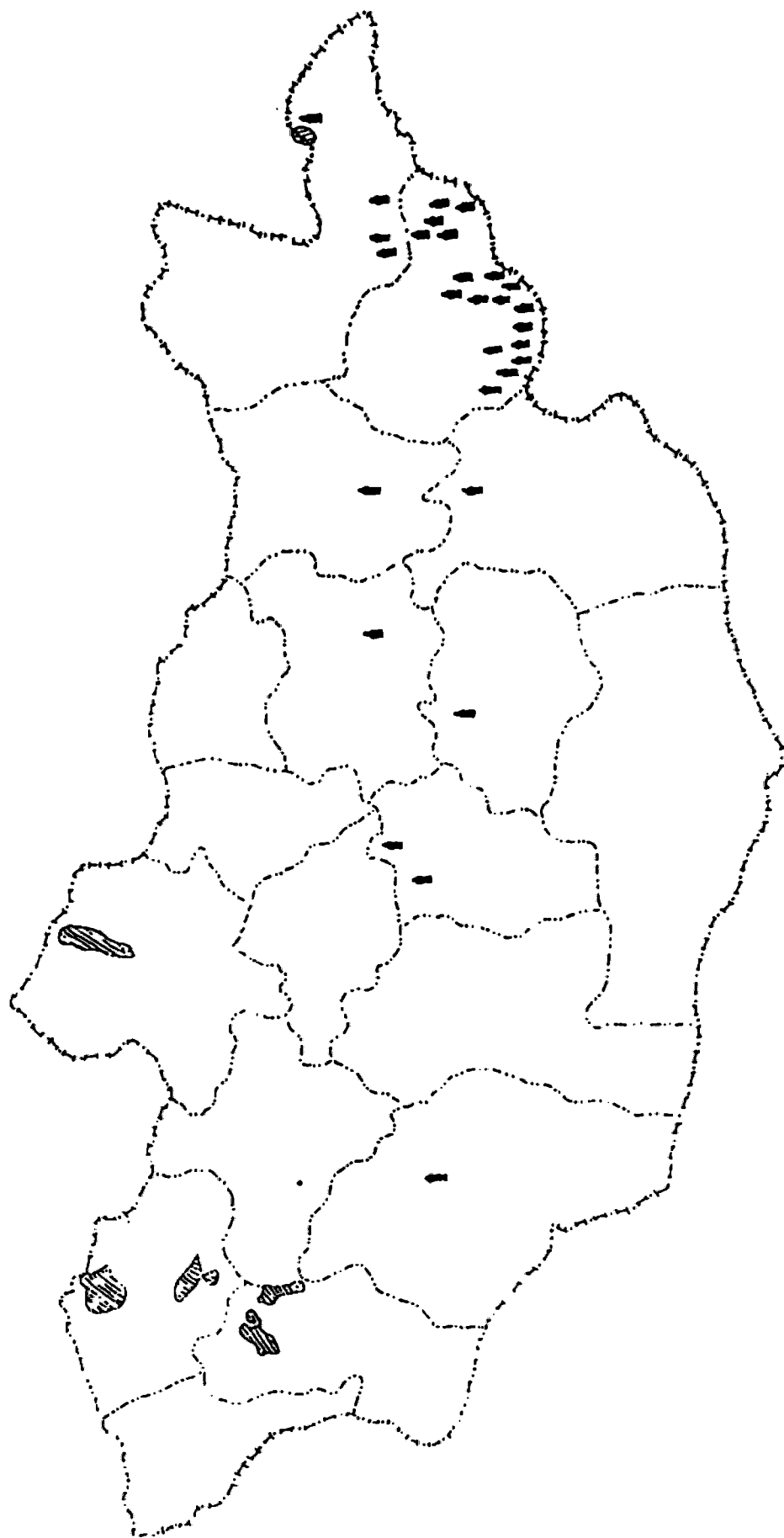


Рис. 40. Карта распространения средневековых монгольских изваяний (по Д. Баяру)

Попытку обосновать эту гипотезу археологическим материалом предпринял А. П. Окладников. В известной статье «Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье» ученый, привлекая результаты своих раскопок погребений возле Сэгенутского улуса и изучения наскальных рисунков, наполняет уже существующую теорию конкретным материалом (1958а).

Сэгенутский могильник — это памятник XVI–XVII вв. (Дашибалов, 2003б), то есть уже по времени он не может быть связан с первыми монголами. Материалы этого могильника в какой-то мере проясняют вопросы сложения одной из основных групп западных бурят — булагатов. Здесь было раскопано погребение коня в отдельной яме, а также найдены кости ног барана, что указывает на степные корни этих обрядов. Наличие же круглодонной керамики свидетельствует о лесных традициях в культуре населения, оставившего Сэгенутский могильник.

А. П. Окладников, изучая эту керамику, отметил, что она имеет такую отличительную черту, как далеко выступающий наружу карниз на венчике. Данная черта, писал он, не присуща древним тюркским горшкам и не свойственна керамике западнее Прибайкалья, но зато она является самой характерной чертой средневековой керамики Амура и Приморья. Следовательно, это можно рассматривать как свидетельство прихода первых монгольских племен в Прибайкалье не только из Забайкалья, но и из более отдаленных областей на востоке, расположенных в бассейне Амура, — так рассуждал А. П. Окладников (1958а. С. 207).

Наблюдения о распространении налепных валиков под венчиком именно в Дальневосточном регионе ценны. Действительно, налепной валик под венчиком — специфическая черта амурской керамики. Если же мы возьмем форму сосуда, то круглодонные горшки для амурской керамики не характерны. В средневековую эпоху на Амуре почти не встречается круглодонная керамика. Пожалуй, лишь поздняя якутская керамика сочетает традиции налепного валика с круглодонностью (Гоголев, 1993. Табл. XLIX).

А. П. Окладников приводит в статье рисунок горшка из захоронения у Сэгенутского улуса (1958а. С. 203). Не исключено, что сосуд был изображен по памяти, неестественны прорисовка верхней части — суженность горла и приостренность венчика. Восточносибирским круглодонным горшкам не свойственна такая сильная профилированность горловины. Когда мы сопоставляем описание других находок и рисунков, то находим некоторое подтверждение нашим догадкам. В описании стержней удил отмечается, что они «имеют ребристую поверхность с ярко выраженным изгибом», но на рисунке стержни удил прямые (Окладников, 1958а. С. 203, 204). Вспомним, что раскопки А. П. Окладниковым были произведены в 1929 г., а статья вышла в 1958 г., то есть почти через 30 лет.

В целом материалы Сэгенутского могильника не могут служить аргументами, доказывающими появление первых монголов в Прибайкалье в XI–XII вв. н. э. из Приамурья.

После работы А. П. Окладникова общепризнанным научным фактом стало появление монголов в Прибайкалье в XI–XII вв. Почти вся научная литература по проблеме этногенеза бурят и якутов ссылается на эту статью и использует выводы автора в обосновании своих исторических построений. В своей работе я также полагал, что тюрки-курыканы и вновь пришедшие в XI–XII вв. хори-монголы создали новое политическое объединение (Дашибалов, 1995. С. 165). Тогда представлялось, что генезис монголов связан с памятниками саянтийского типа, но после изучения этих захоронений и углубленного понимания материалов курумчинской культуры стало ясным, что монгольский пласт в Юго-Восточной Сибири был уже в эпоху раннего средневековья.

Сейчас можно сказать, что Сэгенутский могильник скорее указывает на западные истоки формирования части бурятского этноса. На западные тюркские аналогии указывает и изучение погребального обряда саянтийской культуры. Поэтому нами было выдвинуто предположение о ее сложении в кимако-кыпчакской среде.

Но это совершенно не значит, что разнотническое население саянградской культуры не могло говорить на монгольском языке. Мы также не можем сказать, кем оно себя осознавало — монголами или тюрками. Время существования саянградской культуры совпадает с эпохой монгольского владычества в евразийских степях, и это не могло не сказаться на истории забайкальских кочевников. Не знаем мы и причины, по которой оно оказалось в Восточной Сибири — бежали они от кидане-монгольского движения или были высланы по указам монгольских феодалов. К сожалению, археология на эти вопросы не может ответить.

Наша главная задача заключалась в том, чтобы показать, что погребения саянградской культуры не имеют в своих основных характеристиках восточноазиатских корней, это позволяет говорить о ее немонгольском происхождении.

Важным фактом, по нашему мнению, для понимания того, что тип внутримогильной конструкции в погребениях саянградской культуры определялся причинами этнического характера, являются погребения с двумя погребальными дощечками.

Интересно проследить взаимосвязь разных типов внутримогильных конструкций. В каменном ящике известно три колоды, кроме того, в ящике найдено три берестяных пакетов, в одном случае в нем находился дощатый гроб.

Можно высказать предположение, что население, практиковавшее захоронения в каменных ящиках, вошло в состав всех вновь складывавшихся во II тысячелетии этнических групп. Традиция каменных ящиков местная и в I тысячелетии н. э. была связана с населением курумчинской культуры (хори-монголами), и они приняли участие в сложении новой саянградской культуры. Умершие в саянградской культуре лежат вытянуто на спине, но отмечены отдельные могилы со скорченными, вытянутыми на бок или согнутой в коленях одной ногой костяками. Причем выявляется, что неустойчивость позы погребенного присуща именно переходному периоду. То есть поза, характерная для ранних курумчинских захоронений (скорченно на правом боку), влияла на формирование погребального обряда населения саянградской культуры.

В пяти случаях происходит совмещение колоды и берестяного гробовища. Захоронения в колоде или обертывались дополнительно берестой, или же умершие первоначально вкладывались в берестяной пакет, а затем еще в долбленную колоду. В двух могилах берестяное гробовище вставлялось в деревянный гроб или раму.

Совмещение разных по конструкции погребальных дощечек в одной могиле и изготовленных для одного умершего хорошо иллюстрирует процесс смешения разных по происхождению этнических групп. Очевидно, в первой половине II тысячелетия н. э. на юге Восточной Сибири проживало неоднородное в этническом плане население и шли активные процессы слияния и объединения этих разных по происхождению групп в единую народность. Причем не всегда возможно отделить одни типы могил от других, то есть шли активные объединительные процессы. Все это позволяет рассматривать эти во многом близкие погребения как принадлежащие одной саянградской культуре.

Таким образом, археологические памятники Юго-Восточной Сибири первой половины II тысячелетия н. э. подтверждают выводы о том, что население саянградской культуры было неоднородно и представлено разными по происхождению группами, которые активно смешивались и в которых степной кочевнический компонент, возможно кыпчакского происхождения, играл одну из основных ролей.

4. Самодийцы в Юго-Восточной Сибири (лесной компонент)

Соседство населения степных долин с миром восточносибирской тайги не могло не оказать влияния на своеобразие археологических культур региона. Например, по Иркутской области лесистость составляет 75 % (Предбайкалье и Забайкалье, 1965. С. 256). Это по

современным данным, а в средневековую эпоху леса занимали еще большую территорию. Кто же населял необъятные таежные просторы Восточной Сибири?

Лесные культуры Юго-Восточной Сибири для эпохи раннего средневековья еще слабо изучены. Лишь за последние годы выявляются комплексы, которые можно связать с обитателями тайги. Одно захоронение происходит из таежной зоны Верхней Ангары — это погребение на берегу озера Чумбуки, а вторая могила была исследована неподалеку от села Коты, также в лесной местности на западном берегу Байкала (Савельев и др., 1996; Харинский и др., 1998). Характерной чертой этих захоронений является размещение умершего в берестяном чехле, это, несомненно, лесная традиция; в захоронении у поселка Коты найдены круглодонный сосуд и бронзовая антропоморфная фигурка (рис. 41). Поиски аналогий этим находкам уведут нас к лесным культурам Западной Сибири и Урала.

По нашему мнению, некоторые традиции в погребальной и поминальной обрядности курумчинской культуры могли быть связаны с влиянием таежных соседей. Вполне возможно, что появление берестяной подстилки в курумчинском погребении Баянгол 1 отражает именно эти контакты. Один из типов поминальных сооружений курумчинской культуры оформляется в виде конусообразного шатра. Так, первые исследователи сравнивали шатры с лесным типом жилищ — аналогичным чуму или якутской урасе. Влияние лесного комплекса ощущается и в изготовлении костяных поделок и украшений, в распространении костяных наконечников стрел. Население хойцегорской культуры взаимодействовало с таежными обитателями. На это указывает разнообразие костяных наконечников стрел и некоторые типы железных наконечников, в частности с вырезанными лезвиями и боковыми выступами (Кызласов, Ивашина, 1989. С. 43). Находки кедровых орехов в средневековых захоронениях также свидетельствуют в пользу лесных традиций.

Археология лесного населения. Гораздо большее влияние лесных племен начинает проявляться в начале II тысячелетия. Среди захоронений саянградской культуры выделяются могилы с умершими, завернутыми в берестяные пакеты.

Погребения в бересте изучены на 19 могильниках, известно 28 захоронений. Чаще всего могилы составляют небольшие группы из двух-трех погребений, но больше распространены одиночные захоронения. Преобладающая часть могил отмечена на поверхности каменными кладками, и лишь пять могил являются грунтовыми.

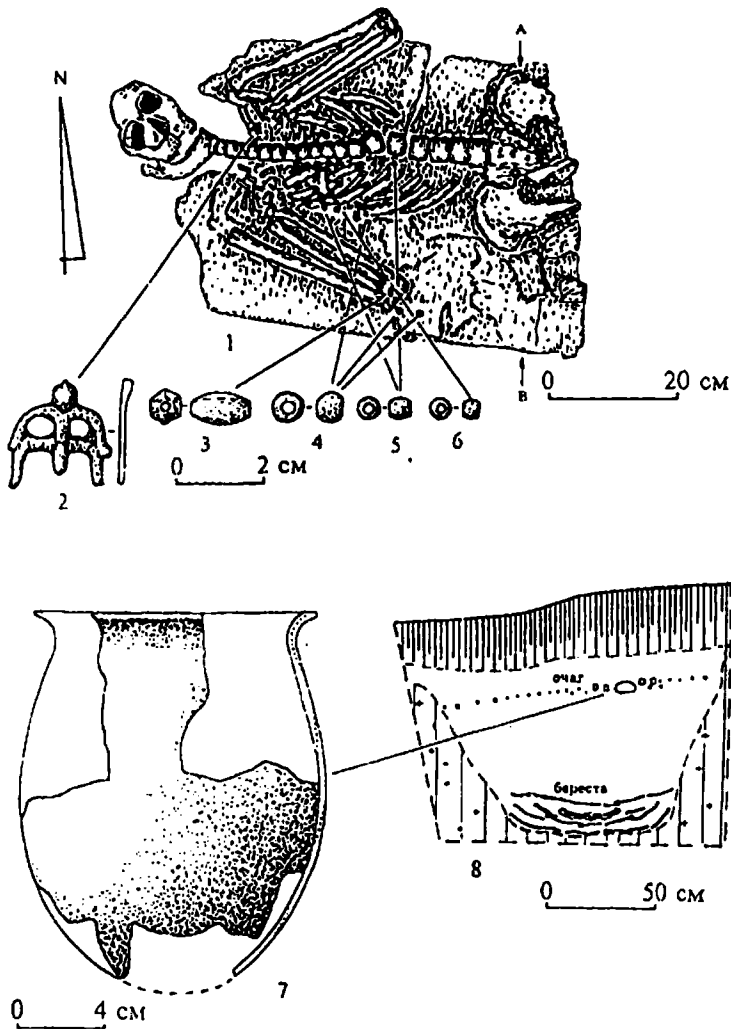


Рис. 41. Погребение в бересте (по А. В. Харинскому)

Надмогильная конструкция сложена из камней, которые лежат в один-два слоя и образуют сплошную вымостку мощностью 20–30 см. По форме выделяется несколько типов кладок: круглые, прямоугольные и овальные. Насыпи последнего типа наиболее распространены. В трех случаях при расчистке кургана встречены угли — остатки поминальной тризны.

Могильные ямы овальной и прямоугольной формы. Под насыпью захоронения Варварина гора 4 находилась дополнительная кладка перекрытия могильной ямы.

Берестяная домовина может различаться. Умершие бывают завернуты в сшитые в виде короба полотна бересты или же погребенный лежит на берестяном полотнище, а иногда покрыт им.

Во всех могилах, где форма трупоположения восстанавливается, умершие лежат вытянуто на спине. Некоторые отличия наблюдаются только в положении рук: в трех могилах руки вытянуты вдоль тела, в двух случаях правая рука согнута и кисть покоится на тазе, а в двух других — левая рука согнута и кисть находится на тазовых костях.

Преобладающая часть погребенных направлена головой на северо-восток — 12 могил. На северо-северо-восток ориентированы три могилы, еще один умерший лежит головой на северо-восток-восток. На запад, север, восток, северо-запад и юго-восток ориентировано по одной могиле.

Взрослыми являются 12 погребений, из них пол определен лишь в трех могилах. К мужским погребениям относятся Харансин II, I и Черенхын I, 47, а Тапхар IV, 11 — женское захоронение. Девять погребений в берестяных пакетах детские.

В трех могилах обнаружены кости барана (Анга III, 2; Тапхар IV, 8 и Солонцово). В двух случаях это была задняя нога барана, которая была установлена возле груди и в ногах умершего. В описании могилы Тапхар IV, 8 не указывается принадлежность животного и часть туши, но, судя по местоположению — в изголовье, это, очевидно, была нога барана. Кроме того, в могиле Солонцово расчищен позвонок барана. Кости барана чаще всего находились вне берестяного пакета.

Погребения на могильнике Тодакта I сопровождалось ритуальным захоронением собаки и черепа теленка. Надмогильная конструкция с животными располагалась в 1 м к северо-востоку от могилы I. Кладка овальной формы вытянута по линии северо-восток-юго-запад. Собака уложена на правый бок, головой на юго-запад. Под скелетом собаки обнаружен череп теленка.

Имеется одно наземное погребение под каменной кладкой — погребение Санный Мыс 10, исследованное И. В. Асеевым на реке Уде в Бурятии (Асеев и др., 1984. С. 33). Могила расположена под скалой среди каменных осыпей. Костяк был завернут в бересту и обложен плитами. Мощность каменной насыпи составляла 15–20 см, и поэтому костяк практически находился на поверхности, а череп наполовину был виден до расчистки. Умерший лежал головой на север.

Из известных 28 погребений в бересте материал для хронологии выявлен лишь в семи могилах. Дата остальных погребений будет зависеть в какой-то степени от хронологии погребений других типов, расположенных на могильнике, или это будет широкий период, связанный с бытованием могил данного типа.

К наиболее ранним захоронениям в бересте следует отнести погребения Кибалино II и 15. Найденные здесь типы наконечников стрел известны в комплексах XI–XII вв. Южной Сибири. Стрела из могилы II уплощенная в разрезе с пером удлинненно-треугольного типа, а для наконечников погребения 15 характерна такая черта, как поджим шейки, и сама форма стрелы не противоречит этой дате. Аналогичные стрелы получили распространение в комплексах эйлигхэмского и оклахтинского периодов малиновского этапа аскизской культуры (Кызласов И. Л., 1983. Табл. XXVII, 8, 19; табл. XXVIII, 2, 6; табл. XXXII, 3, 4, 16).

Временем XI–XII вв. датировал Е. В. Ковычев захоронение в бересте, раскопанное в Восточном Забайкалье на реке Туре в 3 км северо-восточнее села Солонцово. В детском захоронении под черепом ребенка была обнаружена большая медная монета с квадратным отверстием по центру. Через отверстие монеты был пропущен широкий кожаный ремешок, крепившийся первоначально или к волосам ребенка, или к его кожаной, с тканевой прокладкой, шапочке. На монете имеются четыре иероглифа, читающиеся крестообразно: «Чуннин тунбао» («тяжелая монета годов правления Чуннин»). Монета выпущена в 1105–1106 гг. н. э. в период правления династии Северная Сун, в конце годов Чуннин (1102–1106 гг. н. э.) (Ковычев, 1981. С. 79).

Кроме монеты, в могиле была найдена плоская стрела укороченно-ромбического типа. Надо сказать, что подобные стрелы получили широкое распространение в более позднее время, чем годы выпуска монеты. Такие стрелы скорее характерны для XIII–XIV вв. В другом погребении с берестой, исследованном Е. В. Ковычевым, но уже на реке Онон у села Чиндалей в местности Амаголон, найдена стрела с широкими крыльями, такие стрелы большинство исследователей датируют XIII–XIV вв., но в погребении, кроме этой стрелы, было скобковидное кресало. В пользу того, что изделие является кресалом, говорит то, что на приостренных концах находки сохранилась древесная гниль от деревянной ручки, на которую кресало насаживалось. Этот тип кресал имеет широкие аналогии в памятниках амурских чжурчжэней конца X–XI вв. (Медведев, 1977. Табл. XXXVIII, 1–14). Е. В. Ковычев датировал эту могилу XII–XIII вв. (1981. С. 79).

Таким образом, мы видим в исследованных в Восточном Забайкалье комплексах, с одной стороны, ранние монеты и ранние типы кресал, с другой — стрелы, которые уже характерны для более позднего времени. Тем не менее находка сунских монет в других погребениях в Восточном Забайкалье позволяет принять дату Е. В. Ковычева — XI–XII вв. для погребения Солонцово и XII–XIII вв. для могилы Амаголон. К XIII–XIV вв. относится погребение, раскопанное Иркутской экспедицией ЛО ИА в 1959 г. у села Харанцы на Ольхоне. Здесь в могиле Харансин II, 1 был найден берестяной колчан, внутри которого находились железные наконечники крылатого и ромбического типов. Стрела крылатой формы найдена А. В. Харинским в берестяном погребении Курма II, 2. Исследователь сопоставляет это захоронение с погребением Черенхын V, где найдены однотипные стрелы и панцирная пластинка четырехугольной формы. По сторонам пластины по паре крупных отверстий и одно отверстие в центре. Данная пластина, судя по описанию, близка к панцирным пластинам монгольского времени (Харинский, 2001. С. 44).

Итак, наиболее ранние погребения в бересте могут датироваться XI–XII вв., эта традиция не прервала своего существования в XIII–XIV вв. В последнее время, наряду с датами, полученными нами, значительное количество радиоуглеродных дат погребений в бересте опубликовано А. В. Харинским, все они укладываются в рамки XI–XIII вв. (1996. С. 108, 109).

Об этнической принадлежности захоронений в бересте. Известно 19 могильников, где отмечены погребения в бересте, еще на пяти могильниках береста встречается с другими видами внутримогильной конструкции (ящик, колода, гроб). Картирование данного типа погребального обряда показывает, что преобладающая часть погребений в бересте тяготеет к Прибайкалью. В какой-то степени это свидетельствует о том, что этот тип захоронений относится к лесной зоне западного ареала Юго-Восточной Сибири, но эти выводы пока предварительные, так как не опубликованы все данные по раскопкам, особенно в Западном и Восточном Забайкалье.

Особенностью погребений в бересте саянотуйской культуры является то, что на надмогильных конструкциях не отмечены вертикально поставленные камни, характерные для других типов могил этой культуры. Среди захоронений в бересте значительный процент представлен детскими могилами, но есть и взрослые. Причем взрослые захоронения при-

надлежат как женским (Тапхар IV, 11), так и мужским (Харансин II, 1 Черенхын I, 47) костякам. Инвентарь погребений в бересте отличается наличием круглодонных горшков, достаточно часто встречаются ножи-лопаточки с широкими лезвиями, которыми, очевидно, выкапывали корни растений. Отметим и такой факт: в погребениях с берестой кости ног барана встречены всего три раза. Это гораздо меньше, чем в других типах захоронений саянтуйской культуры, хотя количество раскопанных захоронений в бересте больше, чем в колоде или дощатых гробах. Зато в погребении с берестяной подстилкой Черенхын V, 3 отмечена находка берцовой кости косули (Харинский, 2001. С. 59). В этом случае можно говорить о явном влиянии таежной среды, когда традиция установки ноги барана заменяется ногой косули.

Круглодонные сосуды различаются по качеству теста, по степени профилированности шейки и по орнаменту, дно может быть круглым или приостренным. Вся керамика подобного типа встречена в погребениях с берестой или в колоде. Круглодонная керамика — это мир лесных культур Западной Сибири и Урала, которые с глубокой древности были тесно связаны с прибайкальскими охотниками и собирателями (Окладников, 1957а).

Из украшений привлекают внимание височные подвески, которые нашивались на головной убор. Они изготавливались следующим образом: ромбик из бересты обертывался тканью и затем покрывался тонкой пластинкой ромбической формы, которая украшалась выдавленными изнутри «жемчужинами» (Асеев, 1980. С. 50). Пластинки изготавливались из бронзы или серебряной и золотой фольги. Совершенно аналогичные подвески известны в поволжских погребениях (Васильева, 1979). Имеются ромбические височные подвески на юаньских портретах, где они составляют гарнитуру бокки, изображены они и на изваяниях монголов XIII–XIV вв., исследованных в Восточной Монголии (Баяр, 1995. С. 65. Рис. 11–2, 5). С какими традициями связаны украшения, сказать сложно. Можно лишь отметить, что наибольшее распространение они получили в лесных культурах по обе стороны Урала (Белоцерковская, 1999).

На запад уведут нас поиски аналогий бронзовой антропоморфной скульптурке, найденной в берестяном погребении на Байкале (Савельев и др., 1996).

Общность с урало-алтайскими древностями демонстрируют не только отдельные элементы погребального обряда, но и некоторые находки саянтуйской культуры. В Прибайкалье и Забайкалье отмечены погребения, оставленные явными мигрантами западного происхождения. В Приольхонье раскопан могильник Сарма III, где захоронения лежали в берестяных пакетах, обставленных деревянными обкладками, рядом производилось захоронение коня — затем все подвергалось кремации. Инвентарь погребений (бронзовые накладки с парными явно зооморфными головами, железная круглодонная чаша) и многие черты обряда идентичны погребениям Еловского и других комплексов Западной Сибири (Могильников, 1981. С. 192; Зайцев и др., 1995).

Мы имеем основания говорить, что в средневековых памятниках Восточной Сибири, в том числе и в саянтуйской культуре, отчетливо просматриваются черты, имеющие урало-алтайский облик.

С каким народом Восточной Сибири можно связать широкое распространение этого явно лесного обряда захоронений в бересте с круглодонными керамическими сосудами? Монгольская принадлежность этих захоронений вызвала сомнения у А. В. Харинского и М. Л. Сидорчук, которые, отметив традицию обертывания в бересту как лесной признак, высказали предположение, что они были оставлены «предками тунгусских племен, обитавших в этой части Восточной Сибири во второй половине II тыс. н. э.» (1998. С. 112).

Археологические исследования в Западной Сибири выявили местный субстрат, который впоследствии был тюркизирован. В частности, к местным лесным чертам относится использование в обряде бересты, а в инвентаре — употребление круглодонных сосудов.

Комплексы, несущие эти черты, по мнению В. А. Могильникова, связаны с самодийскими этническими группами (1981. С. 191).

Северо-западная часть Юго-Восточной Сибири входит в зону расселения самодийского этноса. Возможность пребывания самодийских племен в древности в Прибайкалье на археологических материалах рассмотрел А. П. Окладников. Он писал, что сплошная орнаментация на глазковских сосудах свидетельствует о проникновении на восток отдельных племен западного происхождения. На это же указывают распространение личиночного орнамента, топоры с ушками, которые встречаются до Урала (Окладников, 1957а). Л. Р. Кызласовым опубликована статуэтка северного оленя, найденная при строительных работах у города Канска. Автор отмечает, что из кости вырезана фигура именно саянского оленя и что древними оленеводами Восточных Саян были самодийские племена, потомки которых – камасинцы еще недавно кочевали с оленями по Кану и Мане (1962. С. 301).

В Предбайкалье и Прибайкалье распространены топонимы самодийского происхождения. М. А. Кастрен одним из первых поставил задачу исследования финно-угорских и монгольских связей в языке. Изучая бурятский язык, он выявил «много точек соприкосновения с самоедским» (1999. С. 267). М. А. Кастрен полагал угро-самодийское происхождение таких названий, как Селенга, Уда, Бахта, Хазун, Ага (Там же. С. 276). По утверждению Г. Н. Румянцева, «60 процентов топонимических названий Прибайкалья – по происхождению самодийские» (1954. С. 50). Трудно сказать, действительно ли самодийских названий столь много. Но такие крупные топонимы, как Саян и Иркут, несомненно, имеют самодийское происхождение. Река Каха, в долине которой живут кахинские буряты, по-самодийски значит «окунь», река Нарын – «болото». Известный исследователь А. В. Попов о названиях прибайкальских рек писал: «При пересчислении их чувствуешь себя где-либо на севере европейской России, а не на западном берегу Байкала, у верховьев Лены» (1926). Академик Б. А. Серебренников, как он писал, несмотря на значительное количество противников этой гипотезы, продолжал поиски соответствий в географических названиях Сибири и русского Севера: Селенга в Бурятии и Селенга – приток Кичменьги, впадающей в Юг; Куренга – приток Амура и Куренга – река в бассейне Ваги и т. д. (1981). На наличие самодийских и кетоязычных топонимов указывают и современные исследования лингвистов (Рассадин, 1968). В работе Р. Г. Жамсарановой и Л. В. Шулуновой выявлен новый пласт самодийской топонимии в Восточном Забайкалье (2003. С. 25-31).

Л. Р. Павлинской на основании изучения техники работы с металлом у южно- и восточносибирских народов сделаны принципиально важные выводы. Выделяется единая культурно-историческая область от Оби до Байкала, в основе которой лежат традиции лесных народов – кетов, селькупов, эвенков, долган, нганасан, энцев. Отсутствие художественнойковки у тюркских народов Южной Сибири говорит о том, что основу лесостепного населения составляли самодийско-енисейский и пратунгусский этнический компоненты, в который входили и народы, участвовавшие позднее в сложении бурят и якутов (Павлинская, 1992). Шаманский костюм якутов и бурят весьма близок, в частности нагрудник, к одеянию самодийцев и кетов: «Особенно ярко генетическое единство шаманских костюмов этих народов проявляется во внешнем оформлении» (Павлинская, 1997. С. 34).

Т. Д. Скрынникова высказала предположение о самодийском происхождении слова *хад/хат*, обозначающих персонажей шаманского пантеона бурят. По бурятским преданиям, *хаты* спустились с северо-запада. У народов обско-угорской группы есть слова, сходные по семантике и звучанию со словом монгольских языков *хад/хат*. В языке ханты-манси имеется слово *хатай* – покойник, череп и словосочетание *ха та* – умерший. Эти слова согласуются с представлениями бурят и монголов о функциях хатов, также связываемых с предками (Скрынникова, 1997. С. 175).

Итак, самодийский пласт в таежной зоне Юго-Восточной Сибири сохранялся, по всей вероятности, вплоть до средневековья. Исследователи согласны в том, что обурятия-

шиеся саянские сойоты включают значительный самодийский пласт. Само имя «сойот» восходит к родовому названию «сойон», «соян». Большинство ученых согласны с самодийской версией происхождения этого названия (Жуковская, 2002; 2005. С. 5, 6). Угро-самодийское влияние мы видим и в формировании некоторых типов украшений бурят, например, лапчатых подвесок, иногда отлитых из оловянисто-свинцового сплава, что может указывать на лесную традицию (Дашибалов, 1999а. С. 104). Якутские головные украшения во многом напоминают шумящие подвески угро-самодийского средневекового костюма.

Все сказанное позволяет отметить большую роль лесного компонента в формировании особенностей археологических культур Юго-Восточной Сибири. Причем лесные культуры были представлены разноязычными этносами, среди них значительное место принадлежало самодийским народам. В некоторых случаях обитатели таежных просторов, возможно, выходили из лесов и смешивались с вновь прибывшими степняками. Об этом говорят материалы саянтуйской культуры.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Эпоха позднего средневековья характеризуется присоединением Сибири и Дальнего Востока к России. В XVII–XVIII вв. возвышается маньчжурская Цинская династия и происходит ее широкая экспансия в Монголию и Центральную Азию. В самой Монголии идут непрерывные феодальные раздоры и междоусобные столкновения между «малыми ханствами» Южной Монголии, Халха-Монголии и Западной Монголии. Все эти события повлекли за собой крупные перемещения больших масс населения, что непосредственным образом отразилось на формировании бурятского и других народов Юго-Восточной Сибири.

1. Этноархеология Юго-Восточной Сибири

XV–XVI вв. являются «темным периодом» в истории Юго-Восточной Сибири. Письменные известия еще недостаточно изучены, описания русских источников начинаются лишь с XVII в., когда казаки сталкиваются с местным населением. Поэтому при исследовании этого времени роль археологических источников особенно велика.

Погребения с конем сэгенутского типа в Прибайкалье

Первый памятник, где были выявлены погребения, сопровождающиеся захоронением коня, открыт и исследован А. П. Окладниковым в 1929 г. Это могильник Сэгенут, расположенный недалеко от села Качуг, вблизи устья речки Манзурки в местности Хапсагай на Верхней Лене. Здесь было раскопано восемь могил – шесть захоронений детей, одно женское погребение и отдельно расположенное захоронение коня. А. П. Окладников опубликовал описание каждого погребения, дал характеристику погребального обряда инвентаря, состоящего всего из четырех предметов – целый керамический горшок, фрагмент венчика другого сосуда, железные ножницы и удила с большими кольцами (1958а).

Наиболее крупный памятник, где выявлены погребения с конями, – могильник Усть-Талькин (рис. 42, 43). Он изучен археологическим отрядом Е. Ф. Седякиной, работавшим в составе Ангарской экспедиции под общим руководством А. П. Окладникова в 1957 и 1959 гг. (Окладников, 1957; Седякина, Окладников, 1959). Предварительная информация о памятнике дана А. П. Окладниковым в обзорной статье об итогах работ в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций. Здесь же приводится и хронология погребений: «XVI – начало XVII века» (Окладников, 1958. С. 25). Суммарная характеристика погребального обряда и инвентаря могильника Усть-Талькин приведена в краткой публикации Е. Ф. Седякиной. Она не согласилась с датой, предложенной А. П. Окладниковым, сравнивала исследованные захоронения с могильными сооружениями и находками из средневековых памятников Южной Сибири – Часовенной горой и Суханихой – и датировала Усть-Талькин XII–XIV вв. н. э. (1965. С. 202).

Позиции Е. Ф. Седякиной были поддержаны А. А. Гавриловой, которая сопоставила материалы Усть-Талькина с находками часовенногорского типа Саяно-Алтая и несколько сузила предложенную ранее дату до XIII–XIV вв. (1965. С. 76). Эта дата стала общепризнанной, и в последующем все исследователи, которые привлекали находки Усть-Талькинского комплекса, оперировали этим хронологическим периодом (Хамзина, 1970. С. 106, 110; Константинов, 1970. С. 192–197; Гоголев, 1986. С. 72; Худяков, 1991. С. 99–119; Коновалов, 1999. С. 137).

Нами в статье, посвященной погребальной обрядности бурят, была принята дата, выдвинутая А. П. Окладниковым, и мы рассматривали могильник Усть-Талькин как остав-



Рис. 42. Захоронения с конями могильника Усть-Талькин (по Е. Ф. Седякиной)

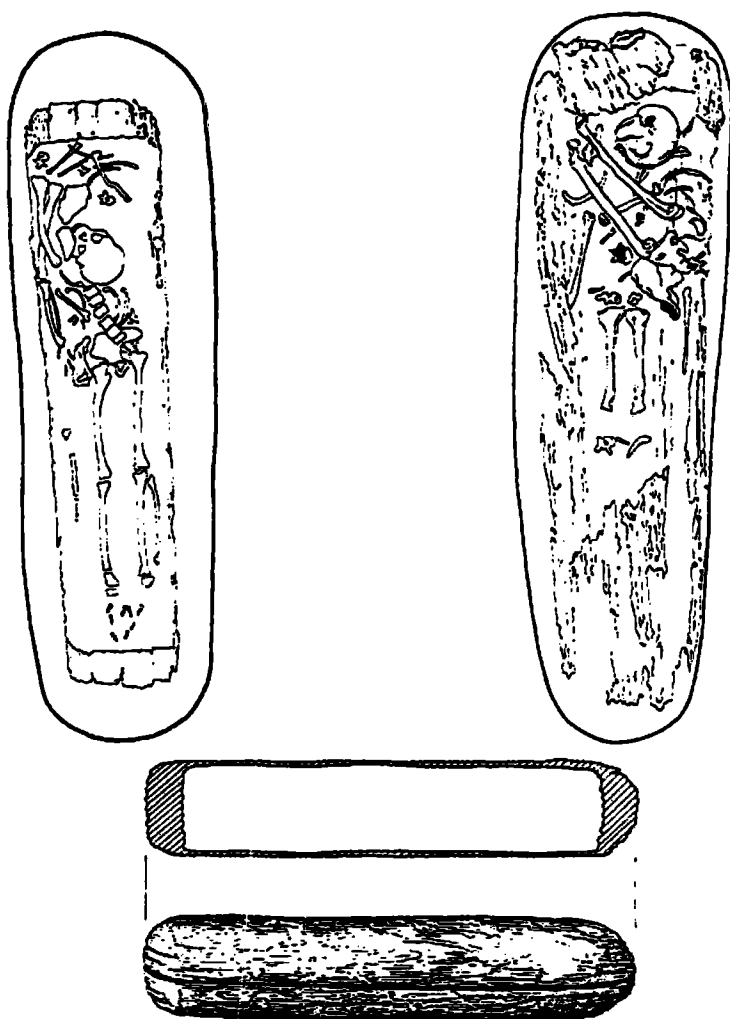


Рис. 43. Захоронения в колоде могильника Усть-Талькин (по Е. Ф. Седякиной)

ленный одним из крупных бурятских племен — булагатами (Дашибалов, 1989. С. 67). Раскопки археологов Иркутского краеведческого музея, которые работали по спасению археологических памятников, находившихся в зоне разлива берегов Братского водохранилища, выявили ряд новых могильников с аналогичными памятнику Усть-Талькин обрядом и инвентарем (Николаев, 1993, 1996; Бердникова, Николаев, 1994).

Исследователи согласились с датой, предложенной Е. Ф. Седякиной, — XII–XIV вв. и с А. П. Окладниковым — XVI–XVII вв. и предложили широкую хронологию погребений усть-талькинского типа — XII–XVI вв. (Бердникова, Николаев, 1994. С. 65). В. С. Николаев, опираясь на данные радиоуглеродного датирования, определяет хронологию усть-талькинской культуры XII–XIV вв. (2004. С. 136–138).

Таким образом, мы видим, что материалы могильника Усть-Талькин вызывают большой интерес у ученых, но вопросы датировки остаются дискуссионными. Все это заставляет нас вновь вернуться к проблеме хронологии изученных комплексов. Мы располагаем сведениями о шести могильниках с захоронениями коней — Сэгенут, Усть-Талькин, Шебуты III, Анга I и Усть-Ида. Чтобы решить вопросы датировки, следует систематизировать материал погребений с конями. Принципы систематизации таковы. Выделяются две группы могил — с каменными кладками и грунтовые захоронения без кладок. Эти группы подразделяются по внутримогильной домовине на такие виды — в колоде, в дощатом гробу, в бересте, в яме, в двух домовинах.

Могины с каменными кладками. Надмогильная конструкция выглядит в виде кладки, сложенной из рваных плит гнейса. Кладки могильника Усть-Талькин разрушены и были видны на поверхности в виде одиночных плит песчаника или же обнаруживались в процессе раскопок в дерновом слое и в заполнении могильной ямы. Сплошная расчистка площади погребений (№ 1–5, 36) показала: значительная часть насыпи могил разбросана, а форма развала не образует кольцевидного воеера, и плиты лежат хаотично, что указывает на небольшие размеры кладок. Могильник Усть-Талькин отличается очень большой степенью разрушенности, и о первоначальных формах надмогильной насыпи приходится только догадываться. В публикации говорится, что могилы отмечены на поверхности овальной выкладкой (Седякина, 1965. С. 196). Рассмотрение планов выявило только две овальные конструкции, остальные выражены редкими скоплениями камней, но отмечена вытянутость этих скоплений, совпадающая с ориентировкой могильной ямы.

Большинство могильных ям разрушено. Размеры ям варьируют: длина от 180 до 280 см, ширина от 50 до 120 см и глубина от 50 до 120 см.

Захоронения в колоде. Всего 37 погребений. Колода чаще всего изготавливалась из лиственницы, хотя встречена и одна сосновая колода. Большинство колод выдолблено в виде корыта с толстыми прямоугольными концами. Сверху она покрывалась такой же долбленной крышкой или плахами, в одном случае крышкой служили две широкие каменные плиты. Крышка и колода скреплялись по сторонам прямоугольными железными скобами. Сосновая колода погребения Сэгенут 6 была длиной 175 см и шириной 50 см. Она имела лодкообразную форму, сбоку концы ее были сужены, а снизу срезаны корытообразно. В нижней части колоды, у самых ее концов, на расстоянии 25 см от срезов проходили две выемки в виде желобков. Не исключено, что эти желобки служили для связывания дна и крышки колоды.

В девяти случаях форма положения погребенного устанавливается. Умершие лежат на спине вытянуто, в пяти могилах руки вытянуты вдоль тела, в остальных могилах: правая рука согнута, кисть на тазе; левая согнута, кисть на тазе и обе руки согнуты, кисти на тазе. В погребении Усть-Талькин 57 захоронение произведено на правом боку с подогнутыми в коленях ногами.

На северо-северо-запад ориентированы 15 погребений, на север — 10 могил, 10 могил направлены головой на северо-восток, на северо-северо-восток ориентированы две могилы.

Антропологические обмеры умерших могильника Усть-Талькин произведены И. И. Гохманом (1963). В остальных случаях определение пола производилось археологами, в основном по инвентарю захоронения или по погребальному обряду. В инвентаре могилы Сэгенут 6 обнаружены ножницы, типично женский предмет, очевидно, эта находка позволила отнести захоронения к женским (Окладников, 1958а. С. 47). Три детских погребения исследованы на памятнике Сэгенут — захоронения 1, 2, 3.

В девяти могилах обнаружены сопровождающие животные и кости напутственной пищи. Целые остовы двух лошадей находились в погребении Усть-Талькин 36. Лошади, положенные одна к другой на левый бок, головами на северо-северо-запад, лежали слева от колоды с погребенным. В могиле Усть-Талькин 4 под камнями кладки расчищен скелет коровы на левом боку, направленный головой на юго-юго-восток. В женском захоронении Усть-Талькин 43 сверху колоды, закрытой двумя плоскими камнями, на одной из плит находился костяк барана. В остальных шести могилах найдены кости барана и лошади. Ноги барана обнаружены в четырех могилах. Известно по одному захоронению ног барана и лошади, а также с черепом барана и с тазовыми костями.

Захоронения в гробах (одно погребение) выявлены на памятнике Сэгенут. Надмогильная конструкция погребения Сэгенут 4 была обозначена скоплением известняковых плит, наполовину задернованных. Диаметр кладки равен 150 см.

Заполнение могильной ямы земляное, без включений камня. Перекрытие над ямой не сооружалось. Детское погребение Сэгенут 4 находилось в деревянном гробу без крышки и дна. Всего имелось четыре доски, по 1 м длиной — продольные и по 50 см — поперечные. Высота стенок гроба 43 см. Доски, по всей вероятности, были скреплены кожаными ремешками-связками. Об этом свидетельствуют отверстия, просверленные насквозь на каждом из четырех углов гроба-ящика. Паре отверстий, расположенных параллельно друг другу, на одной стенке ящика соответствовала такая же пара отверстий на другой, соседней стенке, соединенной с ней под прямым углом.

Умерший лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Костяк направлен головой на северо-северо-восток.

Захоронение в бересте (одно погребение). Кладка овальной формы, небольшая по размерам — длина 120 см и ширина 90 см. Насыпь вытянута по линии северо-восток — юго-запад. В разрезе насыпь однослойная мощностью 20 см. Яма прямоугольной формы длиной 90 см, шириной 30 и глубиной 40 см. Захоронение производилось в берестяном пакете, сшитом из трех частей. Сохранность костяка плохая, скелет лежит вытянуто на спине. Ребенок направлен головой на северо-восток. Погребение детское, пол не определен.

Ямные захоронения (шесть погребений). На четырех могилах насыпь была разрушена, сохранились лишь единичные камни, а кладки могильника Сэгенут различались формами. Кладка овальной формы длиной 200 см. Насыпь округлой формы диаметром 200 см.

Ямы погребений могильника Усть-Талькин имели овальную форму (четыре погребения) длиной 200—250 см и шириной 60—80 см. Глубина ям 50—100 см. Форма трупоположения устанавливается лишь в двух случаях — в могиле Сэгенут 5 умерший лежал на спине с руками, слегка согнутыми в локтях. В погребении Сэгенут 7 костяк лежал лицом вниз. Руки протянуты вдоль тела. На северо-запад ориентированы два погребения, на север — одно захоронение, и на северо-восток направлена головой одна могила. Погребения могильника Сэгенут 5, 7 детские, а погребения могильника Усть-Талькин все взрослые. Могилы Усть-Талькин 18 и 22 принадлежат женщинам. Причем в погребении 22 рядом с женским скелетом находился скелет совсем маленького ребенка.

Захоронения с двойными домовинами (четыре погребения). Все насыпи разрушены и сохранились лишь единичные камни. Форма могильных ям установлена в двух случаях. Обе ямы имеют овальный контур длиной 220 см, шириной 60 и глубиной 100 см. В четырех

могилах погребенные находились в деревянной колоде, из них в трех могилах колода обставлялась каменными плитами, создававшими конструкцию ящика. В погребении Усть-Талькин 28, кроме остатков колоды, найдены куски бересты. Сохранность бересты не позволяет высказать более точных суждений о ее назначении. Это могла быть берестяная подстилка или, наоборот, покрытие; колода могла обертываться большими полотнами бересты и как бы заключаться в берестяную домовину.

Поза умерших восстанавливается лишь в одном захоронении, где погребенный лежал на спине с руками, вытянутыми вдоль тела. Захоронение Усть-Талькин 2 ориентировано на северо-северо-запад. В трех погребениях имеются останки умерших и все кости принадлежат взрослым скелетам, два погребения мужские, а одно женское.

Совместные захоронения животных. В погребении Усть-Талькин 2 с западной стороны колоды находится костяк лошади с подогнутыми ногами, головой направленный на северо-северо-запад.

Грунтовые могилы. Вторую большую группу захоронений сэгенутского типа составляют грунтовые могилы. Полностью грунтовыми могильниками являются: Шебуты III, где раскопано 13 могил, из них в восьми погребены люди, а в остальных пяти — кони; Усть-Ида, здесь исследовано семь захоронений, в двух могилах находятся люди, а в пяти — кони и коровы. Из 79 погребений могильника Усть-Талькин к грунтовым относятся 23 могилы. В трех могилах погребены целые скелеты коней или отдельные кости. Рассмотрим первоначально грунтовые могилы с людьми.

Захоронения в колодах (20 погребений). Яма овальной формы длиной 180–280 см, шириной 47–90 и глубиной 80–125 см. Поза умерших известна по девяти могилам, причем в одном захоронении сохранились *in situ* лишь кости ног скелета. Все захоронения произведены на спине, руки сложены на тазовых костях. На север ориентированы четыре могилы, на северо-северо-запад — два захоронения, и по одному погребению направлено головой на северо-запад и северо-восток. Два детских захоронения исследованы на памятнике Шебуты III, в остальных могилах (10 погребений) умершие взрослые. Из них в четырех могилах похоронены мужчины, в шести — женщины.

Совместные захоронения животных и напутственная пища. В женском погребении Усть-Ида I под нижним юго-западным концом колоды находился целый скелет овцы. В трех могилах расчищен позвоночник овцы, в одной — череп и ноги овцы, кости барана найдены еще в трех могилах, в одной из них (Усть-Талькин 14) вместе с остатками барана расчищены и кости лошади.

Захоронения в гробах (три погребения). Яма овальной формы длиной 215–250 см, шириной 60–70 и глубиной 95–100 см. Дошатый гроб длиной 200 см и шириной 45–50 см в разных торцах. Гроб сделан из плах шириной 14–17 см. Гроб-рама отмечен в погребениях 8, 11 могильника Шебуты III. В двух захоронениях умершие положены на спину с руками, сложенными на тазовых костях. Обе могилы, где устанавливается ориентировка, направлены головами на северо-запад. В двух погребениях находились подростки, а в могиле Усть-Талькин расчищены кости женщины.

Напутственная пища. В погребении Шебуты III, 11 в ногах с правой стороны обнаружены кости позвоночника овцы.

Захоронения в бересте (три погребения). Яма овальной формы длиной 190 см, шириной 90 и глубиной 80 см. Яма прямоугольной формы. Размеры ямы не указаны. Поза умерших восстанавливается лишь по могиле Унга I, где захоронение произведено на спине с руками, сложенными на тазовых костях. В погребении Усть-Талькин 63 ориентировка на северо-северо-запад, а в могиле Унга I — на запад. Погребения Унга I, 2 являются детскими, а захоронение Усть-Талькин 63 — взрослое.

Ямные захоронения (два погребения). Могильные ямы овальной формы, размеры известны у ямы Усть-Талькин 54: длина 230 см, ширина 60 и глубина 110 см. Захоронение

Шебуты III, 12 произведено на спине с поднятыми коленями. Умерший в погребении Шебуты III, 12 ориентирован на северо-запад. Захоронение Шебуты III, 12 детское, а погребение Усть-Талькин 54 взрослое.

Захоронения с двойными домовинами. Могильная яма овальной формы длиной 210—240 см, шириной 60—80 и глубиной 110—125 см. В двух захоронениях умершие находились в колоде и были отмечены находки бересты, причем в могиле Усть-Талькин 72 колода была обернута в бересту, которая сохранилась в виде полос, свернутых вокруг колоды. В могиле Усть-Ида 2 захоронение было произведено в деревянном дощатом гробу, обшитом берестой. Поза умерших установлена лишь в могиле Усть-Ида 2, где умерший положен на спину с руками, сложенными на животе, череп лежит на левом виске. Погребение Усть-Ида 2 ориентировано головой на северо-восток. Все кости (три погребения) принадлежат взрослым скелетам. Пол установлен в могиле Усть-Ида 2 — мужское захоронение.

Грунтовые могилы с животными (11 погребений). Основным животным, которое сопровождало человека, были лошади, их раскопано восемь. В остальных трех могилах находились скелеты коров.

Могильная яма овальной формы длиной 200—250 см, шириной 60—95 и глубиной 50—120 см. Во всех могилах (10), где сохранился остов животного полностью, — труположение на животе с подогнутыми ногами. На северо-запад ориентированы пять захоронений коней могильника Шебуты III, на север — одна могила, на северо-восток — пять захоронений, из них три захоронения коров и две — лошади.

Теперь, когда мы систематизировали и описали погребения людей и животных, предстоит выяснить взаимосвязь между захоронением человека и сопровождающим его погребением животного в отдельной яме, чаще всего коня.

Основное внимание сосредоточим на материалах могильника Усть-Талькин. Всего на общей площади, занимаемой памятником (55 000 кв. м), отмечено 83 отдельных могилы, выделяющихся на поверхности сильно задернованными редкими плитами песчаника и западинами овальной формы с размерами 2×1,2 м и глубиной около 20 см. В 1957 г. раскопано шесть могил (1 — 5, 79), а в 1959 г. — 73 погребения (6—78), то есть могильник изучен почти полностью, остались нераскопанными лишь четыре погребения (рис. 44). К сожалению, эти могилы не показаны на плане и они исключаются из анализа.

Могильник расположен на склоне, вытянутом по направлению северо-северо-запад — юго-юго-восток, по этой же линии отдельными группами размещены и погребения. Причем склон делится на две части небольшой ложиной, по дну которой проходит глубокий овраг, соответственно и погребения распределяются на могилы, размещенные на северо-западной и юго-восточной сторонах, не исключено, что это два самостоятельных могильника.

Рассмотрим южную, самую крупную часть могильника. Здесь размещены погребения (1—5, 30—79), всего 54 могилы, то есть больше половины от всего количества комплексов, зафиксированных на памятнике. Планиграфически выделяется пять групп могил (рис. 45).

С западной стороны оконтуривает весь комплекс цепочка могил, вытянутых по склону и в преобладающем большинстве (из 18 погребений 12 могил) отличающихся своей северо-восточной ориентировкой. Если остальные погребения могильника Усть-Талькин размещены кучно и направлены на север и северо-запад, то здесь, во-первых, распространена другая ориентировка, а, во-вторых, могилы выстроены в ряд. В данной группе четыре отдельных погребения коней, в остальных 14 могилах захоронены люди.

Погребения коней идут в трех разных цепочках. В цепочке из пяти могил (64—68). в группе из трех могил (58, 59, 60) и еще в одной группе из трех могил (51, 52, 53). В первой группе из пяти могил два мужских захоронения, а в крайнем южном погребении пол не определен. На всем могильнике Усть-Талькин лишь в двух могилах (2, 36) кони лежали вместе с погребенным человеком в одной яме, в обоих случаях лошади положены слева от

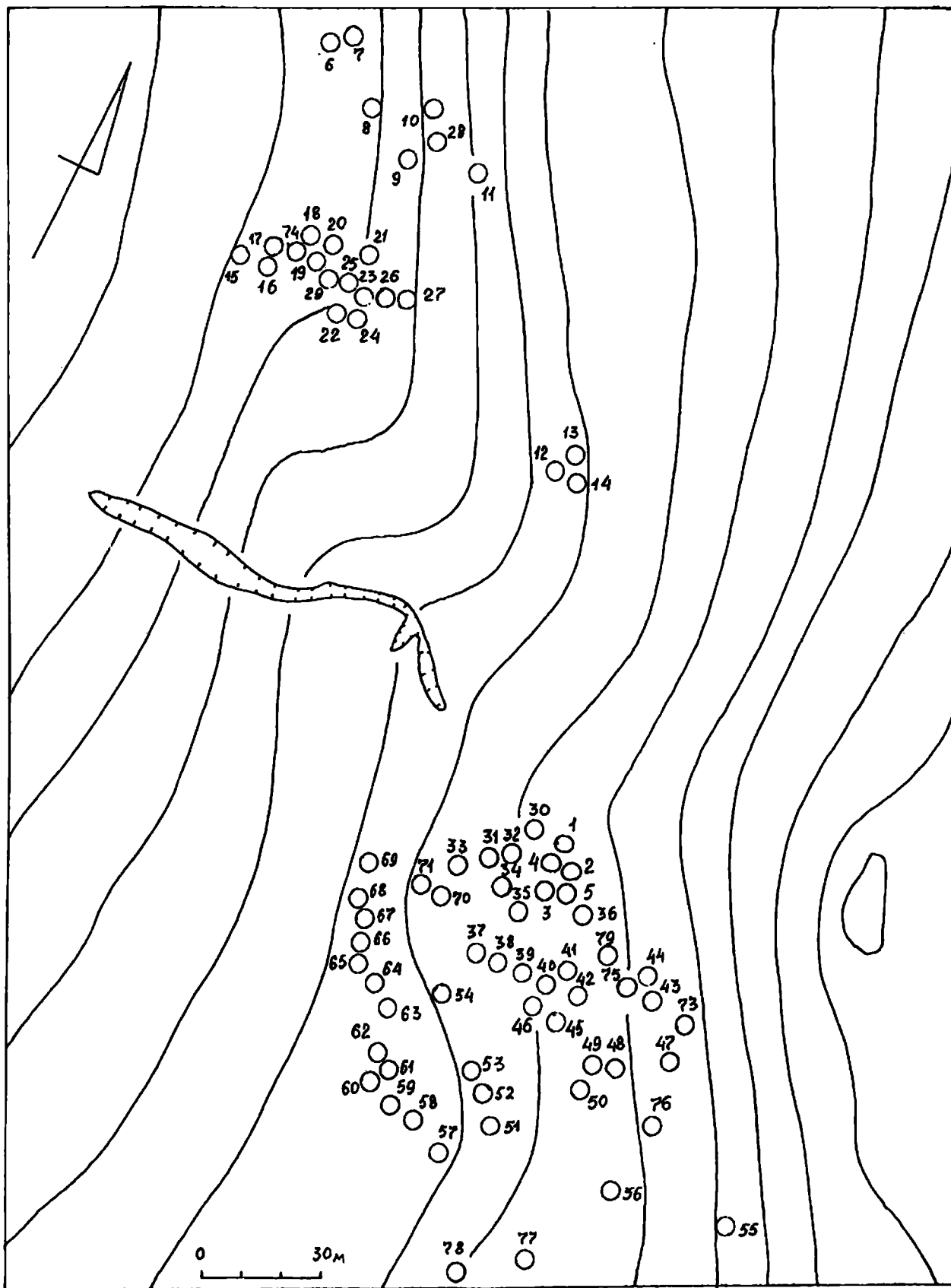


Рис. 44. План могильника Усть-Талькин (по Е. Ф. Седякиной)

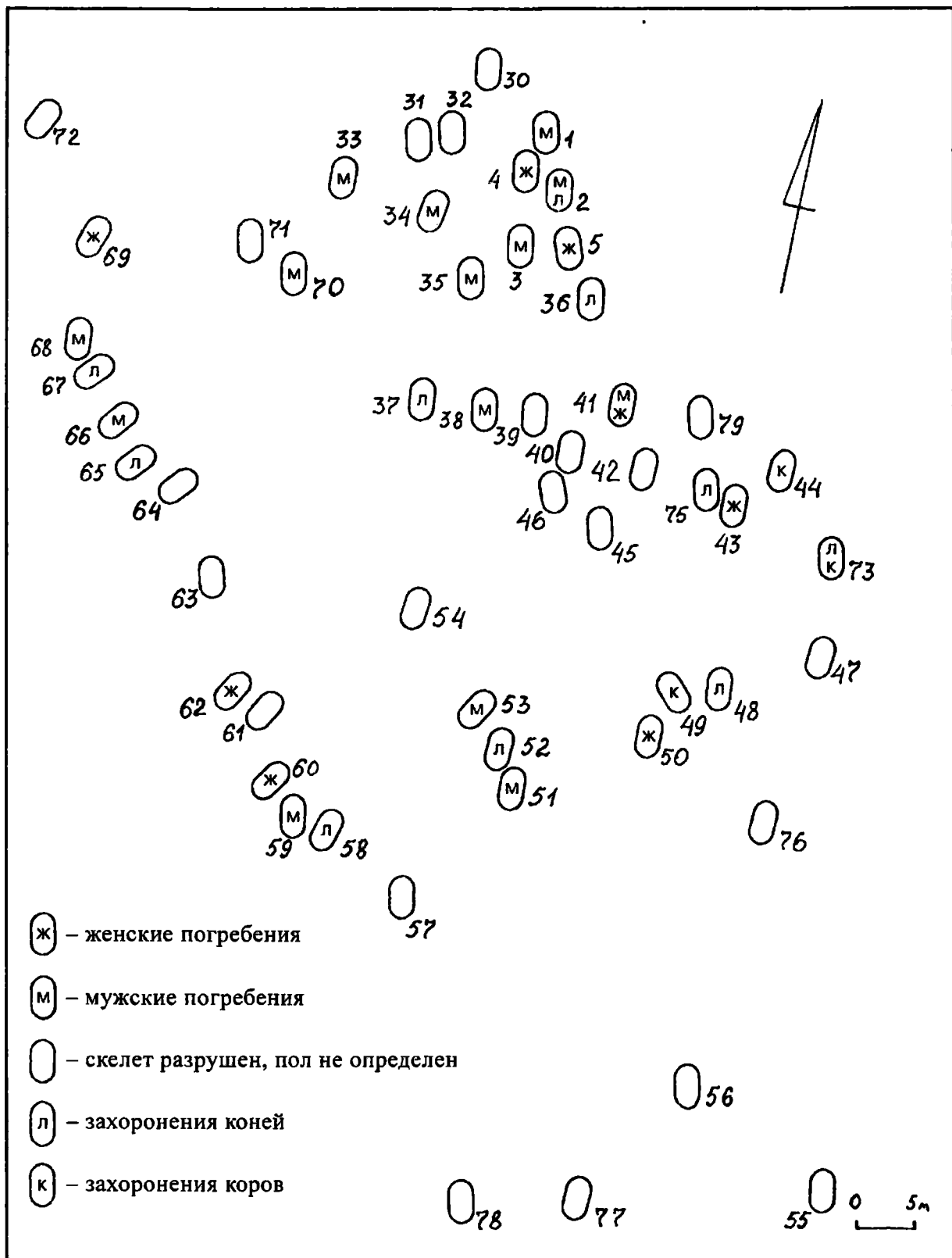


Рис. 45. План южной части могильника Усть-Талькин (по Е. Ф. Седякиной). Составил автор

умершего. Будем исходить из этого положения, тогда погребение коня 67 сопровождает мужское захоронение 66, а лошадь из могилы 65 связана с погребением 64. Предложенные связи вполне реальны, причем не имеющая конского сопровождения могила 68 отличается от всех четырех захоронений северо-северо-западной ориентировкой. Конечно, не исключен вариант, что мужчину из могилы 66 могли сопровождать и два коня с разных сторон, тогда крайние могилы 64 и 68 не имеют отношения к захоронениям коней, тем более что погребения 65, 66, 67 — курганные, а крайние могилы — грунтовые. Мы не можем исключать и такой возможности: мужское 68 и лошадь 67; мужское 66 и лошадь 65. Не будем забывать, что на плане не отмечены четыре нераскопанные могилы, которые тоже могли бы внести коррективы в наши рассуждения.

Следовательно, еще раз подчеркнем гипотетичность наших построений и остановимся на первом варианте — лошадь положена слева от умершего. В группе из трех могил 51, 52, 53 мужчину из могилы 51 сопровождает конь 52, но уже в другой группе 58, 59, 60, где могила 59 мужская, а 60 — женская, конь должен был бы лежать слева от умершего, то есть быть связанным с женским погребением. Конечно, этого исключить нельзя, но предпочтительнее, чтобы лошадь сопровождала мужчину, но тогда получается, что лошадь могла находиться и справа от умершего.

Мы подробно показали, насколько сложно выяснить взаимосвязи погребений людей и животных, причем взяли группу, где делать это легче. Так, могилы идут цепочкой и цепочка разывается на изолированные группы, в составе которых есть захоронения животных и людей. Гораздо сложнее выстраивать связи в группах, не образующих рядов и лежащих кучно. Тем не менее, хоть и предположительные, но корреляции необходимы.

Возьмем самую северную группу — могилы (1–5, 30–36, 70, 71). Здесь отдельных захоронений животных нет. Кони, сопровождающие могилы 2 и 36, погребены вместе в одной яме с людьми.

Нижняя группа состоит из 13 могил. В могилах 37 и 75 погребены лошади, в погребениях 44, 73 — коровы. Достаточно хорошо видна связь конского захоронения 37 с мужской могилой 38, так как рядом с лошастью нет других могил, кроме расположенной справа от нее могилы 38. В этом случае мы видим, что конь расположен слева от умершего. Могилы с коровами 44, 73 (в последней найден череп лошади) находятся на восточном краю группы и могут быть соотнесены лишь с женским погребением 43. Сложно провести корреляцию погребения с конем 75, оно может относиться к могилам 79, 42, 45. Первая из них, как и погребение с конем, курганного типа, а две другие — грунтовые, очевидно, предпочтительнее связь могилы 79 и могилы 75.

Следующая группа состоит из пяти могил. Конское захоронение 48 можно связать лишь с могилой 47, здесь конь также находится слева от умершего. Погребение с коровой 49 расположено рядом с женским захоронением 50, но ориентировки этих могил не совпадают. Женщина направлена головой на север, а корова — на юго-восток. С последней ориентировкой погребений в этой группе нет. Видимо, в некоторых случаях ориентировки человека и сопровождающего его животного могли не совпадать. Не исключено, что сопровождающее захоронение животного могло производиться не одновременно, а с некоторым перерывом.

В самой нижней группе четыре могилы (55, 56, 77, 78) находятся далеко друг от друга, и здесь сопровождающих животных в отдельных могилах не обнаружено.

Перейдем к погребениям, расположенным севернее оврага (рис. 46). В самой крайней от оврага группе из семи могил, в погребениях 8, 9, находятся лошади. Вероятно, могила 8 связана с мужским захоронением 10, а могила 9 с мужским погребением 11, хотя в случае с могилой 9 нельзя исключить и корреляции с погребением 28. Данная группа показывает, что лошади в который уже раз находятся слева от умерших и могут погребаться на расстоянии более 10 м от основного захоронения.

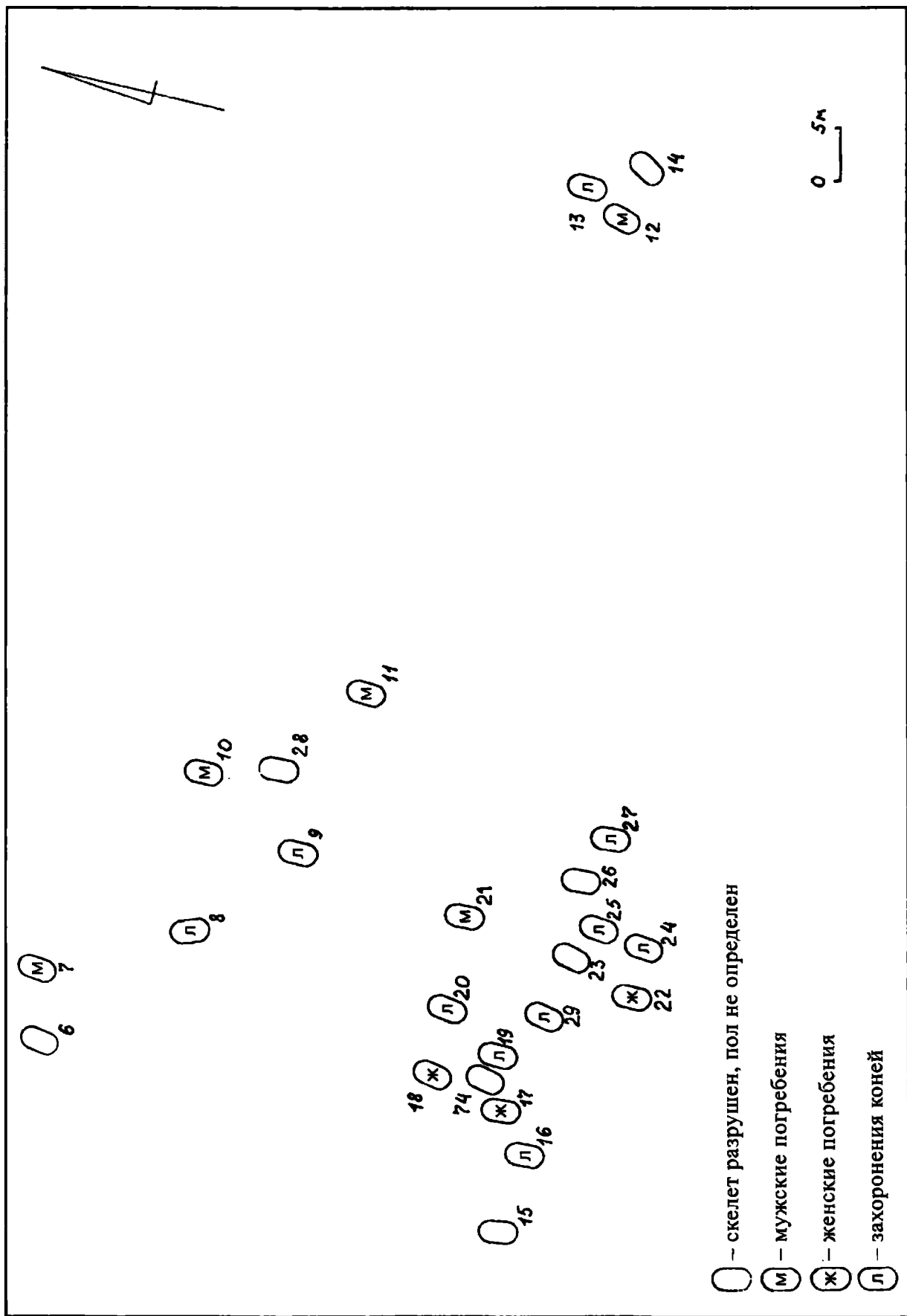


Рис. 46. План северной части могильника Усть-Талькин (по Е. Ф. Седякиной). Составил автор

Центральная группа данной части могильника включает 15 захоронений, из них семь могил сопровождаются погребением коней; то есть почти каждая вторая могила. Из восьми погребений людей три определены как женские (17, 18, 22), одна — мужская (21), пол остальных не определен. Достаточно уверенно мы можем связать мужское погребение 21 с конским захоронением 20. Все остальные, а это шесть сопроводительных захоронений коней, соотнести с какой-либо могилой чрезвычайно затруднительно. Те могилы, с которыми их можно было бы связать, полностью разрушены; не исключено, что это были богатые захоронения, так как вокруг них концентрируется несколько погребений коней. Наличие большого количества захоронений лошадей в данной группе говорит о социальной значимости погребенных людей. Возможно, это был могильник какой-то состоятельной семьи.

Последняя группа представлена тремя могилами — 12, 13, 14. Могила с конем 13, вероятнее всего, сопровождает мужское захоронение 12.

Итак, мы можем еще раз подчеркнуть особенности, связанные с захоронением сопроводительных животных. Кони чаще всего сопровождают мужские захоронения, а коровы — женские. Погребения коней в основном расположены с левой стороны от могилы умершего мужчины, расстояние между могилами не более 5 м, хотя может быть и значительным, до 10–15 м.

Опишем погребальный инвентарь. Керамика представлена всего двумя целыми сосудами и несколькими фрагментами от разных, предположительно трех, горшков. Качество изготовления посуды различно — один горшок слеплен из грубого теста с примесью песка, а сосуд из могилы Сэгенут 6 с тонкими (2–3 мм) стенками из тщательно перемешанной глины с незначительным содержанием дробленого камня. Этот сосуд изготовлен в технике выколачивания, а маленькая чашечка (Шебуты III, 8), очевидно, вытянута из куска глины. В погребениях могильника Усть-Талькин найдено три фрагмента керамики, два из них были орнаментированы — один резной линией, а второй ямочкой и выдавленными вертикальными полосками. Целые горшки различаются между собой формами — один сосуд высотой 5 см и диаметром венчика 6 см с приостренным дном и прямым краем венчика, вогнутым внутрь, а второй горшок с округлым туловом и отделенной от венчика суженной шейкой. Венчик в виде воротничка круто выступает наружу.

К посуде относится железный клепаный ковш с плоским дном и высокими (8 см) стенками, длина ручки 14 см, а в могиле Усть-Талькин 41-2 найден небольшой обломок чашки. В отчете имеется фотография, по которой нельзя определить материал, из которого сделана чашка, описания находки в тексте нет. Посуда изготовлялась из бересты в форме небольшого рога или цилиндра и сшивалась конским волосом.

Ножей в погребении найдено мало, они известны лишь в семи могилах, в могиле Усть-Талькин 21 было два ножа. Сохранность ножей плохая, и выяснить форму не всегда возможно. У одного ножа лезвие сломано, второй нож целый с лезвием листовидной формы и притупленным концом.

В поздних погребениях сэгенутского типа обнаружены две курительные трубки-ганза. Они изготовлены из бронзы, с длинным мунштуком и маленькой чашечкой для табака. Одна трубка находилась в футляре, сшитом из кожи, низ которого украшен серебряной инкрустацией из тонких, узких серебряных пластинок. Известно одно железное кресало калачевидной формы со слегка выгнутым лезвием и плавно загнутыми внутрь боковинами и концами, отогнутыми наружу.

Предметы туалета представлены половинкой гребня из сандалового дерева.

К предметам бытового назначения относятся найденные в погребениях могильника Усть-Талькин железная пилочка, гвоздь и скобы для крепления крышки и дна колоды, в которой находился умерший. Скобы найдены в четырех могилах в количестве 15 экз.

Конская сбруя и предметы вооружения представлены стременами поздних форм, удилами и украшениями сбруи. Железные плоские бляшки круглой, овальной и прямоугольной форм. На обратной стороне имеются штырьки для крепления к ремням. Бляшки прямоугольной формы инкрустированы серебром. Обкладки седла найдены в четырех могилах. Узкие и длинные Т-образные в сечении роговые канты крепились к седлу мелкими гвоздиками, изготовленными из рога. К полкам седел прикреплялись скобами железные петли П-образной формы и кольца, служившие для приторачивания вещей. К сбрусу относится и роговая подпружная пряжка вытянутой формы с заостренным носиком — двумя поперечными прорезями для крепления ремня и железным подвижным шпеньком. Длина пряжки 12 см, ширина — 5 см.

Наконечники стрел железные и костяные. Стрелы, очевидно, носились в колчанах, но сами колчаны не сохранились. Найден один железный крюк для крепления колчана в виде вытянутой трапецевидной пластины с двумя заклепками и заканчивающийся загнутым острием. Обнаружена одна железная загнутая колчанная скоба. На концах имеются заклепки для крепления. К предметам вооружения относится боевой чекан, чекан с молотовидным обухом со шляпкой и слегка выгнутым прямоугольным лезвием длиной 10,5 см, шириной 2,5 см.

Луки представлены роговыми накладками, которые найдены в 24 погребениях. Деревянная кибыть не сохранилась. Накладки делятся на центральные (17 экз.) и плечевые (5 экз.). Центральные накладки длиной от 21 до 29,5 см с расширяющимися веслообразными концами, чаще всего симметричные, но встречаются накладки и с неравными концами. Плечевые накладки двух видов — длинные с приостренным концом и прямоугольной формы с ровно срезанными концами. Найдена накладка с прорезанными двумя пазами для тетивы.

К оружию ближнего боя относятся сабля и кинжал. Сабля с круглым перекрестием и рукоятью, немного отклоненной в сторону лезвия, лезвие слегка изогнуто. Длина сабли 59 см. Кинжал с длинной рукоятью в ножнах из дерева, размеры кинжала 24 см.

Украшений известно немного: серьги из электра в виде кольца с несомкнутыми концами, бусы-пронизки из синего стекла, бронзовые нашивные бляшки из тонкой пластинки с выпуклым узором, железные незамкнутые браслеты. С одеждой связаны бронзовые пуговицы сферической формы, кусочки шелковых тканей темно-коричневого цвета. Ткани были трех сортов: парча, тафта, саржа. Из хорошо выделанной кожи сохранились остатки обуви и ремней от пояса. Исследователи предполагают, что обувь была на мягкой подошве, без подметок и каблуков (Седякина, 1965. С. 200). Поясной ремень имел железную пряжку двух типов: 1 — овальной формы с подвижным язычком и 2 — кольцевидную без язычка. Пряжек найдено всего 3 экз. Видимо, большая часть населения подпоясывалась кожаным или тканым ремнем без пряжек.

Изучим вопросы хронологии захоронений сэгенутского типа.

Погребения в колоде. Данный тип захоронений составляет основную часть могильника Усть-Талькин. Причем выделяются группы могил с западной ориентировкой и небольшое количество захоронений, направленных головой на восток.

Начнем с датировки погребений в колодах с западной ориентировкой. Преобладающая часть могил ограблена и без находок или, как в погребениях (4, 36, 38, 79), найдены единичные вещи: стрелы, ножи, железный крючок.

В отчете отсутствует подробное описание находок, нет и рисунков, что не позволяет использовать их для хронологии. Поэтому остается шесть могил (1, 10, 21, 41-2, 35, 57), материал которых может прояснить вопрос об их датировке. Стрелы могилы 1 (рис. 47, 8, 9) очень плохой сохранности, тем не менее формы их различимы. Аналогичные стрелы известны в погребениях XVI—XVII вв. и в более поздних западносибирских материалах, например, могильники Абрамово 10 и Кыштовка 2 (Молодин и др., 1990. Рис. 41, 6, 9;

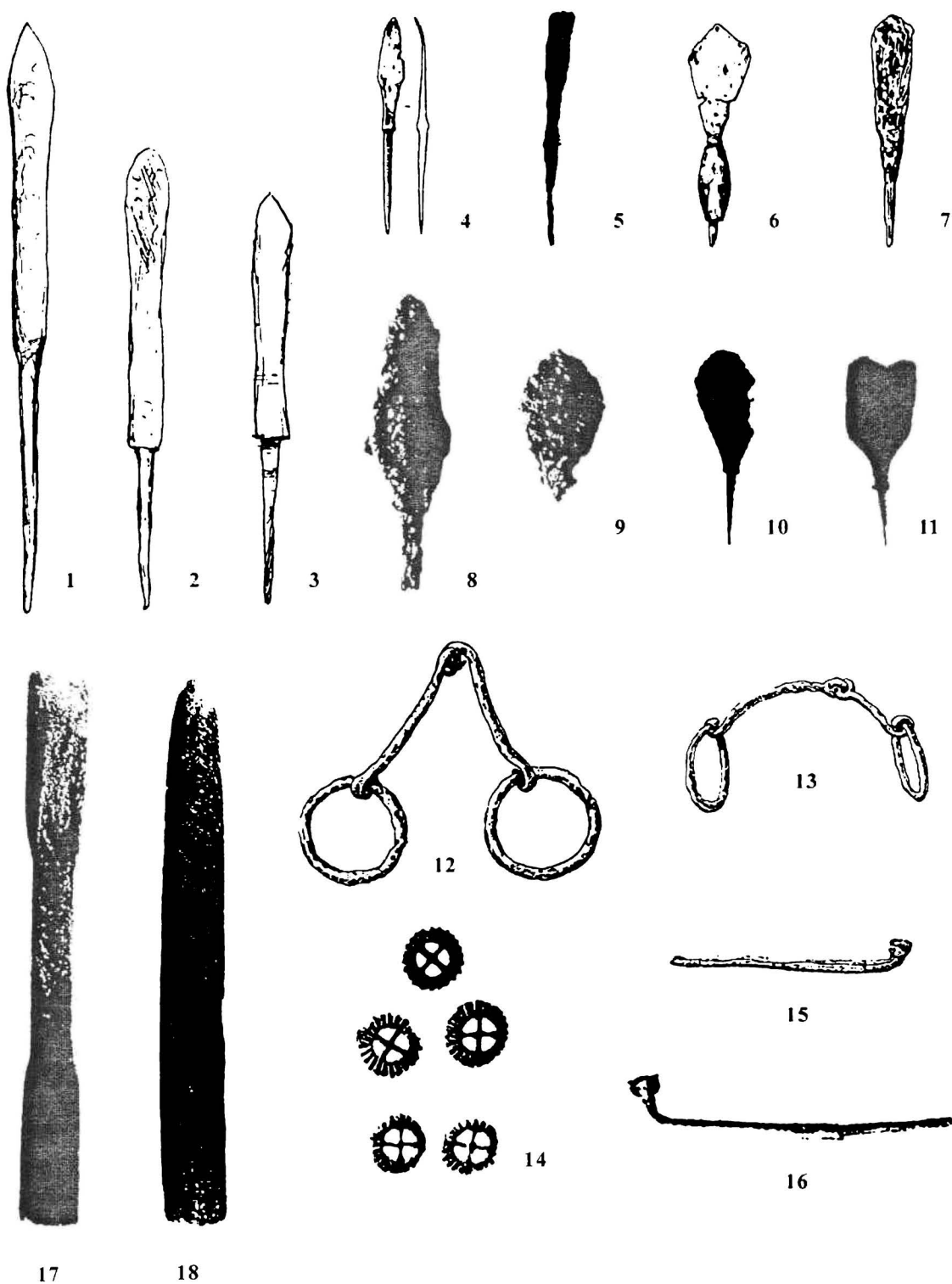


Рис. 47. Усть-Талькин. Вещи из погребений: № 1 (8, 9); № 2 (5, 10, 11, 14, 15, 17, 18); № 3 (3); № 10 (6); № 21 (4); № 33 (7); № 41-1 (16); № 57 (1, 2) (по Е. Ф. Селякиной)

рис. 42, 1, 2, 3, 5). Стрелы погребения 57 (рис. 47, 1, 2) — удлинённые, ланцетовидного типа, характерны для бурятских могил XVII—XVIII вв. Аналогичные находки известны в комплексах скальных погребений, исследованных Г. П. Сергеевым и Э. Р. Рыгдылоном в долине реки Уды и хранящихся в фондах Музея истории Бурятии (кол. 643). Находки из могилы Усть-Талькин 35 не противоречат этим датам, длинная костяная поделка с отверстиями на концах встречена в могиле 1, что может свидетельствовать в пользу хронологической близости данных погребений. В погребении 10 найден плоский укороченно-ромбический наконечник с костяной свистулькой (рис. 47, 6), сходные типы уже были найдены в ранее датированных XVI—XVII вв. могилах. Долотовидные и килевидная стрелы (рис. 47, 4) из могилы 21 относятся к этому же времени.

В захоронениях (6, 7, 11, 34, 40) материал не имеет широкого распространения или, наоборот, индивидуален и пока не поддается хронологии: бляшка из могилы 7 и железная пилка из погребения 11. Хотя эти предметы должны быть присущи поздним захоронениям.

Погребения в колоде и каменном ящике состоят из трех могил и представлены хорошо документированными находками. Могилу 2 могут датировать: накладки лука, набор стрел, бляшки из сплава олова и свинца и курительные трубки-ганза (рис. 47, 14, 15, 17, 18). Накладки лука с центральной лопаточковидной и приостренной концевой известны в материалах могильника Абрамово 10 (Соловьев, 1987. С. 24. Рис. 4—1). Среди находок XVI—XVII вв. получили распространение стрелы (рис. 47, 5, 10, 11), однотипные стрелы найдены в Барабинской лесостепи (Соловьев, 1987. Табл. V, 14; Молодин и др., 1990. Рис. 42, 10, 11; рис. 43, 11). Долотовидная стрела обнаружена в погребении бурятского шамана из Кижинги (Хамзина, Именохоев, 1981. Рис. 5, 1). Типичные сбруйные бляшки (рис. 47, 14) получили распространение в бурятских материалах XVII—XVIII вв., на эту же дату указывает и материал изготовления — сплав олова и свинца. Подобные сплавы характерны для поздних средневековых находок. На позднюю дату погребения указывают и трубки-ганза. Аналогичные трубки обнаружены Л. Р. Кызласовым в тувинских погребениях XVI—XVII вв. (1964. С. 85). Подкрепляют эту дату бляшки, украшенные насеченным серебром, что характерно для изделий бурятских дарханов.

В погребении 3 датирующими являются узкие ланцетовидные стрелы (рис. 47, 3). Они, как уже говорилось, присущи поздним бурятским погребениям. Из могилы 5 известна лишь роговая накладка на лук, обернутая полосками бересты. Сходная традиция берестяной обмотки наблюдается в могилах XVI—XVII вв. памятника Абрамово 10. Исследователями (Молодин и др., 1990. С. 46) уже отмечен этот прием в изготовлении луков.

Колода с берестой известна в трех захоронениях. Датирующая находка встречена лишь в могиле 41-2. Здесь найдена концевая накладка лука с приостренными концами, аналогичная накладке погребения 1.

Ямные погребения. Представлены четырьмя могилами (18, 22, 41, 74). Центральная накладка лука погребения 18 разрезана на отдельные сегменты (рис. 48). Данная традиция не характерна для XIII—XIV вв. и, очевидно, появилась в более позднее время.

В 22-й могиле находок нет, но зато погребение 41-1 оказалось совершенно неразрушенным. Здесь, как и в могиле 2, найдена бронзовая курительная трубка-ганза (рис. 47, 16). То есть и погребения этого типа мы можем отнести к XVI—XVII вв. н. э.

Грунтовые погребения в колоде. Полностью грунтовым является могильник Шебуты III. Исследователи памятника — В. И. Бердникова и В. С. Николаев — датировали его XII—XVI вв. (1994. С. 65). Материалы погребений позволяют предположить более точную хронологию. Инвентарь памятника во многом схож с материалом погребений Усть-Талькин. Это отметили В. И. Бердникова и В. С. Николаев (1994. С. 64). Прodelанная нами хронология Усть-Талькина (XVI—XVII вв.) дает возможность говорить о близости к этому периоду могильника Шебуты III. Но, в отличие от Усть-Талькина, здесь мы имеем подпружную пряжку и крылатый наконечник более раннего времени (Бердникова, Николаев, 1994

Рис. 5, 6; рис. 12). Не исключено, что грунтовые погребения в колоде могильника Шебуты III имеют дату XV–XVI вв.

Таким образом, погребения с северной и северо-западной ориентировкой могильника Усть-Талькин имеют материал, хронология которого укладывается в рамки XVI–XVII вв.

Погребения в колоде с северо-восточной ориентировкой практически все разрушены. Лишь в могиле 33 найдены срединная лопаточковидная обкладка лука и железный наконечник стрелы (рис. 47, 7). Стрелы данного типа получили широкое распространение в XIII–XIV вв. Они известны в материалах древнемонгольской столицы Каракорум (Кисслев, Мерперт, 1965. Рис. 108, 1), в могилах часовенногорского типа (Кудыргэ, 14) на Алтае (Гаврилова, 1965. Табл. XXV, 6–8), найдены в комплексах XIII–XIV вв. в Забайкалье (Хамзина, 1970. Табл. III, 1; табл. IV, 10). Это погребение вместе с могилой 34 находится в группе, где большая часть погребений ориентирована на северо-северо-запад и северо-запад, и на плане (рис. 45) они выделяются. Внутримогильная конструкция этих двух могил — колода, она ничем не отличается от колод, помещенных в погребения с северо-западной ориентировкой.

Очевидно, могилы с северо-восточной ориентировкой могильника Усть-Талькин более ранние, чем могилы с северо-западной ориентировкой, возможно, какое-то время они существовали вместе, так как некоторые планиграфические группы включают могилы с разными ориентировками. Поэтому их возможная дата — XV–XVI вв. В пользу этой даты говорит и традиция, которая не отмечена в могилах XIII–XIV вв. — разрезание центральной накладки на сегменты. Такая накладка была найдена в могиле Усть-Талькин 18.

Теперь рассмотрим хронологию могил с отдельными захоронениями коней. По нашему мнению, мужское погребение Усть-Талькин 21 (рис. 49, 6–14) связано с могилой 20, где захоронен конь (рис. 49, 1–5). Как мы уже говорили, могила 21 датируется XVI–XVII вв., наконечники стрел (рис. 49, 1–3), обнаруженные в погребении с конем, также относятся к этому времени. Если взять находки из могилы с конем Усть-Талькин 29, то удила и стремяна (рис. 50, 1, 2) характерны для позднесредневековых могил. Не противоречат этому времени и находки удила из могил 16, 25 (рис. 47, 12, 13).

Итак, мы можем подтвердить правоту А. П. Окладникова, который отнес могильник Усть-Талькин к XV–XVII вв. и связал его с бурятами. Действительно, преобладающая часть памятника относится к этому времени. Дальнейшая задача заключается в поиске истоков обряда захоронений с конем в отдельной яме и поисках более ранних комплексов.

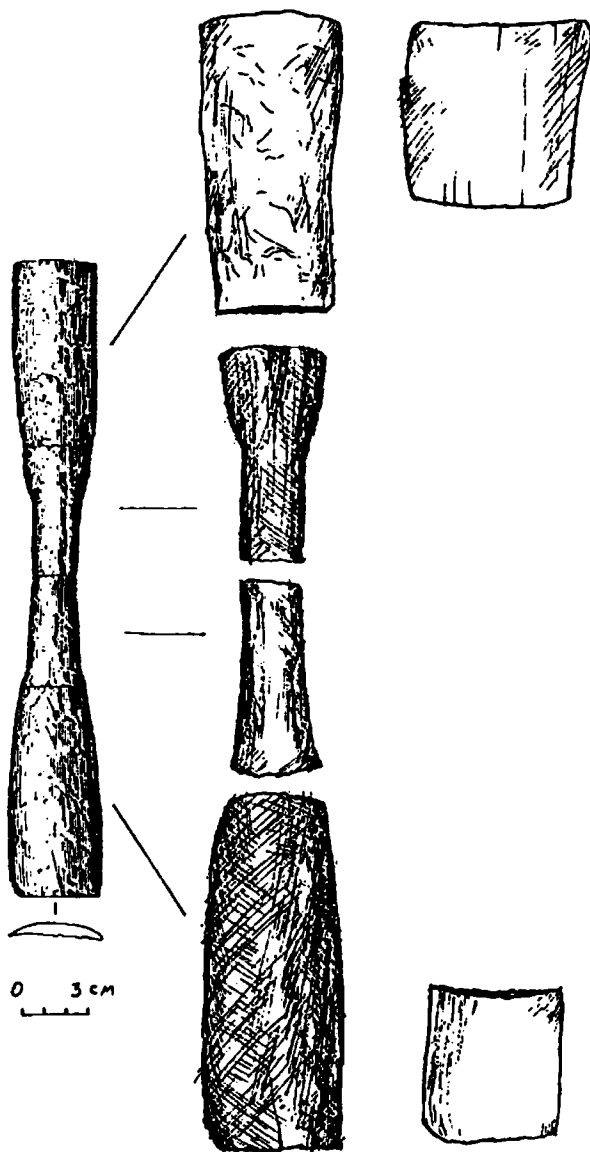


Рис. 48. Усть-Талькин. Накладки лука погребения № 18 (по Е. Ф. Седякиной)

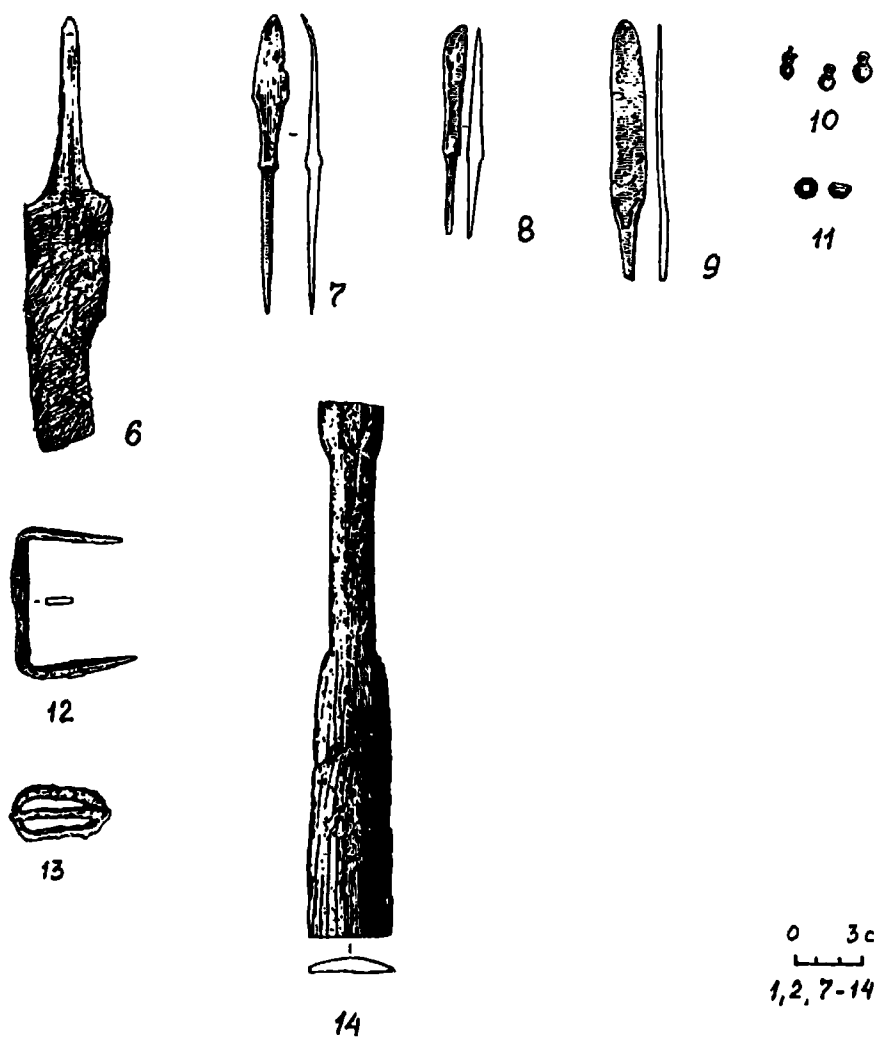
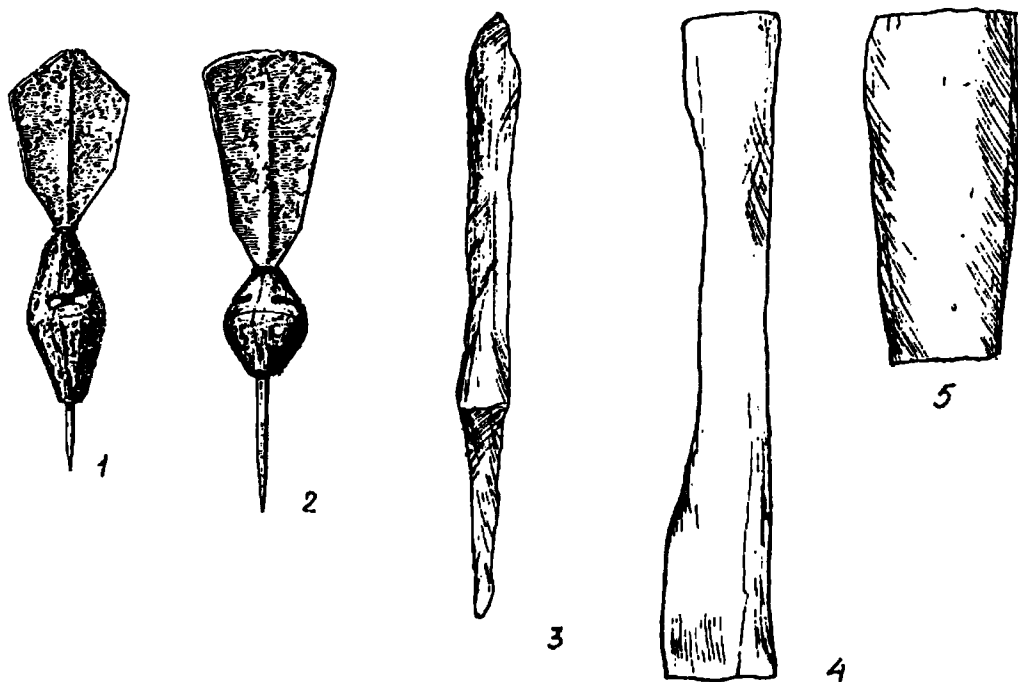


Рис. 49. Усть-Талькин. Вещи из погребений: № 20 (1–5); № 21 (6–14) (по Е. Ф. Седякиной)

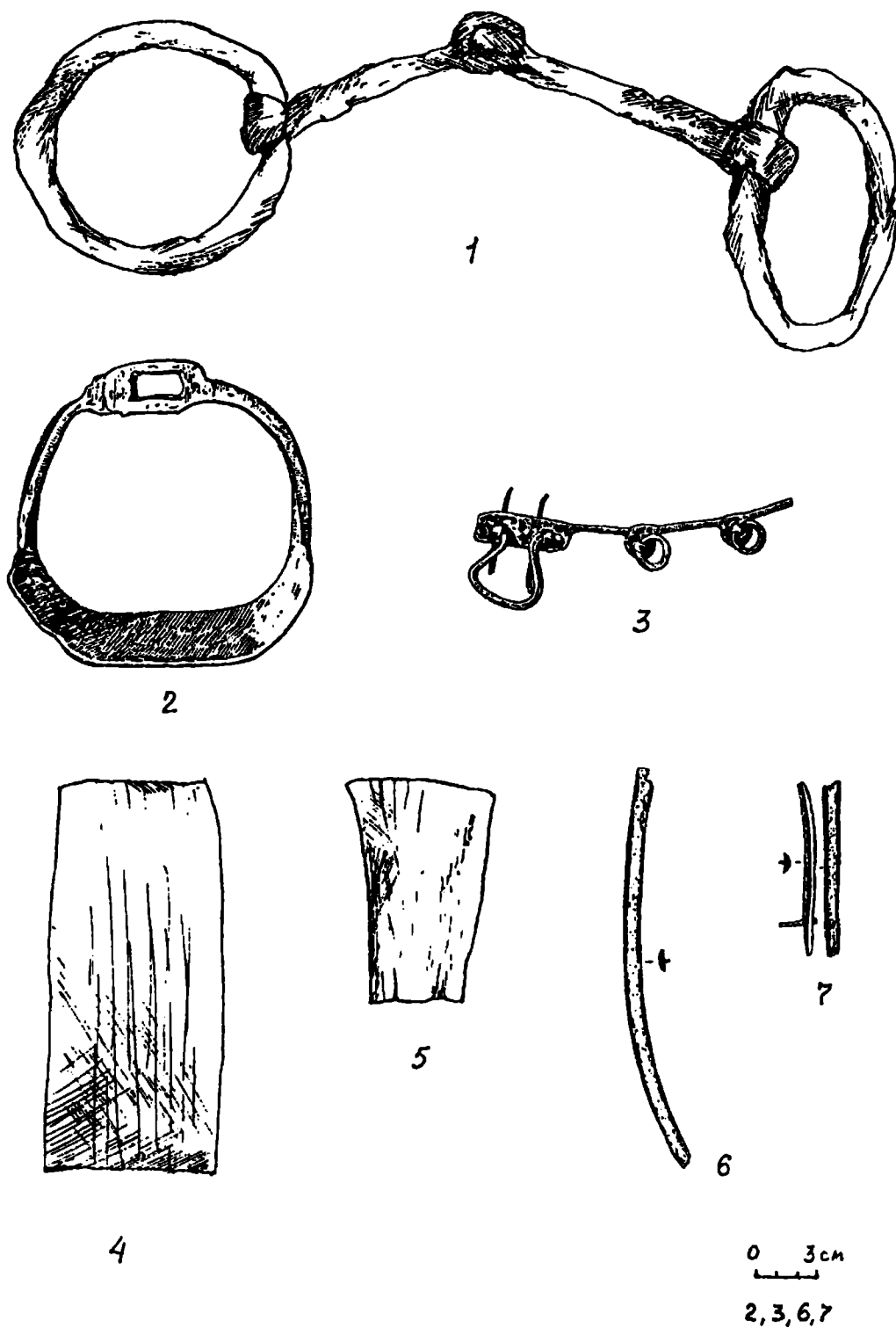


Рис. 50. Усть-Талькин. Вещи из захоронения коня № 29 (по Е. Ф. Седакиной)

Погребения инского типа в Баргузинской долине

Байкальской археологической экспедицией в 1991 г. был исследован могильник Ина эпохи позднего средневековья. Этот памятник по времени сближается с могилами сэгенутского типа, но здесь не обнаружены захоронения с конями.

Захоронения в дощатом гробу (восемь погребений). Надмогильная конструкция выложена из рваных плит гнейса. Мощность насыпи в один-два слоя и не превышает 30 см. По

форме выделяются два типа кладок — овальные и прямоугольные. Прямоугольные насыпи расчищены на могилах Ина 2 и 16. Насыпь могилы 16 первоначально по периметру была выложена боковыми камнями, а затем более мелкими плитами заполнен центр. Ближе к северо-восточной части находился вертикально стоящий камень. В погребении Ина 1 в юго-западной стороне насыпи в центральной части установлен вертикально стоящий камень. Находок при расчистке насыпи не встречено, лишь в кладке могилы Ина 2 отмечены редкие угольки.

Все могильные ямы прямоугольной формы. Их размеры зависят от возраста умершего. Детские могилы небольшие и неглубокие. Во всех могилах умершие лежат вытянуто на спине. В двух могилах (Ина 10, 21) наблюдались обычаи, возможно, намеренного расчленения трупа. В первом погребении берцовая кость левой ноги была положена рядом с бедренной костью, а во второй могиле полностью отсутствовали длинные кости с правой стороны скелета и челюсть находилась с правой стороны черепа. Следов ограбления могилы отмечено не было, очевидно, именно так был положен умерший или его кости. В погребении Ина 10 левая берцовая кость положена рядом с бедренной. В шести захоронениях умершие направлены головой на северо-восток и в двух могилах на северо-северо-восток. В пяти могилах находились взрослые костяки, а в погребениях Ина 6, 8 расчищены детские скелеты.

Кости животных. В четырех погребениях обнаружена нога барана. Местонахождение ее было различно: выше гроба в изголовье, в центре. В могиле 1 под дном гроба у ног расчищен позвонок барана.

Захоронения в колоде (четыре погребения). Насыпи овальной формы длиной 280—320 см и шириной 140—150 см. Мощность 15—25 см. Кладка прямоугольной формы из крупных камней. Размеры насыпи 110×230 см. Ориентирована по линии север-юг. Яма прямоугольной формы длиной 200—230 см, шириной 50 и глубиной 60—75 см. Яма овальной формы длиной 150 см и шириной 70 см. Все погребенные находились на спине, руки вытянуты вдоль тела (два погребения), сложены на «животе» (одно погребение), правая положена на «живот», левая вытянута вдоль тела. Две могилы направлены головой на северо-восток, одна — на северо-северо-восток и еще одна — на северо-северо-запад.

Во всех захоронениях найдены взрослые скелеты.

Кости животных. В могиле Ина 12 с правой стороны головы в колоде находилась нога барана.

Предметы бытового назначения. В четырех погребениях найдены невыразительные фрагменты горшков. Тесто с дресвой, качество обжига плохое, черепки рассыпаются. Керамика могильника Ина не орнаментирована. Все ножи железные. Наряду с ножами длиной 13—15 см есть небольшой ножичек длиной не более 3 см, с деревянной рукояткой. рядом найден чехол, изготовленный из бересты.

Предметы вооружения и конского снаряжения представлены удилами и наконечниками стрел. Накладки лука: центральная накладка с лопаточковидными расширениями на концах и широкая полуовальная в сечении боковая обкладка. Вместе с ними найден небольшой костяной вкладыш, использовавшийся при изготовлении лука.

Предметы одежды и украшения. Круглые пуговицы с отверстием в центре из перламутра. Круглые бронзовые пуговицы, одна в виде пустотелого шарика. Одна серьга в виде бронзового колечка, а вторая со стеклянной бусиной, укрепленной на конце. Бляшки достаточно разнообразны и изготавливались из бронзы и бересты. Интересна находка бронзового украшения в виде буддийского культового предмета — ваджры, а также в виде, очевидно, изображения Будды с тремя драгоценностями, расположенными над головой в виде трех кругов (рис. 51, 4, 10). Находки бус единичны. Все бусы изготовлены из стекла.

Инвентарь, полученный из погребений инского типа, находит аналогии в погребениях могильника Усть-Талькин и Шебуты III, но здесь нет удил и стремян, которые датировались бы XVI—XVII вв. Не исключено, что могильник Ина несколько ранний по време-

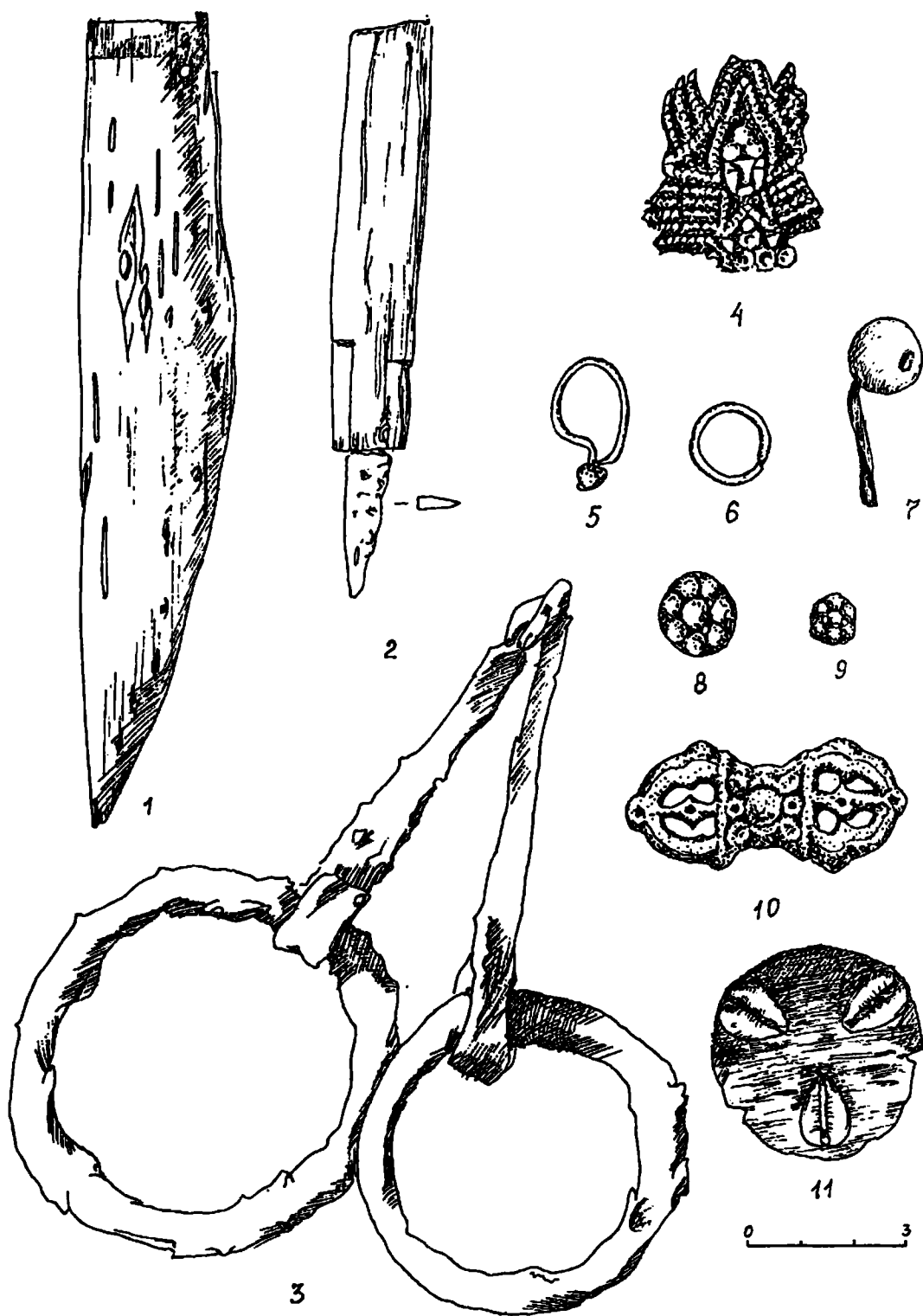


Рис. 51. Ина. Вещи из могильника (по автору)

ни — XIV–XV вв. Эта дата подтверждается и результатами радиоуглеродного датирования (могила Ина 16 — 625 ± 40 , условный возраст 1325 г. н. э.).

Рассмотрев еще одни памятники эпохи позднего средневековья, связанные с эвенками и представляющие ундугунскую культуру, попытаемся на основе изученных археологических комплексов показать взаимодействие тюркских и монгольских компонентов в бурятском этно- и культурогенезе.

Ундугунская культура была выделена археологической экспедицией Читинского пединститута в 1974 г. по месту открытия первого могильника у озера Ундугун. Дальнейшие исследования позволили определить территорию распространения этой культуры. Она в основном занимает лесостепные и лесные зоны северо-западных, центральных и восточных районов Восточного Забайкалья — в верхнем течении реки Хилок, по Ингоде и Шилке и по системе Беклемишевских озер выходит к соседней Бурятии. Исследователи сразу отметили, что границы культуры во многом совпадают с областью расселения эвенкийских родов в XVII—XIX вв. (Кириллов, 1983. С. 124; Ковычев, 1984. С. 50, 51). Работами нашей экспедиции памятники ундугунской культуры были исследованы в Баргузинской долине. Следовательно, территория расселения этой культуры заходит за Яблоновый хребет и расширяется по лесной зоне почти до Байкала. Хронология культуры определяется XIV—XV вв. (Кириллов, 1983. С. 137).

Погребальный обряд ундугунской культуры во многом близок к традициям, получившим распространение в саянтовой культуре. Эти культуры схожи однотипными надмогильными сооружениями, обозначенными на поверхности каменной насыпью, чаще всего овальной формы; внутримогильными конструкциями в виде колоды, гроба; наличием вертикально установленной ноги барана рядом с умершим. Сопоставим инвентарь этих культур (Кириллов, 1983. С. 136; Ковычев, 1984. С. 76). Вместе с тем забайкальские археологи показали те принципиальные отличия, которые позволили выделить самостоятельную ундугунскую культуру.

Для ундугунской культуры характерны следующие черты: наличие вторичных погребений; использование в погребальном обряде лодок-долбленок; широкое использование кости и рога для изготовления различных изделий, украшений и наконечников стрел. Этоопределяющим признаком служат и орнаменты на предметах ундугунской культуры. Аналогичный декор встречается именно в эвенкийских украшениях — развитый геометрический узор в виде квадратов, прямоугольников, циркульного орнамента (Кириллов, 1983. С. 137).

Изделия из рога и кости, украшенные орнаментом, характерным для ундугунских изделий, были получены нами в погребениях из местности Хасхал на северо-востоке Бурятии. Эти украшения, а также некоторые черты погребального обряда позволили нам связать данные захоронения с ундугунской культурой. Здесь, в Баргузинской долине, исследовано два могильника, где обнаружены грунтовые могилы с умершими, положенными в колоду. Могильники были почти полностью уничтожены. Памятник Хасхал VI пострадал при строительстве дороги, а соседний могильник Хасхал VII развеян ветровой эрозией. Могильные ямы не сохранились. На поверхности находились полуразрушенные деревянные колоды. Поза умерших восстанавливается лишь в могиле Хасхал VII, 1. Захоронение произведено вытянуто на спине. В двух могилах ориентировка северо-восточная, а в погребении Хасхал VII, 1 — северо-северо-восточная. Все погребения взрослые, могилы Хасхал VI, 1 и Хасхал VII, 1 женские.

Предположения, высказанные И. И. Кирилловым и Е. В. Ковычевым об отнесении погребений ундугунской культуры к таежным насельникам Восточной Сибири — эвенкам, представляются нам совершенно обоснованными. Для эвенков был характерен обряд вторичного захоронения, отмеченный в ундугунской культуре. Таких погребений исследовано достаточно много. В могилу складывались кости разложившегося на поверхности трупа. порядка в расположении костей не было, нередко отсутствовали черепа, на костях видны следы зубов зверей. У тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока этот обычай был распространен почти до XX в. Л. Н. Штенберг писал: «...строят либо помосты, на которые укладывают трупы, либо их помещают на деревьях в лодках» (по Кириллову, 1983. С. 137). Г. М. Василевич отмечала, что окончательное «отправление души умерших в мир мертвых» происходит примерно через год (Там же). Е. В. Ковычев указывал, что именно в районах

распространения ундугунских могильников поздние источники размещают «конных эвенков», близких к бурятам по типу хозяйства и культуре (1984. С. 58).

В XVII–XIX вв. многие эвенкийские роды оказались обурятившимися и вошли в состав формирующего бурятского народа (Шубин, 1973. С. 42, 43). По данным Ц. Б. Цыдендамбаева, среди бурят насчитывается 17 групп с эвенкийскими названиями, что составляет около 10 % к общему числу всех родов и различных ответвлений бурятского народа (1981. С. 75). Среди ленских бурят, по устной традиции, с эвенками связывают Хамнагдай – одного из потомков прародителя Эхирита. Хамнагдай буквально значит «происшедший от хамниганов (эвенков)». В исторической легенде о его происхождении повествуется о времени, относящемся к концу XV – началу XVI в. В местах совместного проживания случаи женитьбы бурят на девушках эвенкийского происхождения были нередкими. В селе Нагатай в местности Кырма Эхирит-Булагатского района говорили: «Женщины наши родом из эвенков, а мужчины наши родом из бурят». С эвенкийским происхождением могут быть связаны представители зомотского рода унгинских бурят, шошолоки Тункинского и Закаменского районов, долонгуты, проживающие по рекам Аларь и Китой, на реке Куде и в Мухоршибири. Некоторое количество эвенкийских выходцев вошло в состав хоринских бурят – главным образом на восточных границах расселения (Цыдендамбаев, 1981. С. 73).

О тесных контактах бурят и эвенков немало известно из бурятского фольклора. В эпических произведениях достаточно часто упоминаются брачные связи между эвенками и бурятами. В улигере «Шоно батор» невесту героя отдают в жены Хара-хамнигану, то есть эвенку. В шаманских гимнах бурят также воспеваются знаменитые эвенкийские предки: «Я из рода шестидесяти почитаемых, я из рода шестидесяти восьми хамниганов. Предки мои – шаман хамниганского рода и великая шаманка-плясунья» (Бураев, 1989. С. 134). Имя прародительницы булагатов – шаманки Асуйхан может быть объяснено на основе эвенкийского языка. В вилуйском говоре слово *асикакан* означает «красавица». В результате выпадения одного из одинаково звучащих слогов *ка* могло получиться более короткое слово *асыкаан* (Цыдендамбаев, 1972. С. 525).

Разумеется, столь тесные взаимоотношения бурят с эвенками не могли не оказать влияния на бурятский язык. В лексике и фонетике бурятского языка выявлено достаточно много эвенкизмов. Эти лексические и фонетические параллели плодотворно исследованы в работах Ц. Б. Цыдендамбаева (1981), И. Д. Бураева (1989), В. И. Рассадина (1989).

В материальной культуре бурят отмечается наличие «таежного» культурного комплекса. По мнению Д. Д. Нимаева, с эвенкийским и другими аборигенными народами таежной зоны Сибири можно увязать в декоративно-прикладном искусстве бурят наличие простых геометрических узоров в орнаментике, мозаичных ковров (хубсаров), сшитых из небольших кусков камуса. Не исключено, что и тип поршневидной обуви бурятами заимствован у пеших охотников-звероловов горной тайги (Нимаев, 1989. С. 102).

Дальнейшие целенаправленные исследования эвенкийско-бурятских, а в целом монгольских и тунгусо-маньчжурских связей многое прояснят в вопросе межэтнических контактов народов алтайской языковой семьи на разных этапах их исторического развития. Принципиальное значение имеют лингвистические выводы В. И. Рассадина: «...эти языки (монгольские и тунгусо-маньчжурские) на раннем этапе своей эволюции длительное время развивались в составе единого языкового (а соответственно и племенного) союза» (1989. С. 150).

2. Тюркские и монгольские компоненты в культурогенезе и этногенезе бурят

Изучение археологических материалов XV–XVII вв. способствует уточнению состава этнической среды, на основе которой произошло сближение и объединение различных по своему происхождению групп в единый бурятский народ.

Кыпчакское влияние на бурятский этногенез. По нашему мнению, погребения с конем сэгенутского типа свидетельствуют об участии в бурятском этногенезе нового населения.

В бурятских погребениях с конями XVI–XVII вв., таких как Сэгенут, Усть-Талькин, Шебуты III, отмечены новые черты, не характерные для предыдущего времени. К этим признакам мы можем отнести сопровождающие захоронения коней, коров и баранов, связывание крышек погребальной колоды, западная ориентировка умерших. В инвентаре это выражается в костяных пряжках с приостренным носиком сrostкинско-го типа. Надо отметить, что аналогии сходным элементам погребального обряда и инвентаря наблюдаются на широкой территории лесостепей Алтая и Западной Сибири, вплоть до Южного Урала. Исследователи связывают этот пласт с распространением кыпчакских племен (Савинов, 1984. С. 115; Иванов, Кригер, 1988).

Если рассматривать историю развития обряда погребений с конем, то он получает широкое распространение в VI–X вв. н. э. на территории расселения древнетюркских племен. Как считают исследователи, тюрки могли перенять этот обряд от родственных племен Алтая, а у древних алтайцев погребения с конем впервые зафиксированы в VII–VI вв. до н. э. Это позволяет считать обряд захоронения с конем этническим признаком тюркских народов (Константинов, 2003. С. 22). Следует уточнить, что многие народы, отличающиеся своим происхождением и культурой — славяне, финно-угорские племена, французы, практиковали обычаи сопровождения умершего лошастью. Для нашего региона — Сибири и Центральной Азии — большинство ученых вполне аргументированно относят захоронения с конем к тюркской традиции (Нестеров, 1990. С. 67–85).

Какие тюркские племена могли оказать влияние на процесс этногенеза бурят? Аналогичный сэгенутскому типу обряд захоронений коней в отдельной яме встречается в дохристианских якутских погребениях. Очевидно, это может говорить о каком-то едином тюркском компоненте, который вошел в культуру западных бурят и якутов. Именно так предлагал рассматривать данный факт И. В. Константинов. Он полагал, что в эпоху монголов в Прибайкалье продолжали обитать или вновь появились тюркоязычные племена, близкие к усть-талькинцам, которые занесли обычай закапывать умерших вместе с конем в бассейн Верхней Лены (2003. С. 23). Дальнейшие исследования якутских ученых более конкретно уводят истоки якутских захоронений с конем в кыпчакскую среду (Гоголев, 1986. С. 33). Поддерживая предложения якутских археологов о том, что обряд могильника Усть-Талькин имеет тюркские кыпчакские корни, думается, что этот в исходной основе кыпчакский комплекс к приходу русских был уже монгольским по языку, но до этого он прошел на реку Лену и стал основой сложения якутского этноса.

Собственно могильник Усть-Талькин следует рассматривать как памятник, оставленный племенным объединением булагатов — одним из основных бурятских племен. Могильник располагается на территории, занимаемой булагатскими родами. В XV–XVI вв. булагаты, вероятнее всего, уже заселяли эти земли.

Помимо сходства погребальных обычаев, некоторых предметов погребального инвентаря, имеются другие свидетельства, указывающие на кыпчакские корни в бурятском народе. Обратимся к данным антропологии. Надо отметить, что среди западных бурят европеоидные черты более выражены: светлая кожа, мягкие, а не жесткие волосы, более широкий разрез глаз. Эти антропологические признаки характерны и для якутов. Краниологические исследования И. М. Золотаревой показали, что наиболее сближены с якутами булагатские буряты, что может объясняться общностью этнических компонентов, вошедших в состав якутов и булагатов (1960. С. 25). Следовательно, археологические данные (погребения с конями) и краниологические обмеры позволяют говорить о тесной близости бурят-булагатов и якутов.

Какими этническими группами могли быть сформированы эти признаки и с какого времени они получают распространение в Восточной Сибири?

Антропологический облик средневековых групп Прибайкалья и Забайкалья представлен монголоидами, но он неоднороден (Мамонова, 1961; Бураев, 2000). Наряду с монголоидами имеются отдельные черепа явных европеоидов. Нами в долине реки Куды раскопано два погребения саянтойской культуры с ярко выраженными европеоидами. А. Д. Цыбиктаровым исследовано средневековое погребение в подбое с европеоидными чертами (все определения А. И. Бураева). Ю. Д. Талько-Грынцевичем изучено захоронение в берестяном пакете, в котором находился монголоид, волосы его были темно-каштанового цвета, местами рыжие (1902. С. 46). Интересно, что в текстах западнобурятских шаманских призываний, а они сохранили значительный архаический пласт, упоминается «русый-прерусый Хойлонго» (Окладников, 1959. С. 182). В этих призываниях нередко «уйлгарским языком говорящие», то есть тюркоязычные онгоны (Хангалов, 1958. С. 467). Возможно, не случайно в бурятских сказках присутствуют рыжие герои, например рыжая женщина Табхальжан и ее рыжая дочь.

Для разъяснения этого вопроса обратимся к книге С. М. Ахинжанова, проделавшего большую работу по выяснению истории кыпчаков (1989. С. 73–88). Многие средневековые авторы отмечали разницу в облике между кыпчаками и большинством окружающих их народов. Отличие это заключалось во внешнем виде. Кыпчаки имели признаки европеоидной примеси. Прежде всего, это выражалось в цвете их волос — желтых, светло-рыжих, белокурых, половых. Цвет глаз не всегда был черным, они могли быть голубыми, зелеными. Название «половцы» они, скорее всего, получили из-за своего внешнего вида: «половцы» — это производное от славянского слова «плава» — солома, отсюда «половый» — бледный, беловато-соломенный цвет (по Ахинжанову, 1989. С. 77).

С. М. Ахинжанов пишет: «В западноевропейских, византийских, армянских, грузинских источниках они называются с позиции их языка по-своему — команы, куманы, валаны, плавцы, хардиаш. Все эти названия, относящиеся к одному и тому же народу, переводились в основном как «желтые, бледно-желтые, русые, белокурые». Вероятно, облик этого племени настолько отличался от облика других кочевых народов, что все информаторы, которые сталкивались с ними, независимо друг от друга, дают им одно и то же наименование, отмечающее их необычный внешний облик, цвет их волос» (1989. С. 79, 80).

Ю. Немет показал, что все наименования половцев являются калькой с их тюркских названий «куман» и «кун», которые восходят к слову «куба» — бледный, желтый (по Ахинжанову, 1989. С. 80). О. Т. Молчанова выявила большое количество прилагательных, образованных от основы *куба* и *куу*. В киргизском языке *куба* — белый, бледный, блондин, в казахском *куба жигит* — бледнолицый парень, *ак куба* — белый-белый (о красивом лице), а прилагательное *куу* — бледный, белый, серый, бледно-желтый (Молчанова, 1986. С. 199).

С. М. Ахинжанов исследовал имена половецких ханов с персонифицированными этнонимами Кубан — Кунам, Кобан — Кубан (1989. С. 83). Отметим, что аналогичные этнонимы известны, в частности, в Сибири. Кубанов род или улус был в Хакасии и на Алтае. Несомненную связь можно выявить с аналогичными бурятскими фамилиями, такими как Хубанов, Хуванов. То есть имя кыпчаков «куман» в разных формах встречается у многих сибирских народов. В бурятском языке известно выражение «хубаа, хуваа», которое связывается преимущественно с западными бурятами. Вероятно, бурятское слово «хуваа» есть также сохранившееся в монгольской языковой среде самоназвание кыпчаков *куба* — *куман*, *коман*.

Укажем, что в известной летописи «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна легендарная прародительница монголов Марал-хатун происходит из рода гова. Бортэ-чино встретил ее у берегов Байкала (Балданжапов, 1970. С. 137). Не есть ли род гова и имя кыпчаков «куба — хуваа» одно и то же слово. По монгольскому корнеслову О. М. Ковалевского, монгольское «хо-а, хов-а» переводится как «беловато-желтый, светло-каурый» (по Румянцеву, 1962. С. 190). Г. Н. Румянцев, исследуя переход тюркского (якутского) названия тотема лебедя

Хубай-хатун, звучавшего на монгольском (бурятском) как Хобоши-хатун, отметил, что в некоторых диалектах бурятского языка звуки *о* и *у* не различаются (1962. С. 163; см. также Цыдендамбаев, 2001. С. 230, прим. 505).

Данный пример показывает, что взаимодействие и тесное переплетение тюркских, в частности кыпчакских, родов с монголами уходит в глубокую древность. Говоря о тюрко-монгольских контактах, следует обратить внимание на наличие рода хуасай среди хоринских бурят. По мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, «бурятское *хуа* в этнониме *хуасай* могло получиться из *куба* в результате выпадения интервокального согласного *б* и перехода согласного *к* в *х*» (2001. С. 151). Не исключено, что еще один род хоринцев может связываться с кыпчаками. Анализ хоринского имени *кубдууд* привел Ц. Б. Цыдендамбаева к выводу, что основой этого названия могло быть *кубэ-* или *кубэ(н)*. Он также указал, что названия кубдутских кукуров — байтай, борюха, лэгдцууд — не находят удовлетворительного объяснения в монгольском и бурятском языках. Они скорее созвучны якутским родам и прозвищам — баиды, Боруку. Исследователь склонился к выводу, что «основе хори-бурятского этнонима кубдут ближе тюркское звучание, нежели монгольское» (Цыдендамбаев, 2001. С. 152).

Важен для понимания кыпчакского влияния анализ одного из основных хоринских тотемов. Хоринские буряты признают лебедя своей священной птицей. В этом они сближаются с якутами, которые почитают светлые божества Урун Айы и его супругу Кубахатын, явившуюся их предкам в виде лебедя. Следует сказать, культ лебедя в целом характерен для тюркских народов. На якутском языке лебедь — хубай, уже говорилось о том, что Г. Н. Румянцев показал связь бурятского названия лебедя Хобоши-хатун с якутским Хубай-хотун. Идеи Г. Н. Румянцева нашли в работе Ц. Б. Цыдендамбаева дополнительные аргументы. Ц. Б. Цыдендамбаев задает вопрос: «Кто же из тюрков передал хоринцам тотем лебедь — якуты или северные алтайцы?» (2001. С. 167). Он не исключает того, что предки якутов когда-то жили рядом с алтайцами. Ученый высказывает следующую мысль: хоринцы очень долго находились в экзогамных взаимобрачных и вместе с тем зависимых отношениях с тюрками, имевшими тотем ку (или куба) — лебедь (Там же).

Весь имеющийся материал позволяет нам с большой определенностью говорить о том, что тюрками, которые вошли в состав якутов, алтайцев, бурят булагат и хоринцев, могли быть кыпчаки с самоназванием хубаа (куман) и культом лебедя.

Обратимся к другим источникам, подкрепляющим кыпчакскую линию в бурятском культурогенезе и этногенезе. Согласно исследованию Л. Р. Павлинской бурятского металла, ряд технических приемов его обработки, очевидно, связан с кыпчакской средой. Ею высказано такое предположение: движение кыпчаков на запад не было единственным направлением, часть их могла уйти на восток и принять участие в этногенезе бурят (Павлинская, 1988. С. 85).

Кыпчакское влияние просматривается и в некоторых бурятских антропонимах тюркского происхождения, получивших широкое распространение от Байкала до Черного моря и Кавказа. Возникает вполне резонный вопрос — не связано ли имя реки Кубань и традиции кубачинских кузнецов Дагестана с кыпчаками «куба-хубаа»? О большой роли кыпчаков в средневековой истории Кавказа имеется достаточно много свидетельств.

Таким образом, наше исследование позволяет выделить кыпчакскую линию в истории бурят. Могильники Сэгенут, Усть-Талькин можно рассматривать как свидетельство взаимодействия монгольских и тюркских этносов и сложения на этой основе нового образования — бурятских булагатских племен. Следовательно, ранняя история булагатов связывается с кимако-кыпчакскими корнями и уходит в динлинскую древность.

О развитии культуры населения Прибайкалья в тесном контакте с жителями Красноярко-Минусинского района писалось ранее и указывалось, что это историческое наследие сказывалось даже в позднем средневековье, когда на всей территории складывались

ранние бурятские племена. Т. А. Бертагаев, изучавший западно-бурятскую лексику, считал, что это «исторически развившийся коренной язык, специфика которого в отличие от восточно-бурятского заключается в его непосредственной связи с тюркской языковой стилией» (1933. С. 158, 159, 169).

Кроме тюркоязычных кыпчаков, в материалах бурятских шаманов упоминается еще один тюркоязычный народ — уйгуры. Как писал известный якутский исследователь А. И. Гоголев, у якутов в шаманских призываниях упоминаются «девы девяти уйгуров» (1986. С. 32). Данный вопрос еще недостаточно исследован, но, очевидно, в сложении бурят и якутов приняли участие и тюркоязычные уйгуры.

В бурятских призываниях шаманы бывают двуязычны. А. П. Окладников полагал, что это русско-бурятское двуязычие (1959. С. 181, 209). По нашему мнению, это двуязычие может быть и тюрко-монгольским. Т. М. Михайлов, анализируя имена бурятских божеств Эсэгэ Малаан-баабай, Эхэ Юурэн-ибии, отмечал: «...слово *эсэгэ* является монгольским со значением «отец», *баабай* — тюркским, с тем же значением. Точно так же *эхэ* — монгольское «мать», *ибии* — тюркское «мать». По-видимому, имена Эсэгэ Малаан-баабай, Эхэ Юурэн-ибии являются следствием бывшего тюрко-монгольского двуязычия в Прибайкалье» (1980. С. 151).

О значительной роли тюркских племен в складывании погребального ритуала у бурят свидетельствует анализ обряда трупосожжения. У большинства западных бурят (эхиритов и булагатов) трупосожжение широко практиковалось. Еще в 70-х гг. XIX в. Г. Н. Потанин зафиксировал в Балаганском, Удинском и Аларском ведомствах существовавшие обычаи сожжения умерших: «Привалят две колоды одна подле другой; на них положат труп... потом завалят хворостом и подожгут или оставят так» (1883. С. 37). По свидетельству П. Е. Кулакова, на Ольхоне умерших — как шаманов, так и простых бурят — сжигали. У ольхонских бурят долгое время сохранялся обычай убивать коня около погребального костра и оставлять его на съедение хищникам, а также бросали седло, уздечку и некоторые предметы, необходимые умершему в загробной жизни (Кулаков, 1898. С. 40).

Судя по археологическим данным, можно говорить об усилении тюркских элементов в культуре региона с конца I и начала II тысячелетия — с распространением саянтуйской культуры, в которой отчетливо выражены кочевые черты, связанные с тюркской средой. Затем в Прибайкалье и Забайкалье отмечается появление населения, практиковавшего обряд погребения с конем. Этот обряд, вероятнее всего, является примером кыпчакского влияния на сложения бурят. Аналогичные захоронения с конем получают распространение и среди якутов.

Исследуя проблему сложения бурятского народа, следует по этнографическим и археологическим материалам выявить следы автохтонного населения, проживавшего до прихода бурят в Прибайкалье.

Хори-монголы в сложении бурят. Как было показано ранее, курумчинская культура нами вслед за Г. Н. Румянцевым рассматривается как принадлежащая хори-монголам. После сложной и бурной эпохи XIII—XIV вв. археологическая преемственность развития этой культуры во многом прерывается. Если до этого периода население курумчинской культуры было основным фактором в этнической истории края, то после монгольской эпохи складываются новые этнические комбинации, появляются и доминируют новые культуры. Надо сказать, что традиции, заложенные в курумчинской культуре, не прервались полностью, а получили дальнейшее развитие. Наиболее отчетливо влияние курумчинской культуры просматривается на материалах могильника Ина в Баргузинской долине. Здесь наряду с новым обычаем — погребение в колоде еще сохраняются старые курумчинские традиции класть умершего в деревянный гроб. Как было показано, гробы — одна из характерных черт грунтовых могил ранних хори-монголов. Среди материалов могильника Ина отмечена и керамика, сохранность нескольких фрагментов не позволяет с абсолютной уверенностью

говорить о ней как о курумчинском наследии. Но по составу теста, цвету фрагменты керамики, найденные в захоронениях могильника Ина, во многом схожи с курумчинскими керамическими традициями.

Можно говорить и о том, что курумчинское население вошло в состав и повлияло на формирование особенностей погребальных традиций сэгенутского типа. В частности, это отражено в сохранении курумчинской традиции сооружения каменных ящиков для умерших. Редко, но еще встречается и курумчинская традиция класть умершего на бок скорченно. Все эти археологические данные могут указывать на то, что в составе нового формирующего населения Прибайкалья и Забайкалья население курумчинской культуры — хори-монголы сыграли свою роль.

О том, что хори-монголы предшествовали появлению бурят в Прибайкалье, свидетельствуют этнографические и фольклорные материалы, известные в большом количестве. Для понимания автохтонности монголоязычного населения в Прибайкалье большой интерес представляет изучение распространенных в прошлом культов, связанных с монголами, хори- или хара-монголами, хори-бурханами, двумя хоринскими девицами и хоринской бабушкой. Эти верования широко исполнялись среди кудинских, верхоленских, ольхонских и байкало-кударинских бурят (Михайлов, 1980. С. 298, 299).

Судя по публикациям исследователей, наиболее значимым был культ, связанный с монголами. К ранним записям о поклонении монголам следует отнести материалы И. Д. Черского. Он получил эти сведения в Приольхонье у онгуренских бурят: «Между монголами, заселившими прежде как побережье Байкала, так и остров Ольхон и исповадовавшими ламайскую веру, жил шаман Нагре-бо... с женою Загре-хатан, настолько могущественный, что пользовался полным уважением «жителя грома» Угутэ-ноин (жена его Унгуте-хатан), считавшего даже необходимым советоваться со знаменитым шаманом. Задумав переселить всех монголов за Байкал, Угутэ-ноин сообщил об этом предположении шаману, который просил оставить его на Ольхоне, на что Угутэ не только изъявил согласие, но дал ему вместо дворца гору Ижимей, а в дети, которых не было у Нагре, орла; сам же Угутэ поселился на противоположной стороне Ольхона в пещере. Что же касается монголов, то они на другой день проснулись уже за Байкалом, оставив после себя каменные стены, маяки и т. п., которым буряты в свою очередь приносят иногда жертвы. С тех пор названные места Ольхона считаются священными, и если в течение данного лунного месяца умирает кто-либо из бурят ольхонского ведомства, то ни около Ижимея, ни около пещерного мыса никто из них не смеет ни проходить, ни проплывать, впредь до следующего новолуния» (1881. С. 64).

В несколько другом изложении культ монголов выглядит у А. М. Станиловского: «На мои расспросы, почему так чтится шаманская пещера, мне удалось услышать в Кужирском улусе новую легенду... Ее рассказали мне буряты, целою группой собравшиеся ко мне в юрту, в присутствии шамана и стариков. Рассказ велся сообща, причем те или другие подробности его тут же детализировались или исправлялись более сведущими и сообщались мне уже в готовом виде. Таким образом, содержание легенды не может быть каким-нибудь индивидуальным измышлением или плодом недоразумения, как это иногда бывает... В древние времена, сообщает легенда, жил в Шаманской пещере и владел островом Ольхон Гэгэн-бурхан. Он был повелителем монголов, которые населяли остров. Остров понравился, между тем, Хан-гутэ Бабаю, потомку небесных тэнгэринов, теперешнему хозяину Ольхона, и он вступил в борьбу с Гэгэном. Долго тянулась борьба, и наконец согласились решить дело жребием. Взяли чашки, наполнили их землею и условились: у кого за ночь земля делается красною, тому и оставаться владеть Ольхоном, другому же кочевать на новое место. Легли спать; чашки были поставлены у того и другого между ног. Хан-гута Бабай проснулся раньше и увидел, что земля окрасилась в чашке у Гэгэна. Недолго думая, он переменяет чашки и ждет пробуждения соперника. Гэгэн, хотя и догадывался об обма-

не, все же таким образом принужден был кочевать на новое место. Он отдал распоряжение своим монголам навьючивать на верблюдов имущество и разбирать войлочные юрты. Затем Гэгэн приказал всем лечь спать. За ночь монголы чудесным образом вместе с верблюдами и всем имуществом были перенесены за Байкал. Наутро они проснулись уже на том берегу моря. Не все, впрочем, из монголов пожелали перебраться за Байкал. Некоторые из них, двое-трое, не исполнили повеленья Гэгэна, спрятавшись между камнями. Таким образом, ольхонские буряты происходят от Гэгэна» (1903. С. 128–130) (рис. 52).

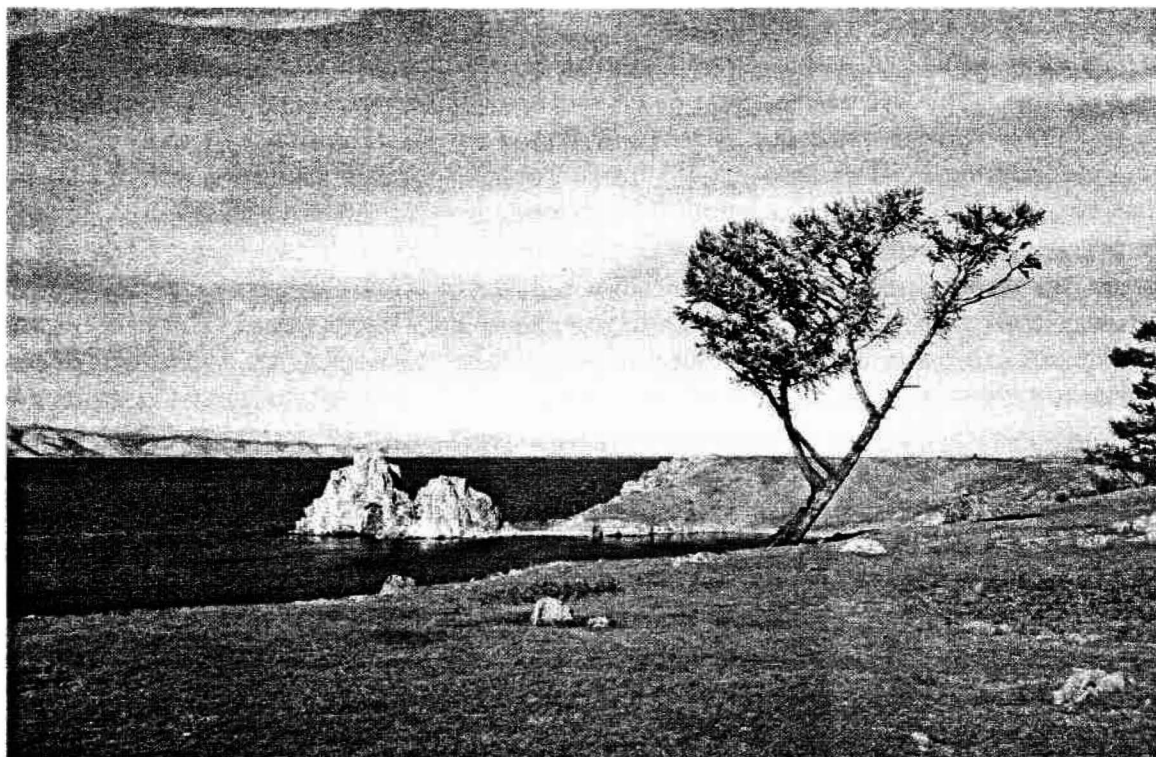


Рис. 52. Мыс Бурхан на Ольхоне. Фото автора

У Н. Н. Агапитова указывается, что ольхонские буряты говорят о хара-монголах, живших здесь прежде и ушедших. Некоторые остались и были прокляты и осуждены лежать в земле несколько сот лет. Их осталось с десятка полтора. Одного Агапитов даже видел, и он отличался по лицу от остальных бурят. Н. Н. Агапитов отмечает большой страх бурят перед хара-монголами: невзгоды в жизни вызваны гневом хара-монгола, заболел бурят — хара-монгол наказал, сорвет крышу на новой юрте — хара-монгол гонит бурята с места, так как, видимо, юрта построена на могиле хара-монгола. Важно, что Н. Н. Агапитов, говоря о том, что ольхонские буряты чтут души покойных хара-монголов и приносят им жертвы, их называют хори-бурхан. Под словом хори можно разуместь и чужой, и хоринский, пишет он (1881. С. 18, 20).

Б. Э. Петри отметил эти же легенды, повествующие о том, что до прихода бурят в Прибайкалье жили монголы. Они откочевали на другую сторону Байкала. Но здесь остались души умерших монголов, ставшие хозяевами мест. Каждый бурят перед каким-нибудь делом должен был испросить разрешения у духа-монгола и сделать жертвоприношение. Некоторые духи монголов постоянно вымогали жертвы и посылали болезни, умерщвляли детей. Особенно сильны они были на Ольхоне (Петри, 1928. С. 34, 35).

По П. П. Хороших, легенда о хара-монголах издана в таком варианте. Древние могилы приписывали хара-монголам. Здесь «10 колен тому назад» происходила битва двух монгольских родов, и убитые рода Эдигей похоронены на этом месте. Потомки этого рода до

сих пор сохранились в улусе Куркутский. Буряты приписывали каменные стены, вышки и могилы хара-монголам (черным монголам) или просто монголам. Их называли «шулун монгол-шибэ» (каменная монгольская стена). В некоторых местах эти памятники считались священными. В бурятских преданиях и шаманских заклинаниях происхождение стен связывалось с уходом монголов с острова Ольхон и даже с именем Чингисхана, пребывавшего на острове Ольхон и располагавшего там свой стан (Хороших, 1924. С. 20–23, 32).

Интересные записи сделал Ц. Ж. Жамцарано в Ольхонском крае от Партаса Пилеева, головы Еланцинской управы: на Ольхонской земле когда-то жили «саган хитад» — белые китайцы. После них «хара-монголы» — черные монголы, дети Маратов. Затем поселились настоящие монголы, возглавляемые Гэгэном. Местопребыванием его был остров Ольхон. С неба спустился Жамсаран — претендент на ольхонский престол. Надо было решить: кому остаться здесь, а кому переселиться на юг? Стали ворожить, у кого за ночь вырастет цветок, тот и останется. Цветок вырос у Гэгэна. Тогда Жамсаран взял этот цветок и поставил перед собой. Гэгэн проснулся, видит — пусто перед ним. Тогда он со своими монголами вынужден был переселиться на южную сторону Байкала — Урда бэду. Перед тем как переселиться, Гэгэн велел своим монголам и бурятам (хори) собраться в дорогу и потом заснуть в своих юртах. На другое утро они уже проснулись на другом южном берегу Байкала.

На этой стороне Байкала (то есть на Ольхоне) теперь живут буряты, но остались покойные (умершие) монголы. Души покойных монголов стали выходить из-под земли и всячески вредить бурятам. Тогда им стали приносить жертвы. Культ монголов возник не очень давно — лет 60–70 тому назад. Теперь на каждой горе, байкальском мысе — монголы. От монголов остались памятники на вершинах гор и на мысах. Никто близко не подходит к ним, разве только случайно наткнется. Ц. Ж. Жамцарано пишет: «На все мои просьбы показать такое место, сопровождать [туда] все в ужасе отказывались, даже сам мой хозяин Партас» (2001. С. 78).

Ученый также записал предания о культе монголов в Кудинском ведомстве у Петро-мана Табинова (алагуйский род): раньше по северную сторону Байкала жили монголы. Богдо-лама жил здесь, но потом переселился на юг. Души умерших монголов, оставшиеся здесь, требуют себе жертв. В шаманских призываниях, посвященных этим духам, упоминаются хори-монголы и хори-шарайд. В обращении к монгольским духам говорится:

Хун шубуун хуруйтан
Хори шарайд гарбалтан
Сэн шубуун сэрээтэн
Сэр шарайд гарбалтан.
Сайн хаанай намархандо
Богдо хаанай буһалгандо
Эндэ байлайм! (Жамцарано, 2001. С. 59).

Дневниковые материалы Ц. Ж. Жамцарано о культе хори-монголов впервые ввел в научный оборот Г. Н. Румянцев (1962. С. 192, 193).

Со всем сказанным хорошо увязывается то, что на Ольхоне почти каждая семья проводила свой «маленький тайлаган» (херик), посвященный монголам. При этом молитвы призывания начинались так:

Все горные благородные бурханы
Корень шаманский монголов (Иметхенов и др., 1997. С. 41).

О живучести и значимости верований о монголах можно судить по публикации С. С. Бардахановой. В 1975 г. от У. П. Хамагановой, 1928 года рождения, уроженки села Ныгей Баяндаевского района Иркутской области, она записала «Обращение к монгол-бурхану» (Монгол эдэллэхэ дурдалга). В примечаниях указывается, что монгол — покровитель скота и людей по представлениям наших предков:

Одьгон хара монгол,
Борин боро монгол,
Басаган монгол,
Баханада байгаашан,
Хобоодо хоноошон,
Сээг!

Шаманка-черный монгол,
Серый монгол с холма,
Черный монгол с горы,
У столба живущие,
У стойки ночующие,
Сээг! (Фольклор курумчинской долины, 1999. С. 105).

А. Г. Митрошкина, занимаясь бурятской антропонимией, выявила микротопоним Монголин нуури («Место поселения монголов»). Она пишет, что верхоленские буряты ежегодно отправляли молебствия под названием Монголоо эдсэлхэ («Кормление своего монгола») (1987. С. 136).

Байкало-кударинские буряты полагали, что монгол-бурханы — это духи убитых в боях монгольских воинов. В старые времена каждая местность, улус, почти каждая усадьба была захоронениями монголов. Молебствия этим монголам были повсеместны и носили массовый характер (Михайлов, 1980. С. 299).

Почитали хара-монголов буряты рода сайгут, жившие в местности Байла на Ангаре (Иркутский сельский район). Их родоначальником был Даши-батар, который вначале жил в Монголии, потом на Ольхоне. Началась эпидемия тифа (*халуун убэшэн*), унесшая много людей. Оставшиеся в живых ушли обратно в Монголию, а небольшая часть перекочевала в место нынешнего обитания — на Ангару. Сайгутские буряты на своих жертвоприношениях поминали своего родоначальника Даши-батара из рода хара-монгол. Эти материалы были записаны П. Баторовым (Баторов, Подгорбунский, 1925).

Среди хонгодоров и шошолоков Закамны отмечен культ двух хоринских девиц (*хорийн-хоёр хүүхэн*) (Галданова, 1992. С. 20). Этот же культ проводился булагатами в улусе Буреть Идинского ведомства в конце XIX в. (Михайлов, 1987. С. 68). По словарю-справочнику И. А. Манжигеева, почитание двух хоринских девиц имело распространение в Западной Бурятии. Две бедные девушки, последние наследницы шаманских родов хори-бурят, были погублены ламаистским духовенством, и их души перебрались к западным бурятам, где шаманизм существовал свободно (Манжигеев, 1978. С. 87). Г. Р. Галданова считала, что это более поздняя версия: «...первоначальные истоки культа «хоринских девиц» у хонгодоров и шошолоков Закамны, Тунки и некоторых родов иркутских бурят надо искать в генетическом родстве хоринских, хонгдорских и шошолокских родовых поколений» (1992. С. 20). Похожие мысли высказывал и Д. С. Дугаров, правда, по другому поводу. При этом он указывал и на то общее начало, в котором сложились буряты и их основные этнические компоненты (хори, хонгдоры и булагаты), — это культура курыкан (1993. С. 231).

Таким образом, по фольклорным материалам складывается следующая картина. До прихода бурят в Прибайкалье здесь жил другой народ с именем монголы. Получается, что буряты не считали себя монголами и не связывали свое прошлое с этим народом. Исследование позволяет конкретизировать имя монголов. Чаще всего упоминаются хори- или хара-монголы. Есть большие основания полагать, что самоназвание хори было в дальнейшем с уходом хори на восток переосмыслено в более понятный вариант хара (черный). По материалам Н. Н. Агапитова, хара-монголы имели хори-бурханов, очевидно, бурханы не могли превратиться в хара (черных) и поэтому сохранили исконное наименование. Наличие в Прибайкалье топонимики с этнонимом хор говорит в пользу данного предположения. На Ольхоне одна из бухт носит название Хорин ирги, что может значить «хоринский берег». В Качугском районе есть название «Хоринский мост». В долине Илги, где жили коринцы, обращает на себя внимание гидроним Кора, то есть хори (Мельхесв, 1974. С. 12).

Свидетельствуют в пользу автохтонности хори-монголов и материалы, полученные в Баргузинской долине. Вместе с тем здесь не отмечен культ монголов, что само по себе вызывает большой интерес и нуждается в объяснении.

Г. Н. Румянцев ввел в научный оборот исторические сочинения баргузинских бурят: «Краткое повествование о старинной истории Баргузина», «Сокращенная история баргу-

зинских бурят», «История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера под предводительством Ондreja Шибшеева» (1956).

«Краткое повествование» в опубликованном виде занимает две страницы. Оно очень лаконично излагает события истории баргузинских бурят, но этот небольшой текст насыщен весьма важными данными. В этом сочинении использованы бурятские и эвенкийские предания, а также материалы, хранившиеся в семьях бурятских родоначальников.

Следующее сочинение «Сокращенная история...» во многом близко к «Летописи баргузинских бурят 1887 г.». Начинается оно с обшемонгольских преданий о Буртэ-чоно-хане. Г. Н. Румянцев особо выделил сюжет, связанный с обаргузинением монгольского генеалогического предания. При публикации летописи он не мог решить — или этот сюжет является индивидуальным творчеством, или такие варианты легенды бытуют среди баргузинских бурят (1956. С. 22). Полевые материалы, полученные Б. Р. Зориктуевым, позволяют говорить о том, что в долине существуют легенды о Буртэ-чоно (1996. С. 8). История баргузинских бурят в «Сокращенной истории» связывается с Баргу-багатуром. Далее показывается общность происхождения бурят и их связь с ойратами. Предпринимается попытка осмысления общности бурят с хори-бурятами. Не случайно в этом же отрывке повествуется о земледельческом народе аба хорчин-монголы. Далее автор истории излагает устные предания баргузинских эхирит-булагатских родов. Заканчивается летопись материалами о землепользовании, образе жизни, школах и разного рода обществах.

«История перекочевки в Баргузин...» во многом основана на летописи Ц. Сахарова и совпадает по структуре и духу изложения.

По материалам опубликованных летописей, в Баргузинской долине до появления бурят жили эвенки, а до них аба хорчин-монголы. Причем хорчин-монголы каким-то образом были связаны с солонгот-баригутами (баргутами). Эти хорчин-монголы были искусным земледельческим народом. Им в Баргузинской долине принадлежат древние пашни, оросительные каналы (Румянцев, 1956. С. 7, 37, 40, 41, 43, 54, 55).

Следовательно, и в Баргузинской долине до бурят жили монголы, которые, как и в Прибайкалье, были оседлыми земледельцами и оставили после себя пашни, земледельческие орудия, землянки. Сближаются имена этих монголов. Если в Прибайкалье чаще всего говорится о хори-монголах, то в Баргузинской долине упоминаются хорчин-монголы. Эти этнонимы имеют одну основу — хори, хорчин-монгол.

Согласно анализу родовых наименований бурят, субстратной основой практически у всех бурятских подразделений отмечаются роды хоринского происхождения. Хоринцы проходят среди всех крупных бурятских племен (эхириты, хонгодоры, булагаты) (Румянцев, 1962; Абаева, 1992. С. 17; Дашибалов, 1995; Дугаров, 2003).

Интересно, что много хоринских родов отмечено среди эхиритов. Отчасти это можно сопоставить с тем, что часть хоринцев в XVII в. и ранее заселяла те же земли, на каких в настоящее время проживают эхириты. Не исключено, что некоторые хоринские роды, находящиеся среди добайкальских бурят, уходят своими корнями к средневековым хори и населяют Западную Бурятию еще со средневекового времени. Судя по материалам, собранным С. П. Балдаевым, хоринские роды, проживающие среди эхиритов, отрицают свою связь с забайкальскими хоринцами (1970. С. 290, 295). Это может свидетельствовать о давности их отрыва от основного ядра племени хори. На это указывает и Ц. Б. Цыдендамбаев, полагая, что хоринские гучиты (гуниты) могли войти в состав протоэхиритских родов в связи с походом чингисовских войск против лесных народов (1972. С. 199).

Итак, генетическое родство бурятских племен имеет глубокие корни и уходит в хори-монгольскую эпоху, к населению курумчинской культуры.

3. Вопросы культурогенеза бурятского хозяйства и быта

По хозяйственно-культурному типу буряты — степные кочевники-скотоводы. Кочевое скотоводство основывалось на пастбищном выпасе скота в течение круглого года.

Скотоводство определяло уклад жизни народа и специфику его материальной и духовной культуры. Кочевое хозяйство основывалось на разведении пяти видов скота (*табан хушуун мал*): лошадей, коров, овец, коз и верблюдов. Кроме скотоводства, буряты практиковали охоту, собирательство, земледелие, но все эти отрасли хозяйства имели подсобное значение.

Культурогенез бурят (оседлый субстрат по данным языка, фольклора и археологии). Изучение бурятской культуры, в данном случае мы будем говорить о фольклоре и эпосе, выявляет в этих видах народного творчества большой набор сюжетов и довольно точных характеристик явлений, в целом не характерных для кочевого скотоводческого народа, каким застали в XVII в. бурят русские казаки.

Например, в бурятском фольклоре и языке удивительно много мотивов и выражений, связанных со свиньей и свиноводством. Причем это нашло отражение во всех видах словесного творчества бурят, как в малых жанрах фольклора — пословицах, поговорках, благопожеланиях и загадках, так и в более крупных произведениях — сказках и эпосе.

Начнем с того, что в фольклоре свинья фигурирует как домашнее животное: «Нохойн угыдэ гахай хусаха» (Когда нет собаки, лает и свинья); загадка «Гахайн гуя ганзагалдажа ядааб» (Окорок свиньи не смог навьючить — лед); «Ган гэхэ гахай угы, газ 1р гэшхэхэ мал угы» (Нет свиньи, чтобы хрюкала, нет скота, чтобы топтал землю); «Газар хадарха гахайтай боложо, галабга дуулдаха нэрэтэй боложо байгаарай!» (Имейте свинью, чтоб рыла землю, заслужите имя, чтоб звучало навеки!). А. Рудневым записана сказка «Свинопас», в которой единственный сын пасет стадо из семи свиней (Бурятские сказки, 1959. С. 309—311). Пастухи свиней встречаются и в бурятской сказке «Глупый волк» (Бурятские народные сказки, 1976. С. 357).

При анализе материала видно, что создателям фольклора свинья была хорошо известна, так как дается точное описание ее как домашнего животного: «Эдихэнэ гахай, ябахань хорхой» (Ест, как свинья, двигается, как червяк); «гахай ябаган» (пеший, как свинья) — не имеющий средств передвижения (Бурятско-русский словарь, 1973. С. 152); «Газар дуулаг, гахай шагнаг» (Земля слышит, свинья слушает) — у стен есть уши; «Гахай тэнгэрийн шарай харадагуй» (Свинья не смотрит на небо); загадка «Гээгээгуй аад, бэдэрдэг, гэмтээгуй аад, ёолодог» (Не потеряла, ищет, не искалечена, стонет — свинья) (Будаев, 1988. С. 81, 108, 128, 169); «Голомхой гахай таргалдагуй, турушын поршоонхо (торой) хохор» (Привередливая свинья не жиреет, первый поросенок слепой) (Бурят арадай оньһон..., 1960. С. 61, 62). В улигере «База и Баламжа» на вопрос «Что жирнее всего на земле?» хан отвечает: «Откормленная свинья», бедняк говорит: «Жирнее всего на свете земля». В благопожеланиях обращаются к этому же животному: «Ноен адли баян, гахай адли тарган байяа!» (Будем богатыми, как нойоны, будем жирными, как свиньи!). Аналогичные выражения о домашних свиньях имеются и в монгольском фольклоре (Монгол ардын..., 1990. С. 185; Эрдэнэбат и др., 2001. С. 205, 206).

Отметим, что в фольклоре слышны отдаленные отголоски о свинье как о культовом животном. К примеру, у закаменских бурят есть воспоминание о сакральном блюде «гахайн төөлэй» — голове свиньи. Г. Р. Галданова пишет, что проживающие в Закамне хорчиты выставляли на свадьбе в качестве ритуального блюда голову кабана (1992. С. 9). Здесь неясно, идет ли речь о дикой или домашней свинье, вполне возможно и дальнейшее переосмысление — когда традиции, связанные с домашней свиньей, в дальнейшем стали увязываться с дикими кабанами. Есть не совсем понятные поговорки, связанные со свиньей: «Гахай багша газар доро гала тулео» (Свинья-учитель разжег огонь под землей) (Дашиева, 2002. С. 195).

В своей основе бурятский фольклор — это фольклор народа, сложившегося в богатых степных долинах, вдали от морей и океанов. Вполне понятно, когда воспеваются богатырские кони на зеленых лугах и овцы, бесчисленные, как звезды, но вызывает удивление еще одно обстоятельство — обилие и разработанность морской тематики.

В старинных бурятских песнях поется: «Солнце красного начало — в море всех морей, на дне», или же шаманы начинали камлать словами: «Степи — это кругом простор,

море — это кругом вода». Люди, сочинившие эти строки, должны были видеть огромные морские просторы и диск солнца, встающего из водных пучин. В Гэсэриаде море является одним из главных участников событий. Многие герои живут на морском берегу, здесь же разворачиваются сцены жизни и борьбы, в случае поражения они скрываются морской волной. Мы чувствуем, что в эпосе море живет, оно дышит, и дыхание это доносится до читателя.

В море обитает гигантская рыба-кит Абарга. Вот как описывается она в древнем призывании: «На дне молочного земного моря находится огромнейшая рыба, 13 плавников она имеет. Та Рыба — Абарга».

Сравним фольклорные произведения бурят и соседних южносибирских народов — тувинцев и хакасов. У них тоже упоминается море, но оно не является, как у бурят, вполне самостоятельной частью с собственными именами и характеристиками. Лишь в одной Гэсэриаде встречается шесть морей — Красное, Белое, Черное, Желтое, Синее и даже Ледовитое, что говорит о знании творцами древнего фольклора не только теплых, но и замерзающих, холодных морей. Для наглядности сопоставим хакасские и бурятские обращения к духам вод.

У хакасов места обитания духов «берега озерные, речные», сам же водный дух предстает в облике шуки, а бурятские водные духи живут в большом своем мире под толщей вод на дне земных морей. Там у них дворы «из красного гранита», а дворцы сверкают «то чистым серебром, то перламутром», и ездят в гости 27 морских божеств, «неся с собой все 88 весел» по мостам «из синих вод». В хакасском обращении все конкретно — окружающие их озера и реки и водный дух в образе обитающей в этих водах реальной шуки, а у бурят мы видим, что морская мифология хорошо разработана. Чего стоит только количество морских божеств — 27 — здесь Лобсон с женой и детьми и водяной Саган-нойон с супругой Саган-хатун, опять же мы встречаемся с рыбой — китом Абаргой. Она «от века служит ездовым животным» морскому дракону Лобсону.

По «Сокровенному сказанию», в хозяйстве средневековых монголов рыболовство было подсобным промыслом: Чингисхан с братьями в детстве ловил рыбу на крючки и сети на реке Онон, рыболовством занимались и на реке Килхо. Языковые выражения XIII в., сохранившиеся в «Сокровенном сказании», свидетельствуют о былом значении рыболовства: «Если б они в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субеетай, не изловишь их. обернувшись сетью-неводом» или «Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра» (Сокровенное сказание..., 1990. С. 24, 39, 95, 140). Марко Поло, описывая ханский дворец Хубилая, говорит о большом озере, где много разных рыб: «Великий хан велел напустить туда рыб, и всякий раз, когда захочется ему рыбы, сколько нужно, там и есть. Берет там начало и вытекает из озера, скажу вам, большая река, рыбе выход железными и стальными сетями загорожен» (Книга..., 1997. С. 251). То, что рыба в рационе средневековых монголов занимала значительное место, напрямую увязывается с аналогичными вкусами киданей. Из китайских источников следует, что кидани проводили обряд первой пойманной рыбы и ели бохайских раков. Вспомним, что сам император Абаоцзы занимался подледным ловом рыбы (Кычанов, 2004. С. 133, 141).

Просто замечательной является бурятская пословица: «Далайн олзо далан хоногой. дайдын олзо далан жилэй» (Морская добыча — на 70 дней, добыча земли — на 70 лет). В каком море и какую рыбу вылавливали скотоводы Забайкалья, чтобы это повторяющееся событие (получение запаса пищи на 70 дней) должно было лечь в ее основу.

Данная пословица позволяет перейти к следующему нашему сюжету — земледелию бурят. В ней предпочтение отдается труду пахаря и показывается, что по сравнению с морским промыслом, во многом зависящим от удачи, то, что родит земля, более надежно и следует работать на ней. Земледельческая тематика в фольклоре имеет широкое распространение и древние корни: Абай Гэсэр обращается в осла и пашет землю; тугэшинские

князья ходят осматривать киданьские (кидани, народ монгольского происхождения. — Б. Д.) посевы; Гал Дулмэ использует просо в культовых действиях; пословицы: «Анзаһанаа хусор аргаа олохо» (Сохою кормиться) и «Ухэхоошье байгаа хаа анзаһанаа аргали бу алда» (Хоть и при смерти будешь, держись за соху). О том, что земля родит не только хлеб, но и другие продукты питания — плоды и овощи, можно судить из пословицы: «Пайнаар газара элдээ хаа — элдэб хоолтой нуухаш» (Лучше обрабатываешь землю — разной едой будешь богат). Следовательно, у бурят было овощеводство, по крайней мере, такой вывод напрашивается из этой пословицы. Имеются и загадки, связанные с сельскохозяйственными орудиями: «Газар доогуур галба нуубэ» (Под землю плоское ночует — сошники); «Зуун ямаан соо зуудаг шара табяа» (В стадо сотни коз волка серого пустили — серп).

Таким образом, мы видим, что в народной памяти бурят сохранились остатки таких видов хозяйственной деятельности, как свиноводство, рыболовство, не исключено, что и морское, а также довольно развитое земледелие. Встает резонный вопрос — откуда все это появилось в фольклоре и только ли в фольклоре сохранилось?

К приходу русских в XVII в. буряты не знали свиноводства и разведение свиней было заимствовано у русских. Например, в 1852 г. в Кудинском ведомстве было 3465 лошадей, 20 661 голова крупного рогатого скота, 16 485 овец и 4985 коз, а свиней было всего 85 (История..., 1954. С. 184, 185). Свиньи в небольшом количестве отмечались у балаганских и аларских бурят, а в большинстве бурятских ведомств их вообще не разводили. На то, что свинья заимствована бурятами, указывает русское слово «поросенок», вошедшее в бурятский язык как «поршоонхо», хотя в монгольском языке есть и собственное обозначение — торой, которое оказалось забытым.

Итак, бурятское свиноводство имеет русские корни. Вместе с тем фольклор показывает более древнее знакомство с этим животным предков бурят. Предки бурят знали домашнюю свинью, затем был период, когда она была забыта, и в XVII в. буряты вновь заимствуют уже русское свиноводство. Нет ли иных источников, способных прояснить эту сложную картину?

Археологические данные говорят о том, что свинья занимала большое место в рационе забайкальских хунну. На Иволгинском городище (возле г. Улан-Удэ) костей свиней и собак найдено больше (44 %), чем костей овец и лошадей (34 %) (Давыдова, 1985. С. 71). Кости свиньи встречаются на городищах в долине реки Шилки; по мнению многих исследователей, эти городища принадлежат монголоязычным племенам шивэй (Ковычев, 1984. С. 17, 18, 21).

Судя по этим данным, население Забайкалья не всегда было кочевым. Как было показано в третьей главе, кочевой тип хозяйства начинает доминировать в саянградской средневековой культуре с начала II тысячелетия н. э., а до этого население целого ряда культур: курумчинской, бурхотуйской и хунну — были оседлыми или полuosедлыми.

Почти все исследователи бурхотуйской культуры связывают ее с саянским кругом монгольских племен (Асеев и др., 1984. С. 125). Г. Н. Румянцевым было высказано мнение о монгольской принадлежности хунну и курумчинской культуры (1962. С. 103). Этническая принадлежность хунну еще во многом дискуссионна, но сторонников их монгольского происхождения не так уж мало, хотя, разумеется, решение вопроса не в количестве мнений.

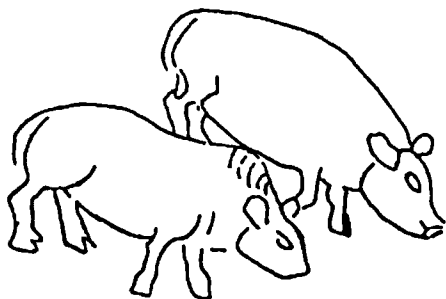
Археологические материалы курумчинской культуры показывают, что истоки этой культуры надо искать на Дальнем Востоке. В Дальневосточный регион уходят корни хунну и плиточных могил, получивших распространение в Забайкалье. Бурхотуйская культура тоже имеет дальневосточные связи (Асеев и др., 1984. С. 198, 199).

По мнению специалистов (Кызласов, 1975; Кычанов, 1980; Шавкунов, Васильев, 1989), ранние монголы вели оседлый образ жизни и проживали на Дальнем Востоке. В китайских летописях они упоминались как мэньу или мэнва. Источники сообщают: «В качестве домашних животных там годятся собаки и свиньи. Их откармливают и поедают» (Кычанов,

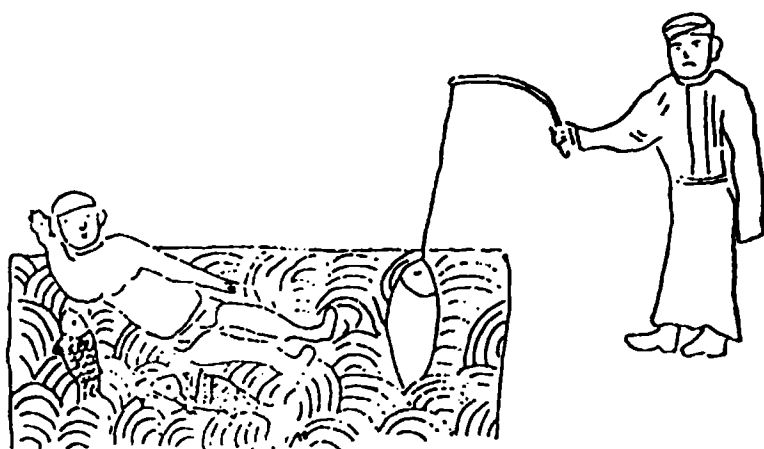
1980. С. 136). Очевидно, еще в XIII в., когда Марко Поло был у Великого хана Хубилая (1271–1295), монголы сохраняли особенности дальневосточной кухни. Марко Поло пишет о пище монголов: «Едят они лошадиное мясо и собачье» (Книга..., 1997. С. 236). Здесь мы видим соединение двух разных типов питания: конское мясо характерно для кочевых степных культур, а мясо собаки входит в пищу юго-восточных народов. Весьма знаменательно то, что в бурятском языке есть распространенное выражение «гахай нохой» (собаки свины). Оно употребляется, когда собирательно говорят о домашних животных (Бурятско-русский словарь, 1973. С. 152). Теперь уже почти забыто выражение «гахайн мяхан амтатай, газар гэр дулаахан» (мясо свиньи вкусное, жизнь в землянке теплая), указывающее на оседлость и свиноводство, бывшее у предков бурят (рис. 53, 1, 2).

Джунгарский хан Батур-хунтайджи (XVII в.) просил Тобольского воеводу прислать ему двух борзых, 10 свиней, двух индеек и 10 постельных собачек. Н. Я. Бичурин полагает, что хан строил город и в новом дворце хотел, по обычаям китайских императоров, иметь крохотных собачек-болонки и завести домоводство из индеек и свиней (1991. С. 38, 39). Нельзя исключать и того, что древние монгольские дворцовые ритуалы еще долго сохранялись в степи. Киданьская знать держала у себя домашних собак (рис. 53, 3). На персидских миниатюрах, изображающих Великих монгольских ханов, достаточно часто встречаются рисунки породистых собак.

В газете «Буряад унэн (Духэриг)» от 30 октября 2003 г. опубликована заметка жителя села Енгорбой Закаменского района Лубсана Цыренова «Урданай хургаал заабаринууд». В этой небольшой, но чрезвычайно интересной публикации рассказывается о старых обычаях закаменских бурят. Перескажем один из них. В старые времена, если на новом месте в доме начинали раздаваться непонятные звуки, то следовало закопать под порогом жилья несколько монет и голову свиньи. Почему именно голову свиньи, спрашивает автор заметки и отвечает: звуки говорят о том, что место.



1



2



3

Рис. 53. Рисунки на гробницах киданей (по А. Л. Ивлиеву)

где вы поставили дом, раньше принадлежало свинье, и ее дух мешает вам, и дух этот надо успокоить соответствующим обрядом. Почти полной иллюстрацией данному обычаю служат находки, сделанные археологом М. П. Нестеровым в Приамурье. Здесь в жилищах ранних монголов шивэй по углам домов закапывались челюсти свиньи (рис. 54) (Нестеров, 1998. С. 30, 130).

Вместе с предыдущим фактом следует поставить сообщение В. Ш. Гунгарова о том, что у закаменских бурят есть воспоминание о сакральном блюде «гахайн төөлэй» (голове свиньи). Сказка с сюжетом о жирной свинье была записана В. И. Рассадиным в Окинском районе (выражаю признательность В. И. Рассадину и В. Ш. Гунгарову за эти ценные сведения. — Б. Д.).

Добавим к сказанному, что термин свинья является в монгольском языке самостоятельным. В. И. Рассадин сообщил нам о наличии в монгольском языке собственных половозрастных терминов для свиньи, а бурятское «шахаха, бордох», халха-монгольское «бордох, шахах», калмыцкое «бордх» (откармливать скот) — термин оседлого животноводства, применяющийся и к свиноводству. Следовательно, лексика бурятского языка свидетельствует о высоком уровне стойлового содержания скота.

Археологические изыскания, фольклор и данные языка дают нам возможность увидеть ту древнюю оседлую жизнь монголов, что уже давно забыта, и лишь народная память сохранила ее в своих сказках и легендах. В нашем распоряжении имеются материалы, позволяющие наметить подходы к определению территории, где происходило формирование монгольского начала бурятского народа.

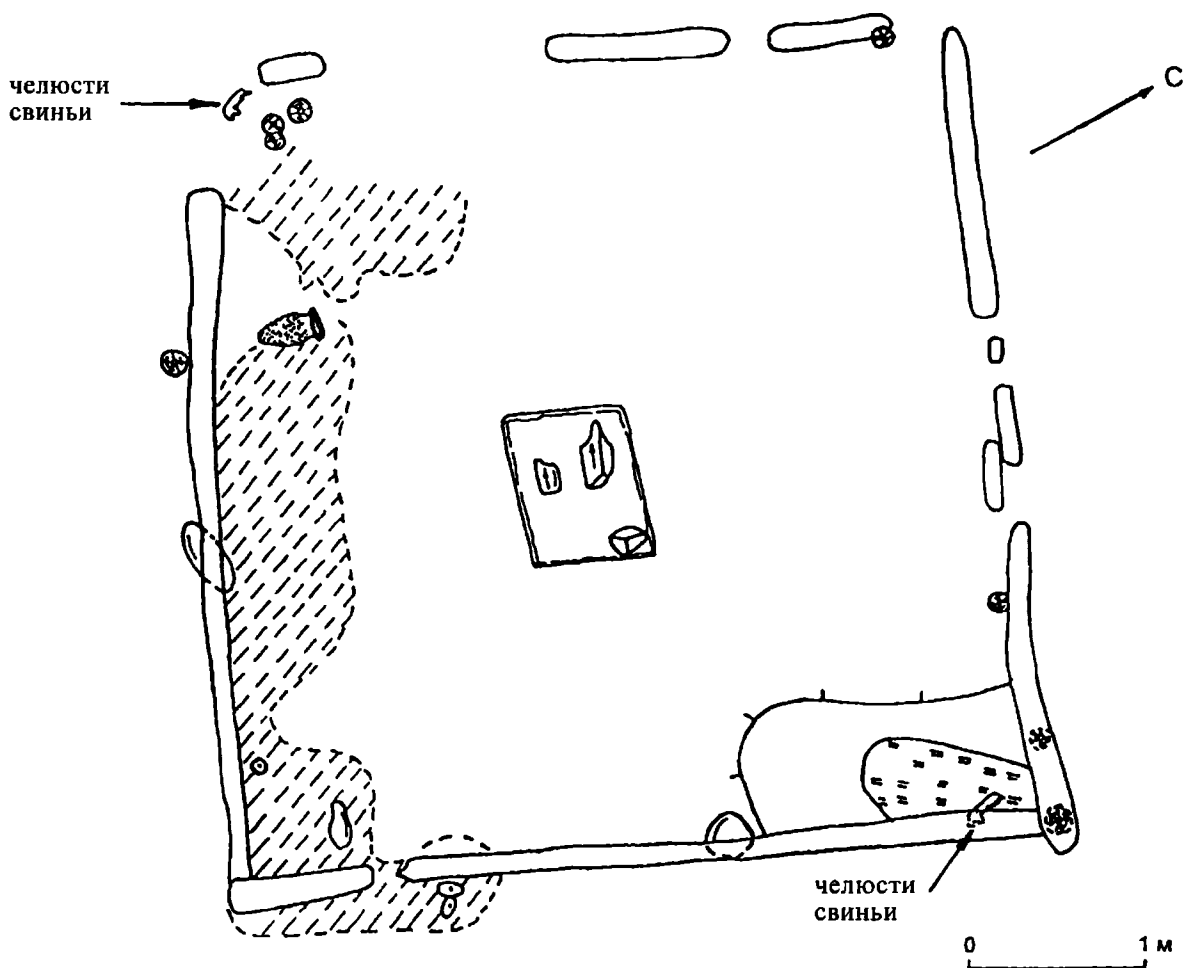


Рис. 54. План жилища с находками челюстей свиней. Средневековая михайловская культура (монголы шивэй) на Амуре (по С. П. Нестерову)

Дальневосточные элементы в культуре бурят. У бурят отмечен интересный и загадочный по своему происхождению обряд, связанный с почитанием сайтинских божеств. Т. М. Михайлов обратил особое внимание на ряд важных деталей в этом обряде. Сайтинские божества имеют южное происхождение и пребывают в теплых краях, откуда прилетают птицы. Во время жертвоприношения присутствующие должны быть обращены лицом на юг — там, где находятся сайтинские божества. Для совершения обряда необходимы миниатюрные грабли и корзинка — то есть предметы, связанные с земледелием, немаловажно, что для молебствия нужен был и рис. В текстах призываний упоминаются пекинская принцесса и китайцы. К сайтинским божествам принадлежат предки хоринских бурят — Хоредой нойон и его жена Хобоши-хатан (Михайлов, 1983. С. 116–119). Т. М. Михайлов высказал предположение, что в основе культа сайтинских божеств лежат реальные исторические события, связанные с монгольскими событиями, предположительно юаньского периода, в Китае. Не исключал он того, что этот культ в Бурятию мог быть принесен монголами, жившими до прихода бурят и оставившими культы почитания монгол — бурханов. Исследователем высказана и еще одна возможность появления культа сайтинских божеств. В бурятском шаманизме достаточно много обрядовых действий монголо-ойратского происхождения, появившихся в Бурятии, возможно, во время ойратских войн XVI–XVII вв. Название «сайтинские божества» могло читаться первоначально как сайдам или цайдам. Такая местность известна в предгорьях Тибета. П. К. Козлов записал предание о том, что в древности Цайдам был населен монголами-шарайголами. Было установлено, что культы, известные среди монголов Ордоса и Чахара, проводятся и в Бурятии. С захватом Китая этих земель многие монголы бежали на север и могли оказаться в Прибайкалье. Эти беглецы принесли и культ сайтинских божеств, местопребыванием которых являлось Цайдамское священное озеро (Михайлов, 1983. С. 120–122).

Таким образом, выделим три важных составляющих культа сайтинских божеств: 1 — почитание юга или юго-востока, 2 — связь с предком хоринцев (Хоредой нойоном), 3 — наличие земледельческих орудий и риса. Исследуем обозначенные положения.

Почитание юга или юго-востока в целом характерно для бурятского народа. Считается, что люди, живущие на юго-востоке, должны быть многочисленны и богаты, с этим связывают то, что известный и почитаемый в Агинских степях камень «Тогон шулуун» накрепко на юго-восток (Ешижамсоева, 2005). В хоринских исторических преданиях прародитель бурят Баргу-батор прибывает с юго-востока на берега Байкала вместе со своими сородичами (Цыдендамбаев, 2001. С. 43). Предполагаемое место выхода бурят довольно часто связывается с южной стороной (Гунгаров, 2001. С. 93). Обусинские шаманы, вспоминая свою старую родину, упоминали в призываниях:

Хоёр тумэн хордут манай!	Двадцатитысячные хордуты наши!
Урда газар газар манай!	Южная страна-родина наша,
Урат-монгол утха манай!	Урат-монголы — предки наши! (Михайлов, 1980. С. 285)

В призываниях балаганских бурят, записанных М. Н. Хангаловым, говорится:

«Происхождение хори-монголов
Южная земля, земля!» (1958. С. 475).

Нами у информаторов записаны легенды, в которых родина бурят находится где-то на юго-востоке. Оттуда буряты откочевали, но в те места когда-нибудь вернутся. Уходя, наши предки развернули луки седел на родные кочевья, чтобы не забывать родные земли.

У бурят есть одна очень старинная песня «Наян-Наваа». За последнее время появились интересные разыскания ученых и любителей старины о ее происхождении (Ням-Осор, 2000; Шагдаржав, 2000; Жимбиев, 2001; Доржин, 2003). Авторы, пишущие об этой песне, отмечают ее древность и полагают, что она о прародине бурят и монголов. В основном, проводятся поиски месторасположений названий Наваа, Бадан, Егоо. Близкие по

звучанию имена находят на Олоне, в Амдо и Иране. На этой основе выдвигаются интересные гипотезы о прародине монголов, предположительно вплоть до Иранского нагорья.

Понятно, что история песни очень сложна для понимания. В течение веков менялись слова и забывалось значение некоторых выражений и образов. Несмотря ни на что, песня дошла до нас, но звучит уже почти как молитва, иногда с неясным, потерянным смыслом. Например, в Баргузинской долине «Наян-Наваа» исполняется со словами: «Наёлон Новолон миниэлэн». Со слов М. Ц. Евревой (уроженки села Угнасай Курумканского района, из рода галзут), эта песня о древней родине бурят, расположенной дальше Монголии, где мягкий климат, где люди питаются фруктами и другой растительной пищей (Доржин, 2003. С. 5).

Специалистам необходимо собрать все имеющиеся тексты песни, сравнить их содержание и провести сопоставительный анализ. Возможно, удастся выявить хронологически разные напластования. Думается, что к старинным бурятским и монгольским песням следует подходить как к историческому источнику, выявить их наиболее древние сюжеты и рассмотреть «Наян-Наваа» в контексте с другими старинными песнями, изучить ее мелодику и место в этнокультуре музыки народов Восточной и Центральной Азии.

Большое значение для понимания песни «Наян-Наваа» имеет статья российского китаиста, очень много сделавшего для понимания древней истории монголов В. С. Таскина «Походные лагеря киданьских императоров» (1973а). Кидани — монгольский народ, создавший династию Ляо. В исторических сочинениях бурят имеются указания на древние истоки из Китая. Здесь имеется в виду не современное понимание Китая (Чжунго), а монгольское государство Кидань (Ляо). Имя монголов кидань распространилось в России на нынешний Китай, когда-то Китай входил в это монгольское государство. Весьма примечательно, что древности курумчинской культуры Прибайкалья бурятами в старину иногда назывались монгольскими, хори-монгольскими или киданьскими.

В «Истории династии Ляо» содержатся записи о жизни киданьских императоров. Император, соблюдая древнюю традицию, пересажал четыре раза в год — осенью и зимой, укрываясь от холода, весной и летом, спасаясь от жары. Для каждого времени года император имел место для пребывания, которое называлось *набо*. По мнению В. С. Таскина, слово *набо* на самом деле звучало как *наба* и означало «земля» (местность для стойбища и местопребывания). Здесь исследователь ссылается на маньчжурский язык, где *на* означает «земля», а *ба* — «место, местность, местопребывание, становище, стойбище, страна, область» (1973а. С. 107).

Надо сказать, что В. С. Таскин не случайно указывает на маньчжурские аналогии. В древности, о чем говорилось в предыдущих главах работы, монгольский и маньчжурский языки были между собой гораздо ближе. Есть большие основания видеть истоки песни в сезонных традициях киданьских императоров. *Наба* у киданей — это стойбище, местопребывание, можно понимать и как родина, родное кочевье. Так как рождаясь на одном *наба* и умирая на другом, на *наба* проходила жизнь киданьских правителей. И именно в этом контексте это слово звучит в бурятской песне.

Где же находились *наба-набо* киданьских императоров? Император Дао-цзун (1055—1101) свое летнее *набо* проводил у горы Туэршань (в северо-восточной части уезда Линьси в Жэхэ). Осеннее *набо* находилось возле слияния рек Шара-Мурэн и Лаохахэ. Здесь же проводились и зимние *набо* — у горы Муешань. В 1020 г. сунский посол Сун Шоу побывал в зимнем *набо* императора Шенцзуна вблизи горы Муешань. Вот что он записал: «Гора Муешань место захоронения Абаоцзи (основателя государства киданей) и, как говорят, место для принесения жертв Небу». Еще один китайский посол Пэн Жу-ли, ездивший к киданям в 1091 г., описал внутреннее расположение *набо*: «Перед навесами на столбах устроен садовый палисад, в котором растут дерсвья, в том числе персики, абрикосы, тополь и ива» (Таскин, 1973а. С. 114, 115). В. С. Таскин заканчивает статью: «Проходила холодная зима, наступала весна, и в первой декаде первой луны императоры снова трога-

лись в путь, переезжая на весеннее набо. И так, по свидетельству «Ляо ши», повторялось из года в год» (Таскин, 1973а. С. 115).

В контексте всего изложенного о южном дальневосточном происхождении монголов есть основания соотносить легендарную прародину бурят «Наян-Наваа» с землями Южной Маньчжурии и Дунбэя. Итак, становится понятным, что совершенно не случайно в культе сайтинских божеств почитается юг. Почему же к сайтинским божествам относят Хоредой мергена, предка хори-бурят? Мы ответили на этот вопрос, показывая южные истоки хори-монголов. Здесь уместно привести материал о якутских хори или хоролорах, который также указывает на связи хори с южными землями.

По материалам Г. В. Ксенофонтова, у якутов представления о юге были связаны именно со словами «хоро» и «кытат». Выражение «хоро сирэ» в якутском языке означало «южная теплая страна, где перелетные птицы проводят зиму». Поэтому якуты о перелетных птицах говорят «хоро кётөрө» (птицы из страны Хоро). Верхоянские якуты под словом «хоро» обозначают перелетных птиц, юг или южный. Якуты западно-кангаласского улуса, когда случаются годы с теплой погодой, употребляют выражение «хоро сайына» (хоринский год, хоринское лето). В якутском языке имеется выражение «хоро ичигэсэ буолла» (настала хоринская теплота, жара). Записана поговорка «Ити хоро джылыгар иитиллибит киси», означающая, что человек не знал никаких забот и вырос, окруженный теплотой и вниманием, и выражение «хоротон кэлбит кэгэн кус» (прилетевшая из страны Хоро утка-селезень). Г. В. Ксенофонов пишет: «...якуты далекого севера под страной Хоро разумеют теплый юг, где нет зим и морозов» (2004. С. 180). Им же отмечено, что в некоторых случаях аналогичные выражения связываются со страной Кытат: «Кытат кыыла кэллэ, Кытат кыыла барда» (вот прилетела птица из страны Кытат, вот улетела птица из Кытат). Исследователь замечает: «...на вопрос, где зимуют перелетные птицы, северные якуты чаще отвечают: «В стране Кытат», тогда как южные якуты указывают на страну Хоро» (2004. С. 180–181). Аналогичные материалы приведены в работах В. Л. Серошевского (1993. С. 237, 238) и А. П. Окладникова (1955. С. 352, 353, 358, 359). А. П. Окладников считал, что страна Кытат может быть связана и с киданями (1955. С. 359).

Интересны параллели в легенде и преданиях между якутскими хоро и бурятскими хори-монголами. В бурятских преданиях хори не являются бурятами, они монголы. Якутские хоро не якуты, а владеют особым хоролорским языком. Причем в бурятских и якутских преданиях они являются более старыми обитателями и их было много. Как в Бурятии, так и в Якутии они исчезают, но какие-то остатки хори-монголов или хоролоров сохраняются. Чаще всего они обладают таинственными чарами и волшебством.

Заслуживает внимания и антропологическая характеристика — якутские хоролоры — рослые, крепкого сложения, но и в бурятском фольклоре хоро-монголы иногда называются ута-монголами, то есть отмечается их высокий рост. Этот факт подтверждается высоким ростом населения курумчинской культуры. Нами совместно с антропологом А. И. Бураевым при раскопках курумчинского могильника Баянгол в Баргузинской долине было обращено внимание на крупные размеры костей погребенных. Е. А. Хамзина при описании погребения Баянгол 1 отметила: «...погребен мужчина огромного роста (2,07 м)» (1970. С. 96). Китайские источники о ранних монголах писали: «Мангуцзы — это тот народ, о котором кидани говорили «государство мэngu». Это люди ростом в 8 чи» (Кычанов, 1980. С. 144). Е. И. Кычанов, комментируя этот перевод, приводит дополнительные сведения о высоком росте монголов: «Конечно, рост в 7–8 чи — 2,2–2,6 м — это преувеличение. Однако высокорослых людей отмечает и «Сокровенное сказание». Один из потомков Алан-Гоа по линии ее сына Бодончара — Баруитай “ростом был велик и горазд до еды”» (1980. С. 144).

Отметим, что в преданиях якутских хори, как и у бурятских сородичей, их родина отождествляется с теплой южной страной Кытат.

В заключение скажем о третьем пункте в культе сайтинских божеств — о наличии земледельческих орудий и типично южного пшена — риса. В целом о древних корнях

монгольского земледелия и о возможности даже самостоятельного рисоводства у монголов мы довольно подробно писали в первой главе.

Исследование якутского языка, проведенное Н. К. Антоновым, показало, что до прихода тюркоязычных якутов в этих местах обитали оседло монголоязычные племена (1971. С. 164). Якутское слово «хахай» (лев) является монгольским «гахай» (свинья). Свинья — животное, характерное для оседлого образа жизни (Антонов, 1971. С. 51; Серошевский, 1993. С. 183). Очевидно, монголы, попав в северные условия Якутии, перенесли в течение длительного времени название известного им с древних времен животного как свинья на животное, которое также не обитает в Якутии, — на льва.

К дальневосточным традициям в культуре бурят следует отнести и наличие сложного криволинейного орнамента (рис. 55, 3—4). Традиции такого декоративного мотива отмечены в Бурятии еще на керамике бронзового и раннего железного веков (рис. 55, 1, 2), затем она проявляется на изделиях хунну и хори-монголов курумчинской культуры. Вместе с тем этот орнамент выявлен П. П. Хороших и на одежде ольхонских бурят (1927. Рис. 6, 7, 8, 11, 20). Криволинейный узор считается одним из специфичных украшений одежды народов Дальнего Востока — ульчей, негидадьцев, нанайцев. Отмечен криволинейный орнамент и на якутской одежде, причем исследователи указывали на его восточноазиатские истоки.

Обратимся к еще одному аспекту, связанному с этнонимом хори. Отметив схожесть названий хори (хоринцы) и корейцы, рассмотрим материалы, показывающие, что это не случайное созвучие. В генеалогических и исторических легендах бурят сохранились уходящие в древность воспоминания о связях с корейцами. Вот одно из них: некогда в Монголии жил Хун-Тайжи-хан. У него было четыре сына: от Барга-батара произошли якуты, от Шоно-батара — корейцы, от Сэрэн-Галдана — Булгад, от Хоредой убгуна — племена хори и шарайд (Румянцев, 1962. С. 173). По этой легенде получается, что буряты и корейцы имеют общего отца-прародителя. О корейцах упоминается и в повествовании о Бальжин-хатан — жена Бубэй бэйлэ была дочерью Гулин-хана — корейского хана (Там же. С. 183). В легенде Бубэй бэйлэ часто называют солонгутским князем. Буряты под именем солонгуты понимают народ, близкий к корейцам и маньчжурам (Баяртуев, 2001. С. 155). В повести о Бальжан-хатан корейцы упоминаются уже не как близкие родственники, как в первой легенде, но тем не менее они включены в общий круг взаимосвязанных этносов. Добавим к этому, что средневековые монголы включали корейцев в круг родственных народов (устное сообщение академика Ч. Далая).

По одному из мифов, связанному с предком корейцев Тонмене, которого выбросили в свинной хлев, свиньи согрели его и он не умер (Джарылгасинова, 1979. С. 109). Интересно, что в бурятском фольклоре имеются смутные воспоминания о свинье как о первопредке. В сочинении швейцарца Ренье, одного из первых авторов, описавших бурят, в главе «Происхождение бурят» говорится: «...они были воспитаны свиньей» (Зиннер, 1968. С. 192). В рукописи Михаила Татаринова «Описание о братских татарах...» о бурятах упоминается, что «и вскормлены оные боровом» (1958. С. 12). В настоящее время в бурятском историческом сознании упоминание о свинье совсем вытеснено, так как оно не могло увязаться с реальной скотоводческой жизнью бурят.

Сближают бурят и корейцев другие легенды о первопредках. У хори-бурят есть ритуальное призывание: «Происхождение наше от птицы-лебедя, священное наше дерево — береза, старшая наша сестра Алун-Гуа». С лебедем у бурят связано много преданий генеалогического характера. Сходные предания отмечены у маньчжуров восточнее горы Чан-боншань (Румянцев, 1962. С. 157). Тангун — первооснователь древнего корейского государства, носит название «Государь князь черной березы», так как его отцом было земное божество — отец Тансусин (дух черной березы). А о матери Тангуна (Чумона) в «Вэй шу» записано: «Мать Чумона — дочь Речного Божества — была спрятана пугским правителем в комнате. Солнечные лучи освещали ее. Она пыталась укрыться, но солнечные лучи настигали ее. От этого она зачала». Аналогичный текст имеется у Ким Бусика в «Самгуг саги»

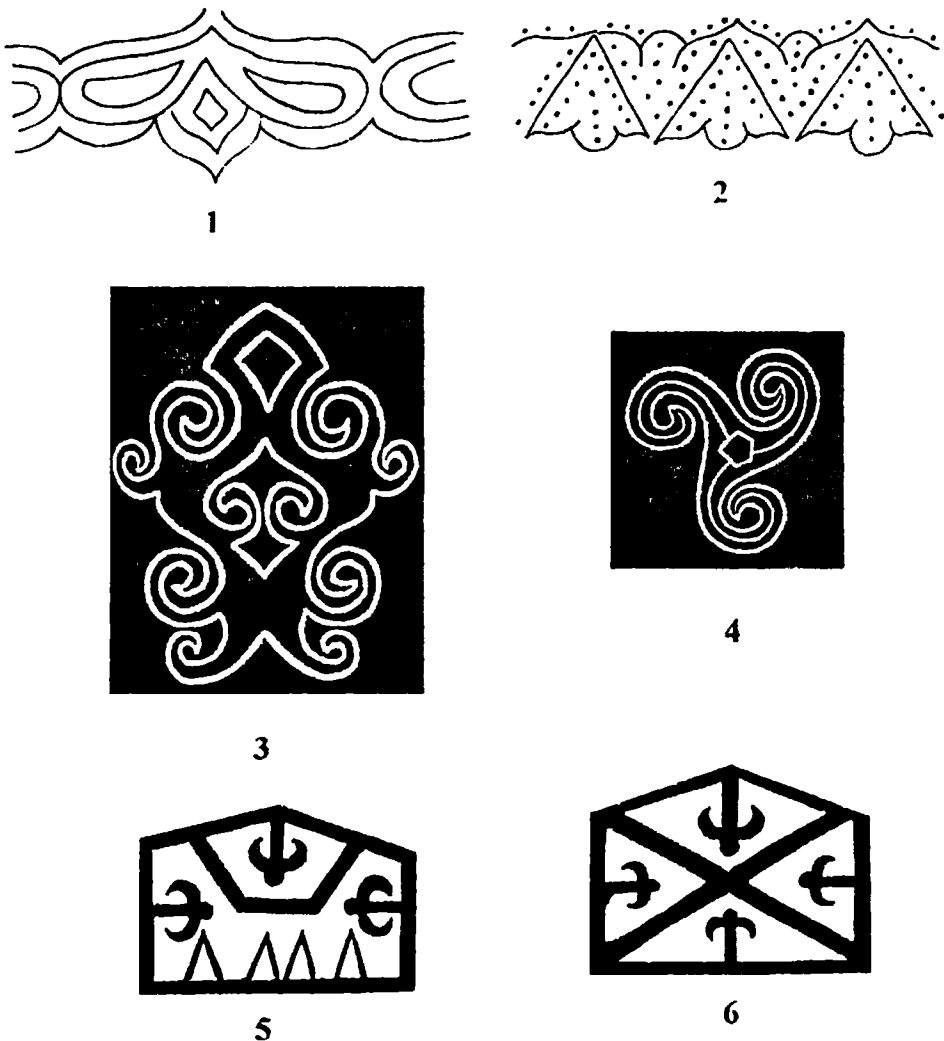


Рис. 55. Типы орнаментов: 1, 2 — на байкальской керамике (по А. В. Харинскому), 3–6 — орнамент бурят (по П. П. Хороших)

(Джарылгасинова, 1979. С. 105). Напомним, что прародительница хори-бурят Алан-Гуа также зачала от солнечного луча. В источниках повествуется, что при рождении киданьской императрицы «появился необыкновенный свет» (Е Лун-ли, 1979. С. 237). Предания, связанные с почитанием лебедя, березы и солнечного луча, широко распространены, и их можно выявить не только у бурят и корейцев. Свинья, как тотемное животное, характерна для более узкого круга народов, и сакральность свиньи у бурят и корейцев во многом объясняется общей историей предков монголов и корейцев, связанной с историей дунху Южной Маньчжурии и Дунбэя.

Связи предков бурят, хори-монголов с корейцами позволяют говорить о древнем родстве, уходящем в эпоху дунху. Одна ветвь дунху ушла в Корею, а другая дошла до берегов Ангары и Лены и долгое время сохраняла в народной памяти традиции далекой южной родины (рис. 56, 57).

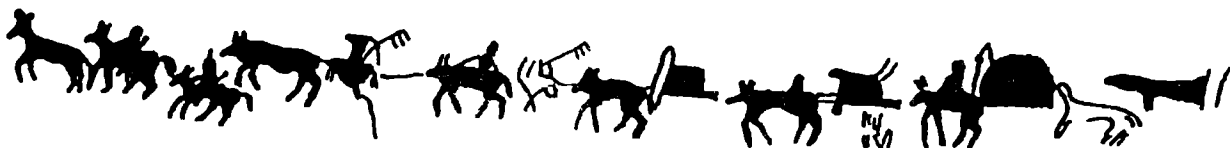


Рис. 56. Сцена перекочевки хори-монголов (курумчинская культура) (по А. П. Окладникову)

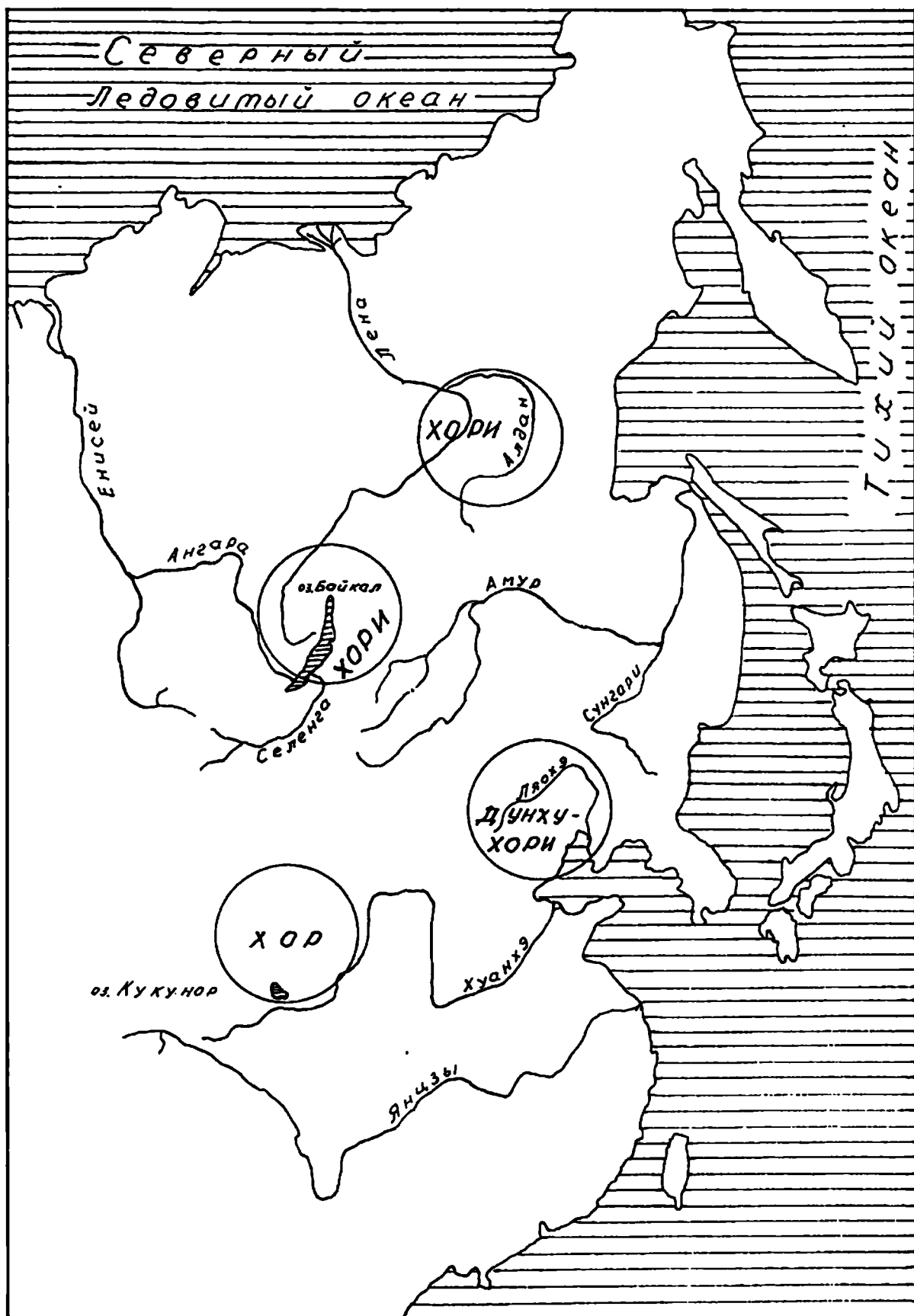


Рис. 57. Карта расселения хори-монголов. Составил автор

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе была предпринята попытка рассмотреть этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в эпоху средневековья. Археологические, антропологические и этнографические материалы, добытые в итоге 20-летних полевых исследований, проведенных Байкальской археологической экспедицией, позволили внести в решение данной темы принципиально новые положения. Протяженный хронологический период, почти 1000 лет, и широкое географическое пространство отчетливее очертили историческую динамику развития археологических культур региона, показали этнические и культурные особенности взаимодействия тюркоязычных и монголоязычных насельников края.

Основное внимание было уделено изучению курумчинской культуры Прибайкалья. Накопленный несколькими поколениями исследователей материал дал возможность построить культурно-хронологическую шкалу развития курумчинских древностей с V по XIV в. Удалось проследить археологические связи курумчинской культуры с памятниками хунну и сяньби. В погребальном обряде это выражено в прямоугольных надмогильных конструкциях и грунтовых захоронениях, положении умершего в деревянный дощатый гроб и каменный ящик. В инвентаре сближаются культовые бронзовые колокольчики, традиция украшать вещи спиральным орнаментом. Антропология населения курумчинской культуры сопоставима с результатами краниологических обмеров хунну Забайкалья и Монголии. Оседлые традиции курумчинского населения во многом сходны с хозяйством и бытом жителей хуннских и бурхотуйских городищ и поселений. Полученные результаты позволили обратить более пристальное внимание на оседлые традиции в курумчинской и бурхотуйской культурах Прибайкалья и Восточного Забайкалья, а также у хунну. Необходимо было выявить этнический субстрат, несущий оседлые традиции в средневековых культурах Юго-Восточной Сибири.

Обращение к языковедческим исследованиям способствовало постановке гипотезы о формировании культуры протомонголов как оседлых земледельцев и свиноводов, связанных происхождением с регионом Южной Маньчжурии. Именно здесь, в монголо-маньчжуро-корейском центре исторического развития, закладываются особенности монгольской культуры, которые сохраняются многие тысячелетия, вплоть до настоящего времени.

По данным языка, монгольское свиноводство имеет самостоятельное происхождение. Целый ряд археологических культур разных по времени, но связанных с историей монголоязычных народов — верхняя Сяцзядянь в Южной Маньчжурии, бурхотуйская в Восточном Забайкалье, хунну в Бурятии, покровская и михайловская на Амуре, — показывают наличие постоянного оседлого населения, занимающегося свиноводством. Вместе с тем китайские письменные источники, описывающие народы, вышедшие из дунхуского круга, указывают на свиноводство как особенность хозяйства ранних монголов. Согласно исследованиям языковедов, у древнего монгольского земледелия глубокие корни.

В монгольском языке сохранились названия морских животных: бурятское *хаб загалан*, халха-монгольское *хав загас*, калмыцкое *хав* (тюлень); бурятское и халха-монгольское *халим* (кит); кроме того, в монгольском языке отмечено даже такое узкое понятие, как китовый ус — *элжин*. В реках и озерах Монголии и Бурятии не водятся камбала и минога, но их названия есть в языке — *халбинь* и *нуд загас*. Вероятно, в глубокой древности предки монголов употребляли в пищу и морских трепангов (голотурий). На это указывает монгольское слово *хижим*. Важно и то, что монгольский язык имеет самостоятельные слова для обозначения жира животного происхождения (*өөх*) и рыбьего жира (*ээр*). В языке разделяются кости животных и кости рыб (Дашибалов, Рассадин, 2004. С. 38).

Для понимания оседлых традиций у монголов важное значение приобретают материалы с окраинных земель расселения монгольских народов. В источниках, как мы предполагали, должны сохраниться какие-либо указания или остатки, воспоминания о пре-

жней некоей жизни монголов. Исследовательским полем стали земли, прилегающие к Байкалу, большое внимание было уделено бурятам, представляющим северную границу расселения монголов. Культура степной Монголии, находясь на главных путях движения евразийских народов, чрезвычайно сложна и неоднородна. А в лесных областях вокруг Байкала должны были, по нашему мнению, сохраниться элементы древней монгольской культуры, не затронутые масштабными переселениями, неоднократно менявшими этническую и политическую карту собственно Монголии.

В пользу этого предположения говорит и то, что бурятский язык более всего сохранил близость к средневековому монгольскому языку, языку «Сокровенного сказания монголов». В «Сокровенном сказании» указывается, что родиной прародительницы Чингисидов Алан-Гоа являются хори-туматские земли. Все исследователи согласны с тем, что в летописи говорится о землях возле Байкала. Здесь и сейчас сохранились географические названия и племенные имена, значимые для монголов, такие как Баргуджин и Хорилар, упомянутые в эпосе. Весьма важно, что Прибайкалье и Забайкалье достаточно изучены археологически, накоплен представительный антропологический материал, расширяются генетические исследования. Давно и плодотворно исследуется эпос, мифология и язык бурят.

Бурятский фольклор сохранил в нетронутом виде весь комплекс монгольской оседлой культуры. В бурятских сказках имеются свинопасы, свинья — животное, часто встречающееся в пословицах, поговорках, благопожеланиях. Отметим, что герой известного бурятского эпоса «Аламжи Мэргэн» рождается на востоке, «где дремлет море-океан». Собираясь на битву с врагами, Аламжи Мэргэн надевает сапоги из рыбьей кожи, обувь, характерную для дальневосточных культур. Разумеется, эта этнографическая деталь в одежде эпического героя бурят — реликт не степной культуры. Со сказанным можно увязать данные из китайских летописей о том, что монголы-мэнгу «делают доспехи из кожи акулы».

Бурятские писатели и знатоки народной культуры обратили внимание на эти особенности в языке и устном творчестве народа. Земледельческие традиции бурят увидел и показал писатель А. А. Бальбуров, профессионально знавший фольклор и историю родного народа. В одной из своих книг он пишет: «...есть ли какие-либо конкретные следы того, чем жили и как хозяйствовали отдаленные предки нынешних бурят, были они всегда чистыми скотоводами — тогда откуда у них навыки великого искусства проводить орошение, тянуть каналы, пользуясь одним лишь «инструментом» — блюдцем с водой? А может быть, это искусство — живой рудимент, еще не окаменелый остаток того, что бурятам в древности было знакомо и земледелие, основанное на искусственном орошении полей?.. И мысли обращаются к фольклору, этому неисчерпаемому источнику исторических сведений, созданных и оберегаемых в течение всей невообразимо длинной истории самим народом. Разве не видим в данных бурятского фольклора тьмы-тьмушей сведений о земледелии? Откуда в улигерах бесконечные упоминания о саган и шара будаанах, то есть о рисе и просе? Откуда вошедшее в самую ткань «Гэсэра» и вошедшее не эпизодом, а целой главкой повествование о том, как волосатое чудовище Лойр Лобсоголдой превратил побежденного на время Гэсэра в осла и пахал на нем землю?» (1975. С. 48, 49). Ч. Цыдендамбаев в романе «Доржи, сын Банзара», говоря о том, что буряты не разводят свиней (сюжет о детстве Доржи Банзарова в родном улусе Ичетуй), замечает, что в загадках и пословицах свиньи упоминаются. Там же он пишет — буряты выдумали загадку про лук: «Кто увидит старуху в рваной желтой шубе — сейчас же от жалости заплачет», но сами лук не сажают (1981. С. 135, 136). Рыгдыл Ринчино, отец известного ученого Э. Р. Рыгдылона, когда прочитал «Пятнадцатилетнего капитана» Ж. Верна в переводе на монгольский язык Ц. Жамцарано, то отметил неожиданно для себя, что морские понятия у монголов достаточно разработаны, чего трудно было бы ожидать в языке степного народа (устное сообщение писателя Ц. Жимбиева).

Ц. Жамцарано записал бурятское предание в честь онгона Абгалдая, зятя корейского хана, в котором упоминаются острова и омывающие их два моря. Он высказал предположение, что этот онгон древнего происхождения и может быть связан с монгольскими походами на Японию (по Михайлову, 1980. С. 296). Академик Б. Ринчен говорил о том, что пути древних монголов доходили до Камчатки, так как ее описание имеется в фольклоре, где упоминается *гададын эхэ далай* (великий внешний океан) и люди ездят на собаках (1974. С. 262, 263). Т. Д. Скрынникова отметила довольно частую встречаемость упоминаний о море в бурятских сказках (2003. С. 71).

Жак Эрс, написавший прекрасную книгу о Марко Поло, анализируя морские походы монголов, поражен их успехами в корабельном деле: «Какая совершенная адаптация к новым условиям, какой быстрый прогресс степных племен в морском деле!» (1998. С. 244). Приведенный в нашем исследовании материал позволяет понять, почему оказались столь совершенными навыки средневековых монголов в мореходстве.

Если в бурятской культуре оседлые традиции бытуют лишь в языке и фольклоре, то ряд монгольских народов все еще сохраняют древние хозяйственные навыки и традиции.

Например, дауры в Маньчжурии. Даурские селения чаще всего расположены у реки. Дома каркасно-столбовые с двускатной соломенной или тростниковой крышей. В домах устроены каны. Дауры — народ старой земледельческой культуры. Еще в XVII в. они сеяли овес, пшеницу, гречиху, просо. Сейчас на огородах сажают баклажаны, тыкву, дыни, капусту, огурцы. Кроме того, разводят лошадей, крупный рогатый скот, ослов, свиней. Свинья у них используется и как культовое животное. Важное место занимает рыболовство, в том числе зимний подледный лов (Журавлева, Стариков, 1965. С. 667, 668; Цыбенков, 2005). Баоань и дунсян — монголоязычные народности, проживающие в провинциях Цинхай и Ганьсу. Основное их занятие — земледелие и огородничество. Живут в домах из глиноса-манного кирпича. В жилых комнатах устроен кан (Тодаева, 1965, 1965а). В Ганьсу и Цинхае проживают и монголы (ту). В качестве самоназвания у них бытуют этнонимы: хор, мэnguэр кунь, чахань мэngu. Основное занятие монголов — полевое земледелие и огородничество. Разводят лошадей, крупный рогатый скот, свиноводство развито, но слабо. Занимаются подледным ловом рыбы в озерах. Живут они в каркасных домах с двускатной крышей. Крыша покоится на столбовой конструкции. Промежутки между столбами закладываются сырцовым кирпичом. Усадьбы часто огорожены глинобитной оградой (Стратанович, 1965. С. 662–664).

Таким образом, собранный нами материал позволил подтвердить и развить идеи тех авторов, которые указывали на культуру ранних монголов как оседлую культуру с развитой поселенческой традицией, выраженной в квадратных домах с канами, а их хозяйственная деятельность была связана с земледелием, свиноводством и рыболовством.

Весь этот комплекс наиболее отчетливо демонстрируют материалы Иволгинского городища. Именно здесь исследованы жилища с канами, а костей свиней и собак найдено больше, чем костей лошадей и овец. Интересно, что собаки представлены тремя породами — лайка, крупная волкоподобная собака и дог. Большое значение жители Иволгинского городища придавали и рыболовству.

Мы предполагали, что в бурятском языке должно было бы сохраниться и название кана. Корейское название кана — гудыл, ондоли (Артемьева, 1998. С. 91, 93). В бурятском языке есть слово *хандали* (сиденье, скамейка). Выражение *хандали дээрэ хэбтэхэ* значит «ложиться на скамью, лежать на скамейке» (Бурятско-русский словарь 1973. С. 675). Здесь мы можем говорить не только о фонетической близости корейского и бурятского слов «ондоли-хандали», но и об общих истоках формирования понятий о кане. По материалам Л. Р. Кызласова, монголы в эпоху Чингисхана даже в войлочных юртах продолжали сооружать деревянные лежанки, имитировавшие традиционные каны. В китайском тексте «Секретной истории монголов» рассказывается, как враги Темучина, разыскивая его, «обыска-

ли юрту, кибитку и под каном». Переводчик П. Кафаров разъясняет: каном здесь названы подмости, «устраиваемые в юрте для сидения и лежания» (по Кызласову, 1975. С. 175). Приведем варианты: С. А. Козин — «обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до исподов сидений»; бурятский перевод Ч.-Р. Намжилова с монгольского — «Гэртэнь орожо оро дэрэ, тушэлгэтэй хандали доогурнь» (Сокровенное сказание..., 1990. С. 29 — русский перевод, с. 42 — бурятский перевод). Вспомним здесь и хуские лежанки, о которых часто упоминают китайские летописи.

Итак, целый комплекс разных источников позволил нам аргументированно говорить об оседлости ранних монголов и связанности их с археологическими культурами, характеризующимися развитой земледельческой традицией, строительством городищ и крепостей и имеющих в своем облике выраженные черты дальневосточного происхождения. Это такие археологические культуры Юго-Восточной Сибири, как хунну, бурхотуйская и курумчинская культуры.

На всем протяжении своей длинной истории монголоязычные народы неоднократно меняли свои имена и культуру. Чтобы была ясность в понимании, о каком периоде и каких монголоязычных этносах говорится, следует обозначить этапы и определения наименований в этнической истории монголов. Древнейший период монгольской истории, в котором закладывались основы народа и языка, можно определить как **протомонгольский**. Следующий этап соотносится уже с именем **древних монголов**, в основном это историческое время, связанное с именем дунху. Начиная с разделения дунху на сяньби и ухуань (III в. до н. э.) и включая в этот список собственно средневековых монголов «амурского периода», — это время **ранних монголов**. Соответственно с эпохи Чингисхана и до сего дня — **история современного монгольского народа**.

Каждый этап монгольской истории имеет свои особенности, характерные черты хозяйства, языковые и этнические контакты, повлиявшие на культуро- и этногенез данного периода. Однако на всем протяжении монгольской истории сохраняются «родовые» черты, сложившиеся в начальной фазе генезиса народа. Территория расселения монголов охватывает обширные пространства Евразии, причем миграции осуществлялись в разное время, разными носителями монгольского языка, с разными наименованиями, отражающими тот или иной период истории этноса. Поэтому этапы монгольской истории можно реконструировать по реликтам, сохранившимся в культуре и языке этих переселенцев.

Остановимся еще на одном важном выводе, полученном в работе. Изучение археологических памятников саянтуйского типа, получивших широкое распространение уже в эпоху развитого средневековья (XI–XIV вв.), дало возможность говорить об усилении кочевнического начала и постепенном замещении традиций оседлости на более подвижный образ жизни. В начале II тысячелетия н. э. в Прибайкалье появляются погребения с конями, которые ранее не были характерны для этой территории. На памятнике Сарма III умершие были положены в берестяную домовину и сруб, рядом слева размещался конь — все это затем подвергалось обряду сжигания. Надо сказать, что сходные обычаи (завертывание в бересту, обкладывание деревянными рамами и сжигание) были присущи средневековому населению Западной Сибири. Исследователи считают, что это памятники местных самодийских народов, подвергшихся тюркскому влиянию. Самодийская линия в становлении культуры средневекового населения Юго-Восточной Сибири проявляется также в появлении бронзовых антропоморфных подвесок, круглодонной керамики, а у бурят показателем этих связей служат лапчатые подвески, формирование которых связано с лесной средой Западной Сибири. Лесные черты демонстрируют погребения могильника Харанса на Ольхоне, где умершие завернуты в берестяные пакеты.

О том, что пришлые племена, смешавшись с населением автохтонной курумчинской культуры, образовали новые этнические группы — уже собственно бурятские, свидетельствуют археологические материалы могильников Усть-Талькин, Усть-Ида, Шебуты. Они

распространены в унгинско-осинских степях, то есть там, где русские казаки застали булагатские роды бурят. Курительные трубки-ганза, железный ковш, оловянные бляшки, наконечники стрел — весь материал этих погребений относится к XVI—XVII вв. Местной курумчинской традицией являются: каменные ящики, сооруженные в могилах; способ положения — на правом боку с поджатыми ногами; северо-восточная ориентировка умерших.

Данные археологии указывают на то, что традиция погребений с конями пришла к нам с запада или юго-запада, вероятно, с Саяно-Алтая и Обь-Иртышского междуречья, и связана с тюрками. О том, что эти племена говорили на тюркском языке, можно судить по тому, что они расселились и в Якутии, где до XVIII—XIX вв. сохранили свои старые обычаи — западную ориентировку умерших и погребения коней.

Рассмотрим другие материалы. Исследования антропологов показали, что из западных бурят особенно близки к якутам ангарские булагаты. Материалы языка западных бурят доказывают его непосредственную связь с «тюркской языковой стихией». Не исключено, что и значительное распространение тюркских топонимов в Прибайкалье (Хашхай, Манхай, Идига, Куда) связано с этой или более ранней тюркской волной. Из данных топонимики следует, что в Прибайкалье происходило слияние двух разных языков. Большой интерес вызывает происхождение названия «Байкал». Буряты, монголоязычный народ, давно живущий на берегах озера, называют его «Байгал-далай». Если второе слово «далай» из монгольского языка объясняется как «море-океан» и соответствует обширному, действительно морскому величию Байкала, то этимология слова «байгал» на монгольском языке не находит достоверного перевода. Если же его рассматривать с позиций тюркского языка, как это первые предложили И. Георги и А. Шлецер, то «бай-кюль» — это большое, великое озеро.

Следовательно, топоним «Байгал-далай» — двойной, с одинаковым значением на тюркском и монгольском языках. Является ли данное явление необычным для топонимов Юго-Восточной Сибири? Совершенно нет. Вспомним старое название Гусиного озера — Кюль-нур или такое же имя другого озера Хулун-нур (Далайнор) в Барге. Примечательно, что на самом Байкале в Ольхонских воротах имеется залив Хул, а соседний залив Загли заканчивается озером Нурэ. В этих случаях мы вновь встречаемся с тюркским и монгольским словом «озеро».

Таким образом, географические названия Юго-Восточной Сибири раскрывают сложную историю взаимоотношений тюркских и монгольских народов, и двойные термины возникли, очевидно, в условиях продолжительного и долгого их совместного двуязычного существования.

Где же проходило первоначальное формирование западнобурятских родов? Фольклор, записанный на берегах Ангары, чаще всего указывает на Алтай. Этнонимы булагат и бурят также тяготеют к Саяно-Алтайскому региону. Интересно, что в составе киргизов Тянь-Шаня имеются подразделения булгачи, вышедшие из Северо-Западной Монголии, то есть с Алтая.

Отсюда же происходят наименования бурят, бурут, пурут. Этнонимы бурут, пурут имеются у киргизов, узбеков, хакасов, алтайцев. В XV—XVI вв. движение групп с этими именами связано с западными монголами-ойратами, в составе которых имеется кыпчакский компонент.

Рассмотрев этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средневековую эпоху, мы видим, что формирование как древних, так и средневековых культур, на основе которых сложились бурятский и якутский народы, проходило во взаимном влиянии и обогащении традиций западного и восточного происхождения, контактов и глубоких связей народов тюркской и монгольской речи.

АРХИВНЫЙ МАТЕРИАЛ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. — М., 1992.
- Абдуразаков А. А. О связях народов Средней Азии с Сибирью // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1987.
- Авраменко Г. А. Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. — Красноярск, 1963.
- Агапитов Н. Н. Прибайкальские древности // Изв. ВСОРГО. — 1881. — Т. 12. — № 4–5.
- Ажигали С. Е. Архитектура кочевников — феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). — Алматы, 2002.
- Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. — М., 1989.
- Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. — М., 1984.
- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. — Иркутск, 1941.
- Алкин С. В. Внутренняя Монголия и Дунбэй: истоки дальневосточного культа дракона // V Междунар. конгр. монголоведов. — М., 1987. — Т. III.
- Алкин С. В. Проблема раннего земледелия в Северо-Восточном Китае // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. — Улан-Удэ, 1999.
- Алтухов В. В., Сидорчук М. Л., Туркин Г. В., Харинский А. В. Ритуальные кладки Приольхонья конца I тысячелетия нашей эры // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск, 1996. — Ч. 2.
- Альбом археологических памятников и реликвий Кореи. — Пхеньян, 1992. — Т. 7 (на кор. яз.).
- Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. — Якутск, 1971.
- Аратюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М., 1989.
- Арданов Б. Ч. История изучения памятников раннесмонгольской археологической культуры Западного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. — Улан-Удэ; Чита, 2002.
- Артамонов М. И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. — Л., 1977. — Вып. 1.
- Артемьев А. Р. Новые исследования города монгольского хана Есунгу в Забайкалье (XIII–XIV вв.) // Древняя и средневековая история Восточной Азии. — Владивосток, 2001.
- Артемьев А. Р. Средневековые поселения Забайкалья XIII–XIV вв. // Забайкалье в геополитике России. — Улан-Удэ, 2003.
- Артемьев А. Р. Археологические памятники эпох Юань и Минь в Забайкалье и Приамурье (XIII–XIV вв.) // РА. — 2004. — № 4.
- Артемьев А. Р. Улус брата Чингис-хана — Джочи-Хасара в Забайкалье (XIII в.) // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. — М., 2004а.
- Артемьева Н. Г. Домостроительство чжурчженей Приморья (XII–XIII вв.). — Владивосток, 1998.
- Асеев И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). — Новосибирск, 1980.
- Асеев И. В. О петроглифах Манхайского городища // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. — М., 1990.
- Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. — Новосибирск, 2003.
- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1984.
- Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. — Алма-Ата, 1989.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Булагаты и эхириты. — Улан-Удэ, 1970. — Ч. 1.
- Балданжапов П. Б. Алтан тобчи. Монгольская летопись XVIII в. — Улан-Удэ, 1970.
- Бальбуров А. А. Двенадцать моих драгоценностей. — М., 1975.
- Бартольд В. В. Кыргызы // Соч. — М., 1963. — Т. 2. — Ч. 1.
- Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — М., 2002.
- Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. — М., 1981.

- Баторов П., Подгорбунский В. Из бурятского фольклора // Сибирская живая старина. — 1925. — Вып. 3—4.
- Батсайхан З. Хунну (археологи, угсаатны зүй, туух). — Улаанбаатар, 2002.
- Баяр Д. Монголчуудын чулуун хорог (XIII—XIV зуун). — Улаанбаатар, 1995.
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хун чулуун хошоо. — Улаанбаатар, 1999.
- Баяртуев Б. Д. Предыстория литературы бурят-монголов. — Улан-Удэ, 2001.
- Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. — М., 1986.
- Белоцерковская И. В. Лопастные привески из рязано-окских могильников // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. — М., 1999.
- Бердникова В. И., Николаев В. С. Могильник Шебуты-III (Южное Приангарье) // Краеведческие записки ИОКМ. — Иркутск, 1994. — Вып. 1.
- Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. — М.; Л., 1946.
- Бертагаев Т. А. Лексика бурят-монгольского языка // Академия наук — Н. Я. Марру. — Л., 1933.
- Бертагаев Т. А. Об этнонимах бурят и курыкан // Этнонимы. — М., 1970.
- Билэгт Л. Тюрки и монголы // Археологийн судлал. — Улаанбаатар, 1998. — Т. XVIII.
- Билэгт Л. Шивэйши и монголы // Угсаатан судлал. — Улаанбаатар, 2003. — Т. XV.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л., 1950. — Ч. 1.
- Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. — Элиста, 1991.
- Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. — М., 1988.
- Болотин Д. П., Сапунов Б. С. Есть спорные вопросы (по поводу статьи Э. В. Шавкунова) // Россия и АТР. — 1994. — № 2.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. — М., 1983.
- Бродянский Д. Л. Кроуновско-хуннские параллели // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М., 1983.
- Будаев Ц. Б. Пословица не мимо молвится. — Улан-Удэ, 1988.
- Бураев А. И. Краниология средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья: Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1993.
- Бураев А. И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. — Улан-Удэ, 2000.
- Бураев И. Д. Результаты языковых контактов в околбайкальском регионе // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.
- Бурят арадай оньһон, хошоо угэнүүд. — Улан-Удэ, 1960.
- Бурятские народные сказки. — Улан-Удэ, 1976.
- Бурятские сказки. — Улан-Удэ, 1959. — Т. 1.
- Бурятско-русский словарь. — М., 1973.
- Бутанаев В. Я. Хакасские народные названия исторических памятников // Вопросы древней истории Южной Сибири. — Абакан, 1984.
- Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. — Абакан, 2000.
- Бутин Ю. М. К проблеме происхождения корейцев и маньчжур // Проблемы реконструкций в этнографии. — Новосибирск, 1984.
- Варенов А. В. Жили ли хунну в округе Лолан? // П. А. Кропоткин — гуманист, ученый, революционер. — Чита, 1992.
- Варенов А. В., Полосьмак Н. В. Новые образцы поясных пластин гуннского времени из могильника Даодуньцзы в Северном Китае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. — Кемерово, 1989. — Ч. 2.
- Васильев Ю. М. К вопросу об этнической характеристике населения Приамурья в XI—XII веках // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. — Владивосток, 1983.

- Васильев Ю. М., Дьякова О. В. Погребальный обряд покровской культуры в свете летописных и этнографических данных // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1987.
- Васильева И. Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. — Куйбышев, 1979.
- Виденгрен Г. Мани и манихейство. — СПб., 2001.
- Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. — XII в. н. э. // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук. — 1958. — Вып. 7.
- Викторова Л. Л. Этно-культурные связи монгольских и тибетских племен в древности и раннем средневековье // Центральная Азия и Тибет. — Новосибирск, 1972.
- Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. — М., 1980.
- Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. — Пг., 1923.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. — Л., 1934.
- Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. — Улан-Батор, 1967.
- Волокитин А. В., Инешин Е. М. Новые данные по железнному веку Среднего Приангарья // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. — Иркутск, 1991.
- Воробьев М. В. Древняя Корея: Историко-археологический очерк. — М., 1961.
- Воробьев М. В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). — Владивосток, 1994.
- Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир. — СПб., 1997.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.; Л., 1965.
- Галданова Г. Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки. — Новосибирск, 1992.
- Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И. Физическая география СССР. Азиатская часть. — М., 1987.
- Генералов А. Г., Дзюбас С. А. Бронзовые кельты Канского музея // Байкальская Сибирь в древности. — Иркутск, 1995.
- Гоголев А. И. Историческая этнография якутов: Вопросы происхождения якутов. — Якутск, 1986.
- Гоголев А. И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). — Якутск, 1993.
- Голян А. Миф и символ. — М., 1994.
- Горюнова О. И., Свиинин В. В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. — Иркутск, 1995. — Ч. I: Остров Ольхон.
- Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России. — М., 1994.
- Готлиб А. И. Крепостные сооружения севера Хакасии // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Красноярск, 1991. — Т. 3.
- Гохман И. И. Палеоантропологические материалы из могильника Усть-Талькин в Прибайкалье: (к вопросу о происхождении бурят) // Сб. МАЭ. — М.; Л., 1963. — Т. 21.
- Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве // Тр. ТКАЭЭ. — 1960. — Т. 1.
- Грач В. А. О погребальных памятниках монгольского времени в Туве // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. — 1975. — Вып. 17.
- Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. — М., 1981.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. — Т. 2.
- Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сб. ГЭ. — Л., 1961. — Вып. 3.
- Гумилев Л. Н. Динлинская проблема // Изв. ВГО. — 1959. — Т. 91. — № 1.
- Гунгаров В. Ш. Мифууд ба домогууд. — Улан-Удэ, 2001.
- Давыдова А. В. Гуннские памятники Забайкалья // Тр. БКНИИ. — Улан-Удэ, 1959. — Вып. 1.
- Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. — Л., 1985.
- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинское городище. — СПб., 1995. — Т. 1.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник. — СПб., 1996. — Т. 2.

Давыдова А. В., Миняев С. С. Раскопки хуннских поселений в Забайкалье // Археологические открытия 1974 года. — М., 1975.

Давыдова А. В., Миняев С. С. Раскопки поселения сюнну у с. Дурены // Археологические открытия 1975 года. — М., 1976.

Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. — М., 1957.

Данилов С. В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985.

Данилов С. В. Средневековые поселения Западного Забайкалья // Археологические памятники средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992.

Данилов С. В. Средневековое здание в Нарсатуе и некоторые проблемы истории монгольского государства XIII–XIV вв. // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. — Улан-Удэ, 1999.

Данилов С. В. Темниковское поселение и некоторые вопросы этногенеза бурят // Мир Центральной Азии. — Улан-Удэ, 2002. — Т. 1.

Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. — Улан-Удэ, 2004.

Дашибалов Б. Б. Погребальные памятники бурят и обряды позднего средневековья Прибайкалья как источник по этногенезу бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.

Дашибалов Б. Б. Археологические исследования в Прибайкалье // Вопросы социально-экономического и культурного развития общества: исторический опыт и современность. — Улан-Удэ, 1989а.

Дашибалов Б. Б. Находки культуры «курумчинских кузнецов» из раскопок Б. Э. Петри // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. — Кемерово, 1994.

Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. — Улан-Удэ, 1995.

Дашибалов Б. Б. Монголо-маньчжуро-корейский центр активности в истории центральноазиатских народов // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. — Улан-Удэ, 1999.

Дашибалов Б. Б. Археологические памятники Ольхона в системе западных и восточных взаимосвязей // Палеоэкология человека Байкальской Азии. — Улан-Удэ, 1999а.

Дашибалов Б. Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири // Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона. — 2000. — № 2.

Дашибалов Б. Б. Кыпчаки в Восточной Сибири // Средневековые древности евразийских степей. — Воронеж, 2001. — Вып. 15.

Дашибалов Б. Б. Культура хунну как центральноазиатское явление // Мир Центральной Азии. — Улан-Удэ, 2002. — Т. 1.

Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. — Улан-Удэ, 2003. .

Дашибалов Б. Б. О происхождении этнонима «хори» // Язык. Миф. Этнокультура. — Кемерово, 2003а.

Дашибалов Б. Б. Бурятские погребения Байкальской Сибири // Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона. — 2003б. — № 1.

Дашибалов Б. Б. О дальневосточных традициях в культуре бурят и монголов // Вестник ДВО РАН. — 2004. — № 2.

Дашибалов Б. Б. Среднеазиатские торговые фактории в Баргуджин-Токуме // Древности Востока. — М., 2004а.

Дашибалов Б. Б. Об оседлости древних монголов // Культурные традиции Евразии. — Казань, 2004б. — Вып. 4.

Дашибалов Б. Б., Рассадин В. И. Откуда пошли монголы // Восточная коллекция. — 2004. — № 4.

Дашиева Н. Б. Полевые материалы (июль — август 2001 г.) // Этническая культура: история и современность. — М.; Улан-Удэ, 2002.

- Дебен-Франкфор К. Древний Китай. — М., 2002.
- Дебец Г. Ф. Итоги и задачи палеоэтнологии в Западном Забайкалье // Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд. — Иркутск, 1925.
- Дебец Г. Ф. Могильник железного периода у с. Зарубино // Бурятияведение. — 1926. — № 2.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — М.; Л., 1948.
- Деревянко А. П., Окладников А. П. Древние культуры восточных районов МНР // СА. — 1969. — № 4.
- Деревянко А. П., Окладников А. П. Тамцаг-Булаг — неолитическая культура Восточной Монголии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1970. — Вып. 5.
- Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. — Новосибирск, 1975.
- Деревянко Е. И. Троицкий могильник. — Новосибирск, 1977.
- Деревянко Е. И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры (Очерки этнической истории и культуры). — Новосибирск, 1981.
- Джарылгасинова Р. Ш. Этноним когуре // Этнонимы. — М., 1970.
- Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. — М., 1979.
- Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. — Улан-Удэ, 1958.
- Дмитриева Л. В. Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. — Л., 1984.
- Доклады об археологических раскопках в различных районах Кореи. — 1963 (на кор. яз.).
- Доржин Ц. Ц. Легендарная земля Наян-Наваа и белое пятно бурятской истории. — Улан-Удэ, 2003.
- Доржсурэн Ц. Умард хунну. — Улаанбаатар, 1961.
- Древнемонгольские города. — М., 1965.
- Дугаров Б. С. Потомки Хоридоя среди эхиритов и булагатов // Монголоведные исследования. — Улан-Удэ, 2003. — Вып. 4.
- Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства на материале обрядового фольклора бурят. — М., 1991.
- Дугаров Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1993.
- Думан Л. И. Общественный строй сяньби и тоба III–IV вв. н. э. // Вопросы истории и этнографии Китая. — М., 1968.
- Дьякова О. В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1987.
- Дьякова О. В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. — Владивосток, 1993. — Ч. I–III.
- Дьякова О. В. Горные городища северо-восточного Приморья // Древности Востока. — М., 2004.
- Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. — Л., 1975.
- Дэвлет М. А. К вопросу о культурных связях древнего населения Центральной Азии и Дальнего Востока // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1978.
- Е Лун-ли. История государства киданей. — М., 1979.
- Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. — 1957. — № 2.
- Егорова М., Шитикова Т. Поселение бронзового века в местечке Шигильдзюр // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск, 1996. — Ч. 2.
- Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этноним иранского происхождения? // СЭ. — 1990. — № 3.
- Ешижамсоева Г. Буряад турэ аяжа бутэлэг байгаа? // Буряад унэн. Духэриг. — 2005. — 20 января.
- Жак Эрс. Марко Поло. — Ростов-на-Дону, 1998.
- Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В. Топонимия Восточного Забайкалья. — Чита, 2003.

- Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. — Улан-Удэ, 2001.
- Жимбиев Ц. А. Родословная хоринских бурят. — Улан-Удэ, 2001.
- Жуковская Н. Л. Судьба кочевой культуры. — М., 1990.
- Жуковская Н. Л. Сойоты Бурятии: история забвения и возрождения // Кочевая цивилизация Великой степи: современный контекст и историческая перспектива. — Элиста, 2002.
- Жуковская Н. Л. К истории сойотской проблемы // Этнические процессы и традиционная культура. — М.; Улан-Удэ, 2005.
- Журавлева М. Г., Стариков В. С. Дауры (дахуры) // Народы Восточной Азии. — М.; Л., 1965.
- Заднепровский Ю. А. Кочевническое погребение XIII–XIV вв. в Фергане // СА. — 1975. — № 4.
- Заднепровский Ю. А. Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н. э. — II в. н. э. Северной Кореи // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. — Кемерово, 1989. — Ч. 2.
- Зайцев М. А. Ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры в Приольхонье (оз. Байкал): Автореф. дис. канд. ист. наук. — Кемерово, 1989.
- Зайцев М. А., Харинский А. В., Свинин В. В. Погребение с трупосожжением у поселка Сарма // Байкальская Сибирь в древности. — Иркутск, 1995.
- Залкинд Е. М. Кидане и их этнические связи // СЭ. — 1948. — № 1.
- Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. — Иркутск, 1968.
- Золотарева И. М. Этническая антропология бурят // Этнографический сб. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 1.
- Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI–XIII вв. — Улан-Удэ, 1996.
- Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI — начале XVII века. — Улан-Удэ, 1997.
- Зуев Ю. А. «Тамги лошадей из вассальных княжеств» // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. — 1960. — Т. 3.
- Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы, 2002.
- Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). — М., 1988.
- Иванов В. В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. — М., 1992.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. — М., 1980. — Т. 1.
- Ивашина Л. Г. Предпосылки к зарождению производящих отраслей хозяйства в эпоху позднего неолита — ранней бронзы (на материале археологических памятников Бурятии) // 100 лет гуннской археологии. — Улан-Удэ, 1996. — Ч. II.
- Именохоев Н. В. Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1988.
- Именохоев Н. В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.
- Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992.
- Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура. Истоки формирования // Проблемы истории Бурятии. — Улан-Удэ, 1993.
- Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985.
- Иметхенов А. Б., Долхонова Э. З., Елбаскин П. Н. Ольхон — край родной. — Улан-Удэ, 1997.
- Ионова О. В. Жилые и хозяйственные постройки якутов // Сибирский этнографический сб. — М.; Л., 1952. — Вып. 1.
- Исида Эйитиро. Мать Момотаро: Исследование некоторых аспектов истории культуры. — СПб., 1998.
- История Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ, 1954. — Т. 1.
- Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. — Алматы, 2001.

- Карцов В. Г. Ладейское и Ермолаевское городища // Тр. секции археологии РАНИОН. — М., 1929. — Т. 4.
- Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. — Красноярск, 1929а.
- Карцов В. Г. Ачинское городище // Сб. тр. Причулымского музея. — Ачинск, 1932. — Т. 1. — Вып. 1.
- Кастрен М. А. Путешествия в Сибирь (1845—1849). — Тюмень, 1999. — Т. 2.
- Качалова Н. К., Мандельштам А. М. Поселения и могильники на мысах Бурхан, Шибэтэй и Нюргон (остров Ольхон) // Древности Байкала. — Иркутск, 1992.
- Киддер Дж. Э. Япония до буддизма. — М., 2003.
- Ким Бусик. Самгук саги. — М., 1995.
- Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. — Иркутск, 1979.
- Кириллов И. И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Киданьские древности Приаргунья // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. — Владивосток, 2002.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. — Новосибирск, 2000.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Литвинцев А. Ю. Могильник I тысячелетия нашей эры из окрестностей села Зоргол // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск, 1996. — Ч. 2.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Литвинцев А. Ю. Сяньбийские граффити на бересте из могильника Зоргол-1 // Древняя и средневековая история Восточной Азии. — Владивосток, 2001.
- Киселев С. В. Древние города Монголии // СА. — 1957. — № 2.
- Киселев С. В. Древние города Забайкалья // СА. — 1958. — № 4.
- Киселев С. В. Введение // Древнемонгольские города. — М., 1965.
- Киселев С. В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. — М., 1965а.
- Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. — М., 1965.
- Клоусон Дж. Лексико-статистическая оценка алтайской теории // ВЯ. — 1969. — № 5.
- Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. — СПб., 2003.
- Книга Марко Поло // Путешествия и путешественники. — М., 1997.
- Ковычев Е. В. Восточное Забайкалье в I тысячелетии н. э. (по материалам могильников): Автореф. дис. канд. ист. наук. — Новосибирск, 1977.
- Ковычев Е. В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. — Новосибирск, 1981.
- Ковычев Е. В. Могильник железного века у станции Дарасун // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983.
- Ковычев Е. В. История Забайкалья (I — сер. II тыс. н. э.). — Иркутск, 1984.
- Ковычев Е. В. Средневековое погребение с трупосожжением из Восточного Забайкалья и его этнокультурная интерпретация. — Новосибирск, 1985.
- Ковычев Е. В. К вопросу о памятниках сяньби в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии степной Евразии. — Кемерово, 1987.
- Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.
- Кожин П. М. Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. — М., 1977.
- Козьмин Н. Н. К вопросу о происхождении якутов-сахалар. — Иркутск, 1928.
- Комиссаров С. А. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сячзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987.
- Комиссаров С. А. Археологические памятники Дунху: проблема отождествления // V Междунар. конгр. монголоведов. — М., 1987а. — Т. III.

- Комиссаров С. А. Комплекс вооружения древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. — Новосибирск, 1988.
- Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1976.
- Коновалов П. Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.
- Коновалов П. Б. К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1993.
- Коновалов П. Б. К проблеме исторических корней Гэсэриады // Гэсэриада — духовное наследие народов Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1995.
- Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1999.
- Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино: Западное Забайкалье // Новое в археологии Забайкалья. — Новосибирск, 1981.
- Коновалов П. Б., Именохоев Н. В. Об изучении средневековых памятников Западного Забайкалья // Проблемы археологии и этнографии Сибири. — Иркутск, 1982.
- Константинов И. В. Захоронения с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов) // По следам древних культур Якутии. — Якутск, 1970.
- Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры. — Якутск, 2003.
- Константинов М. В. Исследователи древнего Забайкалья. — Чита, 1992.
- Корейские крепости: историко-археологический очерк. — Сеул, 1991 (на кор. яз.).
- Кормушин И. В. О тюрко-монгольских связях древнего периода // Владимирцовские чтения IV. — М., 2000.
- Коротнев А. А. Отчет по исследованию озера Байкал летом 1901 года // Пятидесятилетие ВСОРГО: Юбил. сб. — Киев, 1901. — Вып. 1.
- Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. — М., 1957.
- Крепость Сасансон на горе Чиксан. — 1994 (на кор. яз.).
- Ксенофонов Г. В. Ураангхай — сахалар. Очерки по древней истории якутов. — Иркутск, 1937. — Т. 1.
- Ксенофонов Г. В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. — Якутск, 2004.
- Кузнецов Б. И. Древний Иран и Тибет. — СПб., 1998.
- Кулаков П. Е. Ольхон: Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхотурского округа Иркутской губернии // Зап. РГО. — 1898. — Т. 8. — Вып. 1.
- Культура Когуре. — 1975 (на кор. яз.).
- Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. — М., 1983.
- Кызласов Л. Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана // Изв. АН КазССР. — 1951. — Вып. 3.
- Кызласов Л. Р. Статуэтка северного оленя из Канска // СА. — 1962. — № 3.
- Кызласов Л. Р. Памятник мусульманского средневековья в Туве // СА. — 1963. — № 2.
- Кызласов Л. Р. Курганы тувинцев // Вестник МГУ. Сер. ист. — 1964. — № 5.
- Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображавших людей // СА. — 1964а. — № 2.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. — М., 1969.
- Кызласов Л. Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. — Новосибирск, 1975.
- Кызласов Л. Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
- Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. — Красноярск, 1992.
- Кызласов Л. Р. Города гуннов // Татарская археология. — 1998. — № 2.
- Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г. Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.

- Кычанов Е. И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980.
- Кычанов Е. И. Властители Азии. – М., 2004.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961.
- Ларичев В. Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сб. – Улан-Удэ, 1959. – Вып. 1.
- Ларичев В. Е. Азия далекая и таинственная. – Новосибирск, 1968.
- Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. – Улан-Удэ, 1999.
- Леньков В. Д. Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке. – Новосибирск, 1974.
- Лигети Л. [Рец. на:] Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1 // ВЯ. – 1955. – № 5.
- Лигети Л. Табгачский язык – диалект сяньбийского // НАА. – 1969. – № 1.
- Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан, 1983.
- Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. – М., 1980.
- Малиновская Н. В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. – М., 1974.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951.
- Малаявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии. – Новосибирск, 1981.
- Малаявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989.
- Мамонова Н. Н. Кочевники Забайкалья IX–XIII вв. по данным палеоантропологии // ТИЭ. Нов. сер. – М., 1961. – Т. 71.
- Мамонова Н. Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Междунар. конгр. монголоведов. – Улаанбаатар, 1979. – Т. III.
- Мандельштам А. М. Шатровый могильник у оз. Нурэ (о. Ольхон) // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – Вып. 4.
- Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М., 1978.
- Мартынов А. И., Абсаямов М. Б. Тагарские поселения. – Красноярск, 1988.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М., 1973. – Вып. 1.
- Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. – 1966. – № 2.
- Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей. – Новосибирск, 1977.
- Медведев В. Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. – Новосибирск, 1982.
- Медведев В. Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия (чжурчжэнская эпоха). – Новосибирск, 1986.
- Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках // Журн. Министерства народного просвещения. – СПб., 1898. – Ч. 317. – № 6.
- Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина // Зап. Вост. отд. импер. Рус. археол. об-ва. – СПб., 1900. – Т. 12. – 1899.
- Мельхеев М. Н. Карты расселения и перемещения бурятских родо-племенных групп по данным топо- и этнонимии // Этнографический сб. – Улан-Удэ, 1974. – Вып. 6.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1.
- Минерт Л. К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985.
- Миняев С. С. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово, 1987. – Ч. II.
- Миняев С. С. Художественная бронза сюнну – проблема формирования сюжетов и образов // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. – СПб., 1993. – Ч. 2.
- Миняев С. С. Дырестуйский могильник. – СПб., 1998.
- Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. – Новосибирск, 1987.

- Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). — Новосибирск, 1980.
- Михайлов Т. М. Найгурские песнопения о хоринских двух заянах // Традиционный фольклор бурят. — Улан-Удэ, 1980а.
- Михайлов Т. М. О сайтинских божествах в шаманской религии бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. — Улан-Удэ, 1983.
- Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. — Новосибирск, 1987.
- Могильников В. А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
- Могильников В. А. Кнмаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981а.
- Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск, 1990.
- Молчанова О. Т. Желтые цвета в алтайском ономастиконе // Turcologica 1986. — Л., 1986.
- Монгол ардын оньсого таавар. — Улаанбаатар, 1990.
- Монгол орос толь. — М., 1957.
- Мороз М. В., Худяков Ю. С. Средневековое укрепление на горе Барбак-хая // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. — Новосибирск, 1988.
- Нанзатов Б. З. Этническая история западных бурят (VI–XIX вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук. — Владивосток, 2002.
- Немеров В. Ф. Восточное Забайкалье в первой половине II тыс. н. э. (по материалам погребений): Автореф. дис. канд. ист. наук. — Новосибирск, 1981.
- Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // ВЯ. — 1963. — № 6.
- Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1990.
- Нестеров С. П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. — Новосибирск, 1998.
- Николаев В. С. Новые средневековые погребения с конем в Приангарье // Цыбиковские чтения: проблемы истории и культуры монгольских народов. — Улан-Удэ, 1993.
- Николаев В. С. Раскопки могильника Усть-Уда в Приангарье // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск, 1996. — Ч. 2.
- Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. — Владивосток; Иркутск, 2004.
- Николаев В. С., Дзюбас С. А., Белоненко В. В. Средневековые погребения по обряду кремации на территории Приангарья // Археологическое наследие Байкальской Сибири. — Иркутск, 2002. — Вып. 2.
- Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. — Новосибирск, 1988.
- Нимаев Д. Д. О роли тунгусского компонента в этногенезе бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.
- Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. — Улан-Удэ, 2000.
- Новгородова Э. А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III–I тыс. до н. э.) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981.
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия. — М., 1989.
- Ням-Осор Н. Хоер мянганы туухтэй «Заян Наваа» дууны судлагдсан тойм // Буриад-монголчуудын угсаа-туухийн зарим асуудал. — Улаанбаатар, 2000.
- Обельченко О. В. Культура античного Согда: По археологическим данным VII в. до н. э. — VII в. н. э. — М., 1992.
- Овчинников М. П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска // Изв. ВСОРГО. — 1904. — XXXV. — № 3.
- Овчинников М. П. Отчет о командировке в г. Киренск для осмотра архивов; от Иркутска до Киренска // Тр. Иркут. архив. комиссии. — Иркутск, 1916. — Вып. 3.
- Окладников А. П. Изучение древней истории в Восточно-Сибирском крае // Советское краеведение. — 1935. — № 1.

- Окладников А. П. Древняя тюркская культура в верховьях Лены // КСИИМК. — 1948. — № XIX.
- Окладников А. П. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству. — М.; Л., 1955. — Т. 1.
- Окладников А. П. Сводный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1957 году. — Архив ИА РАН, Р-1, № 1649.
- Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА. — 1957а. — № 1.
- Окладников А. П. Археологические работы в зоне строительства Ангарских гидроэлектростанций (общие итоги) // Зап. Иркут. обл. краевед. музея. — Иркутск, 1958. — Вып. 1.
- Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. — М., 1958а.
- Окладников А. П. Шишкинские писанины. — Иркутск, 1959.
- Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. — Владивосток, 1959а.
- Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в юго-западном Забайкалье // Тр. Бурят. компл. НИИ. — Улан-Удэ, 1960. — Вып. 3.
- Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге?) // Тюркологические исследования. — М.; Л., 1963.
- Окладников А. П. Лики древнего Амура. — Новосибирск, 1968.
- Окладников А. П. К истории первоначального освоения человеком Центральной Азии // Центральная Азия и Тибет. — Новосибирск, 1972.
- Окладников А. П. Древнее Забайкалье: Культурно-исторический очерк // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1975. — Ч. II.
- Окладников А. П. История и культура Бурятии. — Улан-Удэ, 1976.
- Окладников А. П. Из области духовной культуры неолитических племен долины Керулена: ритуальные захоронения остатков животных // Археология и этнография Монголии. — Новосибирск, 1978.
- Окладников А. П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. — Новосибирск, 2003.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия // СЭ. — 1969. — № 2.
- Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток, 1973.
- Окладников А. П., Забелина Н. Н. Отчет о работе 1-го Балаганского отряда Ангарской археологической экспедиции (1958 год). — Архив ИА РАН, Р-1, № 1790.
- Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. — Улан-Удэ, 1958.
- Остолопов Н. О. О происхождении, вере и обрядах якутов // Любитель словесности. — 1806. — Ч. 1.
- Павлинская Л. Р. Художественная обработка металлов // Сб. МАЭ. — Л., 1988. — Т. XLII.
- Павлинская Л. Р. К вопросу об этнокультурных контактах бурят // Банзаровские чтения. — Улан-Удэ, 1992.
- Павлинская Л. Р. Некоторые дополнения к изучению шаманского костюма народов Сибири // Шаман и вселенная в культуре народов мира. — СПб., 1997.
- Павлов Е. В. Семантика хоринского этногонического мифа к этимологии «хор» // Монголо-ведные исследования. — Улан-Удэ, 2003. — Вып. 4.
- Павлуцкая В. В. Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников: Автореф. дис. канд. ист. наук. — Л., 1990.
- Паничкина М. З. О датировке находки у ст. Иннокентьевской на Амуре // СЭ. — 1935. — № 4–5.
- Панфилов В. З. Нивхско-алтайские языковые связи // ВЯ. — 1973. — № 5.
- Паркер Э. Х. Тысяча лет из истории татар. — Казань, 2003.
- Петри Б. Э. Далекое прошлое Бурятского края. — Иркутск, 1922.
- Петри Б. Э. М. П. Овчинников как археолог // Сибирские огни. — 1922а. — № 4.

- Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье // Изв. народного образования в Чите. — 1923. — № 1.
- Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. — Иркутск, 1928.
- Пешкова Г. Л. Степи Приангарья и их связи со степями соседних территорий // Изв. СО АН СССР. — Новосибирск, 1959. — № 11.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. — 1958. — № 62.
- Плетнева С. А. Древности черных клобуков. — М., 1973.
- Плетнева С. А. Введение // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
- Плетнева С. А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи). — М., 1990.
- Подгорбунский В. И. Заметки по изучению гончарства якутов // Сибирская живая старина. — Иркутск, 1928. — Вып. 7.
- Покотилов К. История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634. — СПб., 1893.
- Полосьмак Н. В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. — Новосибирск, 1990.
- Попов А. В. К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии // Очерки по земледелию Восточной Сибири. — Иркутск, 1926. — Вып. 2.
- Поппе Н. Н. К вопросу о происхождении скотоводства у монголов // Тр. Монг. комиссии № 22: Домашние животные Монголии. — М.; Л., 1936.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1883. — Вып. 4.
- Поэзия древних тюрков VI—XII веков. — М., 1993.
- Предбайкалье и Забайкалье. — М., 1965.
- Приклонский В. Л. Похороны якутов в северной части Якутской области // Сиб. сб. — Иркутск, 1890. — Вып. 1.
- Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. — 1957. — № 3.
- Пэрлээ Х. Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь. — Улаанбаатар, 1959.
- Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундад уеийн хот суурины товчоон. — Улаанбаатар, 1961.
- Пэрлээ Х. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век. — Новосибирск, 1974. — Вып. 4.
- Пэрлээ Х. О месте истории земледелия и городов древней Монголии в истории кочевников Центральной Азии // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. — Улан-Батор, 1974а.
- Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. — М., 1989.
- Раскопки в Лаохэшэнь, д. Юйшу (Юйшу Лаохэшэнь). — Пекин, 1987 (на кит. яз.).
- Рассадин В. И. Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке // Исследование бурятских говоров. — Улан-Удэ, 1968. — Вып. 2.
- Рассадин В. И. К сравнительному изучению анималистской лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. — Новосибирск, 1981.
- Рассадин В. И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. — Улан-Удэ, 1984.
- Рассадин В. И. Роль контактов в образовании тюрко-монгольской языковой общности // ВЯ. — 1988. — № 4.
- Рассадин В. И. О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.
- Рассадин В. И. О характере тюрко-монгольских языковых отношений // Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов. — Улан-Удэ, 2004.
- Результаты раскопок Анакского кургана № 3. — 1958 (на кор. яз.).
- Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. — Самара, 1999.
- Ринчен Б. К истории древних культурных связей монголов с другими народами по данным монгольского фольклора // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. — Улан-Батор, 1974.

- Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? // ВЯ. — 1974. — № 2.
- Рона-Таш А. Монголо-венгерские параллели и исторический фон монголо-тюркских связей // III Междунар. конгр. монголоведов. — Улан-Батор, 1979. — Т. III.
- Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. — М.; Л., 1962.
- Румянцев Г. Н. Патриархально-феодалыные отношения у бурятских племен (XIV–XVII вв.) // История Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ, 1954. — Т. 1.
- Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи. — Улан-Удэ, 1956. — Вып. 1.
- Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ, 1962.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М., 1988.
- Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // СА. — 1955. — № XXII.
- Савельев Н. А., Свинин В. В. Погребение железного века на реке Кане // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1978. — Вып. 4.
- Савельев Н. А., Хуторянская О. В., Харинский А. В. Захоронение в бересте с мыса Соболева // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск, 1996. — Ч. 2.
- Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984.
- Санжеев Г. Д. Заметки по этнической истории бурят // Современность и традиционная культура народов Бурятии. — Улан-Удэ, 1983.
- Санжеев Г. Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. — Улан-Удэ, 1983а.
- Свинин В. В. К итогам археологических исследований на Байкале // Учен. зап. Иркут. обл. музея краеведения. — Иркутск, 1971. — Вып. IV. — Ч. 1.
- Свинин В. В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1974. — Вып. 2.
- Свинин В. В. Итоги научных исследований лаборатории археологии и этнографии ИГУ и задачи на ближайшее десятилетие // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. — Иркутск, 1980.
- Свинин В. В., Медведев Г. И. Отчет об археологической работе Иркутского областного краеведческого музея (1959 год). — Архив ИА РАН, Р-1, № 1980.
- Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. — М., 1979.
- Седякина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин // Тр. БКНИИ СО АН СССР. — Улан-Удэ, 1965. — Вып. 16.
- Седякина Е. Ф. Курыканы // История Сибири. Древняя Сибирь. — Л., 1968. — Т. 1.
- Седякина Е. Ф. О земледелии у курыкан // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1971. — № 1.
- Седякина Е. Ф., Окладников А. П. Отчет о работе 2-го Балаганского отряда Братской археологической экспедиции (1959). — Архив ИА РАН, Р-1, № 2026.
- Серебренников Б. А. О некоторых гидронимических загадках Прибайкалья // Языки и фольклор народов Севера. — Новосибирск, 1981.
- Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. — М., 1993.
- Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. — М., 1997.
- Скрынникова Т. Д. Белый шаман в центральноазиатской традиции // Этническая культура и современность. — М.; Улан-Удэ, 2002. — Вып. 7.
- Скрынникова Т. Д. Символическое сакральное пространство бурятского фольклора // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. — Иркутск, 2003.
- Смотрова В. И. Находки бронзовых ажурных пластин в Предбайкалье // Проблемы археологии и этнографии Сибири. — Иркутск, 1982.
- Сокровенное сказание монголов. — Улан-Удэ, 1990.

- Солнцева Н. В.** Системы терминов родства в бурятском, калмыцком и языках Юго-Восточной Азии // Калмыки и их соседи в составе Российского государства. — Элиста, 2002.
- Солнцева Н. В., Солнцев В. М.** Гипотеза о древнейшем родстве алтайских языков с некоторыми языками Юго-Восточной Азии // Владимирцовские чтения IV. — М., 2000.
- Соловьев А. И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири. — Новосибирск, 1987.
- Сосновский Г. П.** Архив ИИМК, ф. 42.
- Сосновский Г. П.** Краткий отчет о летней работе археологического отряда Бурят-Монгольской экспедиции Академии наук СССР в 1928 г. // Бурятияведение. — 1928. — № IV (8).
- Сосновский Г. П.** Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. — 1934. — № 7, 8.
- Сосновский Г. П.** Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук СССР в 1928/1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. — М.; Л., 1936. — Т. II.
- Сосновский Г. П.** Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ. — 1941. — Т. I.
- Сосновский Г. П.** Раскопки Ильмовой пади // СА. — 1946. — № VIII.
- Станиловский А. М.** Легенда о Шаманской пещере на острове Ольхон // Изв. ВСОРГО. — 1903. — Т. XXXIV. — Вып. 2.
- Стариков В. С.** Современное положение монголов в южном Китае // Материалы по этнографии. — Л., 1961. — Вып. 1.
- Стариков В. С.** Земледельческие орудия лесостепных районов Восточной Азии (к истории земледелия на Дальнем Востоке): Автореф. дис. канд. ист. наук. — Л., 1966.
- Стариков В. С.** Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. — М., 1967.
- Стариков В. С.** Современная материальная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие: Автореф. дис. д-ра ист. наук. — Л., 1973.
- Стариков В. С.** Из истории возникновения городов в Маньчжурии // Страны и народы Востока. — М., 1976. — Вып. 18.
- Стратанович Г. Г.** Ту (монголы) // Народы Восточной Азии. — М.; Л., 1965.
- Стрелов Е. Д.** К вопросу о доисторическом прошлом якутов (По поводу брошюры проф. Б. Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье») // Саха Кескиле. — 1926. — Вып. 3.
- Стуков.** О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности (по чисто народным легендарным преданиям) // Памятная книжка Иркутской губернии за 1881 г. — Иркутск, 1881.
- Сумьяабаатар Б.** Монгол солонгос туургатны угсаа гарал, хэлний холбооны асуудалд (К вопросу об этно-лингвистических взаимоотношениях предков монголов и корейцев). — Улаанбаатар, 1975.
- Сунь Хун.** Мохэ, бохайцы, чжурчжени // Древняя и средневековая история Восточной Азии. — Владивосток, 2001.
- Сухбаатар Г.** К вопросу об этнической принадлежности хуннов // Проблемы Дальнего Востока. — 1976. — № 1.
- Табалдиев К., Солтобаев О.** Новые сведения о тюркских памятниках Центрального Тянь-Шаня // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1992.
- Талько-Грынцевич Ю. Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. — М., 1900. — Т. I. — Вып. 3.
- Талько-Грынцевич Ю. Д.** Древние обитатели Центральной Азии // Тр. ТКОПОРГО. — М., 1900а. — Т. II. — Вып. 1–2.
- Талько-Грынцевич Ю. Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОПОРГО. — Иркутск, 1902. — Т. III. — Вып. 1.
- Талько-Грынцевич Ю. Д.** Древние памятники Западного Забайкалья // Тр. XII археологического съезда в г. Харькове 1902 г. — М., 1905. — Т. I.
- Талько-Грынцевич Ю. Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. — СПб., 1999.
- Таскин В. С.** Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). — М., 1968. — Вып. 1.
- Таскин В. С.** Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). — М., 1973. — Вып. 2.

- Таскин В. С. Походные лагеря киданьских императоров // Китай. Общество и государство. — М., 1973а.
- Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. — М., 1984.
- Таскин В. С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. — Вып. 3: Мужуны. — М., 1992.
- Тихонов В. М. История Кореи. С древнейших времен до 1876 года. — М., 2003. — Т. 1.
- Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. — Барнаул, 2003.
- Ткачев В. Н. К реконструкции дворца Угэдэя в Каракоруме // Строительство и архитектура. — 1984. — № 8.
- Тодаева Х. Б. Дунсян // Народы Восточной Азии. — М.; Л., 1965.
- Тодаева Х. Б. Баоань // Народы Восточной Азии. — М.; Л., 1965а.
- Төрбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд. — Улаанбаатар, 2003.
- Төрбат Ц. Хуннугийн жирийн иргэдийн булш. — Улаанбаатар, 2004.
- Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. — М., 1987.
- Тупикина С. М. Керамика чжурчжэней Приморья XII — начала XIII в. — Владивосток, 1996.
- Ульчи: Каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН. — Новосибирск, 2004.
- Ушницкий В. В. Происхождение народа саха (по материалам исторических преданий): Автореф. дис. канд. ист. наук. — Якутск, 2004.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966.
- Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири... — СПб., 1774.
- Фольклор Курумчинской долины. — Улан-Удэ, 1999.
- Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. — Алматы, 2002.
- Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). — Улан-Удэ, 1970.
- Хамзина Е. А. Археологические памятники Бурятии. — Улан-Удэ, 1982.
- Хамзина Е. А., Именохоев Н. В. Два шаманских погребения из Кижинги // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. — Новосибирск, 1981.
- Хангалов М. Н. Собр. соч. — Улан-Удэ, 1958. — Т. 1.
- Харинский А. В. Об орнаменте керамического комплекса городища Байкальское I // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992.
- Харинский А. В. «Городища» побережья озера Байкал в железном веке: Автореф. дис. канд. ист. наук. — Новосибирск, 1994.
- Харинский А. В. Лесостепное Предбайкалье в начале II тыс. н. э.: к вопросу о выделении харанцинской культуры // 100 лет гуннской археологии. — Улан-Удэ, 1996. — Т. 1.
- Харинский А. В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. — Иркутск, 2001.
- Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. — сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. — Иркутск, 2001а.
- Харинский А. В. Могильник Цаган-Хушун-II на западном побережье Байкала // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. — Благовещенск, 2003.
- Харинский А. В., Сидорчук М. Л. Погребение на берегу озера Чумбуки // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. — Улан-Удэ, 1998.
- Хомонов М. П. Бурятский героический эпос «Гэсэр». — Улан-Удэ, 1976.
- Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // Изв. Биол.-геогр. ин-та. — Иркутск, 1924. — Т. 1. — Вып. 1.
- Хороших П. П. Материалы по орнаменту северных бурят. 2. Узоры на шитых работах. — Иркутск, 1927.

- Хороших П. П. Древности Кудинских степей // Бурятияведение. — 1929. — № 1, 2.
- Хороших П. П. Отчет об археологических работах в Иркутской области (1956 год). — Архив ИА РАН, Р-1, № 1294.
- Хороших П. П. Следы древнего земледелия в Прибайкалье // Сельское хозяйство Сибири. — 1959. — № 7.
- Худяков Ю. С. Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989.
- Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. — Новосибирск, 1991.
- Худяков Ю. С. Расселение монгольских племен в Центральной Азии в конце I — начале II тысячелетия н. э. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1993.
- Худяков Ю. С. Традиционные элементы в погребальной обрядности коренного населения южной части Минусинской котловины в XVII–XIX вв. // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. — СПб., 1993а. — Ч. 2.
- Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Особенности погребальной обрядности племен сяньбэй (по материалам могильника Лаохэшэнь) // Традиционная культура Востока Азии. — Благовещенск, 2001.
- Цааджин бичиг («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов. 1627–1694 гг. — М., 1998.
- Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. — М., 1970.
- Цыбенев Б. Дагуур угсаатантай тобшо танилсулга // Буряад унэн. Духэриг. — 2005. — № 9.
- Цыбикдоржиев Д. В. Воинский культ Ажарая-бухэ как отражение процессов этногенеза // Монголоведные исследования. — Улан-Удэ, 2003. — Вып. 4.
- Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. — Новосибирск, 1991. — Т. 2.
- Цыбиктаров А. Д. Новые данные по археологии Северного Байкала // Археология. Этнография. Источниковедение: Тез. докл. — Иркутск, 1979.
- Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. — Улан-Удэ, 1998.
- Цыбиктаров А. Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. — Улан-Удэ, 1999.
- Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). — Улан-Удэ, 1999а.
- Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2002. — № 3.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. — Улан-Удэ, 1972.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Заметки об этнических и языковых контактах бурят и эвенков // Языки и фольклор народов Севера. — Новосибирск, 1981.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные как источники по истории бурят. — Улан-Удэ, 2001.
- Цыдендамбаев Ч.-Д. Ц. Доржи, сын Банзара. — М., 1981.
- Цыренов Л. Урданай нургаал заабаринуд // Буряад унэн. Духэриг. — 2003. — 30 октября.
- Чагдунов С. Ш. Происхождение Гэсэриады. — Новосибирск, 1980.
- Чариков А. А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей. — М., 1980.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. — М., 1985.
- Черский И. Д. Предварительный отчет о геологическом исследовании береговой полосы оз. Байкал // Изв. ВСОРГО. — 1880. — Т. 11. — № 1, 2.
- Черский И. Д. Некоторые примечания к описанию Байкала Карлом Риттером // Изв. ВСОРГО. — 1881. — Т. 12. — № 4, 5.

- Чуев Н. И.** Военная мысль в древнем Китае. — М., 1999.
- Шавкунов Э. В.** Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической записи // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. — Владивосток, 1976.
- Шавкунов Э. В.** Локализация гидронима Хэйшуй и проблема этнической принадлежности «амурских чжурчженей» // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке. — Владивосток, 1986.
- Шавкунов Э. В.** Еще раз об этимологии этнонима монгол // Древний и средневековый Восток. — М., 1987.
- Шавкунов Э. В.** Культура чжурчженей-удиге XII, XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. — М., 1990.
- Шавкунов Э. В., Васильев Ю. М.** Покровская культура: проблема датировки и этнической интерпретации // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. — Владивосток, 1989.
- Шавкунов Э. В., Деревянко А. П.** Народы советского Дальнего Востока во второй половине I тыс. н. э. // Материалы по древней истории Сибири. — Улан-Удэ, 1964.
- Шагдаржав Б.** Заян Наво дуу юу огуулнэ вэ? // Буриад-монголчуудын угсаа-туухийн зарим асуудал. — Улаанбаатар, 2000.
- Шнирельман В. А.** Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). — М., 1980.
- Шубин А. С.** Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). — Улан-Удэ, 1973.
- Щербак А. М.** Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961.
- Щербак А. М.** О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // ВЯ. — 1966. — № 3.
- Щербак А. М.** Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — СПб., 1994.
- Щербак А. М.** Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). — СПб., 1997.
- Шукин Н. С.** Поездка в Якутск. — СПб., 1844.
- Шукин Н. С.** Балаганская пещера // ЖМВД. — 1848. — Т. 24.
- Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии.** — Новосибирск, 1993.
- Этнические процессы и традиционная культура.** — М.; Улан-Удэ, 2005 (Сибирь, этносы и культуры. Вып. 9).
- Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века.** — Новосибирск, 1989.
- Эрдэнэбаатар Д.** Монгол нутгийн дорволжийн булш, хиригсуурийн соёл. — Улаанбаатар, 2002.
- Эрдэнэбат У., Төрбат Ц., Амартувшин Ч.** Монголчуудын гахай шүтлэгийн тухай асуудалд // Studia Ethnologica. — 2001. — Т. 1, f. 10.
- Якунина Л. И.** Женский образ в косторезном искусстве якутов и «каменная баба» ГИМа // Сб. науч. ст. ЯРКМ. — Якутск, 1960. — Вып. 3.
- Яремчук О. А.** Особенности погребального обряда населения Восточного Забайкалья в хунно-сяньбийскую эпоху // Забайкалье в геополитике России. — Улан-Удэ, 2003.
- Clauson B.** Philology and archaeology // Antiquity. — 1973. — XLII.
- Comparative Studies of the Tombs of Ancient Tungus.** — Tohoku University, 2003.
- Dashibalov B.** Ancient mongols in Geseriad // Nomads and use of Pastures today. — Ulaanbaatar, 2000.
- Dashibalov B.** On the ancient pig-breeding among the Mongols // Intern. Fifth symp. of Asian folklore. — Ulaanbaatar, 2002.
- Dashibalov B., Sanzhieva T.** To the Altai Problem (Mongol-Tungus Community) // The First Intern. Conf. on Manchu Language and Culture. — Hailar, 2004.
- Feng Enxue.** The Chariots on the Wall Painting of the Tombs in the Liao Dynasty // Collected works for the Tenth anniversary of the archaeology department of Jilin University. — Jilin University, 1998.
- Kuzmin Y.** Early Agriculture in Primorye, Russian Far East: New Radiocarbon and Pollen Data from Late Neolithic Sites // J. of Archaeological Science. — 1998, 25.

Shuicheng Li. The Interaction between Northwest China and Central Asia During the Second Millennium BC: an Archaeological Perspective // Ancient interactions: east and west in Eurasia. — Cambridge, 2000.

Tamura J. The Legend of Origin of the Mongols and Problem concerning Their Migration // Acta Asiatica. — Tokyo, 1973. — № 24.

Tian Likun. The Comparison between Three Yans Cultures and the Archaeological Remains of Gaogoliao // Collected works for the Tenth anniversary of the archaeology department of Jilin University. — Jilin University, 1998.

Toshio Hayashi. Stone Statues in Mongolia. — 1996.

Umehara S. Studies of Noin-Ula finds in North Mongolia. — Tokio, 1960.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион

БГУ — Бурятский государственный университет

БКНИИ — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт

ВГО — Всесоюзное географическое общество

ВЯ — Вопросы языкознания

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГИМ — Государственный исторический музей

ГИН — Геологический институт

ГЭ — Государственный Эрмитаж

ДВО — Дальневосточное отделение

ИИМК — Институт истории материальной культуры

ИМБиТ — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

ИОКМ — Иркутский областной краеведческий музей

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАЭ — Музей антропологии и этнографии

МГУ — Московский государственный университет

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

СА — Советская археология

СЭ — Советская этнография

ТИЭ — Труды Института этнографии

ТКАЭЭ — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция

ТКОПОРГО — Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества

ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ТОИПК ГЭ — Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа

ЯРКМ — Якутский республиканский краеведческий музей

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Историография и проблематика исследования.....	7
1. Вопросы монголизации Юго-Восточной Сибири.....	7
2. О средневековых тюрках (Прибайкалье в теории южного происхождения якутов)	12
3. Монгольские города и оседлость в Юго-Восточной Сибири	17
Глава II. К проблеме культурогенеза и этногенеза древних монголов и тюрков	24
1. Данные языкознания, этнографические материалы, свидетельства средневековых и древних авторов по истории и культуре монголов и тюрков	24
2. Археология и вопросы формирования древних монголов (роль ирано-тюркских культур).....	31
3. Центры раннего монгольского культурогенеза и этногенеза	47
Глава III. Этнокультурное взаимодействие населения Юго-Восточной Сибири в эпоху ранне-го средневековья	50
1. Ранние монголы в Юго-Восточной Сибири	50
2. Курумчинская культура Прибайкалья – археологические и исторические итоги изучения.....	58
3. Хори-монголы (к этнической атрибуции курумчинской культуры)	75
4. Ранние тюрки в Юго-Восточной Сибири.....	86
Глава IV. Народы Юго-Восточной Сибири в эпоху развитого средневековья	100
1. Археологические памятники хори-монголов Прибайкалья	100
2. Среднеазиатские торговые фактории XIII–XIV вв.	112
3. Культура кочевников Юго-Восточной Сибири.....	116
4. Самодийцы в Юго-Восточной Сибири (лесной компонент).....	130
Глава V. Юго-Восточная Сибирь в эпоху позднего средневековья.....	137
1. Этноархеология Юго-Восточной Сибири.....	137
2. Тюркские и монгольские компоненты в культурогенезе и этногенезе бурят	157
3. Вопросы культурогенеза бурятского хозяйства и быта.....	166
Заключение	178
Архивный материал и литература.....	183
Список сокращений.....	200

Дашибалов Баир Бальжинимаевич

**На монголо-тюркском
пограничье
(Этнокультурные процессы
в Юго-Восточной Сибири
в средние века)**

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Редактор *С. С. Золтоева*

Художник *Д. Т. Олов*

Корректор *Г. В. Кашина*

Верстка и макетирование *О. Ю. Горобец, Н. Д. Жамбаева*

Подписано в печать 19.08.2005 г. Формат 60×84 1/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 23,71. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 300. Заказ № 76.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.